

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях.

Уважаемый читатель!

Если вы скопируете данный файл,

Вы должны незамедлительно удалить его сразу после ознакомления с содержанием.

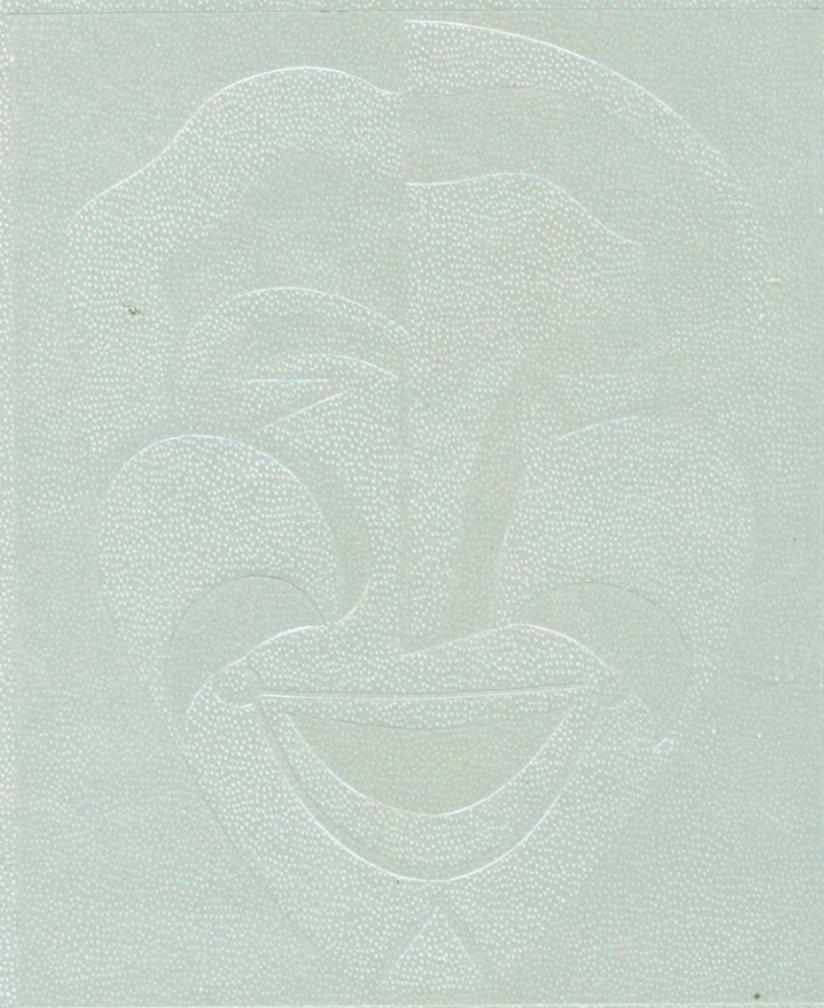
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему международному законодательству .

Все авторские права на данный файл сохраняются за правообладателем.

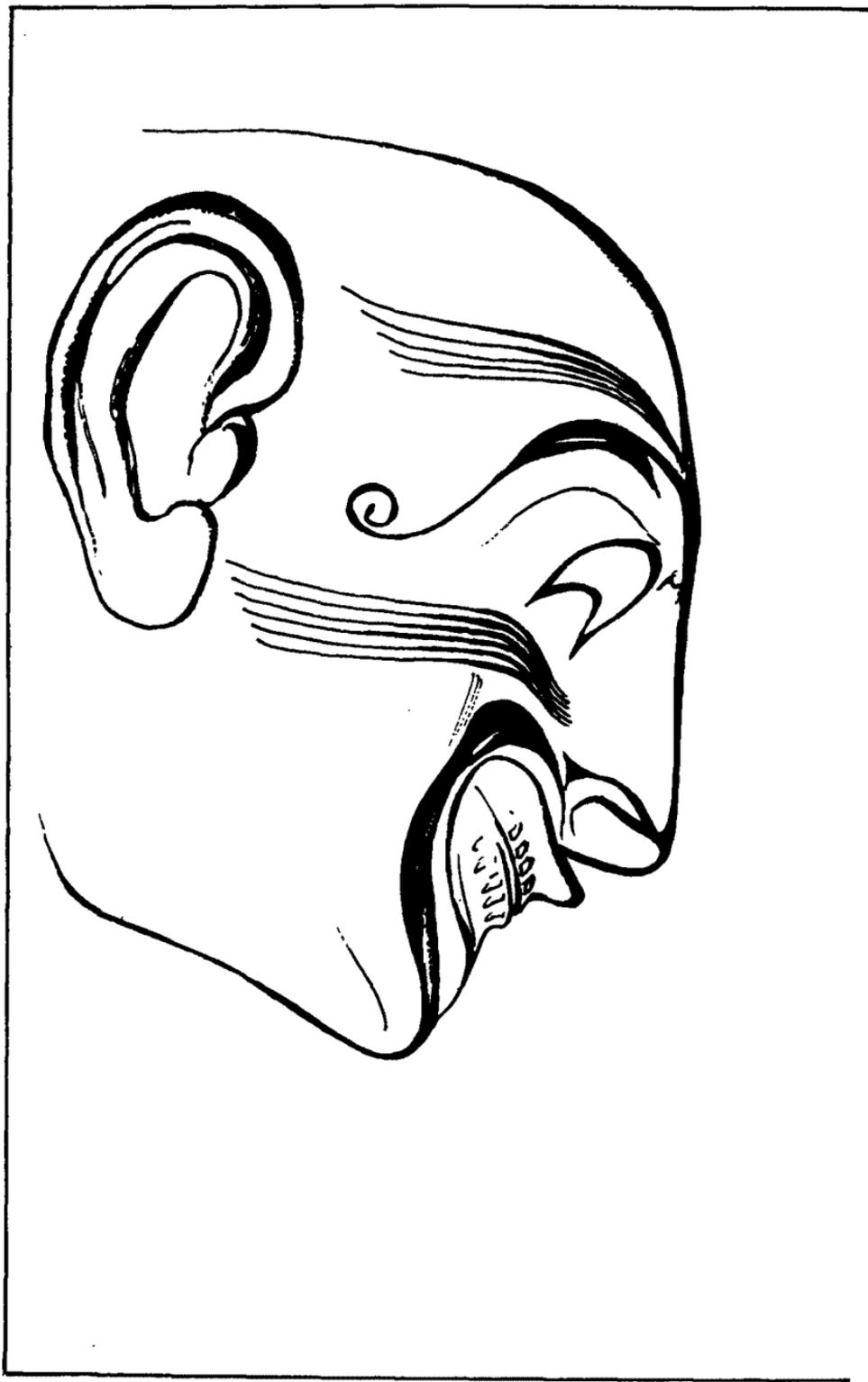
Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует никакой коммерческой выгоды. Но такие документы способствуют быстрейшему профессиональному и духовному росту читателей и являются рекламой бумажных изданий таких документов.

ВСЕМИРНОЕ

ОСТРОУМНЫЕ

Tyulemissov Madi مەدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

ВСЕМІРНОЕ ОСТРОУМІЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗРЕЧЕНІЙ, МЪТКИХЪ МЫСЛЕЙ,
ОСТРЫХЪ СЛОВЪ

И

АНЕКДОТОВЪ

ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П.О.Пантелѣва, Верейская, 16

1903.

СБЕРБАНК
ДУБНЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**Настоящее издание осуществлено
при Финансовой поддержке Дубненского
отделения №7816 Сбербанка России.**

ВСЕМИРНОЕ ОСТРОУМИЕ

СБОРНИК
изречений, метких мыслей, острых слов
И
АНЕКДОТОВ
ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Издательский центр "Феникс"
Дубна
1995

"Всемирное остроумие". Сборник изречений, метких мыслей, острых слов и анекдотов всех времен и народов./Оформление художника А.В.Куманькова - Дубна: Издательский центр "Феникс", 1995,-384с.

Эта книга - библиографическая редкость. Она представляет собой пеструю мозаику остроумных шуток, метких мыслей, удачных реплик - подлинных образцов игры человеческого ума, - принадлежащих знаменитым и безвестным людям разных эпох и народов.

Для самого широкого круга читателей.

Текст печатается по изданию: "Всемирное остроумие", С.-Петербург, типография П.Ф.Пантелеева, 1903г.

В $\frac{4702010204-11}{9Ю8(03)-95}$ Без объяв.

ISBN 5-87905-19-X

- © Состав,
Оригинал-макет
Издательский центр "Феникс"
- © Оформление
художника А.В.Куманькова

УЛЫБКИ ВЕКОВ И НАРОДОВ

(Об этой книге)

Веселая и мудрая книга, которую вы сейчас держите в руках, впервые увидела свет около ста лет назад. Но, как и любое хорошее издание, она оказалась неподвластным времени. “Юмор, - утверждал Л.Н.Толстой, - большая сила. Ничто так не сближает людей, как хороший смех”.

Уже сразу после публикации в 1903 году “Всемирное остроумие” приобрело широкую популярность и стало библиографической редкостью. Читателей привлекло в ней обилие имен знаменитостей, встреча с которыми через века после их ухода из жизни волнует и радует нас. В самом деле, разве не лестно иметь своим, пусть незримым собеседником великого оратора древности Цицерона или не менее славного философа Платона, Наполеона Бонапарта или Александра Македонского, наших бессмертных соотечественников Александра Суворова, Ивана Крылова, Николая Гоголя... Помимо того, что каждый из них прославился своими деяниями, они отличались еще и остроумием, веселым нравом, находчивостью в беседах, в повседневном общении с окружающими людьми. Про остроумие А.С.Пушкина, например, еще при его жизни ходили легенды...

Собрание острот и шуток этих и многих других знаменитостей в одном томе - явление, признайте, весьма редкое. Они, эти великие, как бы состязаются между собой в искусстве быть каламбуристами, пересмешниками, остряками, доставляя тем самым огромное наслаждение.

Да, теперь мы потешаемся над их забавными анекдотами, изречениями, шутками. Но в дни, когда эти перлы впервые выдавались “на гора”, у многих они вызывали далеко не радостные улыбки или беззаботный смех. Они клеймили дураков и бездарей, высмеивали заносчивость и ханжество, низкопоклонство и алчность, бездушие и чванство (пороки, от которых мы не избавились до сих пор). Смех порою бывал беспощадно разителен. Но он не только бичевал, - он также *излечивал* общество от разъедавших его пороков.

Вспомним приведенную в этой книге “автобиографическую” остроту А.В.Суворова. Как-то, упомянув о своих ранениях, полководец заметил: “У меня семь ран, но из них только две я получил в бою, а пять при дворе, и эти пять куда мучительнее боевых”. Лаконичнее и ярче не скажешь о придворных интриганах екатерининских времен!

Внимательный читатель обнаружит в книге многообразие жанров сатирических и юмористических миниатюр. Тут и подлинный исторический эпизод из жизни царя Филиппа (отца Александра Македонского). Когда Филиппу донесли, что греки, которым он сделал много добра, всячески поносят его, он сказал: “Ну а если бы я с ними был немилостив, тогда что же было бы?”. Тут и стихотворные экспромты вроде двустишия Д.Минаева в ответ на замечание, что он слишком тощий с виду:

От харчей журнала “Дело”

И не так спадешь, брат, с тела!

Немало и метких ответов на реплики собеседников. Когда, например, философа Г.Сковороду спросили, почему он так смугл лицом, он запросто ответил: “Когда ж сковорода бывает белая?” Много приводится и безымянных, но не лишенных остроумия и общественной значимости анекдотов, начинающихся со слов: “Какой-то господин...”, “Один член палаты...”, “Старый солдат...”. Но читаются они с не меньшим интересом.

Достоинством этой книги надо считать и то, что она впитала в себя поистине всемирное остроумие, охватывающее тысячелетия человеческой истории и обширную географию - от Древней Греции и Древнего Рима до Европы начала XX века. Вызывает интерес и редко публикуемые у нас образцы остроумия Востока - Китая, Индии, Турции. А ведь у кого много, как не у народов этих стран, возникли бессмертные образы Ходжи Насреддина, Бу Адама, Бирбала и многих других остроумцев и насмешников. Одних Насреддинов бывало более десятка: Несреддин персидский, Насреддин турецкий, Насреддин уйгурский...

Когда людям живется особенно тяжело, переносить трудности им помогает смех. Не случайно за последние годы у

нас в стране все чаще стали выходить книги анекдотов, сатирические сборники. Растет число юмористических газет и журналов. Переиздаются старые, прошедшие испытание временем “веселые” произведения. Но в их ряду “Всемирное остроумие” займет далеко не последнее место. Это издание доставит вам немало приятных часов, напомнит, над чем смеялись наши предки. Уверен, если вам удастся приобрести эту книгу, вы ни за что с ней не расстанетесь.

Александр Чистяков.

От издательства.

Мы выражаем особую признательность Александру Федоровичу Чистякову за любезно предоставленную возможность воспользоваться книгой из его библиотеки с тем, чтобы она почти через сто лет после своего первого издания вновь обрела своего Читателя.

Текст выправлен в соответствии с нормами современной русской орфографии, добавлены некоторые поясняющие комментарии.

*"...человечеству
свойственно смеяться".*

(Франсуа Рабле).

*"Все жанры хороши,
кроме скучного".*

(Франсуа Мари Вольтер).

*"Юмор - это в конце
концов разум".*

(Жюль Ренар).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Известный остроумец и воитель принц де-Линь говорил, что только одна глупость заставляет людей смеяться.

Такие слова очень странно было слышать от остряка и балагура, который постоянно видел вокруг себя людей, покатывавшихся со смеха вовсе не от глупостей, которые он говорил. Люди смеются над вещами, в которых именно отсутствие глупости резко подчеркивается самим их названием; эти вещи называются *остроумными* именно потому, что требуется особая острота ума, почти особый врожденный талант для того, чтобы быстро обдумывать и создавать такие вещи в нужный момент; и далеко не всякому дан этот дар природы, дар быстрого и умного ответа, “дух отповеди” - *esprit de repartie*, как его называют французы.

Острота ума, выражающаяся в быстром, ловком, полном меткого намека ответе, так высоко ценится, имеет такой обширный круг любителей, что только этим и можно объяснить существование у всех цивилизованных народов целой литературы, посвященной остроумию. Мы из любопытства заглянули в “Систематический каталог русских книг”, издаваемый г-м Венгеровым, и там под словом “анекдот” нашли целую страницу, занятую списком всевозможных “сборников”, посвященных одному только незабвенному шуту Петра Великого - Балакиреву.

Остроумные слова давно уже систематизированы любителями. Французы, например, различают несколько форм “игры” словами: каламбур (игра значением слов), приложение (*application*), то есть перенесение на данное событие какого-нибудь общеизвестного текста, например, из Библии, красное слово (*bon mot*), какофонию, т.е. смешное созвучие

слов, двусмысленность (equivoque); выходку (facetié, saillie), гасконаду, т.е. специально гасконскую выходку, наивность, глупость, злую и грубую шутку (quolibet), тюрлюпинаду, под которой понимается перестановка слогов в многосложных словах, и т.д. Скажем здесь несколько слов о происхождении двух из этих терминов - каламбура и тюрлюпинады, так как остальные представляют собой обыкновенные слова в их настоящем значении.

О происхождении слова *каламбур* шли бесконечные споры. Производили его от какого-то немецкого графа Калемберга; далее от итальянских слов *calamojo* (чернильница) и *bugiare* (шутить). Честь открытия истинного происхождения этого слова принадлежит известному французскому драматургу Сарду; открыл же он корень этого слова в одном рукописном сборнике, составленном драматургом Фюзелье, жившим в XVIII столетии. Этот Фюзелье одно время был постоянным гостем, а быть может, и домашним человеком у главного сборщика податей Мареля, большого охотника до песен, пения и веселой компании. У него то и дело пировали веселые застольники, почти все добрые певуны, кроме одного толстого аббата, по имени Шерье. Этот злополучный патер был обижен природой, которая не дала ему ни капли стихотворного таланта, да вдобавок и голоса, так что он в этой поющей компании один только вечно безмолвствовал, терпеливо снося за это насмешки застольников и собутыльников. И вот однажды (у Фюзелье даже записан день этого события - день рождения на свет каламбура - 26-го февраля 1720 г.) к нему так пристали, что он, чтобы отвязаться, объявил, что сочинил песню и сейчас ее споет. Он начал петь, конечно, ужасно робея, своим невозможным голосом. Но первые же слова его песни возбудили общий хохот. И в самом деле, эти слова: "Pleurons tous en ce jour", т.е. будем все плакать в сей день, как нельзя более не подходили к настроению гостей. Но когда раздалась вторая строфа песни: "Du bois de calambour", (т.е. о каламбуровом дереве), - неистовый хохот пресек дальнейшее пение. Бедный патер, как человек совсем не искусный в стихотворчестве и, по-видимому, весьма недалекого ума, подобрал первые попавшиеся слова, лишь бы было в рифму,

считая, быть может, что кроме рифмы от стиха ничего и не требуется. Но что это за каламбуровое дерево, спросят читатели, без сомнения, о нем никогда не слыхавшие. И в самом деле в нынешних ботаниках, даже весьма обширных и притом специально-прикладных, где описаны всякие поделочные деревья, о каламбуре не найти ни слова. Но откроем, например, хотя бы “Ботанический подробный словарь или травник, сочиненный Андреем Мейером”, изданный в Москве в 1783 году, и там, во 2-ой части, на стр. 18-ой, мы находим слово *calambour* и при нем нижеследующее описание:

“Каламбур или орлиное дерево есть зеленое и приятный запах имеющее драгоценное дерево, привозимое из Индии большими кусками. Оно употребляется на разную лепную работу, на делание четок, также и брадобреями для придания хорошего запаха той воде, которою бреют. Оно содержит в себе много масла и соли, укрепляет мозг, но в медицине редко употребляется. В аптеках оно редко имеется”.

Из этого можно видеть, что каламбуровое дерево действительно существовало, и аббат-песнопевец хорошо знал о нем, равно как и его компаньоны. Впечатление от его песенки вышло чрезвычайное, и этот нелепый “каламбур”, конечно, сейчас же стали передавать из уст в уста. Фюзелье упоминает о том, что “это слово обратилось в поговорку”. Самого автора, патера Шерье, начали с этих пор звать “каламбуровым аббатом”, - отсюда и пошел каламбур.

Что касается *тюрюпинады*, то она идет просто-напросто от имени знаменитого парижского уличного комедианта Тюрюпина, смешившего чернь своими выходками, основанными, главным образом, на двусмысленностях и какофониях. Люди с более или менее облагороженным вкусом отнюдь не одобряли этого рода площадных острот, и не потому, собственно, что от них припахивало улицу, а потому, что они были вовсе не остроумны или, по крайней мере, более глупы, чем острые. В одном старинном французском сборнике анекдотов приведены примеры тюрюпинад, скоро преданных забвению. Но в свое время были большие любители этих острот даже среди высшего общества. Их любил, например, принц Кондэ, а из великосветских мастеров по этой части

славился некто Арманьяк. Вот пример тюрлюпинад, которыми услаждались эти двое лиц, очевидно, находивших какой-то смысл и вкус в этой игре ума. "Почему, - говорит Арманьяк, обращаясь к принцу, - почему говорят *quet-à-pens*, а не говорят *quet-à-dinde*? Дело в том, что в слове *quet-à-pens* (ловушка) вопрошающий под *pens* подразумевает раоп-павлин; во втором же слове *dinde* - значит индюк. Выходит нечто вроде того, как если бы по-русски сострить так: "почему говорят западня (подразумевая запад дня), а не восток ночи?"

Французы - люди со вкусом, люди понимающие и ценящие истинное остроумие, не увлеклись тюрлюпинадами, и у них они скоро были забыты. Но в последние годы, к великому огорчению и даже стыду нашему, у нас в России обнаружился удивительный вкус к этим жалким остроумам. Л.Н.Толстой подметил эту страсть и заклеил ее в своих "Плодах просвещения". И в самом деле, эта игра ума запечатлена не только печатью тупости, но и некоторого бездельничества, что, между прочим, явно отмечено и у Л.Н.Толстого. А между тем, сколь это ни удивительно, тюрлюпинадам отводится место даже в газетах. Иной усердный любитель этой гимнастики остроумия может довести человека с тонким вкусом чуть не до истерики.

Наша задача состоит в том, чтобы свести в этой книжке остроумные изречения, меткие мысли, острые слова и выходы, оставшиеся в памяти людей в наследие от царей, вельмож, вонтелей, ученых, мудрецов, художников, вообще ото всех выдающихся людей. Мы не можем обещать читателям систематического свода, с особо строгим и заранее условленным выбором материала. В нашу книгу войдет все, что нам покажется запечатленным тем особым духом умственной остроты, что так привлекательно действует на всех, заставляет и смеяться, и отдавать справедливость уму и находчивости. Мы, конечно, будем, по возможности, отличать умное и мудрое в строгом смысле от остроумного. Пословицы недаром зовутся народною мудростью, но они в наш сборник входить не могут именно потому, что между умом и остроумием есть для каждого понятная разница. Но зато нам позволительно будет воспользоваться народными байками, присказками, анек-

дотами, потому что они такой же плод остроумия, как и ловкий каламбур какого-нибудь де-Биевра¹⁾, только плод не личного остроумия, а сборного, всенародного.

Для того, чтобы в книге был хоть какой-нибудь внешний порядок, мы будем придерживаться исторической последовательности. Начнем с древне-классического мира, затем перейдем к средним векам и закончим новыми и новейшими временами. В конце книги будет приведен подбор восточных анекдотов, по возможности таких, которые живо рисуют не только качества восточного остроумия, но также служат отголосками быта и нравов.

¹⁾ де-Биевр (1747-89) (de Bièvre) - маркиз, французский писатель, известный остроумец и каламбурист (здесь и далее прим. ред.)

Древне - классический мир.

В длинном ряду римских кесарей особенною склонностью к красному слову отличался император Октавиан Август, племянник Юлия Цезаря. Он и сам охотно острил, и любил острословие других, причем иногда безропотно терпел выходки, направленные против его собственной особы.

Так, однажды, встретив какого-то приезжего юношу, который чрезвычайно походил на него по наружности, Август, пораженный этим сходством, спросил у своего двойника: не бывала ли, дескать, твоя мать в Риме? - намекая при этом, разумеется, на то, что она могла быть известною его отцу... Сметливый и остроумный юноша тотчас понял ловушку и отвечал, что мать его в Риме не бывала, но вот отец бывал частенько.

Впрочем, не все были так смелы, как этот юноша. Когда Август сочинил на Поллиона¹⁾ очень злую эпиграмму, тот побоялся отвечать. Лучше, дескать, промолчать, нежели задевать того, кто может, в случае охоты, отрубить голову за дерзость.

Кто-то однажды позвал Августа на обед, но приготовил угощение совсем уж не кесарское, а самое обыденное, словно принимал у себя первого встречного знакомого. Цезарь на прощание сказал ему: "Я и не думал, что мы с тобой так коротко знакомы!"

После смерти одного знатного римлянина, который был обременен ужасными долгами, Август отдал неожиданный приказ - приобрести для него подушку, на которой спал покойный. Конечно, услышавшие о таком распоряжении не утерпели, чтобы не спросить, какими оно вызвано соображениями. "Очень любопытно, - объяснил Август, - владеть этой

¹⁾Полион, Гай Азиний (76 до н.э. - 4 н.э.) - римский полководец, государственный деятель, писатель, воевал на стороне Антония в гражданской войне.

подушкой, на которой человек мог спокойно спать, имея на шее столько долгов”.

Один сановник, крепко страдавший подагрой, все бодрился и уверял, что ему становится день ото дня лучше, хотя на самом деле было наоборот. Один раз он хвастливо утверждал, что в тот день прошел пешком целую стадию. “Что ж удивительного, - заметил Август, - теперь дни становятся все длиннее”.

Август охотно сочинял разные вещи и, между прочим, написал трагедию “Аякс”, но она ему не понравилась и он ее стер губкою с таблиц, на которых она была написана. Когда кто-то спросил у него об его “Аяксе”, он отвечал: “Мой Аякс умертвил себя, бросившись на губку”, - намек на обычный у римлян способ самоубийства: падать на меч.

Поэт Пакувий, большой попрошайка, однажды выпрашивал у Августа денежную подачку и при этом упомянул, что, мол, все уже давно болтают о том, что цезарь награждал Пакувия. “Это вздорные слухи, ты им не верь”, - ответил Август.

В другой раз какому-то военному, который просил награды и при этом уверял, что ему не дороги деньги, а дорого то, чтобы все знали, что он взыскан милостью императора, Август сказал: “Ты можешь всем рассказывать, что я тебя наградил, а я не стану противоречить”.

Фракийский царь Риметакл изменил Антонию и перешел к Августу. Когда впоследствии он вздумал этим хвастаться, Август сказал про него: “Измену иногда приходится терпеть, но изменников я не терплю”.

Желая польстить Августу, жители одного города донесли ему, что на жертвеннике, который у них поставлен в храме в честь кесаря, выросла пальма. “Из этого видно, - заметил Август, - что вы не очень-то часто возжигаете огонь на моем жертвеннике”.

Сохранилось также немало рассказов из семейной жизни Августа. Так, Макробий¹⁾ пишет, что его дочь Юлия одна-

¹⁾ Макробий, Амвросий Феодосий - римский грамматик и философ, живший в начале 5 в. н.э. До нас дошли “Сатурналии” - компиляция “Аттических ночей” Авла Геллия.

жды предстала перед ним в слишком открытом костюме, что не понравилось ему. На другой день она была уже в другом, более скромном одеянии, и Август сейчас же заметил ей, что такая одежда гораздо более пристала дочери кесаря. Юлия нашлась и отвечала, что накануне она была одета для мужа, а теперь для отца.

В другой раз, войдя к дочери в то время, когда рабыни одевали ее, он увидел на ее одеждах седые волосы; она начала уже сесть и приказывала своим женщинам тщательно вырывать у нее каждый седой волос. Август спросил ее:

- Скажи, что ты предпочла бы: быть седой или быть лысой?

Юлия отвечала, что лучше желала бы поседеть.

- Так зачем же ты позволяешь своим служанкам делать тебя лысою, вырывая твои волосы?

Очень остроумна проделка одного греческого поэта, поднесшего Августу свои стихи. Август все не принимал его стихов и не награждал его, и так повторилось много раз. Однажды, в ответ на новое подношение, Август быстро написал сам небольшой стишок на греческом языке и подал его поэту. Тот сейчас же прочитал произведение кесаря и стал громко восхвалять его, а потом подошел к Августу и, подавая ему несколько монеток, сказал: "Прости, государь, дал бы больше, да не имею". Выходка, насмешившая всех присутствовавших, понравилась и кесарю, который выдал греку крупную денежную награду.

Какого-то старого отставного воина за что-то тянули к суду и он умолял Августа помочь ему. Кесарь назначил ему искусного защитника. Но старый солдат заметил, что когда надо было защищать кесаря, то он самолично шел в бой, а никого не посылал вместо себя. Август так убоился показать себя неблагодарным, что принял на себя лично защиту своего старого служаки в суде, и, как нам представляется, выиграл дело.

Но к нему самому люди часто бывали неблагодарны. Однажды он уплатил долги кого-то из своих друзей, даже не дожидаясь, чтобы тот его попросил об этом. А тот, взамен благодарности, послал ему упрек в том, что, дескать, заимо-

давцы мои получили деньги, а мне-то самому тут что досталось?

Кто-то из военных однажды так нехорошо себя вел во время похода, что Август на него разгневался и приказал ему вернуться домой. Провинившийся пришел в ужас и стал молить о прощении. “Что я скажу своим, чем оправдаю свое возвращение домой?” - “Скажи, что ты остался мною доволен”, - посоветовал ему Август.

Однажды, присутствуя на каком-то общественном зрелище, Август увидал знатного человека, который без стеснения закусывал на глазах у публики. Кесарь велел ему сказать, что : “Когда я хочу есть, то ухожу домой”. - “Хорошо ему разговаривать, - отвечал тот, - его место в цирке за ним остается, когда он уйдет, а я свое потеряю”.

Из других римских кесарей можно указать не много остроумцев. Кое-какие, хотя и немногие острые слова приписываются Юлию Цезарю, Веспасиану, Диоклетиану, Галлиену.

Юлий Цезарь будто бы сказал какому-то воину, хваставшемуся своими подвигами и, между прочим, полученною им раною в рот: “Когда бежишь с поля битвы, никогда не надо оглядываться”. Впрочем, эта остроота приписывается также и Октавиану.

Однажды, видя какого-то оратора, который произнося речь, все качался со стороны на сторону, Цезарь пошутил, что этот человек, должно быть, стоит не на трибуне, а на корабле во время качки.

Угрожая смертью Метеллу, стороннику Помпея, Цезарь говорил ему: “Помни, что для меня труднее сказать, нежели сделать”.

Другие его знаменитые слова: “Жребий брошен”, “Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме”, и пр. блещут уже вовсе не остроумием в строгом смысле слова.

Веспасиан сказал кому-то, ругавшему его неприличными словами, что он “не убивает собак, которые на него лают”.

Сын Веспасиана, Тит, высказывал отцу неудовольствие по поводу налога, которым он обложил публичные места для отправления естественных нужд. Веспасиан будто бы подал

сыну монету и спросил его, чем она пахнет, и на его отрицательный ответ сказал ему: “Видишь, ничем не пахнут, а между тем, взяты с ...”. Выходка для кесаря неподходящая. Это именно остроумие того типа, который французы называют *quolibet*.

Незадолго до смерти, уже чувствуя ее приближение, Веспасиан все еще не упускает случая пошутить. Намекая на существующий у римлян обычай объявлять своих императоров после их смерти божествами, он говорил: “Должно быть, скоро я сделаюсь богом”.

Адриана какой-то человек, уже седеющий, просил о какой-то милости. Адриан отказал ему. Тогда проситель покрасил себе волосы и вновь стал докучать кесарю. “Но меня уж просил об этом твой отец, - сострил Адриан, - и я ему отказал”.

Однажды тот же Адриан дал нищему денег на покупку приспособления, соответствующего нашей мочалке, которым римляне в банях чистили себе тело. В другой раз его осаждала уже целая толпа нищих, клянчивших у него подачки на ту же мочалку. “Обойдетесь и так, - отвечал Адриан, - потритесь друг о друга”.

Про Галлиена рассказывают, что он однажды награбил победительским венком какого-то гладиатора, который нанес быку двенадцать ударов, прежде чем поразил его насмерть. В публике поднялся ропот, но Галлиен объявил, что считает это подвигом, потому что “столько раз дать промах по быку - дело не легкое”.

Диоклетиану было предсказано, что он вступит на трон после того, как убьет кабана, и он, поверив этому, вел необычайно ожесточенную охоту на кабанов. Но в кесари вместо него все проскакивали другие. Тогда он сказал: “Кабанов-то убиваю я, а кушают-то их другие”.

Царь Филипп, отец Александра Македонского, отличался большим остроумием и ему приписывается немало метких слов.

Однажды ему донесли, что греки, которым он оказал множество благодеяний, всячески поносят его. “Ну, а если б я

с ними был немилостив, тогда что же было бы?"

Когда ему донесли про какую-то крепость, которую ему предстояло взять приступом, что она совершенно неприступна, он воскликнул: "Как неприступна? Неужели неприступна даже для осла, нагруженного золотом?" Очень ловкое словечко, напоминающее многие позднейшие случаи, когда крепости, по стоустой молве, открывались "золотыми" ключами.

Он чрезвычайно легко и охотно засыпал, как кажется, будучи обязан этой легкостью сна своей склонности к выпивке. Из-за этого с ним были прелюбопытные казусы. Однажды, например, он, слушая какое-то дело, по обыкновению уснул и не слышал, что говорил подсудимый в свое оправдание, а потом все-таки постановил обвинительный приговор. Подсудимый объявил, что будет жаловаться. "Кому?" - вскричал раздраженный царь. "Да тебе же, царь, коли не будешь в это время спать". Человек в сущности добрый и честный, Филипп устыдился и, пересмотрев дело, решил его в пользу обиженного.

В другой раз он тоже крепко спал, когда к нему явились по делу какие-то греки, поднявшие от нетерпения шум у его дверей. Один из приближенных сказал им: "Теперь Филипп спит, но зато, когда вы спите, так он не спит".

Кроме сонливости он, кажется, еще был подвержен лени. Одна старуха долго приставала к нему, чтобы он рассмотрел ее дело, а он все отказывался, что ему некогда. "Коли так, откажись от престола!" - воскликнула выведенная из терпения просительница. И опять добрый Филипп смиренно сознал, что старуха права, и уважил ее просьбу.

Александр Македонский является героем великого множества анекдотов и народных сказаний Востока, но от него самого осталось немного слов, в строгом смысле остроумных. Рассказывают, однако же, что раз, когда во время ссоры с сильно выпившим отцом он раздражил Филиппа, и тот, не сознавая, что делает, бросился на сына с обнаженным мечом, но, по счастью, был подкошен хмелем и, свалившись, тут же,

по обыкновению, захрапел, Александр сказал: “Ведь вот человек: все толкует о том, что пройдет из Европы в Азию, а сам не может пройти от стула до стула”.

Когда друг Александра, Перилл, выдавал замуж своих дочерей, Александр подарил ему, на приданое дочкам, пятьдесят талантов (полмиллиона рублей). Скромный Перилл сказал при этом, что с него будет довольно и десяти талантов. “Для тебя получить, пожалуй, этого достаточно, - заметил Александр, - но для меня столько дать тебе - недостаточно”.

Перед одним большим сражением Александру докладывают, что его солдаты пришли в весьма подозрительное и неблагонадежное настроение, что они все сговариваются грабить и брать награбленное себе, не отдавая ничего в казну. “Отличные вести, - решил Александр, - так сговариваться перед битвою могут только воины, уверенные в победе”.

Македонский царь Архелай, как гласит предание, на вопрос одного славившегося своею несносною болтливостью брадобрея: как он прикажет себя выбрить? - отвечал: “Молча”. Эта выходка потом приписывалась то англичанину, то разным знаменитостям и вообще широко использовалась в анекдотической литературе.

Спартанский царь Агезилай, на вопрос: далеко ли простираются владения Спарты? - отвечал, показывая свое копье: “Докуда достанет это копье”.

На персидских монетах времен Артаксеркса было отчеканено изображение воина-стрелка. Артаксеркс, затеяв войну с Грецией, щедро раздавал свои деньги направо и налево и ему удалось переманить на свою сторону путем подкупа почти все греческие области, кроме Спарты, против которой, таким образом, и составилась большой военный союз. Спартанцы поспешили отозвать домой своего царя Агезилая, который, отправляясь в путь, сострил, намекая на персидские монеты, что его гонят из Азии двадцать тысяч стрелков царя персидского.

Другой спартанский же царь Агис, выслушав однажды длиннейшую речь какого-то посла, на вопрос последнего, что он передаст от Агиса своим соотечественникам? - отвечал: "Скажи, что я все время тебя слушал со вниманием", - ответ вполне достойный спартанцев, которые презирали краснобайство и славились своим лаконизмом.

Тот же царь Агис, будучи посланником в Македонии, предстал перед царем Филиппом без свиты, один. На удивленный вопрос последнего: "Разве ты один?", он отвечал: "Ведь и ты один, и я с тобою одним буду говорить".

Фракийский царь Лизимах должен был сдаться своему врагу исключительно из-за мучившей его жажды, и когда ему подали напиток, он воскликнул: "Вот награда за то, что я из царя стал рабом!"

У царя Антигона какой-то философ-циник просил драхму. Тот сказал: "Это не приличествует царю - дарить драхмы". - "Ну, так дай мне талант" (10/т.р.). - "А такие подарки не приличествует получать цинику", - был ответ.

Покончив теперь с венценосными остроумцами древнего мира, перейдем к простым смертным, от которых нам остались весьма многочисленные блестящие остроумия в творениях классических писателей.

Много острых слов приписывается знаменитому Цицерону.

"Не надо терять надежды, - говорили ему после того, как Помпей, сторонником которого был Цицерон, потерпел поражение, - у Помпея остается еще семь орлов (т.е. знаков с орлами, знамен при легионах)". - "Это бы кое-что значило, если бы мы сражались с воронами", - отвечал Цицерон.

"Кто был твой отец, Цицерон?" - спросил его некто, чья мать пользовалась не совсем хорошей славой. "А ведь твоей матери, - отвечал Цицерон, - пожалуй, было бы трудно отвечать, кабы ей сделали такой вопрос о тебе".

Когда у него спрашивали, какая из Демосфеновых ре-

чей ему нравится больше всех, он отвечал: "Которая всех длиннее".

При обсуждении одного закона в сенате один из сенаторов, Галлий, человек весьма преклонного возраста сказал, что пока он жив, он не допустит издания такого закона. "Ничего, можно и подождать, - заметил Цицерон, - Галлий назначает очень недолгую отсрочку".

Когда его упрекали в том, что он больше сгубил людей своими обвинительными речами, чем спас защитой, он отвечал: "Это правда, ибо у меня совести больше, чем красноречия".

Один человек, хваставший глубоким знанием законов, на самом же деле, как всем было известно, круглый невежда в них, был однажды вызван в суд свидетелем по какому-то делу и на обычный вопрос отозвался, что он ничего не знает. "Ты, верно, думаешь, что тебя спрашивают что-нибудь о законах?" - заметил на это Цицерон.

Угощая Цицерона за ужином вином, хозяин настойчиво обращал его внимание на качества напитка, уверяя, что вину этому сорок лет. "Скажи, пожалуйста, - заметил Цицерон, - а каким оно еще выглядит молодым для своих лет!"

"Кто это привязал моего милого зятя к мечу?" - острил он над чрезвычайно малорослым мужем своей дочери.

Некто Ваниций попал в консулы, но проконсульствовал всего лишь несколько дней. Цицерон говорил про него, что в его консульство свершилось настоящее чудо: не было ни весны, ни осени, ни лета, ни зимы.

Этот же Ваниций упрекал Цицерона, зачем он его не посетил, когда тот был болен. Цицерон отвечал, что собрался было его навестить во время его консульства, но в дороге его застигла ночь, - намек на кратковременность этого консульства.

Цицерон узнал о смерти этого Ваниция случайно, по слухам. Встретив после того одного из слуг Ваниция, он задал ему вопрос, все ли у них в доме благополучно. Тот ответил утвердительно. "Ну, значит, он в самом деле умер", - заключил Цицерон.

Адвокат Крисп имел слабость сильно убавлять свои

годы. Однажды, поймав его на этом, Цицерон сказал ему: “Выходит, что мы вместе с тобою говорили речи еще до твоего рождения”.

Его зять то и дело твердил, что его жене тридцать лет. “Знаю и не сомневаюсь, - заметил Цицерон, - ведь ты мне уже двадцать лет твердишь это”.

Знаменитый афинский полководец и оратор Фокион¹⁾ тоже острил часто и удачно. Случилось, например, что публика, его слушавшая, в одном месте речи вдруг разразилась громогласными рукоплесканиями. “Что это значит? - спросил Фокион. - Может быть, у меня нечаянно вырвалась какая-нибудь глупость?”

Когда Аристокритон²⁾ был осужден на смерть тираном Гиппием, против которого он поднял восстание, он просил Фокиона навестить его в тюрьме. Знакомые Фокиона отговаривали его идти на свидание с таким злодеем, но Фокион пошел, отзываясь тем, что очень приятно видеть злодея сидящим в тюрьме.

Александр Македонский предложил ему чрезвычайно большой денежный дар. На вопрос Фокиона, за что его так щедро жалуют, ему отвечали, что он единственный человек, который кажется Александру добродетельным. “Я хотел бы, - ответил Фокион, - не только казаться, но и на самом деле быть таким”.

Когда внезапно пошли слухи о том, что Александр умер, в Афинах поднялась сильнейшая суматоха; требовали немедленного объявления войны Македонии. Фокион благоразумно советовал обождать, проверить слухи. “Коли Александр в

¹⁾ Фокион (402-318 до н.э.) - афинский военачальник и государственный деятель. Плутарх говорит о Фокионе, как о человеке, обладающем острым чувством долга и истинно стоическим характером, трагически погиб от рук толпы.

²⁾ Аристокритон - ум. 514 г. до н.э., один из тираноубийцев, второй Гармодий. Оба друга совершили покушение на афинских тиранов Гиппия и Гипарха, при этом Гармодий (и Гипарх) были убиты, а Аристокритон схвачен, и впоследствии казнен.

самом деле умер, - убеждал он народ, - то он ведь и завтра, и послезавтра все будет мертв”.

Однажды на поле битвы, перед самым боем, толпа воинов подбежала к Фокиону и настаивала на том, чтобы он вел войско на ближнюю возвышенность, чтобы битва началась там. “Как много у меня в войске предводителей и как мало воинов!” - воскликнул Фокион.

Он же укорял раз одного молодого солдата, который сначала сам выступил в передние ряды сражающихся, а потом отступил назад: “Как тебе не стыдно, ты потерял одно за другим два места: и то, которое тебе было назначено предводителем, и то, которое ты сам выбрал!”

Афиняне времен Фокиона отличались особенною горячностью и задором, которые то и дело побуждали их ссориться с соседями и затевать с ними войны. Мудрый и опытный Фокион очень не одобрял этого опасного воинственного настроения и часто отговаривал сограждан от увлечений. Но, как нарочно, победа почти постоянно улыбалась афинянам, и от этого они становились еще надменнее и задорнее, а Фокион при известии о новой победе восклицал: “Когда же, наконец, мы не будем больше побеждать!”

Знаменитый оратор Демосфен был вынужден бежать из Афин, когда Александр Македонский потребовал его выдачи. Во время пути он заметил, что за ним следуют по пятам какие-то люди, очевидно, его преследовавшие, и, к своему великому ужасу, он узнал в них своих заклятых врагов. Он попытался скрыться от них, но они его нашли. И вот, к его крайнему изумлению, эти люди, его враги, объявили ему, что они нарочно пустились за ним в погоню, чтобы предложить ему денег на дорогу. Растроганный Демосфен залился слезами, и когда преследователи, думая, что он оплакивает свою горькую участь, стали его утешать и уговаривать, чтобы он не предавался чрезмерной печали, он воскликнул: “Как же мне не горевать о моей родине, где у меня останутся такие враги, каких у меня и друзей-то не будет в другом месте!”

Какому-то вору, который был им захвачен на месте и извинился перед ним, говоря, что он не знал о том, что укра-

денная вещь принадлежала ему, Демосфен сказал: “Но ведь ты же знал, что она не принадлежит тебе”.

Демосфен крепко враждовал с Фокионом. Один раз он сказал Фокиону: “Ты издеваешься над афинянами; но смотри, они потеряют голову и тогда убьют тебя”. Фокион же возразил: “Меня они убьют, когда потеряют голову, а тебя - если не потеряют ее”.

Выходки знаменитейшего циника Диогена хорошо известны, и потому мы здесь приведем лишь те из них, которые приводятся реже других.¹⁾

Однажды, обращаясь к вору, которого арестовали и вели в заточение, он воскликнул: “Бедняга, отчего ты мелкий ворюшка, а не крупный вор; тогда бы ты сам сажал в тюрьму других!”

Услышав о радушии, которым Александр Македонский почтил какого-то философа, он заметил: “Что же это за счастье - обедать и завтракать в часы, назначенные хозяином”.

Про плохого музыканта, всем надоевшего своею скверною игрою, Диоген говорил: “Надо похвалить человека за то, что, будучи таким дурным музыкантом, он все же не бросает музыки, занимается ею, а не делается вором”.

В одной бане, куда он однажды вошел, оказалась отвратительно грязная вода. “Где же и в чем омыться после такой бани? - спросил Диоген.

Однажды, принимая участие в разговоре о том, почему люди так охотно помогают нищим и так неохотно философам, Диоген заметил: “Это потому, что каждый предвидит возможность самому стать убогим, калекою, пьяницею, но никто не думает, что он сделается философом”.

“Ты где стоишь, тут и ешь”, говорили Диогену, видя его что-то едящим на рынке. “Где голод меня застал, там и ем”, - отвечал философ.

“Ты вот попробуй-ка, уговори меня, чтоб я тебе подал милостыню, тогда я тебе и подам”, - говорил Диогену какой-то очень скаредный и черствый человек. “Если б я знал, что

¹⁾ См., например, Диоген Лазертский “О жизни, учении и изречениях знаменитых философов”.

могу убедить тебя в чем-либо, то убедил бы тебя пойти и повеситься”.

Могучий атлет Диоксипп, одержав однажды блестящую победу на олимпийских играх, сидел между зрителями и, не отводя глаз, смотрел на какую-то красавицу, которая обворожила его. Диоген, заметив это, сказал: “Вот богатырь, которого без труда поборола женщина”.

Диогену приписывают очень нежные, утешительные крылатые слова: “Надежда последнее, что умирает в человеке”.

Часто видели Диогена протягивающим руку к статуям. На вопрос, зачем он это делает, он отвечал: “Чтобы привыкнуть к отказам”.

Когда Диогена привели в Филиппу Македонскому, тот назвал его шпионом. “Да, - ответил циник, - я шпион твоего самомнения и чванства”.

Перед знаменитым Саламинским боем командовавший афинским флотом все медлил и не хотел вступить в бой, а Фемистокл его изо всех сил убеждал немедленно выступить против неприятеля. “Разве ты забыл, - говорил адмирал, - что у нас на состязаниях того, кто лезет в бой не в очередь, бьют плетью”. - “Но ведь и те, кто опаздывает, тоже не увенчиваются лаврами”, - ответил Фемистокл.

Того же Фемистокла спрашивали, кем бы он предпочел быть: Ахиллесом или Гомером, который воспел его подвиги? “Сообрази сам, что лучше, - отвечал тот, - быть победителем на олимпийских играх или тем, кто провозглашает имена победителей?”

“Бей, только выслушай!” - говорил Фемистокл спартанскому адмиралу, который грозил прибить его палкою за упорство.

Своего маленького сына, не слушавшегося матери, которая исполняла все его прихоти, он объявил первым человеком во всей Греции. “Греки, - говорил он, - подчиняются афинянам, афиняне - мне, я - своей жене, а она - своему сынишке”.

Уроженец маленького островка говорил Фемистоклу,

что у него никакой личной заслуги нет, что он только отражает на себе славу своего отечества. Фемистокл согласился с этим, прибавив: "Будь я уроженцем твоего островка, я так бы и остался в неизвестности, все равно, как и ты; будь ты афинянином, ты тоже не достиг бы известности".

Один музыкант просил о чем-то Фемистокла, но для исполнения его просьбы тот должен был сделать что-то нехорошее. "Слушай, - отвечал Фемистокл, - если попросить тебя при большой публике сфальшивить в пении, ты на это согласишься?"

Сократ сказал немало изречений, достойных его глубокого ума и в то же время острых иногда до игривости. Так, человеку, который просил у него совета насчет женитьбы, он ответил: "Женишься - раскаешься и не женишься - раскаешься".

"Через прорехи твоей одежды сквозит тщеславие!" - говорил он основателю цинической философской школы Антисфену.

"Хорошие люди едят для того, чтобы жить, а худые живут для того, чтобы есть", - изречение, которое Сократ часто повторял.

Однажды Платон упрекал своего великого учителя за то, что он сделал у себя за столом, в присутствии других, выговор кому-то из друзей Платона. "Если так, то и тебе бы лучше подождать мне выговаривать, пока мы останемся одни".

Знаменитая в своем роде Ксантиппа, супруга Сократа, в присутствии которой философ принял из рук палача чашу с отваром цикуты, залилась при этом слезами и вопила о том, что ее муж погибает невинный. "Неужели же тебе было бы легче, если б я умирал виновный?" - утешал ее Сократ.

Друзья Сократа однажды негодовали на кого-то, не отдавшего поклона философу. "Из-за чего сердиться, - уговаривал их Сократ, - он не так учтив, как я, вот и все".

Платону приписываются очень едкие выходки.

Правитель Сиракуз (тиран, как их тогда называли) од-

нажды позвал его к себе на пиршество и нарочно посадил его на последнее место за столом. “Любопытно бы послушать, - говорил он по этому поводу своим наперстникам, как Платон будет нас чернить, когда вернется к себе в Афины”. Узнав об этих словах, Платон заметил: “Не думаю, что я когда-нибудь буду до такой степени скудоумен в придумывании темы для беседы, чтобы заговорить о вас, сиракузцах”.

Платон позвал Диогена к себе на ужин. Циник, стуча ногами по полу, говорил: “Попираю ногами Платоново тщеславие”. - “И этим сам проявляешь еще большее тщеславие”, - ответил хозяин.

Однажды Платон был страшно раздражен одним из своих рабов. Он позвал своего родственника и просил его поколотить раба. “Я сам слишком разгневан для того, чтобы собственноручно расправиться”.

Один игрок, которого Платон укорял в его пагубной страсти, оправдывался и тем, что ведет игру по маленькой, что такая игра - сущие пустяки. “Никакая привычка не пустяки”, - возразил ему философ.

Во время одной из своих бесед с учениками Платон дал такое определение человека: “Человек - это двуногое существо без перьев”. Диоген ощипал петуха и, показывая его своим ученикам, говорил: “Вот человек по Платонову определению!” После того Платон ввел поправку в свое определение: “Человек - двуногое существо с плоскими, широкими ногтями”

“Почему так хорошо себя чувствуют в обществе красивых людей?”, спрашивали у Аристотеля. “Такой вопрос приличествует только слепому”, - ответил он.

Одному пустому краснобаю, всем надоевшему своими рассказами, Аристотель сказал: “Удивляюсь, как эти люди, у которых есть ноги и которые могут уйти, слушают тебя, теряя время”.

Алкивиад отрезал хвост у великолепной своей собаки и в таком виде всюду водил ее с собою. “Пусть народ лучше занимается моею собакою, чем мною самим”, - говорил он в

объяснение своего поступка.

Про Перикла, который усердно составлял отчет о сделанных им расходах общественных сумм, Алкивиад сказал: "Лучше бы он обдумал, как бы совсем не отдавать никакого отчета".

Сиракузский тиран Дионисий особенно прославился своими поборами и налогами, часто граничившими почти с грабежом населения и общественного имущества. Когда ему однажды донесли, что народ собрался на площади и бунтует, он сказал: "Теперь, должно быть, у них уже ничего не осталось и с них больше нечего взять, коли они подняли открытый бунт".

Он хорошо знал, что его ненавидят и клянут. Однажды он назначил на какую-то важную должность явного и всем известного негодяя, и когда ему это поставили на вид, он сказал: "Мне хочется, чтобы в Сиракузах был хоть кто-нибудь, кого проклинали бы еще пуще, чем меня".

Не довольствуясь налогами, он начал грабить храмы. Так, он стащил со статуи Юпитера роскошную накидку, дар его предшественника Гиерона, говоря, что такая одежда зимою холодна, а летом тяжела, и что ее лучше заменить простым шерстяным плащом. У бога-покровителя врачей, Асклепия, он снял золотую бороду, приговаривая при этом: "У твоего отца Аполлона еще не выросла борода, откуда же ей быть у тебя?" На одном из жертвенников, которые он тоже без церемонии отбирал из храмов, он увидел надпись: "Благим божествам". "Ну вот, я и воспользуюсь их благостью", - сказал он. В храмах статуи богов часто держали в руках драгоценные золотые сосуды. Обирав у богов эти чаши, он при этом приговаривал: "Они сами их всем протягивают. Мы просим богов о милостях, как же нам не брать того, что они сами нам предлагают?"

Мать Дионисия, старуха, вдруг пожелала вступить в новый брак и приказывала сыну найти ей мужа. "Завладев властью, я попрал человеческие законы, но попрать законы природы, устраивая брак вне естественного возраста, я не

могу”.

Изречения знаменитого полководца Леонида приводятся почти во всех учебниках истории. Кто не знает его “приди и возьми” в ответ на требование Ксеркса сложить оружие. “Нас довольно для того, что мы должны сделать”, “будем сражаться в тени”, и т.п. мы здесь только упоминаем для полноты.

Жрец требовал от спартанского полководца Лизандра¹⁾, чтобы он исповедался в самом тяжком из своих грехов. Лизандр спросил, по чьему требованию он должен совершить исповедь, т.е. боги ли так повелевают или сам жрец? Тот сказал, что таково требование богов. “Так ты отойди, - сказал ему Лизандр, - и когда боги обратят ко мне вопрос, я им отвечу”.

Человеку, который поносил его неприличными словами, Лизандр посоветовал и впредь продолжать так же браниться. “Таким путем, дескать, ты, быть может, опорожнишься от скверных слов, которыми ты битком набит”.

Великий фиванский полководец и патриот Эпаминонд однажды бродил грустный и рассеянный, в полном одиночестве, в то время, как фиванцы справили какое-то шумное и веселое празднество. Кто-то из друзей, встретив его в это время, спросил его, для чего он от всех удалился. “Для того, чтобы вы все могли, ничего не опасаясь, предаваться веселью”, - отвечал патриот.

Однажды он приговорил к наказанию какого-то преступника. За наказанного ходатайствовали лучшие люди, в том числе полководец Пелопид; но Эпаминонд оставался непреклонен до тех пор, пока за наказанного не стала ходатайствовать какая-то публичная женщина (гетера); тогда Эпаминонд, ко всеобщему удивлению, помиловал преступника. “Такие любезности, - пояснил он, - можно оказывать женщинам легких нравов, а никак не полководцам”.

¹⁾ Лизандр - спартанский военачальник, командующий флотом. В Пелопонесской войне нанес поражение Афинянам (405 г. до н.э.).

Спартанские послы жаловались ему на фиванцев в очень длинной речи, в противность своему обычаю, возведенному у них чуть не в племенную доблесть. “Кажется, - заметил Эпаминонд, - фиванцы еще тем провинились перед вами, что заставили вас отказаться от вашего обычного лаконизма”.

О суровых спартанцах сохранилось много рассказов, свидетельствующих об их остроумии и находчивости в отповедах.

Одного спартанца сажат за столом на последнее место. “Прекрасно, - сказал он, - таким путем можно последнее место превратить в почетное”.

Афинянин назвал спартанцев невеждами. Спартанец отвечал ему: “Это точно, мы не научились от вас ничему скверному”.

Одного спартанца не хотели завербовать в воины из-за хромоты. “Чем же моя хромота мешает? - спросил он. - Ведь солдаты нам нужны для боя, а не для того, чтобы бежать перед неприятелем”.

“Почему у ваших воинов такие короткие мечи?”, спрашивали у спартанского дипломата Анталкида. “Потому что они привыкли биться лицом к лицу”, - ответил он.

Житель Аргоса, разговаривая со спартанцем, упомянул о том, что в его области похоронено много спартанцев. “Зато у нас в Спарте, - отвечал спартанец, - ты не найдешь ни одной могилы своего земляка”. При этом он намекал на то, что войска аргосцев никогда не бывали в Спарте, тогда как спартанцы не раз и подолгу занимали Аргос, почему их могилы и оказались там в изобилии.

Какой-то чужеземец хвастался перед спартанцем тем, что он очень долго может стоять, качаясь, на одной ноге: ты, дескать, так не сумеешь сделать. “Я не умею, но зато любая птица умеет”, - отвечал спартанец.

В Спарте был совет трехсот, и избрание в его состав считалось большим почетом для гражданина. Когда в этот совет выбирали, но не избрали Педарета, он казался чрезвычайно довольным. “Мне было отрадно узнать, - говорил он, - что у нас в Спарте есть триста граждан лучше меня”.

Филиппу Македонскому на его вопрос: как желают спартанцы встретить его в своей стране -врагом или другом? - они отвечали: “Ни тем, ни другим”.

Небольшая группа спартанцев повстречала на пути какого-то человека, который поздравил их с тем, что они счастливо отделались от большой опасности - от встречи с разбойниками, которые только что перед тем были в этих местах. “Поздравь лучше разбойников, что они не повстречались с нами”, - ответили ему спартанцы.

Однажды продавали в рабство группу спартанцев, взятых в плен. Один покупатель спросил у пленника, которого собирался купить: “Будешь ли ты, если я тебя куплю, честным человеком?”. - “Я буду им все равно, купишь ли ты меня или не купишь”, - отвечал спартанец.

Одержав победу над спартанцами, Антипатр, полководец Филиппа и Александра Македонского, потребовал какой-то тяжкий залог, грозя смертью спартанскому эфору, если он не исполнит требования. “То, чего ты требуешь, тяжелее смерти, и потому я предпочитаю смерть”, - ответил эфор.

Одна иностранка в беседе со спартанкою сказала, что спартанки единственные женщины на свете, умеющие оказывать влияние на своих мужей. “Потому что мы единственные в мире женщины, рождающие истинных мужей”, - отвечала спартанка.

Однажды явились из Клазомена в Спарту несколько молодых повес, которые вели себя очень неприлично, например, выпачкали чем-то стулья, на которых заседали эфоры. Эти последние, не подвергая безобразников никакому особому взысканию, приказали всенародно провозгласить по городу, что “клазоменцам разрешается вести себя неприлично”.

Однажды на олимпийские игры пришел какой-то старец и, проходя по рядам зрителей, высматривал себе местечко, где бы присесть. Но из молодежи никто не хотел уступить ему свое место, наоборот, многие издевались еще над его старостью. Когда старец дошел до скамей, где сидели спартанцы, тотчас же поднялись с них не только молодые люди, но и многие почтенного возраста мужи, молча уступая свои места старику. “Правила вежливости, без сомнения, известны всем

грекам, но одни только спартанцы их и знают, и соблюдают”, - воскликнул при этом старик в то время, как публика громко рукоплескала учтивым спартанцам.

Пять сыновей одной спартанской женщины отправились на войну. Когда с поля битвы прибежал какой-то илот, она спросила его об исходе сражения. Тот поспешил сообщить ей, что все ее пять сыновей пали в бою. “Подлый раб, - вскричала она, - я не о них тебя спрашиваю, а о том, кто победил”. И, узнав, что победа осталась за спартанцами, поспешила в храм принести благодарственную жертву.

Другая спартанка, лично присутствуя на поле битвы, видела, как пал ее сын. Она сейчас же послала за своим другим сыном, чтобы заменить павшего.

Над одним спартанцем смеялись за то, что он для отметки сделал на своем щите маленькую мушку, словно боясь, чтобы его не распознали по его щиту. “Вы ошибаетесь, - возражал он насмешникам, - я всегда вплотную подступаю к врагу, так что ему вовсе не трудно рассмотреть мою мушку”.

Какой-то чужеземец спрашивал у спартанца: что по их законам делают с человеком, изблеченном в любодеении. Спартанец отвечал: “У нас такого человека приговаривают к тому, чтобы он отыскал вола, который может напиться воды из реки Эвроты, стоя на вершине Тайгетской скалы”. - “Что за нелепость!” - воскликнул иноземец. - Где же найти такого сверхъестественного быка?” - “Это трудно, но еще труднее встретить в Спарте человека, совершившего любодеение”, - ответил спартанец. Заметим здесь мимоходом, что в Греции были места, которые славились необыкновенным целомудрием населения. Так, Плутарх утверждает, что на острове Скио за семьсот лет не было случая, чтобы жена изменила мужу или молодая девушка имела любовную связь вне замужества.

Однажды перед самым боем спартанский царь заметил в рядах своих воинов дряхлого восьмидесятилетнего старца и, видя его немощность, велел ему идти домой. “Государь, - сказал ему старый солдат, - ты отсылаешь меня умирать куда-то в другое место, а между тем, какое же для старого воина может быть другое более подходящее смертное ложе, как не

поле битвы?”

Спартанец, поверженный в пылу боя врагом, который готовился нанести ему удар сзади, крикнул ему: “Рази меня спереди, чтобы мои братья не краснели за меня потом”.

Спартанка, сын которой во время боя выказал много осторожности и благоразумия, но не особенно много храбрости, собственноручно убила его со словами: “Это не сын мой!”

Знаменитый друг Солона, скиф Анахарсис, был женат на весьма некрасивой женщине. Однажды на каком-то пиршестве он был вместе с нею, и тут ее впервые увидел один из его друзей, который не воздержался, чтобы не сделать Анахарсису замечания насчет наружности его жены. “Она нехороша, это правда; но вот, видишь ли, стоит мне выпить этот кубок доброго вина, и она мне покажется красавицею”.

Когда того же Анахарсиса спрашивали однажды: на каком корабле всего лучше совершать путешествие? - он отвечал: “На том, который благополучно сделает путь и войдет в гавань”.

Глубоко изумляясь Солону и преклоняясь перед его добродетелями и мудростью, Анахарсис решил искать дружбы великого афинского законодателя. Он сам явился к Солону и просил его дружбы. “Дружбу надо заводить у себя на родине, а не на чужбине”, - сказал ему Солон. “Но ведь ты сейчас не на чужбине, а у себя на родине, значит, можешь вступить со мною в дружбу”, - возразил находчивый Анахарсис.

Замечательно еще слово, сказанное Анахарсисом о законах, изданных его другом Солоном: “Это паутина для мух, негодная для ос”.

Философ Аристипп¹⁾ был человек очень спокойный и легко примиряющийся с невзгодами, как, впрочем, и подобает философу. Он, например, тратил большие средства на свою возлюбленную, а та заведомо ему изменяла. “Ну, что же, -

¹⁾ Имеется в виду, вероятно, Аристипп Старший (435-360 г. до н.э.) из Кирены - древнегреческий философ, гедонист.

спокойно утешался Аристипп, - ведь я ей даю деньги не за то, чтобы она была неблагодарна к другим, а за то, чтобы она была благодарна ко мне”.

Сиракузский тиран Дионисий имел манеру раздражать людей, сажая их на последние места у себя за столом. Мы уже рассказывали выше подобную проделку его с Платоном. Так же поступил он и с Аристиппом. Один день, принимая его у себя, он посадил его на почетное место, а на следующий день посадил на последнее, причем, конечно, не преминул спросить: как, мол, ты находишь твое сегодняшнее место за столом по сравнению со вчерашним? “Не нахожу между ними разницы, - ответил философ, - оба делаются почетными, когда я сижу на них”.

“Если бы ты привык, как я, кормиться бобами, - говорил Аристиппу Диоген, - так не был бы рабом у тирана”. Аристипп же ему возразил: “Если бы ты умел ладить с людьми, так не кормился бы одними бобами”.

Однажды, умоляя о чем-то Дионисия, Аристипп бросился к его ногам. Когда ему ставили в вину такое излишнее унижение, он говорил: “Что же делать, коли у этого человека уши на ногах”.

В другой раз, когда он у того же Дионисия просил денежной помощи, тот с насмешкою сказал ему: “Ведь ты сам же все твердишь, что философ ни в чем не нуждается”. - “Мы сейчас рассмотрим и разрешим этот вопрос, только дай мне денег”, - настаивал Аристипп. И когда деньги ему были даны, он сказал: “Ну, вот теперь и я ни в чем больше не нуждаюсь”.

Какой-то богачей приглашал Аристиппа давать уроки его сыну. Философ запросил за обучение довольно значительную сумму, а богач заупрямился и говорил, что за такие деньги можно купить осла. “Ну, и купи, - сказал философ, - будут у тебя два осла”.

Он любил хорошо покушать и его за это иногда упрекали. Аристипп обычно возражал на это собеседнику, что будь все эти изысканные блюда ценою в несколько драхм, он и сам бы их приобретал для себя, и собеседник, конечно, с этим должен был соглашаться. “Значит, по-настоящему, надо тебя упрекать за скардность, а не меня за расточительность”, - за-

ключал Аристипп. В другой раз, на подобный же упрек (по поводу какого-то лакомства, за которое он заплатил очень дорого), он задал упрекавшему вопрос: “А если бы это стоило один обол, ты бы купил?” Ответ был утвердительный. “Ну, так для меня 50 драхм то же, что для тебя обол”, - заключил философ.

Во время одного плавания поднялась буря, судну угрожала опасность, и Аристипп, который тогда плыл на этом судне, проявил страх. Кто-то из матросов заметил ему: “Нам, простым смертным, буря не страшна, а вы, философы, трусите во время бури”. - “Это и понятно, - отвечал философ, - мы оба рискуем жизнью, но наш риск совсем иной, чем ваш, потому что цена нашей жизни совсем иная”.

Некто в присутствии Аристиппа говорил о том, что философы только и делают, что обивают пороги у богатых и знатных, а между тем, богатые что-то не особенно усердно посещают философов. “Но точно так же и врачей ты всегда встретишь в домах больных, а ведь всякий охотнее согласился бы быть врачом, нежели больным”.

Аристиппу же приписывается очень грубая, хотя, быть может, и основательная выходка. Однажды, когда управляющий тирана Дионисия показывал ему какие-то роскошные покои, Аристипп вдруг плюнул ему прямо в лицо, объясняя эту невежливость тем, что не мог выбрать для плевка другого, более подходящего места среди этого великолепия.

Римский полководец Ливий Соликатор не отличался особенно блестящими воинскими дарованиями, но не упускал случая выставлять свои заслуги. Так, он допустил карфагенян занять Тарент, а сам укрылся в его крепости. После того к городу подступил знаменитый Фабий Максим и отнял его у неприятеля. Ливий же, сделавший в это время несколько удачных вылазок из крепости, не преминул поставить Фабию на вид, что он взял город лишь благодаря ему, Ливию. “Будь спокоен, я этого не забуду, - успокоил его Фабий. - Если бы ты его не отдал врагу, то мне не было бы и надобности брать его”.

В войне с карфагенянами Фабий держался той же систе-

мы; какую принял наш Кутузов во время войны 1812 года: он отступал перед неприятелем, вечно беспокоя и истощая его длинными переходами. Многие из его подчиненных осмеивали его распоряжения, но он неизменно твердил: “Боязнь насмешек, по-моему, хуже, чем трусость перед лицом врага”.

Катон столкнулся с прохожим, несшим большой ящик. Носильщик сначала крепко ударил его этим ящиком, а потом уже крикнул: “Берегись!” - “Разве ты еще что-нибудь несешь, кроме этого ящика?” - спросил его Катон.

Он же, по поводу множества памятников-статуй, поставленных в память очень мало известных людей, сказал: “По-моему, пусть лучше все спрашивают, почему Катону не поставлено памятника, чем слышать от людей вопрос “Зачем он тут стоит?”

Известный в Риме шут Гальба отвечал знакомому, который просил у него на время плащ: “Если дождь идет, так плащ мне самому нужен, а если не идет, так зачем он тебе?”

Он же, когда ему подали где-то рыбу, одна половина которой была уже съедена накануне, так что она лежала тою стороною вниз, а нетронутою вверх, сказал: “Надо есть ее поскорее, а то снизу из-под стола ее тоже кто-то ест”.

Некий весьма посредственных дарований оратор однажды старался изо всех сил тронуть своих слушателей и, окончив свою речь, остался при полном убеждении, что он достиг своей цели. “Скажи по правде, - обратился он к известному поэту Катуллу, бывшему в числе его слушателей, - ведь моя речь разве только в самом черством сердце не возбудила бы сожаления”. - “Именно так, - отвечал Катулл, - едва ли кто-нибудь будет так жесток, чтобы не пожалеть тебя за эту речь”.

Помпей, в сильный разгар своей распри с Юлием Цезарем, однажды торопился куда-то плыть на корабле. Но стояла страшная буря и командир судна не решался пускаться в

путь. Помпей сам вскочил на судно и скомандовал, чтобы поднимали якорь, говоря: “Тронуться в путь совершенно необходимо, необходимее чем беречь жизнь!”

Марий взял у кимвров один город и отдал его на разграбление своим воинам. Ему поставили на вид, что он поступил против закона. “Не знаю, может статься, но гром оружия не давал мне слышать, что говорит закон”.

Один неважный художник показывал знаменитому Апеллесу, царю живописцев классического мира, какую-то свою картину, причем счел не лишним похвастать, что он написал ее в самое короткое время. “Это и видно по картине, - заметил Апеллес, - и мне только удивительно, что ты за такое время успел написать только одну такую картину”.

О том же Апеллесе рассказывают, что он однажды выставил свою картину, чтобы услышать о ней мнения от каждого, кто найдет в ней какой-нибудь недостаток. Какой-то чеботарь сейчас же рассмотрел в картине некоторую неточность в рисунке сандалии и указал на нее Апеллесу. Художник согласился, что замечание основательно, и поправил свою ошибку. Тогда чеботарь, ободренный своим успехом, начал указывать на ошибки в рисунке ноги. Отсюда, говорят, и пошла классическая поговорка: “*Ne sutor surta crepidam*”, т.е. “сапожник, оставайся при своих колодках” - слова, с которыми Апеллес обратился к своему критику.

Знаменитому поэту Пиндару какой-то известный лжец однажды сказал, что хвалит его всегда и всем. “И я не остаюсь у тебя в долгу, - ответил Пиндар, - потому что веду себя так, что ты оказываешься человеком, говорящим правду”.

Когда у известного мудреца и законодателя Солона спрашивали, какие из изданных им законов он считает лучшими, он отвечал: “Те, которые приняты народом”.

Про великого трагика Эврипида говорили, что он не-

навидел женщин. Софокл, услышав об этом, отозвался, что Эврипид выказывает эту ненависть только в своих трагедиях, а не в своей жизни.

Поэт Феокрит знал одного школьного учителя, который совсем не умел преподавать и даже едва умел читать. Однажды он спросил у этого учителя, почему он не обучает геометрии. "Я ее не знаю", - отвечал тот. "Но ведь учишь же ты читать!" - возразил Феокрит.

Однажды на Олимпийских играх один из борцов был жестоко ранен. Зрители, видя это, подняли крики. "Что значит привычка, - заметил присутствующий при этом великий трагик Эсхил, - сам раненый молчит, а зрители кричат".

Философ Фалес упорно оставался холостяком. Когда его, еще молодого человека, мать уговаривала жениться, он ей говорил, что ему еще рано жениться, а когда состарился, говорил, что "теперь уже поздно".

Тот же Фалес утверждал, что между жизнью и смертью нет никакой разницы. "Так ты бы убил себя", советовали ему. "Да зачем же это, коли жить или умереть - все равно?"

Про Зенона остался рассказ, который, впрочем, по другим пересказам отнесен к Аристогитону, так как тот и другой на самом деле могли быть в этой истории действующими лицами. Зенон (как и Аристогитон) участвовал в заговоре против известного кровожадного тирана Гиппия. Заговор был открыт, Зенон схвачен. Гиппий подверг Зенона жестоким истязаниям, пытая от него имена его сообщников. Зенон ему указывал одного за другим, но не сообщников своих, а друзей самого Гиппия. Он очень ловко и верно рассчитал: подозрительный и жестокий Гиппий верил всем доносам и истребил одного за другим своих же друзей. Когда все эти люди, достойные друзья тирана, были им слепо истреблены, торжествующий Зенон сказал ему: "Теперь остался только ты сам; я не оставил никого из друзей твоих, кроме тебя самого".

Зенон, философ, когда ему однажды кто-то сказал, что любовь - вещь недостойная мудреца, возразил: "Если это так, то жалею о бедных красавицах, ибо они будут обречены наслаждаться любовью исключительно одних глупцов".

Когда Димитрий Полиоркет взял город Мегару, в числе его пленных оказался и знаменитый гражданин Мегары Стыльпон. Победитель отнесся к мудрецу с большим вниманием и, между прочим, спросил у него, не подвергся ли его дом грабежу, не отняли ли у него чего-нибудь. "Ничего, - ответил Стыльпон, - ибо мудрость не становится военной добычей".

Мудрец Бион сравнивал тех людей, которые сначала принимаются за изучение философии, а потом ее оставляют, с женихами Улиссовой жены Пенелопы, которые, когда добродетельная жена им отказала, принялись любезничать с ее служанками.

Сиракузскому царю Гиерону однажды сказали про какой-то его телесный недостаток, которого он ранее сам не замечал, но который должна была бы давно уже заметить и знать его жена. "Почему же ты мне об этом не сказала раньше, чем это заметили другие?" - упрекнул он ее. "Я думала, что это свойственно всем мужчинам", - ответила деликатная женщина.

Однажды между Стыльпоном и другим мудрецом, его противником Кратесом, завязался оживленный и горячий спор. Но в самый разгар словопрений Стыльпон вдруг вспомнил, что ему надо идти по какому-то делу. "Ты не можешь поддерживать спор!" - победоносно воскликнул Кратес. "Ничуть не бывало, - отвечал Стыльпон, - спор наш подождет, а дело не ждет".

Однажды знаменитый ваятель Поликлет изваял две статуи. Одну из них он всем показывал, а другую спрятал, так

что никто ее не видел. Люди, смотря на статую, делали множество замечаний. Скульптор терпеливо выслушивал эти замечания и сообразно с ними делал поправки в своей статуе. После того он поставил обе статуи рядом и допустил публику к их сравнительной оценке. Общий голос признал его статую, которая осталась без поправок, во всех отношениях прекрасною, а другую - безобразною. Тогда Поликлет сказал своим критикам: "Вы видите, что статуя, которую вы же сами не одобряли и заставляли меня переделывать, и которую поэтому можно считать вашим произведением, оказалась никуда негодною, а та, которая теперь вам нравится, - мое произведение".

Поэт Филоксен¹⁾ был избран однажды тираном сиракузским Дионисием судьей его поэтических произведений. Но тиран оказался плохим поэтом, и Филоксен откровенно указал ему на слабость его музыки. Дионисий обиделся и сослал сурового критика в каторжные работы в каменоломни. Продержав его там некоторое время, он вновь его призвал и приказал снова выслушать свои стихи. Поэт долго слушал с напряженным вниманием, потом, не говоря ни слова, встал и пошел. "Куда же ты?" - окликнул его Дионисий. "Назад, в каменоломни", - ответил поэт. Эта выходка рассмешила тирана, и он простил строптивого своего хулителя.

У царя Пирра²⁾ был домашний врач, который задумал ему изменить и передаться римлянам. Он послал римскому полководцу Фабрицию письмо с предложением своих услуг. Фабриций отослал это письмо к Пирру, с припискою: "Ты столь же худо знаешь своих друзей, как и своих врагов".

Сабиняне решили подкупить римского военачальника

¹⁾ Филоксен из Киферы (435/434 - 380/379 г. до н.э.) - древнегреческий поэт, сохранились лишь некоторые фрагменты его произведений.

²⁾ Пирр (319-272 до н.э.) - с 306 царь Эпира. Несмотря на тяжелые потери он одержал победу над римлянами при Аускуле (279 г., "Пиррова победа"). Считался одним из могущественных эллинистических властителей, чье военное искусство и дипломатия были успешны.

Мания Курия. Когда они пришли к нему со своими предложениями, он в это время как раз ел репу. Отринув сабинское золото, он при этом сказал: “Пока я буду довольствоваться репою, на что мне ваше золото?”

Известные комические актеры Пилад и Гикас, жившие в царствование Августа, беспрестанно между собою ссорились и их распря принимала такие размеры, что ею невольно занималась вся римская публика. Это не нравилось кесарю и он сделал актерам выговор. “Ты к нам несправедлив, государь, - сказал ему один из них, - для тебя же самого лучше, чтобы публика была занята нами”.

Один из друзей консула Рутилия усердно просил его о чем-то, но так как его просьба была неосновательна и ее исполнение было сопряжено с беззаконием, то Рутилий и отказал ему. “Какой же прок в твоей дружбе, коли ты отказываешься сделать то, о чем я тебя прошу?” - сказал ему друг. “А мне зачем твоя дружба, - отвечал ему Рутилий, - коли из-за нее я должен совершать несправедливости?”

Консул Карбон издал какое-то несправедливое постановление, и когда престарелый Кастриций выговаривал ему за это, тот сказал: “За мною много мечей”. Кастриций же возразил: “А за мною много годов”.

Эпикур¹⁾, основатель очень известной философской школы, получившей название по его имени, привлек сразу множество последователей. Но у него были и противники, и в том числе основатель так называемой “средней академии” Аркезилай. Однажды кто-то расхваливал перед ним эпикурейство и, между прочим, привел тот довод, что кто раз стал эпикурейцем, тот уже не оставляет этого учения. “Это еще не резон, - заметил Аркезилай, - можно сделать из человека евнуха, но обратно его уже не переделаешь”.

¹⁾ Эпикур (342/341 - 271/270 г. до н.э.) - древнегреческий философ, основатель эпикурейской философской школы.

Один старый циник обычно говаривал: “Я смеюсь над всеми, кто находит меня смешным”. -”Ну, - отвечали ему, - коли так, надо полагать, что никто чаще тебя не смеется”.

Мудрец Хилон (один из семи мудрецов¹⁾, прославленных своими изречениями) говаривал, что три самые трудные вещи на свете - это хранить тайну, забыть обиду и хорошо пользоваться своим досугом.

Он же приравнивал дурные отзывы о людях, которые не могут на них возражать, с нападением на безоружного.

Он же говорил: “Надо быть молодым в старости и старым в юности”.

Другой мудрец, Питтак, тоже из числа семи, прославился изречением, на первый взгляд загадочным: “Половина лучше целого”. Это изречение обычно толкуется в том смысле, что кто обладает целым, тому уже нечего больше желать, а между тем желание, стремление к обладанию является как бы мерилom наслаждения, доставляемого обладанием, так что человек без желаний - существо не счастливое.

Биант (третий из семи) говорил, что лучше быть судьей в распре врагов, нежели в распре друзей, потому что в первом случае непременно приобретешь друга, а во втором непременно потеряешь.

Периандр (четвертый из семи), на вопрос, зачем он удерживает в своих руках власть, которая ему была вверена, отвечал: “Потому что спуститься с трона так же опасно, как и взойти на него”. (Он был тираном в Афинах²⁾).

Анаксагор говорил, что годы и сон мало-помалу показывают нам путь к смерти.

¹⁾ Семь мудрецов - греческие мыслители и государственные деятели 7 и 8 в. до н.э., отличавшиеся практической жизненной мудростью и глубоким государственным умом. Чаще всего к ним относят: Фалеса, Бианта, Солона, Питтака, Клеобула, Хилона и Периандра.

²⁾ Периандр (умер в 586 г. до н.э.) был не тираном в Афинах, а тираном в Коринфе.

Он же, на убеждения друзей посвятить хоть некоторую часть своего времени на устройство своих дел, отвечал им: “Вы требуете от меня невозможного. Как могу я отнять время от моих занятий, когда я каплю мудрости ставлю выше, чем бочку богатства?”

Он же, утешая какого-то умирающего, жаловавшегося на то, что ему приходится умирать вдали от родных, сказал ему: “Где бы человек не умер, спуск в преисподнюю для всех в одном месте”.

Существует много рассказов о предсказателях, пророках, вообще о возвестителях будущего, которые иногда были жестоко караемы за смуты, посеваемые ими в народе, иногда же очень ловко выпутывались из беды какою-нибудь остроумной уловкой. Такие рассказы оставила нам и классическая древность.

Так, один царь, раздраженный предсказателем, спросил у него: “Коли тебе открыто все будущее, скажи мне, какою смертью ты умрешь?” сметливый пророк тотчас и без запинки ответил, что умрет от лихорадки. “Ты лжешь, - возразил ему царь, - ты сейчас же будешь повешен”. Люди уже схватили его и повели на казнь, но он, обращаясь к царю, сказал ему: “Прикажи, государь, пощупать у меня пульс, и тебе скажут, что у меня уже началась лихорадка”. Эта остроумная выходка спасла его.

Рассказывают еще об одной египтянке, которая обратилась к какому-то славившемуся в ее время астрологу и просила его погадать, исполнятся ли ее желания. Но так как самого предмета своих желаний она ему не сообщила, то он, конечно, ничего и не мог ей сказать. Он, однако же, начертил какие-то фигуры и очень долго ей говорил разные разности, но все это не имело отношения к ее делу. Ничего не добившись, дама подала кудеснику мелкую монету. Тот же ожидал от нее более крупного гонорара и потому начал еще что-то ей предсказывать. Наконец, вдруг осененный догадкою, что у дамы, быть может, что-нибудь пропало и она желает отыскать пропажу, он ее спросил: “Не потеряла ли ты чего-нибудь?” - “Это верно, потеряла, - сказала ему дама, - потеряла

время, слушая тебя, и деньги, которые дала тебе”.

Тиберий, прежде чем стать римским императором, жил на острове Родос и здесь часто развлекался жестокою забавою. Он призывал к себе разных кудесников и предсказателей и отводил их на высокую скалу, возвышавшуюся над морем. Здесь он задавал своей жертве какой-нибудь вопрос, и если ответ ему не нравился, он тут же приказывал своим рабам сбросить предсказателя в море. Однажды он зазвал к себе некого Трансулия, который за свои предсказания пользовался некоторою известностью. Тиберий, приведя его на роковую скалу, задал ему вопрос о своей будущей судьбе. Трансулий предсказал ему, что он будет императором и будет пользоваться всякими благами. “Хорошо, - сказал Тиберий, выслушав его. - Но если ты так искусен, то ты должен знать и собственную судьбу. Скажи же мне, много ли времени тебе остается жить?” Сметливый Трансулий тотчас понял, куда клонится этот вопрос. Он с напускным спокойствием сделал вид, что вспоминает положение светил в момент своего рождения, и вдруг задрожал от ужаса. “В этот самый миг мне грозит великая опасность!” - воскликнул он. Эта находчивая выходка спасла ему жизнь. Тиберий даже пришел от нее в восхищение, обнял остроумного астролога, успокоил его и сделал его своим близким другом.

Какой-то старец белился и румянился. Адвокат Архидам, имея с этим стариком дела в сенате, сказал про него в своей речи: “Можно ли верить этому человеку, носящему ложь на самом челе своем?”

Один изменник, оказавший своим предательством большую услугу македонцам, очень обижался на них, когда они называли его предателем. Однажды, когда он пожаловался на такое обращение с ним македонскому царю Архелаю, тот ему отвечал: “Что делать, македонцы народ грубый и неучитивый, они привыкли называть вещи прямо, их настоящими именами”.

Какой-то грек, большой говорун и пустомеля, попал в Скифию, где над ним все смеялись. “Вы, скифы, - убеждал он их, - должны относиться ко мне с почтением: я родом из той же

страны, где родился Платон”. - “Коли хочешь, чтобы тебя слушали без смеха, и говори, как Платон”.

Какой-то критик написал пространный и очень придирчивый разбор произведений Вергилия и преподнес его императору, в надежде, конечно, на награду. Император же, большой почитатель знаменитого поэта, приказал принести меру пшеницы, просеять ее и отсевики отдал критику в награду.

Знаменитое слово жены консула Семпрония, Корнелии, приводится даже в учебниках истории. Когда ее подруги, жены богатых римлян, хвастались одна перед другою своими драгоценностями и украшениями и просили ее показать им свои, она вывела им своих детей со словами: “Вот мои уборы и украшения”.

Про классических куртизанок осталось немало рассказов, свидетельствующих об их остроумии. Так, одна из них стояла в храме рядом с какою-то знатною и добродетельною матроною. Та, заметив это неприличное соседство, тотчас отошла. “Зачем ты отдаляешься от меня, госпожа, - заметила ей гетера, - ведь недуг, которым я заражена, не прилипчив, и кто сам не захочет, тот им не заражается”.

Одна гетера была приглашена на пиршество, во время которого хозяин дома лучшие части яств брал и откладывал для своей матери. Обиженная гостья, наконец, сказала ему, что если бы она предвидела это, то пошла бы лучше кушать к его матери, а не к нему.

Двум соперникам, которые из-за нее поссорились и передрались, она говорила: “Помните, что победителем будет не тот, кто сильнее и храбрее, а тот, кто богаче”.

Однажды, когда компания ее обожателей, людей совсем неимущих, собралась около ее дома и грозила разнести его, если она их не примет, ломami и кирками, которые они принесли с собой, она крикнула им: “врите вы все, какие у вас могут быть ломы и кирки! Кабы они у вас были, так вы уж давно бы их промотали”.

Древность оставила нам немало примеров высоко остроумных судебных решений и приговоров, образцами кото-

рых служат всем известные Соломоновы приговоры. Приведем здесь кое-какие рассказы.

Так, повествуется, что однажды какие-то рыбаки, промышляя на берегу моря, увидели человека, борющегося с волнами и вопившего о помощи. Один из рыбаков сейчас же зацепил этого человека багром и вытащил на берег уже без чувств. Когда же утопавший оправился, то стал жаловаться на спасшего его рыбака, что тот своим багром выколол ему глаз. Дело дошло до суда. Спасенный требовал с рыбака вознаграждения за выколотый глаз. На суде дело запуталось донельзя, и судьи были в большом затруднении, как его решить. Тогда поднялся кто-то из присутствовавших и предложил решение, очень напоминающее решение лисицы в известной нашей народной побасенке на тему о том, что “старая хлеб-соль забывается”. Он именно предложил, чтобы спасенный рыбаком утопленник бал брошен в море в том самом месте, где он тогда тонул, и что если он спасется сам, без всякой посторонней помощи, то тогда можно присудить рыбака, его спасшего, к уплате ему проторей и убытков за выколотый глаз. Это решение и было принято судом, но истец благоразумно уклонился от испытания.

Некий древнеиндийский царь, большой самодур и пьяница, будучи в нетрезвом состоянии, свалился в воду, но был ловко схвачен за волосы одним из своих служителей и благополучно вытасчен на берег. Когда он очнулся, он осведомился, кто его спас, и узнав подробности своего спасения, пришел в великий гнев. Как смел подлый раб прикасаться к его особе, да еще с такою бесцеремонностью, - хватать его, тащить за волосы! По его приказу верный раб был схвачен и казнен. Спустя некоторое время он вновь, опять-таки в пьяном виде, свалился в воду. На этот раз с ним была только одна из его жен. Эта женщина могла бы без малейшего труда спасти его, но она и пальцем не двинула. Когда же ей это было поставлено в вину, она приводила тот резон, что судьба несчастного раба-спасителя была еще у ней на свежей памяти и она не имела никакого желания разделить его судьбу.

Один молодой египтянин был влюблен в известную гетеру Теогниду. Однажды он видел сон, что обольстительни-

ца увенчала все его желания. Проснувшись, он и в самом деле почувствовал, что его любовный пыл совсем охладел, и он, забавляясь этим происшествием, рассказал о нем своим друзьям; те пересказали другим, и в конце концов история дошла до самой Теогниды. Тогда она подала на сновидца иск, требуя с него уплаты гонорара на том основании, что он, по его собственным словам, излечился от своей любви к ней, хотя и воспользовался ею только в сновидении. Мудрые судьи приказали молодому человеку, ответчику, принести деньги и бросить их в сосуд; куртизанка же должна была удовольствоваться их звоном и видом, подобно тому, как ответчик удовольствовался только одним сонным мечтанием любви, а не действительностью.

Нечто подобное рассказывается в старинных сборниках индийских повестей. Какой-то бедняк-путник, зайдя на постоялый двор и видя, что на дворе жарится целый баран, попросил у повара позволения повесить свой мешочек с рисом над паром, исходившим от поджариваемого барана. Повар потом требовал с него плату за это. Судья, которому пришлось разбирать их дело, постановил такое решение: ответчик воспользовался не самим жарким, а лишь его запахом, посему и истцу надлежит заплатить не деньгами, а лишь их запахом. Постановив это решение, он подозвал лихоимца-повара, и, вынув кошелек с деньгами, крепко-накрепко натер ему кошельком нос, приговаривая: "Нюхай, нюхай хорошенько!"

Публию Долабелле, когда он был проконсулом в Азии, довелось разбирать очень мудреное дело. Одна женщина отравила своего мужа и сына за то, что они на ее глазах убили другого ее сына, от ее первого брака. Публий никак не мог решить это дело по совести и отослал его в местный ареопаг, который тогда славился своею мудростью. Ареопаг, рассмотрев дело, постановил просто отложить дело и обязал обвинителей и обвиняемую с а м о л и ч н о явиться на суд... через сто лет.

Какая-то вдова жаловалась императору Теодорику на то, что судьи три года откладывают разбор ее дела. Император приказал разобрать дело немедленно, и оно было решено

на другой же день. Тогда Геодорик спросил судей, как же они три года не могли разобрать дело, которое, как оказалось, требовало всего лишь один день времени? Но одним выговором он не удовольствовался, а приказал казнить судей.

До каких выходов доводит самолюбивых людей жажда прославиться, выдвинуться, заявить о себе чем-нибудь невероятным, показывает история циника Перегринна. Не успев ничем прославить себя в жизни, он дожил до дряхлой старости, всеми презираемый. Оставалось ему одно - заставить о себе заговорить после смерти. Он и устроил себе необычную смерть, о которой заранее торжественно оповестил народ: сжег себя всенародно живьем на костре, который был разложен на площади.

Друг Цицерона Помпоний Атик в старости столь жестоко страдал от водянки, что решился уморить себя голодом. Но голодание, вместо того, чтобы убить его, наоборот, прекратило его болезнь. На убеждения врачей, что теперь он здоров, и что ему остается только пользоваться жизнью, он отвечал: "Я уже так близко подошел к смерти, что мне совестно возвращаться вспять". И он доморил себя голодом.

Какой-то философ, видя, как афинянин бьет своего раба, сказал про него: "Вот раб своего гнева бьет своего раба".

Жители города Кум взяли под свое покровительство небольшой городок, но персидский царь, воевавший тогда с греками, требовал, чтобы этот городок был ему сдан. Кумцы никак не могли придти к соглашению - сдавать или не сдавать город, и решили спросить об этом оракула. Из Дельф был получен ответ, что город должен быть сдан персидскому царю. Один из доблестнейших кумских граждан, Аристоклик, был крайне возмущен этим решением оракула и доказывал, что боги не могли изречь такой недостойный приговор, что, верно, посланные в Дельфы ошиблись, не так поняли слова оракула. Тогда кумцы послали в Дельфы на этот раз самого Аристоклика. К его величайшему негодованию, он, однако, получил тот же ответ. Он вышел из храма и, обходя его вокруг, заметил в стене гнездо каких-то птиц. Он стал бросать в гнездо камнями и разогнал птиц. Тогда из внутренности хра-

ма слышался голос: “Дерзкий смертный, как ты осмелился гнать отсюда того, кто пользовался защитой божества?” - “А как же ты, бог, повелеваешь нам предать целый город, отдавшийся под нашу защиту?” - возразил Аристоклит. “О, несчастные, - ответил глас из святилища, - коли вы знаете сами, что не годится покидать того, кто отдался в ваши руки, так зачем же приходите спрашивать об этом божество? Разве для того только, чтобы искушать его правосудие?”

Однажды перед самым сражением Лукуллу вдруг напомнили, что день как раз случился несчастливый, что надо его пропустить, переждать. “Ну и хорошо, что он несчастливый, мы его переделаем нашей победой в счастливый”.

Древние очень любили, вместо лишних слов, ясно обозначать положение и разрешать иногда очень трудные и деликатные вопросы простым, но выразительным жестом.

Так, сын Тарквиния Гордого Секст, живя среди габийцев, приобрел среди них большое влияние и, желая его еще более упрочить и сохранить за собою, послал к своему отцу спросить совета, как ему себя вести. Посланный от него нашел Тарквиния в саду. Когда он выслушал посланного, он, не говоря ни слова, взял в руки палочку и, подойдя к кустам мака, начал сшибать одну за другою все головки, которые возвышались над другими.

Однажды Александр Македонский читал какие-то очень секретные письма, а его друг Гефестион, подойдя к нему, заглядывал в эти письма. Александр ему не препятствовал, но, взяв свою печать, молча приложил ее к губам Гефестиона.

Один вольноотпущенник в Риме завел себе землю, возделывал ее и жил ее плодами. Он был человек трудолюбивый и сведущий в хозяйстве и у него всегда были огромные урожаи, возбуждавшие зависть его соседей. Снедаемые этим недобрым чувством, те, наконец, донесли на счастливого земледельца, что он добивается таких урожаев не иначе, как колдовством. Его вызвали по этому извету на суд, и он туда явился в сопровождении своей дочери, очень здоровой, упитанной девушки-крестьянки; он привел также своих могучих волов, прихватил и плуг, и все другие земледельческие орудия в доб-

ром порядке. “Вот те снаряды и снадобья, которыми я колдую, - сказал он, обратясь к судьям. - Но это еще не все, я не мог показать вам свои труды, свои бессонные ночи, пот, которым я оросил свою землю”. Судьи, конечно, отпустили его с миром, а публика наградила похвалами.

Когда Помпей был отправлен послом в Азию, один из местных царей стал у него выпрашивать с угрозами разные государственные тайны Рима. Помпей молча начал жечь свой палец в пламени лампы, давая этим понять, что угрозами и пытками от него ничего не удастся узнать.

В наши дни часто приходится слышать рассказы о беседе посредством жестов, причем соль рассказа всегда основана на недоразумении, на том, что оба собеседника толкуют жесты другого совершенно не так, как понимал их тот сам. Эти рассказы часто приурочиваются к матросам двух разных наций, например, к русскому и англичанину. Англичанин, положим, показывает русскому ладонь, имея в виду этим выразить, что от Бога ничто не сокрыто; русский же понимает жест, как угрозу ему пощечиною, и в ответ, конечно, показывает кулак, и т.д. Корень этих рассказов находится в классической легенде. Дело в том, что однажды римляне вздумали учредить у себя мудрое государственное правление, и, осведомившись, что в Греции был великий мудрец Солон, который дал своей родине необычайно мудрые законы, решили отправить туда послов, чтобы они добыли текст этих законов. Афиняне, выслушав посла, собрали народный совет, который и обсуждал, стоят ли римляне того, чтобы сообщить им Солонову премудрость. Решили не давать списка законов послу римлян, а снарядить своего посла, философа, отправить его в Рим и поручить ему сначала разведать, есть ли в Риме мудрые люди, которые в силах понять и оценить законы Солона. Римский сенат был об этом осведомлен. И вот у него явилась забота, как бы не ударить перед греком лицом в грязь. Надо было найти среди своих человека, который мог бы выдержать состязание в мудрости с греческим послом. Дело было прехлопотливое и затруднительное, потому что в те времена среди римлян было не слышать о больших мудрецах. Надо было, значит, пускаться на хитрости. И вот сенат

принял престранное решение: противопоставить греческому мудрецу римского шута, который славился своим остроумием и находчивостью. Такое решение было принято на том добром соображении, что если шут возьмет верх над мудрецом, то тем больше будет славы и чести Риму; выйдет, что римский дурак умнее греческого философа; а если грек победит, то велика ли будет его слава - шута одолел! Так и сделали. Когда греческий посланник прибыл в Рим, его привели в Капитолий и здесь в богато убранном доме он очутился лицом к лицу со своим супостатом, шутом, которого облекли в сенаторскую одежду, посадили в кресло и крепко-накрепко запретили ему открывать рот. Грек же был предупрежден, что сенатор этот великий мудрец, но говорить не любит. Грек, помня это, когда вошел в покой, поднял палец. Он хотел этим выразить, что существует единое верховное существо, правящее миром. Шут же истолковал жест в смысле угрозы - выколоть ему пальцем глаз; помня запрет разговаривать, он в ответ на жест грека поднял три пальца, желая этим сказать, что он выколлет обидчику оба глаза, а третьим пальцем задушит его. Грек, видя три пальца шута, истолковал их в том смысле, что для божества прошедшее, настоящее и будущее - безразличны. Тогда он, в свою очередь желая выразить, что для божества нет ничего сокровенного, протянул вперед разверстую руку ладонью вверх. Шут решил, что этот жест не что иное, как угроза пощечиной, и ответил на нее, показав кулак. Грек же истолковал кулак, как эмблему того, что божество держит в своей руке всю вселенную. Таким образом, сам же грек, произвольно толкуя непонятные им жесты шута, вывел о нем заключение, как о великом мудреце. А коли среди римлян находятся такие мудрые люди, решил он, то римлянам можно смело верить законы Солона; они попадут в надежные руки и принесут пользу.

Один очень пожилой человек слишком резко отзывался о Юлии Цезаре, так что друзья его, опасаясь за него, советовали ему быть осторожнее. Он отвечал им на их предостережения, что у него есть два преимущества - старость и сиротство; другие люди считают это несчастьем, а ему, наоборот,

развязывает руки.

Какой-то римлянин развелся с женою, и когда ему ставили на вид неблагоприятие его поступка, так как его жена была известна своею красотою и добродетелями, он отвечал, показывая на свою обувь: “Смотрите, эта обувь на вид превосходна, а между тем, она жмет мне ногу, и я только один знаю, где жмет”.

У Александра Македонского, конечно, не было недостатка в льстецах, но их всех превзошел грек Анаксеркс. Однажды зашел разговор о том, где климат лучше в Греции или в Македонии, и Анаксеркс, желая и тут угодить Александру, превозносил климат Македонии. “Однако, взгляни на себя самого, - возразил ему Каллисфен. - В Греции ты ходил в равной одежде, а здесь а трех богатых плащах. Где же теплее, где холоднее?”

Полководец Кран был совсем дряхлым старцем, когда отправился в свой поход против парфян. По дороге, проходя через страну одного очень старого царя и увидя, что тот занимается какими-то новыми постройками, он сказал ему: “Что за охота тебе возиться с постройками под вечер жизни?” - “Да и ты, - возразил ему царь, - позднее время выбрал для того, чтобы идти на войну”.

Один царь спрашивал своего наперстника: “Что ты особенно хотел бы разделить со мною?” - “Все, что хочешь, царь, только не дели со мною своих тайн!”

Полководец Тимофей не мог завоевать себе общей дружбы. У него были враги, над ним смеялись, острили про него, утверждали, что успехи его зависят вовсе не от его военных талантов, которыми он вовсе и не обладает, а от слепой удачи. Пустили даже в обращение карикатуру, на которой он был представлен спящим, а разные города сами влезаящими к нему, сонному, в сумку. “Сколько же городов я взял бы бодрствующий, коли сонный беру их так много!” - заметил он.

Какой-то кровный аристократ насмеялся над афинским полководцем Ификратом, который не блистал своею родословною, так как был сын простого мастерового. “Мой род с меня начнется, а твой на тебе и кончится”, - ответил ему Ификрат.

Философ Ксенократ часто твердил, что он “ищет добродетель”. “Когда же она, наконец, будет у тебя?” - спросил его однажды какой-то остряк.

Когда кто-то из воинов полководца Пелопида, говоря о встрече с врагом, выразился: “Мы натолкнулись на врага”, Пелопид возразил ему: “Отчего же не сказать наоборот, т.е., что неприятель натолкнулся на нас”.

Про одного из спартанских царей, Архидама (в Спарте пять царей носили это имя), рассказывают, что однажды, когда двое его друзей повздорили между собою и избрали его в судьи своей распри, он привел их в храм и заставил дать клятву в том, что они его решению беспрекословно подчинятся. Когда они поклялись в том, он сказал им: “Ну, так вот вам мое решение по вашему делу: не выходите отсюда, пока не помиритесь”.

Средние века и эпоха Возрождения

От остроумцев древнего классического мира перейдем к остроумцам Средних веков и эпохи Возрождения. И здесь, ввиду чрезвычайной пестроты материала и отсутствия в нем внутренней связи, мы должны будем ограничиться чисто внешней группировкой, подбирая, в пределах возможности, к одному месту слова и выходки одной и той же личности, а также сводя кстати и попутно материал одинакового содержания по существу; таким образом, коснувшись, положим, астрологов и их предсказаний, подберем к фактам средневековой эпохи заодно и факты других времен, позднейших.

Св. Амвросий медиоланский в ответ евнуху Каллигону, который, показывая кулак, грозил расшибить ему голову, улыбаясь, ответил: “Услышь тебя Господь! Я претерплю то, что подобает претерпеть епископу, а ты сделаешь то, что подобает сделать евнуху”.

Сохранилось предание о некоем средневековом монахе Аммоне, который, чтобы отклонить от себя епископское звание, в которое его возводили против желания, отрезал себе ухо. Аббат Борделон впоследствии говаривал по этому поводу, что таких монахов теперь (т.е. в его время) уже нет, что нынешние скорее приделали бы себе по полудюжине лишних ушей, если б это понадобилось, чтобы стать епископом.

В Средние века, да и гораздо позднее, жизнь и смерть людей была в руках врача, так что на тогдашних несчастных эскулапов нередко возлагали такие ответственности, из-за которых в наше время никто бы не стал и учиться медицине. Так, Остригильда, жена бургундского короля Гонтрана, лежа на смертном одре, взяла со своего мужа торжественное слово, что если она умрет, то он вместе с нею зароет живыми ее

двух лейб-медиков.

Когда в Риме скончался всеми любимый папа Лев X, покровитель наук и искусств, и папский престол занял невежественный, почти непонимающий по-итальянски чужеземец, Адриан VI, ненавидевший поэзию и искусства, римляне были в полном отчаянии, но зато, когда Адриан умер, дом его врача, Джиованни Антрачино, был весь украшен венками и цветами и на нем появилась крупная надпись: “Римский сенат и народ - освободителю отечества”.

Кардинал Альборнос (живший в XIV в.), горячий приверженец папы, победил одного за другим семь главных врагов Рима - семь областных властителей. Но у него были завистники; они вооружили против него папу Урбана V, который потребовал от него отчета в его управлении завоеванными областями. Альборнос велел нагрузить на один воз все ключи взятых им и отданных папе городов, и волю, увенчанные лаврами, привезли этот триумфальный воз в Ватикан. Сам же Альборнос вошел к папе, преклонил перед ним колени и просил его принять от него отчет, который тот с него спрашивал. Растроганный папа обнял его и благодарил за себя и за всех своих преемников.

Духовник миланского владетельного князя Бернабо (умер в 1385) однажды застал его с женщиной. Чрезвычайно раздосадованный и смущенный Бернабо спросил монаха, что он сам стал бы делать, если бы судьба его свела один на один с такой прелестной женщиной? “Я знаю только, что я в таком случае не должен делать, - отвечал монах, - а что именно я сделал бы - не знаю”.

Папа Бенедикт XII, в мире Жак Фурнье, был сын простого булочника, отличался всею скромностью своего (незнатного) происхождения. За его племянницу, например, сватались богатейшие дворяне, но он отказывал им, говоря, что девушка совсем не такого высокого происхождения, чтобы вступать в брак с дворянином, и выдал ее за какого-то купца. Когда его посетили родственники, он ласково принял их, одарил на прощанье, но без особой щедрости, и в поучение им сказал: “Эти подарки вам делает ваш родственник Жак Фур-

ные; что же касается до папы, то у него родственников особых нет; его родня - это все бедные, все несчастные”.

Патер Бернар прославился своим смирением и добротой. Однажды он пришел к какому-то знатному дворянину ходатайствовать за кого-то, обратившегося к его посредничеству. Выслушав его, обеспокоенная просьбой особа пришла в великий гнев, отказала наотрез, а так как Бернар настаивал, то это уже привело дворянина в такой гнев, что он ударил патера по лицу. Бернар бросился к его ногам со словами: “О, монсиньор, ударьте меня и по другой щеке, но сделайте для человека то, о чем я вас прошу”.

Нечто подобное рассказывают о знаменитом Лангэ де-Жержи, настоятеле церкви св. Сульпиция в Париже, жившем гораздо позднее Бернара (1675-1750). Он тоже получил пощечину от кого-то и сейчас же тихо и кротко сказал обидчику: “Это для меня, сударь, а теперь дайте же что-нибудь и на моих бедных”.

Фома Аквинат, поступив послушником в доминиканский монастырь в Париже, предался нерушимому созерцанию и сделался молчаливым. Он вечно сидел в своей келье молча и глубоко задумавшись. Монахи монастыря, народ разбитной и веселый, жестоко трунили над новичком и прозвали его “немым волком”. И вот однажды, в досужую и шаловливую минуту, братия решила подшутить над будущим светилом католического богословия и придумала сказать ему, что на небе появился и летает вол. Фома вышел из кельи, как бы за тем, чтобы посмотреть на летучего вола, а монахи, поверив, что он в самом деле так мало смышлен и легковверен, подняли его дружно на смех. “Я очень хорошо знал, - сказал им Фома, - что было бы странно увидеть вола, летающего по воздуху, но мне казалось еще более странным увидеть целую толпу монахов, сговорившихся, чтобы сказать явную ложь”.

Знаменитый восточный воитель Амру был большой лакомка. В походах его всегда сопровождали повара и кухня, для погрузки которой требовалось триста верблюдов. Однажды после несчастливой битвы он попал в плен. Около него стоял и его неизменный походный спутник, повар. Амру об-

ратился к нему с просьбою дать что-нибудь закусить. А у повара оставался только кусок мяса да котел. Он положил мясо в котел, поставил его на огонь и отошел, чтобы поискать и принести еще чего-нибудь для стола своего повелителя. Как только повар отошел от котла, к нему подбежала собака, всунула голову в котел и схватила мясо. Но в эту минуту ручка котла упала и угодила как раз на шею собаке; та сделала несколько отчаянных попыток сбросить с шеи это бремя, но это ей не удалось, а между тем, на нее уже кричали люди, и перепуганный насмерть пес пустился улепетывать со всех ног, унося у себя на шее котел с обедом Амру. Видя это, пленный воевода, расхохотался, как сумасшедший. Один из приставленных к нему стражей спросил его о причине этой мало соответствующей минуте веселости. "Как же не хохотать, - отвечал ему Амру, - сегодня утром мою кухню едва везли триста верблюдов, а после полудня первая встречная собака унесла ее на себе всю целиком".

Когда Тамерлан одержал победу над Баязетом и взял его в плен, он приказал привести к себе пленного турецкого повелителя. Баязет был кривой, и Тамерлан, видя это, покатился со смеха. "Не смейся над моим несчастьем, Тимур, - сурово сказал ему Баязет, - знай, что распределение удачи и неудачи зависит от Бога, и что с тобой завтра же может случиться то, что сегодня случилось со мной". - "Я и без тебя знаю, - отвечал победитель, - что Бог раздает короны. Я вовсе не смеюсь над твоим несчастьем, храни меня Бог, но когда я на тебя поглядел, мне пришло на мысль, что для Бога все эти наши короны и скипетры недорого стоят, коли Он раздает их таким людям, как мы с тобой, - кривому, как ты, да хрому, как я".

Когда Солиман II шел на Белград, к нему однажды подошла какая-то деревенская женщина и жаловалась, что ночью, когда она спала, солдаты султана угнали ее скот. Султан засмеялся и сказал, что, верно, она очень уж крепко спала, коли ее можно было так обворовать. "Да, государь, я спала, - отвечала женщина, - но спала, положившись на бдительность, с какою вы охраняете общую безопасность и покой".

Слово было смелое, но Солиман был великодушен и вознаградил жалобщицу.

Один из кордованских калифов, Хаккам, отнял землю у бедной женщины и присоединил ее к своему обширному саду. Женщина рассказала о своем деле знаменитому мудрецу, судье Беширу, который и придумал способ усостыжить калифа. Однажды, когда Хаккам, окруженный блестящею свитою, сидел как раз в той беседке, которая была выстроена на отнятой у женщины земле, перед ним появился на своем осле Бешир, державший в руках пустой мешок. Удивленный калиф спросил его, что ему надо. "Повелитель правоверных, - воззвал к нему Бешир, - я прибыл просить у тебя позволения наполнить этот мешок землею, которою ты в настоящую минуту попираешь своими ногами". Хаккам позволил ему сделать это, и кади насыпал земли в свой мешок. Когда мешок был полон, он поставил его на землю, подошел к калифу и просил его о новой милости - помочь ему нагрести этот мешок на осла. Хаккама очень позабавила эта просьба, он встал и взялся за мешок. Но мешок был тяжел, и калиф, едва приподняв его, бросил его со смехом на землю. Тогда Бешир с важностью сказал ему: "Повелитель правоверных, этот мешок показался для тебя не под силу тяжелым, а между тем, в нем всего лишь ничтожная частица того поля, которое ты отнял у одной из твоих подданных. Подумай, как же ты будешь держать на плечах весь-то груз своего беззакония, с которым ты должен будешь появиться перед вечным Судьею?" Пораженный этим уподоблением, Хаккам обнял мудрого кади, горячо благодарил его и отдал землю обратно той женщине вместе с беседкою и со всеми богатствами, которые в ней были.

Один купец, по имени Жан, часто имея дела с Людовиком XI, бывал у него, и король принимал его всегда очень ласково, даже приглашал к своему столу. Ободренный королевским вниманием купец вздумал попросить себе дворянства. Людовик охотно исполнил его просьбу, но с этой минуты его обращение с купцом резко изменилось; король словно перестал даже замечать его присутствие. Однажды новоиспе-

ченный дворянин не вытерпел и сказал об этом королю, слезно жалуясь, что он такой немилости ничем не заслужил. “Видите ли г-н дворянин, - ответил ему король, - когда я раньше обедал с вами, вы для меня были первым человеком в вашем тогдашнем звании; теперь же в новом звании вы - последний, и другим будет обидно, если я выкажу вам особое внимание”.

Происшествие у Людовика XI с астрологом принадлежит к числу очень известных анекдотов. Этот кудесник предсказал, что дама, в которую король был влюблен, умрет через восемь дней. Так оно и случилось. Тогда Людовик призвал к себе астролога, и заранее приказав своей страже по поданному знаку схватить его и выбросить за окошко. Когда звездочет предстал перед ним, король сказал ему: “Ты, так хорошо знающий и предсказывающий судьбу других людей, знаешь ли ты свою собственную судьбу, можешь ли сказать, сколько времени тебе осталось жить?” Астролог, вероятно, предупрежденный об участи, которая ему была уготовлена, не сморгнув глазом, отвечал, что знает: “Я умру за три дня до вашей кончины, государь!” Этот ловкий ответ так подействовал на суеверного короля, что он тотчас же отменил свое распоряжение.

Далеко не так благополучно отделался итальянский звездочет, который вздумал предсказать близкую смерть Иоанну Галеасу, герцогу Миланскому: “Как ты узнал об этом?” - спросил его герцог. “По звездам, тайны которых открыты мне”, - отвечал шарлатан. “А сам долго проживешь?” - спросил герцог. “Моя планета сулит мне долгую жизнь”. - “Ну, так не верь своей планете, - сказал ему герцог, - ты умрешь сию же минуту”. И он приказал немедленно его повесить.

Говорят, что знаменитый Кардан, сам себе предсказавший смерть, был так сконфужен, когда смерть в назначенное им время не пришла к нему, что решил уморить себя голодом, чтобы только не посрамить астрологии.

Очень остроумно распорядился астролог великого могола Шах-Гехана. Один из сыновей этого восточного владыки был страстным любителем и почитателем астрологии, и Дарах (так звали звездочета) предсказал ему, явно рискуя соб-

ственной жизнью, что он будет на троне. А принц в тайне этого добивался. Когда же Дараху ставили на вид всю опасность положения, в какое он себя ставит этим рискованным предсказанием, он отвечал: “Какая же мне может угрожать опасность? Ведь будет что-нибудь одно - либо он станет царем, и тогда он меня наградит, либо он будет побежден, и тогда он погибнет, и мертвый будет уже не страшен мне”.

Арабский военачальник Хегиаг, живший при калифе Валиде, опасно захворав, посоветовался с астрологом, который и предсказал ему близкую смерть. Тогда Хегиаг сказал ему, что вполне верит в его науку, и потому с этой минуты уже не намерен с ним расставаться и возьмет его с собою на тот свет. А так как в этой жизни он ему больше не нужен, то он и спешит его отправить немедленно на тот свет, чтобы он там его встретил, как только сам Хегиаг туда явится. И он тотчас же распорядился, чтобы звездочету отрубили голову.

Интересно также приключение астролога Генриха VII, короля английского. Король спрашивал его: “Знаешь ли ты, где я проведу Рождественские праздники?” Астролог отвечал, что не знает. “Я искуснее тебя, - сказал ему король, - я знаю, что ты проведешь праздники в Лондонской башне”. И он немедленно распорядился заточить туда звездочета.

Людовик XI знал необыкновенную слабость своего любимца, епископа-шартрского Миль-д'Ильэ, к сутяжничеству, много раз его уговаривал бросить тяжбы и однажды выразил желание помирить его со всеми его врагами. “Ах, государь, молю вас, оставьте мне хоть два-три десятка тяжб, собственно для развлечения”, - ответил ему неизлечимый сутяга.

Людовик XI опрятностью не отличался. Однажды на его одежде появилось, например, весьма упитанного вида серое насекомое. Кто-то из телохранителей, заметив это, приблизился к королю, снял паразита и быстро устранил. “Что там такое?” - любопытствовал король. Гвардеец думал отмолчаться, из вежливости, но король настаивал, и тот должен был объявить, что поймал и предал казни...вошь. “А, ну что же такое? - заметил Людовик. - Это показывает, что я человек”, и приказал выдать верному служителю денежную награду.

Пример соблазнил всех. Через несколько дней другой гвардеец тоже подошел к королю и снял с него (или только сделал вид, что снимает) что-то. “Что там?” - спросил король. “Блоха”, - тихо сказал услужливый гвардеец. “Болван, - закричал на него король, - откуда на мне возьмется блоха, собака я, что ли!” И вместо денежной награды приказал дать ему сорок палок.

Людовик XI, несмотря на свой мрачный и подозрительный нрав, умел, однако, ценить заслуги и воздавать людям должное. Так, при осаде Кенуа он был свидетелем необычайной, огненной отваги капитана Рауля де'Ланнуа. После боя он собственноручно надел ему на шею массивную золотую цепь, сказав при этом: “Pasques Dieu (его любимое слово непереводимое междометие)! Друг мой, вы слишком буйны в бою, вас надо заковать в цепь; я не хочу потерять вас и намерен и впредь всегда пользоваться вашими услугами”.

Тот же король, встретив однажды епископа шартрского верхом на богатейше убранном коне, сказал ему: “Древние епископы так не ездили”. - “Так, государь, - отвечал владыка, - но ведь это было в те времена, когда короли сами пасли свой скот”.

Аббат Бень, при Людовике XI, прославился прелестным каламбуром, к сожалению, непередаваемым в переводе и непонятным без объяснений. Людовик просил его уступить свое место кому-то другому. “Государь, - сказал Бень, - я сорок лет учусь азбуке и за это время успел выучить только буквы А Б... Мне надо же некоторое время, чтобы выучить две следующие буквы: С, Д”. Бень был аббат; аббат по-французски *abbe* (как бы сочетание двух первых букв азбуки - *ab* (а-бэ)); уступить по-французски *ceder* (как бы сочетание третьей и четвертой буквы азбуки, - *cd*, - сэ-дэ).

Ален Шартье, “отец французского красноречия” (живший во времена Карла VII и Людовика XI), однажды случайно заснул, сидя на скамейке во дворце. В это время через тот зал, где он спал проходила Маргарита Шотландская, жена Людовика XI. Увидев Шартье, она подошла к нему и тихо поцеловала его. Когда ей выразили удивление, что была ей за охота целовать такого невзрачного мужчину, она сказала:

“Я целовала не мужчину, а целовала уста, из которых изошло столько красноречивых слов и мудрых мыслей”.

Людовик XII, когда еще был дофином, осведомился о том, что какой-то дворянин из его придворного штата приколотил крестьянина. Людовик осердился на драчуна и приказал за обедом не давать ему хлеба. Когда же царедворец возроптал, дофин призвал его и спросил: “Какая пища необходимее всех?” - “Хлеб”, - отвечал тот. “Как же вы не можете рассудить, что нехорошо бить того, кто нам растит хлеб?”

Главнокомандующий венецианской армией Альвиане, выступавший против французского войска, бывшего под предводительством короля Людовика XII, был взят французами в плен и отведен в их лагерь. Людовик оказал ему всяческое внимание. Но венецианский вождь, более потрясенный своим военным несчастьем, нежели растроганный любезностью и великодушием победителя, на все любезности отвечал гордым и пренебрежительным молчанием. Людовик тогда отослал его к другим пленникам. “Надо оставить его в покое, - говорил он при этом, - а то я, пожалуй, раздражусь и будет нехорошо. Его я победил, надо, чтобы я и себя сумел победить”.

Генрих III (обладавший, к слову сказать, престранной слабостью - боязнью кошек, с которыми ни за что на свете не оставался один на один в комнате) прославился каламбуром, сказанным им по историческому поводу. Он предложил Наваррскому королю союз против общего врага - Лиги. Во время первого свидания двух королей Генрих, встречая Наваррского короля, которого тоже звали Генрихом, сказал ему: “Мужайтесь, государь, два Генриха (Henri) стоят больше, чем один Карл” (Carolus). Так назывались тогдашние ходячие монеты. Карлом же звали главнокомандующего войсками Лиги.

Однажды во время Сен-Жерменской ярмарки Генрих III увидал спящего юношу, по имени Бенуаз, который ему очень понравился. Он позаботился о нем, дал ему хорошее место, а потом взял к себе в личные секретари. Генрих III много пи-

сал, а писали тогда гусиными перьями, которые надо было чинить. Молодой человек обладал этим талантом - чинить перья, в совершенстве. Однажды, очинив перо для короля, он, чтобы его испробовать, написал на листе бумаги слова: "Заведующий моими личными сбережениями"... Лист остался случайно на столе, король увидал его, и фразу, начатую Бенуазом, закончил так: "Выдайте предьявителю сего Бенуазу, моему секретарю, три тысячи экю" и подписал.

Мэр города Амьена, приветствуя речью вступавшего в город предводителя Лиги, герцога Омальского, между прочими лестными вещами сказал ему: "Я видел вашу матушку. Она далеко не такая большая, как вы. Но недаром же говорится, что маленькая коровка рождает крупных телят".

Карл Великий обычно сам припечатывал свои указы головкою своего меча, где была награвирована его печать, и при этом часто говаривал: "Вот мои указы", а потом, показывая меч, прибавлял: "А вот то, что заставит моих врагов исполнять их".

Герцоги д'Оссунна сверх родового имени Тельес (Tellez) имеют еще другую прибавку к имени, именно прозвище *gigon*, что по-испански значит клочок, кусок ткани, тряпка. По преданию, происхождение этой клички относится к времени царствования короля Альфонса VI. В бою при Сагре, в 1086 году, король держался в первых рядах бойцов и под ним убили коня. Один из окружающих, и именно Тельес, предок герцогов Оссунна, тотчас уступил королю своего коня. Но в то время, как король садился на коня, Тельес своим мечом отрезал кусок от его мантии. После битвы король спросил, кто отдал ему своего коня. "Я", - отвечал Тельес. Король не мог признать его в лицо, в пылу боя не всмотрелся в него, и потому спросил, чем он докажет, что конь принадлежит ему. "А вот чем", - отвечал Тельес и подал королю кусок от его мантии. "Какую ты требуешь себе награду?" - спросил король. "Я прошу только одного, - ответил Тельес, - чтобы мне было даровано право прибавить к моему имени прозвище *gigon*, которое будет напоминать об услуге, оказанной мною коро-

лю”.

Однажды, в то время, когда Карл V был во Франции гостем французского короля Франциска I, оба монарха, проходя по улице, встретили патера, несшего куда-то Св. Дары. Карл был очень удивлен тем, что Дары несет один патер, что его никто не сопровождает. “Как же это, - спросил он, - у вас за Св. Дарами никто не идет, а у нас в Испании их сопровождала бы целая толпа”. - “Так и быть должно, - ответил Франциск. - У вас в стране есть мавры, есть жидаы, те и другие враги плоти Христовой, и вы должны ее сопровождать и охранять, когда ее несут. Здесь же, у нас, нет врагов Христовой веры, а потому и охранять плоть Христову не от кого”.

Фернан Кортес дал Карлу V очень надменный ответ, будучи раздражен невниманием, с каким император и двор отнеслись к нему после возвращения из Америки. Карл, встретив его во дворце, не узнал его или сделал вид, что вовсе его не знает, и спросил: “Кто вы такой?” - “Я тот, - отвечал гордый завоеватель, - кто дал вам больше провинций, чем ваши предки оставили вам городов”.

Карл V знал много языков, что, конечно, было ему не бесполезно при обширности его владений и разноплеменности их населения. По поводу разных языков он говорил: “С Богом я говорил бы по-испански, с мужчинами - по-французски, с женщинами - по-итальянски, с друзьями - по-немецки, с гусями - по-польски, с лошадьми - по-венгерски, а с чертями - по-чешски.”

Карл V имел привычку, проходя мимо виселиц, отдавать им поклон, - “из уважения к правосудию”, как он объяснял. В этом он, кажется, подражал своей бабке, Изабелле Кастильской, у которой, по ее словам, “душа радовалась”, когда она видела, что виселицы не пустуют, не стоят праздно.

В церкви рассорились две знатные дамы из-за мест. О ссоре доложили императору Карлу V. Он призвал дам, выслушал их резоны и порешил так: “Если вы сами не сможете разрешить ваш спор, то я вам разрешу его; я повелеваю, чтобы спорное место осталось за той, которая глупее и некрасивее”. Дамы нашли возможным очень быстро помириться.

Карл V обещал герцогу Орлеанскому сделать его герцогом Миланским. Переговоры об этом велись через коннетабля Монморанси. Карл V, подтверждая якобы свое обещание, сказал коннетаблю: “Я хочу того же, чего хочет мой брат”. Монморанси, совершенно удовлетворившись ответом так передал и герцогу. Но при встрече в Валансьенне, когда Монморанси напомнил ему об его обещании, Карл отвечал ему, что ничего не обещал. “Как, - возразил коннетабль, - но вы сами же сказали: “Я хочу того же, чего хочет мой брат”? - “Это верно, - ответил Карл, - я хочу того же, чего хочет брат: он хочет заполучить Миланское герцогство и я хочу того же”.

Однажды Карл V на исповеди принес покаяние во всех своих личных прегрешениях, но при этом ничего не упомянул о каких-либо провинностях по части управления своим обширным государством. Тогда его духовник сказал ему: “Вы сказали мне грехи Карла, но теперь исповедайте грехи императора”.

У Карла V был шут по имени папа Тейн. Однажды, когда он, как это бывало со всеми шутами, несколько переселил в своей шутовской вольности, Карл распорядился, чтобы его не впускали в кухню и вообще выдержали несколько дней в более или менее суровом посте. Узнав об этом, папа Тейн набрал досок и ими наглухо заколотил все уборные кабинеты по всему дворцу. Разумеется, об этой выходке довели до сведения императора. Тот позвал шута и спросил его, что обозначает та дичь, которую он совершил. “Коли при дворце прекращена еда, - остроумно ответил шут, - то к чему же тогда эти места?”

Карл V чрезвычайно ценил художественный гений Тициана. Однажды, когда Тициан, работая в его присутствии, уронил кисть, Карл поднял ее и подал художнику со словами: “Тициан стоит того, чтобы ему служил цезарь”. Идя с ним рядом, Карл всегда уступал ему правую руку. “Я могу создать герцога, - говорил он, - но где я возьму другого Тициана?”

Свирепый герцог Альба советовал Карлу V сжечь город Гент, когда его жители подняли бунт в 1539 году. Карл вместо ответа приказал ему подняться на высокую башню и

оттуда окинуть взглядом город, который был громаден. Когда же герцог спустился, император спросил у него: “Сколько же понадобится испанских кож, чтобы соорудить *перчатку* такого размера (по-французски игра словами: Gand-название Гента и gant-перчатка).

Однажды бунтующая толпа начала швырять камни в статую императора Константина. Какой-то придворный, рассчитывавший выслужиться, довел об этом до его сведения, распространившись, конечно, о том, что нет такой казни, которая была бы слишком жестока, чтобы покарать дерзких, осмелившихся бросать камни в лицо императора. Константин, проведя рукою по лицу, сказал на это: “Я вовсе не ранен”.

Император Феодосий одно время колебался в вере и готов был пристать к последователям Ария. Иконский епископ Амфилохий решил положить предел его колебаниям какою-нибудь смелой и остроумной выходкою. Он собрал несколько своих знакомых, таких же, как он, высших духовных лиц, и во главе их отправился во дворец, где пришедшим была дана императором аудиенция. Феодосий восседал на троне, а с правой руки у него сидел его сын, только что недавно коронованный в наследники. Придворные не переставая льстили отцу, расточая самые пышные похвалы и пожелания отроку. Амфилохий же, войдя в зал, поклонился лишь самому Феодосию, а на сына как бы и вовсе не обратил внимания. “Разве ты не видишь моего сына? - спросил его раздраженный Феодосий. “Ах, да, - спохватился Амфилохий, - я и забыл о нем. Здравствуй, дитя мое”, - и он ласково потрепал мальчика по щеке. Такая вольность уже вывела из себя императора и, обратясь к своим телохранителям, он приказал им вывести вон дерзкого, оскорбляющего его сына. Тогда Амфилохий, обратясь к нему, сказал: “Ты видишь, царь, ты не можешь потерпеть, чтобы твоему сыну нанесли оскорбление, и твой гнев возгорается на тех, кто его обижает. Не сомневайся же, что и Бог не милует тех, кто произносит хулу на Его единородного Сына, и суди сам, что тебе надо делать”. Смущенный этими словами Феодосий молча встал и вышел из палаты.

Юлиан-Отступник, вступив во дворец, немедленно очистил его от излишней роскоши, утонченности и бездельников. Однажды он послал за брадобреем, и перед ним предстал человек, одетый в великолепные одежды. Император тотчас его отослал прочь, сказав ему: “Мне надо было не сенатора, а цирюльника”.

Королю кастильскому Альфонсу подали однажды длинный список дворцовой прислуги, разделенной на две группы: людей нужных и людей бесполезных, лишних, которых можно рассчитать. Король оставил на службе всех, сказав при этом: “Эти мне нужны, а этим я нужен”.

Когда герцог Иоанн Анжуйский подошел к стенам Неаполя во главе огромной армии, на развевавшихся знаменах его осажденные прочли надпись, для которой он взял известный евангельский текст: “Был человек, посланный от Бога, имя которого было Иоанн”. Защищавший город король Альфонс Арагонский в ответ на этот вызов приказал написать на своих знаменах текст из соседнего места Евангелия: “Пришел и не приняли его”.

Данте, подвергшийся преследованиям в своем отечестве, был вынужден перебраться в Верону, где принц Альбуино д’Эскале оказывал ему значительно меньше внимания, нежели своему шуту. Кто-то, заметивший эту странность, выразил свое удивление великому творцу “Божественной комедии”, но Данте ограничился в ответ замечанием: “Это потому, что каждый больше любит себе подобного”.

Микеланджело, в первый раз увидев сына живописца Франча, юношу поразительной красоты, заметил: “Твой отец-то, видно, лучше умеет мастерить живые фигуры, чем писать их красками”.

Кальвин в то время, как он учился в Орлеане, то и дело возводил разные провинности на своих школьных товарищей, которые за это дали ему кличку “*accusativus*” (латинское название винительного падежа). Про него часто говорили: “Жан

(его имя) умеет склонять только до винительного падежа”.

Про знаменитого Аретино сохранилось предание, что он умер от хохота. Его сестры были по своему поведению полной парой брату, если судить о нем по его произведениям. И вот однажды, когда ему рассказали про какие-то приключения одной из его сестриц, он нашел казус до такой степени уморительным, что закатился судорожным хохотом, свалился со стула, со всего размаха ударился головою в каменный пол и умер на месте. Это, пожалуй, была бы смерть, достойная жизни. Подобную же вещь рассказывают об Эразме. Он, будто бы, так бешено хохотал, читая какую-то напыщенную латинскую книгу, написанную варварским языком одним из тогдашних философов-схоластиков, что от хохота у него прорвался веред, очень его перед тем мучивший.

Про Аретина же рассказывают, что когда Карл V, возвратясь из своего неудачного похода в Африку, прислал ему в подарок драгоценную золотую цепь, чтобы зажать эту подачку его злой рот и чтобы он не поднимал неудачу императора на зуб, Аретин, будто бы, грустно посмотрел на эту цепь и сказал: "Этакая маленькая цепочка за молчание о такой большой глупости!"

Знаменитейшие поэты эпохи Возрождения - Тассо, Камюэнс, Ариосто жили в большой нищете. Тассо то и дело занимал, где мог, несколько мелких монет и старался прожить на них целую неделю. Он часто шел пешком, покрытый лохмотьями, чтобы посетить свою сестру, из Феррары в Сорренто. Он поэтически намекает на свою нищету в известном сонете, который посвятил своей кошке, прося ее дать ему блеск ее глаз взамен свечки, на которую у него не было денег. Камюэнс жил пенсией в двадцать экю, которую ему назначил король Себастьян. Часто по вечерам он посылал своего слугу просить милостыню. Ариосто жил в крошечном домике. Его друзья иной раз спрашивали его, как это он в своем "Роланде" описывает все такие великолепные дворцы, а себе выстроил такую жалкую лачугу. "Потому, - отвечал им знаменитый поэт, - что складывать слова в стихи много легче, чем складывать кирпичи в стены!"

Всякий знает, что такое силлогизм, и знает также, что есть разные виды силлогизмов, в том числе и так называемый рогатый. Древние очень его любили, потом он впал в забвение, а в Средние века его вновь ввели в широчайшее употребление. Этого рода игра диалектики чрезвычайно занимала императора Конрада III, который любил собирать у себя за столом ученых и слушать, как они сражаются между собой с помощью излюбленных рогатых силлогизмов. И вот однажды кто-то из этих застольных мудрецов вдруг спросил у Конрада: “Есть ли у вас глаза?” - “Да, разумеется”, - ответил император. “А есть ли у вас два глаза?” - продолжал виртуоз словесных хитросплетений. “Есть, без сомнения”. - “Один и два будет три. Значит, у вас три глаза”. Когда изумленному и опешившему императору объяснили, наконец, технику этой игры ума, он много смеялся и заметил, что ученые люди народ веселый. Кстати скажем, что классическим примером рогатого силлогизма служит цепь умозаключений, приводимая во всех старинных курсах логики и диалектики: “Эпименид утверждает, что все критяне лжецы. Но сам Эпименид критянин. Следовательно, он солгал. Следовательно, критяне не лжецы. Следовательно, Эпименид не солгал”, и т.д. до бесконечности, ибо найти конец этой цепи нет возможности.

Боярд командовал гарнизоном Мезиера в то время, как город осаждал Карл V. Император послал в город требование о сдаче. Боярд, “рыцарь без страха и упрека”, отвечал послу: “Скажите вашему господину, что французский *гнедой* (bayard - простонародное произношение слова bai, означающего гнедой) не боится немецкого *рыжего*”.

Известнейший скупец Котлер говорил однажды герцогу Букингему (известному моту): “Живите, как я”. - “Жить, как вы, мистер Котлер? - сказал Букингем. - Да к чему же мне спешить? Когда у меня ничего не останется, вот тогда я и буду жить так, как вы”.

После того, как португальцы овладели Индией (1498 г.),

они нашли необходимым занять также богатый город Ормуз, на Персидском заливе, бывшем в то время столицей особого царства. Заняв город, португальцы сейчас же принялись за постройку в нем крепости. В это время персидский царь прислал к ним посла с требованием дани, которую ему ежегодно выплачивал город, взятый португальцами. Португальский главнокомандующий, знаменитый Альбукерке, приказал принести большой котел и наложить в него ядер, пуль, гранат, сабель, копий и т.п. и сказал персидскому послу: "Ступай, отдай этот котел персам и скажи им, что такова дань, которую платят король португальский и другие короли, ему подвластные, всем тем, кто требует с них дани!"

Однажды к Филиппу II Августу (умер в 1223), королю французскому, пристал какой-то уличный фокусник и упорно просил у него пособия, под тем предлогом, что они родственники. "С какой же стороны", - любопытствовал король. "Если верить ученым и добросовестным людям, мы - братья, братья по Адаму. Только Адамово наследство было поделено неравномерно между мною и вами, государь". - "Возьми, - сказал ему король, протягивая мелкую монету, - я отдаю тебе твою долю Адамова наследства. Будь доволен, потому что если бы я начал по столько раздавать всем моим братьям, таким же, как ты, так у меня у самого не осталось бы и того, что я дал тебе".

Однажды на походе, по-тогдашнему (в XIV веке) обычаю, один из солдат короля Иоанна затянул песенку о Роланде. "Давно уж не слыхать во Франции о Роландах", - заметил король. "Были Карломаны (так французы зовут Карла Великого), были и Роланды", - ответил ему один старый офицер.

Людовик Толстый самолично участвовал в одном бою. Неприятельский солдат схватил его лошадь за узду и крикнул: "Король взят в плен!" Людовик положил его на месте ловким ударом меча, приговаривая: "Ты не знаешь, что в шахматной игре короля никогда не берут?"

В эпоху религиозных войн во Франции случилось однажды, что какой-то капитан из гугенотов повстречал двух иезуитов, ехавших верхом. “Вы кто такие? За кого вы?” - “Мы из Иисусова Общества”, - отвечали иезуиты. По-французски иезуитский орден называется “Compagnie de Jesus”; но слово “compagnie” означает также роту в военном смысле. Гугенот, играя словами, сказал им: “Я знаю вашу роту, но она пехотная. Долой с коней, святые отцы!” И он забрал иезуитских лошадей.

Чрезвычайная деликатность чувств, которой отличался король Альфонс Арагонский, подсказала ему однажды очень остроумное средство для розыска краденого. Он зашел как-то в магазин к ювелиру в сопровождении большой свиты. Все принялись рассматривать драгоценности, и кончилось тем, что у купца пропал очень ценный бриллиант. Король приказал принести ведро с отрубями и затем распорядился, чтобы все лица свиты опускали в отруби сжатую руку, а вынимали бы ее из них разжатую. Он сам первый и начал. Когда все опустили руки в отруби, их высыпали на стол, и бриллиант нашёлся в отрубях. Купец был удовлетворен, а вор остался неизвестен и избежал позора.

Папа Иоанн XXII имел случай сделать весьма убедительный опыт над всемогуществом женского любопытства. Монахини какого-то монастыря просили его, чтобы он им разрешил исповедываться между собою, а не у мужчин, ссылаясь на женские слабости, на чувство стыдливости и т.д. Папа был вовсе не прочь дать им эту льготу, но его смущало то, что исповедь требует полной тайны, а способна ли к этому женщина, хотя бы и монахиня?... Он решил сделать искус. Уверив монашек, что их просьбу обдумает и наверное исполнит, он через несколько времени принес им ящик, в который запер птичку, и просил под великую тайною сохранить у себя этот ящик всего лишь несколько дней, но при этом строго-настрого приказал оставить всякую мысль о том, чтобы дознаваться, что заключено в ящике, пригрозив даже отлучени-

ем за непослушание. Конечно, едва только он удалился, как любопытство превозмогло, ящик был вскрыт и птичка улетела. После того папа явился в монастырь и сказал, что принес просимое монашками разрешение насчет исповеди, и только захотел сначала взглянуть на свой ящик. Найдя же его пустым, он имел уже полное право отказать просительницам. Если, дескать, вы не утерпели двух-трех дней и нарушили тайну даже под угрозой отлучения, то как же можно вам ввести тайны исповеди, которых никто не должен знать, кроме Бога и духовника.

У итальянцев есть поговорка: “Tu m’aduli, ma tu mi piace”, т.е. ты мне льстишь, но мне это нравится. Эта была любимая поговорка папы Иоанна XXIII. “Я знаю, - говорил он, - что все хорошее, что обо мне говорят, сущий вздор, но я слушаю этот вздор с удовольствием”.

Какой-то шарлатан заявился к папе Льву X и хвастал, что открыл секрет делать золото. Он ожидал себе награды от папы, который был известен как покровитель наук и искусств. Папа его и наградил, приказав дать ему огромный кошель. Что же, дескать, дать человеку, умеющему делать золото, кроме мешка для его хранения?

В числе паразитов, ютившихся около этого папы, был какой-то пьяница, выдававший себя за поэта и называвший себя архи-поэтом. Однажды за столом Лев X приказал ему сказать стихи немедленно, экспромтом. Тот прежде всего выпил кубок вина, для вдохновения, а затем произнес свой стих: “Archi-poeta facit versus pro mille poetis”, т.е. архи-поэт делает стихи за 1.000 поэтов. А папа сейчас же подхватил и сказал вторую строфу: “Et pro mille alliis archi-poeta bibit”, т.е.: а за 1.000 других архи-поэтов пьет.

В ряду римских пап можно видеть всевозможные нравственные обличия человека, со всеми его слабостями и страстями. Был среди них, между прочим, и человек, которому решительно следовало бы носить меч вместо жезла пастырского. Это был Юлий II. Он заказал Микеланджело свою статую, и когда художник спросил, как его святейшество прика-

жет себя изобразить, без сомнения, дескать с книгою в руке? Папа отвечал: “Нет, со шпагою, я ею гораздо лучше владею”.

Знаменитый Пико делла Мирандолла в самом раннем детстве поражал всех своим умом, преждевременным развитием и знаниями. Ему приписывается острота, которая потом на сотни ладов применялась к другим знаменитостям и передавалась просто в виде безымянного анекдота. Какой-то брюзга-кардинал, слыша похвалы, расточаемые мальчику, сказал, что все эти дети-скорооспелки блещут умом только в детстве, а чем больше вырастают, тем становятся глупее. “Если это вы верно говорите, - сказал ему маленький Пико, - то надо думать, что ваша эминенция в детстве отличалась большим умом”.

Генрих V, король английский, человек воинственный и жестокий, был большим любителем пожаров. Ведя войну, он производил поджоги направо и налево, стараясь, чтобы на пути его победоносного шествия не оставалось ничего, пощаженого огнем. Он не мог представить себе войны без пожаров. “Война без пожаров, - говаривал он, - это все равно, что колбаса без горчицы”.

Шут Франциска I Трибулэ жаловался королю на какого-то придворного, который был очень зол на шута и грозил ему жестокой потасовкой. Король, стараясь успокоить любимца, сказал ему, чтобы он ничего не боялся, что “кто убьет Трибулэ, тот сам будет через четверть часа после того повешен”. “О, государь, коли вы так милостивы ко мне, по повесьте его за четверть часа до того, как он убьет меня”, - взмолился остроумный шут.

Удивительная по смелости и находчивости проделка была выполнена одним вором в присутствии Франциска I. Дело было во время богослужения. Франциск вдруг заметил, что какой-то человек, осторожно подойдя к кардиналу Лоррену, тихонько протянул руку и запустил ее в поясную сумку кардинала. Заметив в то же время, что король смотрит на него в упор, этот человек стал делать королю знаки, как бы убеждая его молчать и не показывать вида. И удивительное дело:

король, как малое дитя, поддался этому, он вообразил, что кто-то из придворных задумал подшутить над кардиналом, и что из этого потом выйдет очень забавная сцена, когда кардинал обнаружит пропажу. И король с наивным удовольствием ожидал развязки. Когда служба кончилась, он сам пошел к кардиналу и заговорил с ним, стараясь так обернуть разговор, чтобы тот полез в свою сумку. Так и случилось, и, конечно, кража сейчас же обнаружилась, а главное, сейчас же обнаружилось и исчезновение вора. Кража была настоящая и притом артистическая. "Честное слово, - воскликнул Франциск, когда дело разъяснилось, - это первый случай в моей жизни, когда вор избрал меня своим пособником и сообщником с моего доброго согласия!"

Франциск I, собираясь в свой неудачный итальянский поход, собрал военный совет, на котором, между прочим присутствовал и его любимый шут, знаменитый Трибулэ, герой драмы Гюго "Le roi s'amuse" ("Король забавляется") и оперы "Риголетто". Собравшиеся на совет сосредоточили все свое внимание на том, как проникнуть в Италию, какою дорогою следовать. Предлагались разные направления, и все затруднение, как казалось совещавшимся, состояло в выборе этого направления, так что, когда этот вопрос был решен, то все и успокоилось на мысли, что больше и разговаривать не о чем. Когда заседание кончилось, Трибулэ, все время сидевший молча, сказал: "Все вы, господа, воображаете, что наговорили Бог весть сколько умного, а между тем, ни один из вас даже и не заикнулся о самом главном". "О чем же это?" - спросили его. "А вот о чем. Все вы говорили о том, как войти в Италию, а никто из вас и не подумал о том, как из нее потом уйти". И слова шута роковым образом оправдались.

Франциск I был великий женолюбец и, подобно пчеле трудолюбивой, собирал дань со всех цветков, в какой бы среде они не произрастали. Так, однажды он влюбился в жену какого-то купца. Но муж оказался вовремя осведомленным о высочайшем одобрении, которого удостоилась его законная половина, был настороже и отразил натиск короля с неподражаемым остроумием. Франциск избрал одну весьма подходящую для приключения ночь и направился к дому купца.

Но едва он подошел к двери дома, как муж, добрый верно-подданный, распахнул настежь окно и во все горло возопил: "Vive le roi!" (Да здравствует король!). Франциск расхохотался и вернулся домой.

Франциск всегда говорил, что он первый дворянин Франции, и вообще высоко ценил и ставил благородство происхождения людей и никогда не позволял никаких непристойных шуток и выходок против дворянства. Он простил такую выходку только своему любимцу Дюшателю. Он хотел поставить его в епископы и по этому поводу спросил его, какого он происхождения, дворянин ли он? "Государь,- отвечал Дюшатель, - у Ноя в ковчеге были три сына, но я, право, не смогу вам сказать, от которого именно из них я происхожу".

Однажды Франциск I играл в мяч и позвал к себе на помощь какого-то подвернувшегося монаха. Тот сделал бесподобный удар мяча, и восхищенный король воскликнул: "Вот это по-монашески!" - "Это не по-монашески, а по-настоятельски, если б на то была воля вашего величества", - поспешил сказать воспользовавшийся случаем чернец. Франциск тут же обещал ему настоятельство (аббатство) и скоро исполнил свое обещание.

Маршал Бриссак был столь счастлив с женщинами, что, по преданию, и всей своей блестящей карьерой был обязан покровительству прекрасного пола. Одно время он был усердным и частым посетителем г-жи д'Этамп, к которой заходил и Франциск. И вот однажды случилось, что Франциск явился к ней как раз в то время, когда у нее был Бриссак. Тот, застигнутый врасплох, залез под кровать. Добродушный Франциск хорошо знал, что его соперник лежит под кроватью. Король захватил с собою свое любимое лакомство - котиньяк (халву из айвы). Полакомившись сам, он кинул коробочку под кровать со словами: "На и тебе, Бриссак, что ж так лежать!" Вообще Франциск был редкостно добродушен и снисходителен со своими соперниками.

У Франциска был министр Дюпра, человек богатый, но жадный и до денег, и до почестей, которыми Франциск и осыпал его, имея в виду попользоваться его золотом. Но крижистый Дюпра не раскошеливался. Тогда король придумал улов-

ку. Он объявил Дюпра, что получил от своего римского посла известие о смерти папы. Честолюбивый Дюпра сейчас же сообразил, нельзя ли ему будет угодить в папы? "Государь, - сказал он Франциску, - в интересах государства было бы в высшей степени важно посадить на папский престол вашего доброго подданного, беззаветно преданного вашему величеству". - "Разумеется так, - подхватил король, - и разумеется, никого иного, как тебя. Но ты знаешь, что надо подмаслить кардиналов, а для этого нужна такая куча золота, что я в настоящую минуту не могу об этом и думать". Дюпра немедленно прислал королю две бочки золота. "Вот теперь отлично, - сказал Франциск, - чего не хватит, я уж добавлю из своих". Между тем, из пришедших частных известий из Рима явствовало, что папа жив и здоров. Дюпра бросился к королю и просил вернуть ему его бочки с золотом. Но Франциск сказал ему: "Подожди, это все напутал мой посол; вот я его за это хорошенько выберу. А ты не торопись, ведь папа все равно рано или поздно помрет, твои деньги и пригодятся".

Очень забавно приключение Франциска I с ворами, хотя его приписывают и другим французским королям. Король однажды заплутался в лесу во время охоты, и, увидев какую-то хижину, вошел в нее. В ней было четверо таинственных незнакомцев, которые все сделали вид, что они спят в ту минуту, когда король вошел. Потом вдруг один из них, как бы внезапно проснувшись, сказал королю: "А ведь шляпа-то на тебе моя, я это сейчас видел во сне". И он овладел шляпою короля. После первого проснулся другой; этот тоже видел во сне, что кафтан на короле принадлежит ему. Точно также третий сновидец овладел какою-то вещью, а четвертый - охотничьим рогом короля на великолепной золотой цепи. "Подождите, пожалуйста, - сказал король последнему из грабителей, - я хочу вам только показать, как обращаться с этою вещью". И, схватив рог, он громко затрубил. Свита, давно его искавшая, тотчас кинулась на звуки рога, и скоро в хижине появилась толпа егерей, с недоумением смотревших на компаньонов короля. - "Эти господа, - сказал Франциск, - видели во сне, что все, что на мне было надето, будто-бы принадлежало им, а я видел во сне, что их надо отвести к ближнему

судье и усыпить их таким сном, в котором снов уже не бывает”.

Однажды Крильон, один из любимых генералов Генриха IV, прислал ему письмо, в своем роде образцовое произведение краткого и сжатого стиля: “Государь, три слова: денег, либо отпуск”. Генрих отвечал: “Крильон, четыре слова: ни того, ни другого”.

Выслушав любовное признание Генриха IV, Катерина Рогань (впоследствии герцогиня де Пон) отвечала ему: “Государь, я не столь высокого происхождения, чтобы стать вашей супругой, и вместе с тем достаточно благородна, чтоб не быть вашей любовницей”.

Генрих IV очень недолюбливал тех, кто брался судить о вещах, выходявших за пределы их ремесла, специальности, вообще понимания. Так, однажды какой-то прелат очень пространно и очень нелепо рассуждал при нем о войне. Послушав его некоторое время, Генрих вдруг, совершенно неожиданно, прервал его вопросом, какого святого память в тот день праздновалась церковью, давая ему этим знать, что в святцах он может не иметь соперника, но о военном деле рассуждать ему не подобает.

Во время Генриха IV случилось, что один тогдашний знаменитый врач обратился из гугенотов в католики. Тогда Генрих сказал своему любимому министру Сюлли, остававшемуся гугенотом: “Ну, друг мой, твоя религия плоха здоровьем, от нее уже доктора отступились”.

Когда он же спросил у одной придворной девицы, в которую был влюблен, какою дорогою надо идти, чтобы попасть к ней в комнату, она отвечала ему: “Через церковь, государь!”

Однажды, отстав во время охоты от своей свиты, Генрих IV наехал на какого-то сидевшего у дерева мужичка и спросил его, что он тут делает. Тот отвечал, что ему сказали о королевской охоте в их лесу, и он, никогда не видав короля, пошел в лес, в надежде встретить его там и посмотреть “какой-такой у нас король”. “Садись ко мне на коня, - пригласил его Генрих, - я тебя доведу до того места, где соберется

вся охота; там ты увидишь короля”. Поехали. По дороге мужичек спросил, как ему узнать короля. “Очень просто, - объяснил ему Генрих, - ты смотри всем на головы; все снимут шляпы, только один король останется с покрытою головою”. Когда подъехали к охоте, все ее участники, увидав короля, сняли шляпы. “Ну, теперь видишь, кто король?” - спросил Генрих у своего спутника. “Ей-Богу, не разберу, - отвечал сбитый с толку мужичек, - должно полагать, либо я, либо вы, потому что только мы двое остались в шапках”.

Генрих IV однажды в самый разгар войны зашел в дом одного из своих офицеров в Алансоне. Муж был на войне, жена же, желая угостить короля, тщетно посылала прислугу во всему городу, чтобы купить что-нибудь на обед королю. Она решилась, наконец, откровенно рассказать о своих затруднениях королю, прибавив при этом, что ей удалось найти только хорошего индюка у одного из соседей, но тот настаивает, чтобы индюк был съеден не иначе как при его участии. Король, осведомившись, что это за человек, будет ли он добрым застольным собеседником, и успокоенный на этот счет, изъявил согласие пообедать с ним в компании. Сосед оправдал свою славу балагура. Генрих все время хохотал над его рассказами. Под конец обеда владелец индюка, сначала делавший вид, что не знает короля, признался, что сразу узнал его, и скорбел о том, что случай послал ему, королю, такого ничтожного застольного собеседника. “Честь моего короля дорога для меня, - ораторствовал хитроумный сосед офицерши, - и мне тяжело при мысли, что эта честь может пострадать от того, что у короля за столом был такой ничтожный собеседник, а чтобы предупредить это несчастье, я вижу только одно средство”. - “Какое?” - “Сделать меня дворянином”. Генрих расхохотался до колики и сказал: “Черт возьми, великолепная мысль! Ты будешь дворянином и на твоём дворянском гербе будет твой индюк!”

Однажды, увидав у себя много седых волос, Генрих IV сказал присутствовавшим: “Знаете, ведь это меня извели и так состарили приветствия и адреса, которые мне пришлось вытерпеть и выслушать с тех пор, как я стал королем”.

Какой-то дворянин, прислуживавший Генриху IV за сто-

лом, подавая ему вино, вместо того, чтобы его только попробовать, по-тогдашнему обычаю, по рассеянности выпил весь кубок до дна. "Послушай, - сказал ему Генрих, - коли пить, так уж выпил бы хоть из учтивости за мое здоровье!"

В бою при Арке Генрих IV ободрял своих солдат словами: "Я ваш король, вы французы, вот неприятель, следуйте за мною!" Но в пылу боя он заметил, что его передовые отряды начали подаваться, и даже можно было опасаться, что они ударятся в бегство, потому что многие уже поворачивались тылом к неприятелю. Генрих устыдил их, воскликнув: "Поверните голову и, если не хотите сражаться, то по крайней мере взгляните, как я буду умирать!"

Увидя какого-то мужичка, у которого волосы на голове были уже совсем седые, а борода еще вся черная, Генрих IV спросил его, как это так с ним случилось. "Это оттого, государь, что волосы мои на двадцать лет старше бороды".

Генрих IV оценил боевые заслуги маршала Бирона во время осады Арраса. Когда он, после войны, был с пышным торжеством принят в Париже, он представил знатным горожанам своего храброго маршала со словами: "Господа, вот маршал Бирон, которого я охотно представляю своим друзьям и недругам".

Во времена Генриха IV жил какой-то чудака, который составлял анаграммы из имен разных выдающихся людей и богачей и подносил им эти плоды своей изобретательности. Он придумал также и анаграмму из имени короля и преподнес ее Генриху, в чаянии награды. Король заинтересовался знать, что это за человек, чем он занимается. Бедняк отвечал, что он занимается изобретением анаграмм, и поспешил прибавить, что он очень беден. "Это неудивительно, - заметил король, - при таком неслыханном ремесле".

Генрих IV жаловался маршалу Роклору на упадок аппетита. "Когда я был королем наварским, - говорил он, - у меня был превосходнейший аппетит, а теперь, когда стал королем Франции, ничто мне не нравится, все стало не по вкусу!" - "Это потому, государь, - отвечал маршал, - что в то время вы были отлучены от церкви, а у отлученного аппетит все равно, как у дьявола".

Генрих IV был человек несомненной храбрости, и, однако же, когда он сходил лицом к лицу с неприятелем и ему докладывали, что неприятель в виду, и что настала минута боя, он неизбежно каждый раз впадал в некоторое расстройство, которое обычно приписывается лишь трусам. И таким образом каждый раз ему приходилось начинать бой... с укрощения своего бунтующего пищеварительного аппарата. Он сам над этим смеялся и говаривал при этом: "Надо пойти постараться для них (то есть для врага) хорошенечко"...

Один дворянин долго колебался и все не решался, к кому пристать - к Генриху IV или к его врагам. Однажды, увидав этого человека, Генрих сказал ему: "Подойдите, сударь, не бойтесь; если наша возьмет, так ведь вы будете на нашей стороне".

Однажды Генрих IV приказал своему министру Сюлли явиться к нему на другой день с утра, чтобы засесть, не отрываясь, за важные государственные дела. Верный Сюлли явился в назначенный час к дверям королевской опочивальни, но Генрих велел ему сказать, что у него лихорадка, и чтобы министр пришел после обеда. Сюлли, знавший своего повелителя насквозь, сейчас же почувал, что тут что-то не так; он не ушел, а остался, на всякий случай, переждать. Прошло некоторое время, и вот он видит, что из покоев короля выходит очень интересная молодая особа; скоро после нее вышел и король. Увидав Сюлли, он смутился, принял самый угнетенный вид и начал жаловаться опять на свою лихорадку. "Государь, - сказал ему Сюлли, - я знаю, что у вас была лихорадка, но я думал, что она вас уже оставила; по крайней мере, мне показалось, что как будто бы она минут пять назад вышла из вашей комнаты и ушла вниз по лестнице".

Однажды зимою, в сильнейшую стужу, Генрих IV ехал по улице, весь закутавшись в меховой плащ и все же чувствовал, что ему холодно. И вдруг он видит известного ему молодого гасконца, который весело шагал по морозу в паразитально легком костюме. Король был чрезвычайно поражен выносливостью этого молодца, подозвал его и спросил, как это он ухитрится оставаться живым на таком морозе в таком легком костюме. "Неужели тебе не холодно?" - "Нисколь-

ко, государь”. - “Помилуй, да я в моей шубе весь дрожу!” - воскликнул король. “Ах, государь, - сказал ему гасконец, - кабы вы делали так, как я, то никогда бы не зябли!” - “Научи, пожалуйста!” - попросил король. “Очень просто, надевайте на себя, как я делаю, весь свой гардероб, всю одежду, какая у вас есть, и будьте уверены, что никогда не озябните”.

Генрих IV очень любил своего сына и наследника Людовика (XIII). В то время астрология еще процветала почти повсюду при дворах королей и владетельных особ. Маленькому дофину составляли множество гороскопов. Так как звездочеты говорили все разное, то над ними трунили и объявили, что они все врут. Генрих с этим соглашался и сам смеялся, но однажды сказал про них: “Они все врут да врут, а пожалуй до того доверутся, что и правду скажут”.

Однажды он играл со своим наследником, возя его на себе и ползая на четвереньках по комнате. В эту минуту в комнату вдруг вошел испанский посланник. Не оставляя своего занятия, Генрих спросил у него: “Г-н посол, есть у вас дети?” - “Есть, государь”. - “Ну, тогда я могу при вас закончить мой круг по комнате”. И он продолжал забавлять ребенка. Во времена Генриха IV проявился какой-то человек, обладавший непомерным аппетитом, евший за шестерых, как доложили о нем королю, который, заинтересовавшись таким чудовищем, пожелал его видеть. В свою очередь едок тоже очень льстился быть представленным королю, полагая почему-то, что будет отменно награжден за свои отличия. “Это правда, что ты ешь столько, сколько надо шестерым?” - спросил король. Обжора подтвердил. “Ну, а работаешь ты тоже за шестерых?” - продолжал король. “Никак нет, государь, работаю, как всякий другой моей силы”. - “Черт возьми, - сказал король, - если б у меня в королевстве было много таких, как ты, я бы вас всех перевешал, потому что вы бы у меня объели все государство”.

Однажды Генрих IV сказал испанскому послу: “Ventre Saint Gris! (черт побери). Если испанский король раздражит меня, я буду за ним гнаться до самого Мадрида”. Посланник ответил ему: “Вы будете, государь, не первым французским королем, побывавшим в Мадриде”. Это был злой намек на

мадридский плен Франциска I. Генрих спохватился, сдержал себя и сказал: “Г-н посланник, вы - испанец, я - гасконец; оба мы мастера бахвалиться; лучше оставим эту манеру, а то Бог весть до чего договоримся”.

Генриху очень часто приходилось упражнять и проявлять свои воинские доблести и таланты в междоусобной войне, и это его часто повергало в большую грусть. “Что мне за радость видеть распростертыми на поле битвы тела моих подданных, французов. Выходит, что я, и выигрывая, всегда несую потери!”

Когда знаменитый испанский полководец Спинола был в Париже, Генрих IV подробно расспрашивал его о его будущем походе в Голландию, и Спинола очень подробно рассказывал ему все, передав все свои планы и проекты похода. Спинола делал это в полном убеждении, что ему все равно не поверят, и нимало в этом не ошибся. Генрих твердо решил про себя, что Спинола ему все нагал, и что его слова надо понимать почти наоборот. Он в этом смысле, то есть так, как, по его мнению, следовало понимать намерения Спинолы, и сообщил о них по секрету своему тайному союзнику принцу Морицу. Этот последний так и сделал все свои распоряжения, то есть сообразно тому, как ему передал о планах Спинолы король Генрих. А между тем, Спинола с буквальной точностью исполнил все то, и в том самом виде, как лично сообщал Генриху, и все ему как нельзя лучше удалось. Узнав об этом, Генрих воскликнул: “Черт побери! Обыкновенно надуют людей, говоря им ложь, а Спинола надул меня, сказав мне сущую правду!”

Генрих IV был добрый католик и по праздникам усердно присутствовал на богослужении, но по будням редко бывал в церкви. Он говорил по этому поводу: “Когда я работаю на общее благо и в это время как бы забываю Бога, то мне кажется, что забываю Его ради Него”.

Однажды он играл в мяч и выиграл четыреста экю. Он взял этот выигрыш сам и спрятал, сказав при этом: “Это уж будет мое кровное, никуда не денется, потому что не пройдет через руки казначеев”.

У него был любимец духовник, отец Коттон. Coton по-

французски значит вата. Всем было известно, что духовник имеет огромное влияние на короля, и влияние это никому не нравилось. Поэтому говорили: “Король охотно выслушивал бы правду, кабы у него не была вата в ушах”.

Проходя однажды по залам Лувра, Генрих IV встретил какого-то совсем ему неведомого человека и, видя, что он всего больше смахивает на слугу, спросил его, чей он, кому принадлежит. “Самому себе”, - отвечал тот. “Милый мой, - заметил король, - у вас глупый господин”.

Однажды Генрих IV остановился обедать в какой-то деревне. Он не любил кушать в одиночестве, любил живую и веселую беседу за столом, и потому и на этот раз потребовал, чтобы привели к нему самого веселого и умного мужика, какой есть в деревне. Скоро перед ним предстал приведенный мужичок. Король усадил его за стол против себя, спросил, как его звать. “Государь, мое имя Гельяр” (gaillard по-французски весельчак).- “А какая разница между gaillard и paillard? -спросил король (paillard -распутник). “Одно от другого недалеко ушло, -сказал смелый мужичок. - Между ними только и места что вот этот стол”. -”Черт побери (Ventre Saint Gris), - бросил король свое любимое словечко, - я никак бы не подумал, чтоб в такой малой деревеньке нашелся такой большой умница!”

Испанцы, с которыми Генрих IV был в нескончаемой вражде, под конец его царствования распустили слух, что он совсем болен, разбит, изнурен падагрюю, и вообще безопасен, как воитель. Генрих знал об этом, и когда прибыл к нему испанский посол дон Педро де Толедо, Генрих принял его в Фонтенебло в большой галерее, по которой и принялся ходить самыми быстрыми шагами, не переставая в то же время беседовать с послом, который был вынужден бегать за ним, пока под ним не подкосились ноги от усталости. “Вот видите, г-н посол, - сказал ему Генрих, - я, слава Богу, еще совсем здоров”.

Генрих IV очень любил Бассомпьера, но иногда жестоко и бесцеремонно шутил над ним. Так, когда, по возвращении из Испании, где он был послом и, следовательно, представителем французского короля, Бассомпьер рассказывал,

как испанский король выслал ему прелестного мула, на котором он отправился на аудиенцию, Генрих громко расхохотался, говоря: “Вот поглядел бы я с удовольствием, как осел ехал верхом на муле!” - “Что вы говорите, государь, - возразил ему Бассомпьер, - ведь я в то время представлял вашу особу!”

Когда родилась Жанна д'Альбрэ, мать Генриха IV, испанцы, торжествуя шутили: “Вот чудо, корова родила овцу!” Они при этом намекали на корову, которая изображалась в гербе Беарнской области, родины Жанны д'Альбрэ. Радовались же потому, что тогда боялись рождения наследника Наваррского дома. Впоследствии, когда Генрих IV уже вошел в свою славу, вспомнили эту шутку и говорили: “Овца породила на свет льва”.

Племянник одной знатной особы совершил убийство и был отдан под суд. Особа обратилась к Генриху IV, прося его помиловать племянника. Но Генрих отвечал: “Ничего не могу для вас сделать. Вы дядя и поступаете, как дядя, совершенно правильно, по-родственному, а я король и мне надо поступать по-королевски. Я не сержусь на вас за ваше ходатайство, не сердитесь и вы на меня за отказ”.

Однажды у Генриха в разговоре вырвалось выражение: “Un cuiller d'argent (серебряная ложка). Но слово ложка по-французски женского рода - “une cuiller”. Все присутствующие в смущении переглянулись. Король понял, в чем дело, и, обратясь к поэту Малербу, спросил его: “Разве cuiller женского рода? - “Женского, ваше величество, - отвечал Малерб, - и останется женского рода до тех пор, пока вы не повелите под страхом смертной казни, чтобы оно было мужского рода”.

Мария Медичи, супруга Генриха IV, одно время очень сблизилась с маршалом д'Анкром, а это сближение подало повод к веселому каламбуру. “Анкре” - по-французски якорь. Однажды, когда королева приказала подать ей вуаль (а “voile” по-французски означает также парус), известный остряк граф Люд шепнул: “Зачем судну парус (voile), когда оно на якоре (Анкре-намек на маршала).

У поэта Малерба был брат, с которым он затеял какую-то тяжбу. Однажды кто-то, узнав о судебной расправе братьев, говорил Малербу: “Боже, как это нехорошо! Тяжба между братьями! Какой дурной пример для других!” - “Да позвольте, - оправдывался Малерб, - с кем же мне, по-вашему, тягаться? С москвитями, с турками? Мне с ними нечего делить, помилуйте!”

Одному нищему, который, получив от Малерба милостыню, обещал помолиться за него, поэт сказал: “Не трудись, мой друг. Судя по твоей нищете, Бог не склонен взыскивать тебя своими милостями и едва ли внемлет твоим молитвам”.

Однажды Малерб уходил от кого-то вечером, держа зажженную свечу в руке. Некто, встретившись с ним в эту минуту, завел длинный разговор о разных новостях, которые были для Малерба совершенно неинтересны. Послушав докучливого собеседника некоторое время, Малерб без церемонии прервал его: “Прощайте, прощайте, - заторопился он. - Слушая вас, я сожгу на пять су свечки, а все, что вы мне сообщаете, гроша не стоит!”

Какой-то духовный сановник принес Малербу свои стихи на просмотр. Стихи посвящались даме, ими имелось в виду чего-то достигнуть, преподнести их было надо во что бы то ни стало, но в таком виде, как их сочинил прелат, они были из рук вон плохи. Прочтя их с весьма кислою миною, Малерб воскликнул: “Ей-Богу, можно подумать, что вам предложили на выбор: либо написать стихи, либо идти на виселицу!”

Финансовый интендант Генриха IV, Виевиль, был свиреп с обращавшимися к нему. У него с течением времени установилась привычка, - как только человек проговорит, обращаясь к нему, обычные слова: “Милостивый государь, я вас...”, - немедленно отворачиваться и дальше не слушать. Он порешил, что коли человек говорит “я вас...”, то дальше, разумеется, будет слово “прошу”, т.е. просьба, а он решил просьб никаких не только не исполнять, но и вовсе не выслушивать. Между тем Малербу надо было его за что-то поблагодарить. Поэтому он первые слова своей речи построил так: “Милостивый государь, благодарить я вас пришел...” и т.д. Это был для французского языка варварский оборот, терзав-

ший душу такого строгого стилиста и поборника чистоты языка, каким был Малерб, но иначе Виевиль не стал бы слушать, и не было возможности его поблагодарить.

У Малерба был слуга, на продовольствие которого он отпускал суточно шесть су - по-тогдашнему времени сумма достаточная. Когда же этот служитель вел себя нехорошо, Малерб обычно обращался к нему с таким словом: "Друг мой, кто огорчает господина своего, тот огорчает Господа Бога; чтоб искупить такой грех, надо поститься и творить милостыню. Поэтому я из ваших шести су удержу пять и отдам их нищим от вашего имени, во искупление вашего греха".

Однажды Малерба кто-то пригласил обедать. Тогда обедали в полдень. Малерб, подойдя к дому около 11 часов утра, увидел у дверей какого-то человека в перчатках и спросил его, кто он такой. "Я повар г-на Х." (хозяина дома). Малерб сейчас же повернулся и ушел домой, приговаривая: "Чтоб я стал обедать в доме, где повар в 11 часов еще не снимал перчаток? Никогда!"...

В делах политики Малерб строжайше держался правила невмешательства. Упрекавшим же его в политической безразличности он говорил: "Не следует простому пассажиру вмешиваться в управление судном".

Малерб, быть может, от лености, быть может, из желания довести отделку своих стихов до совершенства, работал иногда медленно и из-за этого попадал в досадные положения. Так, он засел за оду на смерть жены президента Вердена и сидел за нею три года, так что когда она была готова, то оказалось, что Верден уже успел снова жениться.

Чрезвычайно удивительна оценка поэта и его общественного значения, сделанная Малербом. "Хороший поэт, - говорил он, - не более полезен государству, чем хороший игрок в кегли". Правда, такого же мнения были и другие выдающиеся и даже знаменитые люди. Так, экономист Кенэ на вопрос, почитает ли он великих поэтов, отвечал: "Да, столько же, как и великих искусников игры в бильбокс". Ньютон говорил, что предпочитает сапожника поэту и комедианту, потому что сапожник в обществе необходим. Но ни Кенэ, ни Ньютон поэтами сами не были, а Малерб был большой поэт.

Малерб был беден, жил обычно в меблированной комнате, где было всего 6-7 соломенных стульев. Между тем, его посещали во множестве любители поэзии и литературы. И вот, когда случалось, что гостей наберется много и все стулья заняты, он вновь приходящим кричал сквозь запертую дверь: "Подождите, теперь некуда сесть, все стулья заняты!"

Однажды Малерб зашел в монастырь повидаться с кем-то из монахов. Устав того монастыря был очень строгий и со своими особенностями. Каждый посетитель был обязан, например, прочитать "Отче наш", прежде чем его допускали внутрь монастыря. Малерб исполнил это требование, но когда он спросил, кого ему было нужно, ему сказали, что тот монах занят и видаться с ним нельзя. "Так отдайте мне назад мое "Отче наш", - крикнул раздосадованный поэт.

Однажды Малерб обедал у архиепископа руанского. После обеда поэт немедленно засел в удобное кресло и сладко заснул. Архиепископу же надо было идти совершать службу и говорить проповедь, и ему хотелось, чтобы Малерб послушал эту проповедь. Он разбудил поэта и стал звать его с собой. "Да зачем же, ваше преосвященство, - отговаривался Малерб, - ведь я так чудесно уснул и без вашей проповеди".

Известный врач времен Генриха IV Лабросс с жаром предавался изучению астрологии. В числе почитателей его таланта выдавался в особенности молодой герцог Вандомский (незаконный сын Генриха от Габриель д'Эстрэ). Однажды он прибежал к королю встревоженный и сообщил, что Лабросс его предупредил о великой опасности, которая ему угрожала именно в тот день. "Лабросс, - сказал ему Генрих, - старый дурак, изучающий астрологию, а Вандом молодой дурак, который в нее верит".

Сюлли, любимый министр Генриха IV, пережил своего короля на тридцать лет. Но он очень редко появлялся при дворе, хотя Людовик XIII очень его любил и дорожил его советами. Сюлли был приверженцем старины, он не хотел даже принимать новых мод и ходил в старых костюмах. Однажды Людовик XIII попросил его к себе во дворец, имея в

виду с ним о чем-то посоветоваться. Новые молодые придворные без церемоний подняли его на смех, отпускали шутки насчет его одежды, манер, его серьезного вида. Сюлли, оскорбленный этими насмешками, сказал Людовику: "Государь, когда ваш покойный отец делал мне честь, призывая меня для беседы о серьезных и важных делах, то он при этом всегда высылал вон из комнаты всех своих шутов и забавников".

Рошь де'Бальи, лейб-медик Генриха IV, прославился своим предсмертным чудачеством. Когда он занемог и слег, зная, что ему уже не подняться, он стал звать к себе одного за другим всех своих слуг и каждому из них приказывал: "Возьми себе то-то и то-то и сейчас же уходи из дому, ты мне больше не нужен". Люди разобрали все его имущество и разошлись. Когда он остался, наконец, один-одинешенек во всем доме, к нему зашли его друзья-врачи навестить его. Они были донельзя удивлены, найдя все двери в доме открытыми настежь, а комнаты пустыми и безлюдными. Как только они вошли в комнату, где лежал умирающий, он спросил их, не видели ли они кого-нибудь из его людей. Те отвечали, что в доме никого нет, все открыто, все вынесено. "Ну, значит, мой багаж уже отправился в путь вперед, а теперь и я за ним". Он распростился с друзьями и скоро после того умер.

Таллеман де Рео в своей известной хронике¹⁾ упоминает о некоем поэте Бальбю, который отличался невероятно плохим произношением; его стихи, и без того никуда негодные, становились сущей каторгой для слушателя, когда он сам принимался их декламировать. Вдобавок, во время чтения он беспрестанно откашливался и плевал, словно весь был пропитан сыростью. Поэтому какой-то остряк сказал про него: "В жизни своей не встречал я поэта более сухого и человека более мокрого".

Знаменитый автор "Опытов" ("Essais") Монтень гово-

¹⁾ (См. Таллеман де Рео "Занимательные истории", Наука, 1974, серия "Литературные памятники".)

рил про врачей: “Счастливы эти лекаря! Успех их блещит ярко в лучах солнца, а неудачи их мирно укрывает земля!”

Однажды какой-то офицер просил Туара (генерала времен Людовика XIII) немедленно уволить его в отпуск, выставив предлогом смертельную болезнь отца, о которой он будто бы только что получил известие. Генерал заподозрил тут что-то другое, так как дело происходило как раз накануне битвы. Однако, он дал отпуск и сказал при этом весьма коварное похвальное слово офицеру: “Отправляйтесь, отправляйтесь. Я вижу, что вы хорошо помните заповедь Божию: “Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и (произнес он с особенным подчеркиванием) *долголетен* будешь на земли”.

Венецианский художник Джентиль Беллини был приглашен султаном Магометом II в Константинополь. Он, между прочим, написал, по заказу султана, картину усекновения главы Иоанна Предтечи. Султан, рассматривая картину, заметил ему, что когда голову отрубают, то кожа залупляется по краям среза, и, чтоб показать это художнику в натуре, тотчас позвал раба, распорядился, чтобы ему тут же отрубили голову и, показывая ее Беллини, старался убедить его, что он прав. Злополучный художник воспользовался первым случаем, чтоб покинуть эту милую страну и, главное, подальше уйти от своеобразного художественного критика.

Кстати, про этого же Магомета II сохранился интересный рассказ. Однажды садовник ему доложил, что из огорода похищены четыре дыни с гряды, которую султан приказал оставить для него. Похитителем должен был быть один из пажей султана. Магомет призвал их всех и спросил, кто взял дыни. Никто из пажей не повинился. Тогда повелитель правоверных приказал вспарывать у них, у одного за другим, животы, пока виновный не найдется. Полупереваренные дыни были найдены в желудке у четырнадцатого.

Живописец Лука Лейденский (умер в 1533), лежа на

смертном одре, все время продолжал работать. Когда его уговаривали бросить работу, говоря, что она ускорит его смерть, он отвечал: “Я хочу, чтоб моя кровать стала для меня ложем славы!”

На картине Микеланджело “Страшный суд” было несколько обнаженных фигур, которые не нравились папе Павлу IV; он сказал художнику, чтобы тот переделал картину в этом смысле. “Скажите папе, - отвечал Микеланджело, - что вместо того, чтоб заниматься кое-какими пустыми нескромностями на моей картине, он бы лучше занялся исправлением безобразий, которые творятся в духовенстве”.

Рафаэль (знаменитый художник) был зол на язык и мало церемонен. Однажды двое кардиналов присутствовали при его работе. Он доканчивал картину “Апостолы Петр и Павел”, начатую еще до него художником Бартоломео по заказу папы, но незаконченную тем за смертью. Кардиналы вздумали сделать какое-то замечание насчет цвета лиц апостолов, находя их слишком красными. “Что же удивительного, - ответил Рафаэль, - святые апостолы, наверное, краснеют от стыда на том свете, видя, что ими основанная церковь управляется такими, как вы”.

Мариан Сосен, знаменитый адвокат XV столетия, был человек в высшей степени деятельный до женитьбы, а когда женился, вдруг бросил дела, и это всем бросилось в глаза. Друзья, укоряя его, ставили ему в пример Сократа, который, женившись, продолжал учить так же как прежде, до женитьбы. “Ничего нет удивительного, - возражал Сосен, - Сократова жена Ксанטיפпа была нехороша и зла, а моя жена и красавица, и добрая”.

Герцог Гиз отличался замечательным самообладанием, уверенностью в себе, отсутствием всякого опасения за себя. Однажды, например, ему доложили о каком-то человеке, собиравшемся его убить. Герцог приказал привести этого человека, внимательно в него всмотрелся и сказал: “Вздор, нико-

гда этот человек не убьет меня; отпустите его; не стоило его и арестовывать”.

Молодой герцог Гиз (впоследствии архиепископ реймский) был страстно влюблен в принцессу Гонзага и, чтобы жениться на ней, готов был отречься от всех своих должностей и доходов. Его взялся уговорить кардинал Ришелье. “Подумайте, что вы делаете, - убеждал он молодого влюбленного. - У вас теперь четыреста тысяч ливров (т.е. франков) дохода и вы собираетесь бросить эти четыреста тысяч из-за одной женщины! Другой на вашем месте согласился бы бросить четыреста тысяч женщин, чтобы иметь такой доход!”

В число ловких проделок, при выполнении которых люди пользовались первым числом апреля, надо включить удачное бегство из плена герцога Лотарингского и его супруги. Они спокойно вышли из Нанси, где содержались в плену, переодетые крестьянами. Какая-то женщина узнала их и тотчас побежала известить об этом коменданта. Но в тот день было 1-е апреля, комендант не поверил, подумал, что его хотят поддеть на “апрельскую рыбу” (poisson d'avril), как выражаются французы. Между тем, слух о бегстве герцога и его супруги распространился уже и по всему городу, но все над ним хохотали, приговаривая: “Первое апреля!” Когда же, наконец, заблагорассудили проверить апрельскую шутку, то было уже поздно: беглецов и след простыл.

Людовик XII жаловался на испанского короля Фердинанда Католика, что тот его уже два раза обманул. “Неправда, - воскликнул Фердинанд, когда ему об этом было сообщено, - я его надул не два раза, а двадцать раз!”

Очень забавна проделка, жертвою которой сделались монахи яacobинского монастыря в Париже. Над ними жестоко пошутил Жан де Мен, по прозвищу Клопинель, очень известный поэт и ученый XIV века. Перед своей смертью он пожелал быть погребенным в названном монастыре. В те времена благочестивые люди очень ценили такое погребение в церквах, но оно, обычно, стоило недешево. Клопинель это знал, потому в своем завещании упоминал о том, чтобы его душеприказчик тотчас после его погребения в монастыре вру-

чил монахам особо им заготовленный и тщательно запакованный ящик. Глубоко убежденные в доброй поживе, монахи устроили ему роскошнейшие похороны, но когда вскрыли переданный им от имени усопшего сундук, то в нем нашли только кучу аспидных досок, на которых покойный, страстный любитель математики, начертил бесчисленные геометрические фигуры и выкладки. Монахи пришли в такую ярость от этого надувательства, что разметали гробницу поэта и собирались выкинуть его бранные останки, и понадобилось вмешательство парламента, чтобы заставить их зарыть усопшего в уголке на общем монастырском кладбище.

Когда королева Елизавета решила погубить Марию Стюарт, граф Лейстер употреблял все усилия, чтобы ее отговорить от этого намерения. Он указывал ей на крайне неприятное впечатление, какое может произвести подобная суровость на всех венценосцев Европы: они могут взглянуть на это, как на личную обиду. “Но я должна от нее отделаться, - кричала раздраженная королева, - как же мне иначе это сделать?” - “Очень просто, государыня, - отвечал ей хитрый и жестокий царедворец, - вы можете ее устранить, но с соблюдением внешнего благоприличия”. - “Что такое, какого благоприличия?” - недоумевала королева. “Ваше величество, вы можете послать к ней вместо палача аптекаря”.

Знаменитый ученый Амио, воспитатель Карла IX, был человек очень жадный до наград. Карл IX сделал его своим духовником, потом дал ему почетное и доходное аббатство, но Амио все был недоволен и просил Карла о какой-то еще новой милости. “Но, - напомнил ему Карл, - вы сами говорили, что удовольствовались бы доходом в тысячу экю, а теперь вы имеете уже гораздо больше”. - “Так, государь, - отвечал Амио, - но вспомните нашу французскую пословицу: *l'appetit vient en mangeant*” (аппетит приходит во время еды).

Знаменитый Томас Морус, готовясь взойти на эшафот, просил одного из присутствовавших при казни помочь ему подняться по ступеням. “Помогите мне только взойти, - сказал он, - а просить вас помочь сойти мне уже не понадобится”.

Папа Сикст V (умер в 1590) с первых же дней своего вступления на престол проявил себя жестоким и беспощадным. В нем проявлялась какая-то почти сумасшедшая страсть к казням. Рассказывают про него, что однажды он осудил на смерть какого-то испанского дворянина за то, что тот подрался в храме со сторожем-швейцарцем. Зачинщиком был сторож: он первый ударил испанца своей алебардой, а испанец ударил его в ответ своим пилигримским посохом. Папа приговорил испанца за буйство в храме к смертной казни и при том требовал, чтобы казнь была совершена немедленно, прежде чем он сядет за стол. За несчастного дворянина вступились кардиналы и испанский посол. Зная непреклонную жестокость папы, они молили его даже не об отмене смертной казни, а о том, чтобы хоть ему заменили виселицу, к которой его приговорил папа, обезглавлиением, так как осужденный все же дворянин и нельзя его подвергать позорной казни. Непреклонный Сикст отвечал: "Он будет повешен. Я, впрочем, соглашюсь смягчить позор, на который могли бы жаловаться его родственники, тем, что окажу ему честь - буду лично присутствовать при казни". И в исполнение своего обещания он повелел поставить виселицу против окон своей столовой и смотрел на казнь из окна. Когда испанец был повешен, папа обратился к своим приближенным и сказал им: "Дело правосудия, достоподобно выполненное, возбуждает аппетит. Прикажете подавать немедленно!" Покушав с аппетитом, он встал из-за стола и сотворил молитву: "Благодарю тебя, Боже, за добрый аппетит, с каким я пообедал". В Риме с незапамятных времен поставлены две статуи: одна из них называется *Пасквино*, другая *Марфорио*. Эти статуи, по установившемуся издревле обычаю, служат местом для наклейки всякого рода карикатур, сатирических листков, пасквилей (даже самое слово пасквиль, кажется, происходит от имени статуи Пасквино). И вот на другой же день после происшествия с испанцем на этих исторических статуях появилась карикатура: Пасквино несет посудину, наполненную топорами, цепями, виселицами, веревками и прочим истязательным снарядам. Марфорио его спрашивает, куда это он в таком виде собрался?

Пасквино же отвечает: “Несу святейшему отцу окрошку, чтобы возбудить у него аппетит”.

Отец Ариосто однажды за что-то разгневался на будущего великого поэта и читал ему длинную и суровую нотацию, которую сын выслушал молча, неподвижно, не сводя глаз с отца, с нерушимым вниманием. Другой брат, присутствовавший при этой сцене, был удивлен тем, что во все время Ариосто не открыл рта, не произнес ни слова в свое оправдание. Он потом спросил его о причине этого упорного молчания, и юноша-поэт ответил ему: “Я сочиняю комедию, в которой как раз надо представить старика-отца, распекающего своего сына. Когда сегодня отец начал меня журить, я сейчас же подумал, что он может мне послужить моделью, с которой я могу писать отца моей комедии. Вот почему я и молчал, и слушал его с таким вниманием. Мне хотелось ничего не упустить, ни одного слова, ни выражения лица, ни малейшего движения. Я нарочно ничего не говорил, чтобы ничем не отвлекать своего внимания”.

Последний мавританский король Гренады, Боабдиль, когда город его был осажден испанцами, сдался без боя (1481 г.). Фердинанд дал ему в награду богатое Альпухарское имение, куда Боабдиль и удалился со своею матерью, женами и детьми. По дороге в изгнание он на минуту остановился на одной горе, с которой открывался чудный вид на Гренаду. Смотря на свой город, падший властитель не мог сдерживать слезы. Его мать, суровая и мужественная женщина, сказала ему при этом: “Тебе только и осталось теперь, когда ты потерял свое добро, плакать по-бабьи, потому что ты не умел постоять за него, как подобало мужу”.

Во время осады Копенгагена королем Фридрихом I шведский солдат, стоявший на часах перед палаткой своего генерала, слышал, как этот генерал отдавал приказ, чтобы снарядили особый отряд, который должен был охранять весьма значительную денежную сумму, пересылаемую из Швеции. Часовой слышал все, знал размеры суммы, знал, где и когда

она будет находиться в пути, сколько человек будут ее охранять. Сменившись с караула, этот солдат немедленно перебежал к неприятелю. Когда его представили датскому генералу, он сейчас же рассказал ему о пересылаемых деньгах, и датчане, послав сильный отряд, без труда овладели роскошной добычей. Обо всем этом было доложено Фридриху, который приказал представить ему солдата-перебежчика и спросил его, что побудило его к измене. Солдат отвечал, что боялся, чтобы его не повесили, как повесили перед тем его товарища. “За что же его повесили?” - полюбопытствовал король. “За кражу, ваше величество”. - “Чего же ты боялся? Тебе стоило только не воровать самому”. - “Нет, государь, - произнес откровенный дезертир, - мне от кражи воздержаться невозможно. Я поэтому и воспользовался случаем и перебежал к вам. Мне говорили, что в ваших владениях можно воровать гораздо вольнее и безопаснее”. - “Ну, я отобью у тебя охоту воровать, - сказал король, - я тебя обеспечу, и тебе не будет никакой необходимости в кражах”. - “Нет, ваше величество, это не поможет, - возразил солдат, - у меня к воровству склонность врожденная и неискоренимая. Не воровать я не в силах, но и на виселицу мне тоже не хочется. Поэтому я прошу, ваше величество, предоставьте мне красть свободно во всех странах, подвластных вашей державе, и с тем, чтобы никакой судья не мог отправить меня на виселицу. Я же обещаю только воровать, никогда не прибегая к открытой силе, к грабежу и разбою. Если попадусь и меня тут же отколотят, я обижаться не буду”. Говорят, что эта откровенность восхитила короля, и он выдал вору охранную грамоту, обеспечивавшую его от виселицы.

Папа Сикст V говаривал, что он готов причислить к лику святых ту женщину, на которую муж никогда не жаловался.

Эразм Роттердамского укоряли в том, что он ест в пост скоромное. “Что делать! - возражал он. - Сам я добрый католик, но мой желудок - решительный лютеранин”.

На Тридентском соборе (1535) представитель Франции епископ Верденский много говорил о злоупотреблениях папской канцелярии. Эти нападки в Риме раздражали итальян-

ских прелатов, присутствовавших на соборе, и один из них в нетерпении прервал его восклицанием: “Gallus cantat!” (т.е. запел французский петух!) На это другой французский прелат немедленно возразил: “Utinam ad hujus galli cantum excitaretur Petrus et fleret amare!” (т.е. “дай Бог, чтоб от крика этого петуха пробудился Св. Петр и заплакал горькими слезами”, - намек на евангельское событие).

Про иезуитов рассказывают, что они однажды вошли в сделку с камердинером одного испанского короля и откупили у него всю бумагу, которую король расходовал... Они потом внимательнейшим образом рассматривали куски этой бумаги, складывали их и иногда узнавали из них весьма существенные для них секреты внутренней и внешней политики.

Римское простонародье роптало на папу Пия IV за налог, которым он обложил пшеницу; налог, впрочем, не превышал 5-6 копеек в год на потребителя. Папа говорил по этому поводу: “Они бы лучше жаловались на моего предместника Павла IV, который установил новый праздник и этим лишил их целого дневного заработка”.

Художник Доминикино отделявал свои картины с непомерной тщательностью и от этого его работа часто затягивалась. Друзья нередко упрекали его в этой мелочной тщательности, уверяли его, что она, при его таланте и уменье, совершенно бесполезна, ведет к напрасной трате времени. “Это потому, - отвечал он им, - что у меня чересчур требовательный учитель”. - “Какой учитель?” - недоумевали друзья. “Я сам, мой собственный художественный вкус”.

Герцог Эпернон, заняв Бриньоль, пировал в замке, а в это время крестьянин-фанатик взорвал замок. Взрыв был произведен порохом, которым были начинены два длинных колбасовидных мешка; такие мины в то время часто употреблялись и по-французски назывались сосисками (saucisses). Гер-

цог был серьезно ранен при взрыве, но утешал себя шуткою: “Сегодня постный день, а я добрый христианин и сосисок есть не могу”.

Иезуит, ехавший в карете, увидел на улице монаха из меньшей братии (*minimus* - по-латыни, *minime* - у французов) и, чтобы подтрунить над ним, крикнул ему: “*Minime, minime, somper minimus eris!*” (т.е. меньшей, меньшей, так ты навеки-вечные и останешься ничтожеством). А *minimus* отвечал ему: “*Iesuita, iesuita, non ifat Iesu ita*” (т.е. иезуит, иезуит, Иисус так не ездил).

Неисчерпаемым кладезем забавных выходов являются проповеди католического духовенства Средних веков и первых столетий новых времён. Иные перлы этого духовного витийства прямо вводят в сомнение, точно ли породившие их были христиане, да еще духовные лица, а не язычники, пожелавшие пошутить и поострить насчет христианства.

Так, один савойский патер, имея в виду побудить своих нищих прихожан к исправной уплате десятинной подати, упомянул в своей проповеди о Каине и Авеле, что первый был груб и безбожен, не ходил никогда в церковь, не давал ни гроша духовенству, тогда как Авель самым аккуратным образом вносил десятину и никогда не пропустил ни одной обедни.

Другой проповедник, тоже из любителей ссылаться на ветхозаветных патриархов, сообщал своим слушателям, что Авраам, Исаак, Иаков и другие праотцы никогда не отходили ко сну, не осенив себя крестным знамением и не прочитав “Отче наш” и “Богородицы”.

В старых средневековых сборниках сохранилось много рассказов о ротозеях и глупцах, подвиги которых у французов обозначаются словом *Janoterie*. Один из этих остроумцев, например, ложась спать, заботливо тушил огонь, чтобы блохам его было не видно и чтоб они его не кусали. Другой, разведя в печи большой огонь, догадывается, что надо его отодвинуть, чтоб он был подальше, не так сильно грел, и он немедленно послал за печниками, чтобы они переставили печ-

ку подальше. Третий, видя, как служанка плюет на утюг, чтоб узнать, горяч ли он, стал с такою же целью плевать в свой суп. Четвертому бросили камнем в спину в то время, как он ехал верхом на муле, а он подумал, что это его лягнул его же мул, и принялся его бить. И т.д.

Людовик XII чрезвычайно высоко ставил и ценил в женщинах целомудрие. Про свою супругу Анну, которая изрядно терзала его своими странностями и капризами, он говаривал: “Что делать, целомудрие в женщинах приходится дорого оплачивать”.

Людовик XII спрашивал у одного из величайших полководцев своего времени Жака Травюльса перед началом войны против Милана, чем надо запастись для этой войны. “Для войны нужны три вещи, - отвечал Травюльс, - во-первых деньги, во-вторых деньги и в-третьих деньги”. Это изречение приписывалось потом многим другим государственным людям.

Фердинанд, король испанский, путем коварства и вероломства отнял у Людовика XII неаполитанское королевство. Людовик сказал по этому случаю: “Лучше потерять королевство, которое притом же можно вновь завоевать, нежели честь, которой уж не вернешь”.

Последние столетия.

Придерживаясь в пределах возможности принятого нами подбора материала, мы теперь переходим к подвигам человеческого остроумия, начиная приблизительно с XVII столетия до наших дней. Не имея, по роду нашего труда, никакой надобности держаться строго хронологического порядка, мы постараемся, однако же, сводить вместе факты, относящиеся к одной эпохе, отделяя в одно место все, что будет относиться к веку Людовика XIV, революции, времени Наполеона и т.д.

Однажды, когда Людовик XIII был еще наследником, встретившийся с ним на охоте крестьянин согнулся до земли, отдавая поклон дофину, а тот даже не взглянул на него. Тогда маркиз Пизани, воспитатель принца, сказал ему: “Ваше высочество, нет никого ниже этого человека и нет никого выше вас; и, однако, если б он и ему подобные не пахали земли, вы и вам подобные рисковали бы умереть с голоду”.

Однажды Людовик XIII, играя с Бассомпьером, уронил на пол несколько монет и наклонился, чтобы поднять их. Бассомпьер начал разбрасывать свои деньги направо и налево, а лакеи кидались и подбирали их. Королева, присутствовавшая при игре, сказала королю: “Государь, вы сделали Бассомпьера, а Бассомпьер делает из себя короля”.

Людовик XIII, будучи еще маленьким мальчиком, однажды много бегал по саду в Фонтенебло и сильно вспотел. К нему подошел кто-то из придворных и хотел обтереть у него пот, но мальчик не давался. Его начали уговаривать, представляли ему, что с ним будет нехорошо, если он не оботрется. Но мальчик вскричал: “А когда я буду на войне, кто же

тогда будет обтирать у меня пот?”

Людовик XIII, будучи ребенком, очень не любил читать и вообще учиться. Воспитатель говорил об этом королеве, и та приказала понуждать принца к занятиям и, если нужно, сечь его. Мальчик должен был покориться, стал заниматься. Когда после первого урока он пришел к королеве, та встала и сделала ему реверанс, как бы в награду за доброе поведение. Мальчик сказал ей: “Ах, madame, лучше сделайте мне поменьше реверансов да только не велите меня сечь!”

Про одного очень усердного судью, Лекуанье, Мазарини говорил: “Он такой рачительный и усердный судья, что ему, вероятно, очень досадно, что он не может постановить обвинительного приговора обеим сторонам”.

Мазарини хорошо помнил правило придворной жизни, именно, что “отсутствующий и больной всегда виноват”. Поэтому, уже чуя приближение смерти, он все бодрился, давал аудиенции, был на ногах, хотя все видели, что он едва ходит. Накануне смерти он еще принимал посетителей и, чтобы немножко поправить свою внешность, даже нарумянился. Видя его в этом ретушеванном состоянии, испанский посланник Фуенсальдандо сказал: “Вот портрет, который очень походит на г-на кардинала”.

Кто-то жаловался Мазарини, что когда он делает для кого-нибудь что-либо, то всегда делает так строптиво и неохотно, что тошно становится. “В этом есть свое удобство, - заметил какой-то остряк, - он, по крайней мере, снимает с людей обязанность оставаться ему признательными”.

Мазарини погиб от сильного приема рвотного. Впоследствии, когда это же лекарство, вовремя данное Людовику XIV, спасло его от смертельной опасности, пустили в ход остроуту, что “рвотное уже два раза спасло Францию”.

У Мазарини был на службе один дворянин, который пользовался расположением министра, но был очень беден. Мазарини и сам желал предоставить ему какое-нибудь доходное место, но все не выходило случая. Дворянин начал, наконец, роптать, а Мазарини удвоил свои посулы, что при первой возможности приложит все старания, и т. д. Зная по опы-

ту, что ничего из этих обещаний не выйдет, дворянин сказал своему патрону, что ничего ему не нужно, никакого доходного места, а что он просит только об одном: чтобы Мазарини в присутствии придворной публики почаще клал ему руку на плечо, и больше ничего. И уловка как нельзя лучше удалась. Видя в этом дружеском жесте знак близости дворянина к кардиналу, все кинулись к любимцу, прося его в своих делах и, конечно, не скупясь на благодарность. Очень скоро человек, придумавший эту остроумную уловку, стал богачом.

Когда Мазарини выдумывал новый налог, парижане сейчас же отвечали на него злыми песенками, которые распевали по улицам. Мазарини обычно спрашивал своих наперстников, что, дескать, говорят о новом налоге. Ему отвечали, что "поют злейшие песни на вашу эминенцию". - "Это хорошо, - утешался Мазарини, - *s'ils cantent la canzonetta ils pagont*", - добавлял он своим полуитальянским, полуфранцузским языком (коли поют песенки, то будут платить).

Мазарини не отличался твердостью в исполнении своих обещаний. Так, когда у него родился внук (от племянницы, выданной им за принца Конти), весть эту ему принес некто Брекиньи. Обрадованный дед обещался наградить радостного вестника, но сейчас же и предал свое обещание забвению. Между тем, мальчик, его внук, умер. Брекиньи переждал несколько времени и, наконец, позволил себе намекнуть Мазарини насчет обещания, "Ах, не напоминайте мне об этом, не распалайте моего горя!" - воскликнул кардинал, ловко прикрываясь своим дедовским несчастьем.

Тихо Браге умер довольно странной смертью. Как известно, в последние годы жизни его приютил у себя знаток и страстный любитель астрономии император Рудольф II. За день до смерти он ехал в одном экипаже с императором и в это время почувствовал некий весьма мучительный позыв, но из ложной щепетильности не показал вида, перетерпел и ... был вынут из кареты уже едва живой, а через несколько часов скончался. На его могиле одно время появилась эпитафия, в которой было сказано: "Здесь покоится прах человека, который жил, как мудрец, а умер, как дурак".

Кардинал Ришелье, желая поторопить издание академического словаря, восстановил пенсию, которую прежде получал главный редактор словаря Вожея. Этот последний, разумеется, явился благодарить кардинала. “Ну, вы, конечно, не забудете поместить в словарь слово *пенсия*?” - сказал ему кардинал. - “О, конечно, - отвечал Вожея, - особенно же не забуду слова *благодарность*”.

Однажды Ришелье присутствовал на проповеди, которую говорил какой-то совсем неизвестный францисканский монах. Кардинал был поражен и отчасти даже обижен удивительным спокойствием и уверенностью проповедника, который, видимо, ни малейшим образом не стеснялся и не смущался присутствием на его проповеди самого всемогущего кардинала Ришелье. После проповеди кардинал даже сам заговорил с монахом и спросил, откуда у него взялось столько спокойствия и смелости. “Я долго готовился к этой проповеди, ваша эминенция, - отвечал монах, - я много раз произносил ее в огороде; передо мной было множество кочанов капусты и один из них был красный; вот таким образом я и привык и ничего не боялся”.

Чувствуя приближение смерти, кардинал Ришелье упрашивал своих врачей сказать ему с полной откровенностью, что думают они о его состоянии и сколько времени, по их мнению, ему остается жить. Но они отвечали ему лишь одной грубой лестью: такая, дескать, драгоценная жизнь должна возбуждать участие самого неба и что Бог сделает чудо, чтобы спасти ее. Раздраженный этой галиматьей, Ришелье призвал к себе королевского лейб-медика Шико, человека прямого и простого. Он умолял его ничего не скрывать, сказать истинную правду, может ли он рассчитывать на выздоровление или готовиться к смерти. Шико, человек умный, дал ему хоть и не прямой, но достаточно ясный ответ: “В течение 24 часов вы либо выздоровеете, либо умрете”. Кардинал был совершенно доволен таким ответом, он понял истину и горячо благодарил Шико.

Главным адвокатом парламента во время Ришелье был Толон, человек очень невзрачный и тупоумный. Однажды он,

в присутствии короля, возносил в своей речи до небес кардинала Ришелье, но говорил так неловко, что после заседания кардинал сказал ему: “Толон, вы сегодня ничего не сделали ни для себя, ни для меня”.

Кардинал Ришелье был чрезвычайно тщеславен. Ему неловко дал это почувствовать епископ Камю. Ришелье предлагал ему богатое аббатство, но Камю очень благородно отказался от этой милости. “Ну, знаете, - сказал ему Ришелье, пораженный его бескорыстием, - если бы вы не писали раньше так много резкого против монашества, я готов был бы причислить вас к лику святых”. - “О, монсиньор, - отвечал ему Камю, - пошли Бог, чтобы заслужить честь быть причисленным к лику святых, а вы имели бы власть делать святых, мы оба были бы этим довольны”.

Ришелье родился в 1585 году, а в 1607 году он был в Риме и принял от папы посвящение в епископы. Но папа усомнился, достиг ли он положенного для епископства возраста, и прямо спросил его об этом. Ришелье нимало не колеблясь уверил папу, что он этого возраста достиг. Потом, когда посвящение состоялось, он признался в своей лжи и просил папу отпустить ему этот грех. “Questo giovane Sarà un gran furbo” (этот молодчик будет большим мошенником) предсказал про него прозорливый папа (Павел V).

Однажды Ришелье был у себя в замке, и все окрестные деревни и местечки послали депутации, чтобы его приветствовать. Между прочим, прибыл также депутат от городка Мирбалэ, который славился своею ослиною ярмаркою. В свите кардинала был один дворянин-мужчина огромного роста и рыжий, человек грубый и дерзкий, и вместе с тем большой льстец и угодник. Ему захотелось позабавить кардинала на счет злополучного депутата из Мирбалэ, и вот, в то время как этот человек говорил свою приветственную речь, рыжий великан вдруг без церемонии прервал его громким вопросом: “Почем у вас продавались ослы во время последней ярмарки?” Оратор прервал речь, оглядел своего обидчика и ответил ему: “Такого роста и такой масти, как ваша милость, продавались по 10 экю”. Затем, как ни в чем не бывало, спокойно продолжал свою речь.

В заговоре против Ришелье, задуманном Сен-Маром, был между прочим, замешан некто Фонтраль, очень маленький и горбатый человек, славившийся своим острым умом. Он вовремя почувствовал опасность, знал, что заговор не удастся и будет обнаружен. Он сообщил свои опасения Сен-Мару и тут же поддал мысль, что дескать, пора наутек, пока еще есть время. Но Сен-Мар и другие заговорщики упорно отказались бежать. Тогда остроумный Фонтраль сказал им: "Друзья мои, вы люди высокого роста, статные, так что когда у вас снимают головы с плеч, то от вас еще кое-что останется, и даже очень достаточно. Я - другое дело; вообразите вы себе мою фигуру без головы! Что из меня выйдет, из такого уroda? Поэтому оставайтесь, а уж я задам тягу!" И он вовремя улизнул.

Генрих VIII, влюбившись в Анну Боллейн, испытывал, несмотря на всю свою бесцеремонность, некоторые сомнения и угрызения. Дело в том, что Анна была его незаконная дочь. Желая до некоторой степени успокоить свою совесть, он обратился за советом к одному придворному, родственнику Анны, по имени Брайану. "Не знаю, - говорил ему король, - могу ли я взять дочь, после того как мать принадлежала мне?" - "Помилуйте, государь, - отвечал ему покладистый царедворец, - ведь это все равно, что вы заколебались бы можно ли вам скушать цыпленка после того, как вы скушали курицу?"

Когда Гольбейн был придворным живописцем английского короля Генриха VIII, случилось однажды, что какой-то лорд стал очень бесцеремонно ломиться к художнику, и тот, в горячности и раздражении, спустил его с лестницы. Оскорбленный лорд пожаловался королю и грозил убить Гольбейна. "Милорд, - сказал ему король, - я запрещаю вам покушаться на него под риском вашей собственной жизни. Знаете ли вы, какая разница между вами и Гольбейном? Я могу взять сейчас семь мужиков и сделать из них семь графов, таких же, как вы. Но из семи графов таких, как вы, я не могу сделать и одного Гольбейна".

Генрих VIII (английский) поссорился с французским королем Франциском I и решил отправить к нему чрезвычай-

ного посла, который должен был передать Франциску чрезвычайно гордые и грозные слова своего повелителя. Для этого надо было выбрать человека очень смелого, решительно, способного открыто рисковать своей свободой и даже жизнью. Выбор Генриха пал на епископа Боннера, которого он знал за человека не робкого десятка, и притом такого, на которого можно смело положиться. Когда епископ выслушал от короля все, что должен был сказать Франциску, он заметил, что говорить такие речи такому королю, как Франциск, - вещь в высшей степени рискованная. "Вам бояться нечего, - успокаивал его Генрих, - если французский король предаст вас смерти, я снесу немало французских голов, которые находятся у меня в Англии в полной моей власти". - "Это так, государь, - возразил Боннер, - но дело-то в том, что ведь из всех этих французских голов не отыщется ни одной, которая была бы столь же хорошо пригнана к моим плечам, как моя собственная".

При дворе Людовика XIV был один вельможа, чрезвычайно тщеславный, всеми мерами добивавшийся всяких почестей и отличий и, конечно, глубоко уверенный в себе. Король знал его нрав и однажды жестоко подшутил над ним. "Вы знаете испанский язык?" - спросил он его совершенно неожиданно. Царедворец мгновенно вообразил, что король наметил его в испанские посланники; но испанского языка он не знал и должен был на вопрос короля ответить отрицательно. "Жаль", - заметил король. Это "жаль" окончательно укрепило честолюбца. Он немедленно засел за испанскую грамматику, занимался с величайшим усердием и спустя некоторое время почтительно доложил королю, что теперь он хорошо знает испанский язык. "Вот это хорошо, - подхватил его король, - значит, вы теперь можете прочесть "Дон Кихота" в подлиннике".

Отпуская одного своего посланника, Людовик XIV говорил ему в напутствие: "Вот вам главное правило, которого вы должны держаться в исполнении возлагаемого на вас поручения: поступайте во всем прямо противоположно тому, что делал ваш предшественник". - "Государь, - отвечает ему по-

сол, - постараюсь вести себя так, чтобы вам не пришлось давать такого же наставления моему преемнику”.

Маршал Бассомпьер спрашивал у одного капитана, сколько ему лет. “Лет 38 или 48, что-нибудь в этом роде”, - ответил капитан. “Как, - воскликнул Бассомпьер, - может ли быть, чтобы вы не знали в точности, сколько вам лет?” - “Господин маршал, - сказал капитан, - я считаю свои деньги, свое серебро, свои доходы, свои вещи, потому что могу их потерять или у меня их могут украсть, но кто может у меня похитить мои годы или куда могут они затеряться? Поэтому я и нахожу совершенно излишним их пересчитывать”.

На такой же вопрос, сделанный одному придворному, угодливый вельможа отвечал Людовику XIV: “Государь, мне будет столько лет, сколько благоугодно вашему величеству”.

Какой-то старый офицер, которого уже собирались поместить в инвалидный дом, просил того же короля оставить его еще на действительной службе. “Но вы очень стары”, - отвечал Людовик. “Ваше величество, - возразил офицер, - я только на три года старше вас, и надеюсь послужить вашему величеству еще по крайней мере двадцать лет”.

В прежние времена в Европе применялась казнь изображения, причем вместо самого преступника вешали или сжигали его портрет или иное подобие. По этой части вышло забавное приключение с одним кутилой, жившим во времена Людовика XIV, маркизом Поменаром. Он обольстил какую-то девицу, и ее отец, человек богатый и влиятельный, с бешенством грозил ему, что если он не женится на обольщенной, то будет повешен. “По-моему, лучше уж пусть меня повесят, чем на ней жениться”, - отвечал Поменар. Взбешенный отец девицы начал хлопотать и добился того, что Поменара приговорили к повешению в изображении. Поменара это ужасно забавляло. Он нарочно приехал в тот город, где была назначена казнь его портрета. Но во время казни он заметил, что изображение его сделано чересчур грубо. Он продрался сквозь толпу к самому эшафоту с кистью в руках и начал под-

малевывать свой портрет, приговаривая: “Коли вешать мой портрет, то надо же, чтобы он хоть немного походил на меня”.

В оркестре и хоре короля Людовика XIV был некто Моро, талантливый музыкант, певец и композитор. Но кроме этих художественных талантов он обладал еще одним из тех языков, про которые принято говорить: “язык мой - враг мой”. Случилось однажды, что он пустил какую-то весьма ядовитую выходку против архиепископа реймского. Тот был весьма обижен и порешил выжить Моро из королевского оркестра. Во время концерта, в котором исполнялось какое-то сочинение Моро и где пел сам Моро, архиепископ, стоя за креслом короля, нарочно громко, во всеуслышание, жестоко нападал на Моро, на его музыку и на его пение. Король слышал эту критику и был хорошо осведомлен о том, что, собственно, этой критикой руководит. И потому, обратясь к архиепископу, он сказал ему: “Ваше преосвященство, будем говорить откровенно; ведь Моро поет вовсе не дурно, он дурно говорит”.

В другой раз, прогуливаясь в саду в Версале, Людовик увидал карету, в которой ехал тот же реймский архиепископ. Но король сразу не узнал его или сделал вид, что не узнает, и сказал бывшему с ним маркизу Фелиаду, человеку с весьма злым языком и ненавидевшему архиепископа: “Посмотрите, мне кажется, что кто-то сюда едет; я вижу карету и шестерку лошадей”. - “Не шесть, государь, а семь лошадей”, - возразил Фелиад. “Как так?” - “Седьмая лошадь сидит в карете”.

Людовик XIV не любил носить муфту (а в то время мужчины носили ее зимою). Однажды его встретили в большой мороз на охоте в лесу двое крестьян, и один из них заметил, что только один король был без муфты, и подивился, как это король терпит такую стужу с голыми руками. “Не удивляйся, - сказал ему его товарищ, - у него рукам всегда тепло, он их держит в наших карманах”.

При дворе Людовика XIV лесть процветала как редко где в другое время и в другом месте. Случилось, что король похвалил какие-то стихи, а Буало их не одобрил. Один придворный чин заметил поэту, что стихи эти читал и хвалил сам

король. “Король лучше меня, - возразил Буало, - понимает искусство брать города и вести войну, но в стихах-то я понимаю уж никак не меньше его”. Услыхав это, придворный немедленно побежал к королю и, сделав лицо, искаженное ужасом, доложил королю о “неслыханной дерзости” этого Буало, осмеливающегося утверждать, что он в стихах понимает не меньше, чем сам король. К чести короля надо добавить, что он посмеялся над льстецом и уверил его, что Буало прав.

Молли написал свое знаменитое “Miserere” и оно было в первый раз исполнено в присутствии короля Людовика XIV, который все время оставался на коленях, а вместе с ним, само собою разумеется и все присутствовавшие также оставались коленопреклоненными. Когда пьеса была исполнена, король спросил у графа Граммона, что он думает об этой музыке. “Прекрасно, прекрасно, государь, то есть прекрасно для ушей, но для колен - жестковато!”

Однажды актер Доминик, любимец Людовика XIV, присутствовал при королевском столе. (Здесь мимоходом заметим, что Людовик был одним из удивительных едоков своего времени, впрочем, и все Бурбоны отличались превосходным аппетитом. Что же касается Людовика XIV, то вот что сообщает о нем в своих письмах принцесса Палатинская: “Я часто видела, как король съедал четыре полные тарелки разных супов, затем целого фазана, потом куропатку, далее большую тарелку салата, два больших ломтя ветчины, кусок жареной баранины, тарелку пирожного, да сверх того еще несколько фруктов и яйцо вкрутую” Но это мимоходом). Итак, король однажды кушал в присутствии Доминика. Заметив своего любимца в толпе, почтительно созерцавшей его застольные подвиги, король, указывая на одно блюдо, сказал лакею: “Передайте это блюдо Доминику”. А блюдо было роскошное, серебряное, вызолоченное. Доминик это сейчас же заметил и, воспользовавшись тем, что король употребил слово “блюдо” (plat), быстро спросил его: “Вместе с куропатками, государь?” - “Вместе с куропатками”, - согласился рассмеявшийся король.

Людовик XIV любил, когда его превозносили, но все же обладал в этом отношении чувством меры. Так, однажды,

когда ему преподнесли список тем для конкурсного состязания, составленный академиею, и он увидел в числе этих тем вопрос: “Какая из всех добродетелей короля заслуживает особого предпочтения?”, он его с неудовольствием вычеркнул. Но тонкую лесть он любил. Однажды, когда король остался победителем в какой-то битве и по этому случаю его сын был уволен на тот день от занятий, мальчик сказал ему: “Государь, если меня будут увольнять от занятий при каждой вашей победе, то я боюсь остаться круглым невеждой”.

Когда Людовик XIV порешил изгнать кальвинистов из Франции, он при этом будто бы сказал: “Мой дядя любил гугенотов и не боялся их; мой отец не любил их и боялся; я и не люблю и не боюсь их”.

Однажды Людовик XIV возвратился с охоты в Версаль как бы инкогнито, так что никто его не ожидал и, никем не замеченный, прошел в театр, где шла какая-то пьеса. Доминик, по обыкновению, был превосходен в своей роли, но пьеса была неважная, что и понятно, потому что, не ожидая на спектакль короля, поставили в тот день что попало. По окончании спектакля король сказал Доминику, что пьеса очень плоха. “Тише говорите, - ответил ему Доминик, поддельваясь под инкогнито, которое, как он видел, король желал сохранить, - как бы король не услышал, а то прогонит и меня, и всю мою труппу!”

Людовик XIV говаривал, что каждый раз, когда он дает кому-нибудь хорошую должность, он создает девяносто девять недовольных и одного неблагодарного.

Людовик XIV имел самое высокое мнение об уме и здравом суждении своей фаворитки Монтенон. Однажды он сказал ей: “Пап величают “ваше святейшество”, королей - “ваше величество”, принцев - “ваша милость”; вас же, сударыня, следовало бы величать “ваша обстоятельность” (*vorte solidité*).

В 1672 году Людовик XIV стоял под стенами Амстердама, обложив город кругом. Жители были в отчаянии; они порешили, что пришел конец не только их городу, но и всей голландской республике. Городские власти собрались на последнее решительное совещание, на котором и постановили - сдать город французскому королю и поднести ему городские

ключи. Когда отбирали голоса и уже обошли всех, в это время заметили старичка-бургомистра, который мирно почивал, убаюканный бурными сценами. Его, разумеется, растолкали с негодованием, и он, отряхнув сон, поллюбопытствовал узнать, на чем же порешили. “Постановили пойти и поднести французскому королю городские ключи?” - “А он их уже требовал?” - спокойно осведомился старичок. “Нет еще”, - отвечали ему. “Так с какой же стати ему их отдавать?.. Подождем, по крайней мере, когда он их потребует!” Этот простой и мудрый совет, по счастью, был принят и спас город и республику.

Когда Ленотру было поручено составить план версальского парка, он, наметив главные части работы, повел Людовика XIV, чтобы показать ему на месте расположение этих частей. Король был в совершенном восторге от его плана и после обзора каждой части плана в восхищении повторял: “Ленотр, я жалею вам за это двадцать тысяч франков”. После четвертого “жалования” Ленотр, человек редкого бескорыстия, заметил королю с некоторою резкостью: “Ваше величество, если так пойдет дальше, то я боюсь, что разорю вас!”

Людовик XIV очень любил аббата Брюи; зная, что старый патер страдает слабостью зрения, он иногда спрашивал у него, как он себя чувствует, поправляются ли у него глаза. “Благодарю вас, государь, - отвечал старик, - мой племянник-доктор уверяет меня, что теперь я стал лучше видеть”.

Прогуливаясь однажды по версальскому парку с Мансаром, строителем замка, и Ленотром, создателем парка, Людовик, любуясь фасадом здания, сказал своим спутникам очень лестную любезность: оба вы, дескать, сделали свое дело так, что лучше невозможно себе и представить, создали вещи, достойные всеобщего удивления. “Государь, - отвечал ему Ленотр, - есть на свете нечто, еще более достойное удивления и редкостное”. - “Что же именно?” - поллюбопытствовал Людовик. “Король, величайший в мире, удостоивающий добродушною беседой своих каменщика и садовника”.

Шовелен, близкий друг короля Людовика XV, умер внезапно, от удара, во дворце, и чуть ли не в присутствии

короля, на которого его смерть произвела сильное впечатление, потому что он вообще ужасно боялся смерти. Через несколько дней после того король был в Шуази, собирался куда-то ехать и вдруг ему доложили, что одна из запряженных в его экипаж лошадей внезапно упала и тут же издохла. “Со всем как мой бедный Шовелен!” - воскликнул испуганный король.

Сильно расстроив свое здоровье, Людовик XV однажды советовался со своим врачом Ламартиниером и, выслушав его, грустно заметил: “Вижу, что становлюсь стар, пора, верно, затормозить карету!” - “Лучше бы вовсе распрячь ее, государь!” - ответил врач.

Г-жа Кампан, бывшая лектрисою сначала при дворе Людовика XV, потом у Марии Антуанетты, в своих интересных записках рассказывает о первой беседе, которою удостоил ее король. Он куда-то уезжал и встретил ее на выходе. Узнав ее, он остановился и спросил: “Мадмуазель, правда ли, что вы очень образованы и говорите на пяти иностранных языках?” - “Только на двух, государь, - отвечала девушка, - на английском и итальянском”. - “Но вы вполне владеете этими языками?” - “Вполне свободно, государь”. - “Ну, и двух языков довольно, чтобы свести с ума бедного мужа!” - заметил, смеясь, король.

Однажды Людовик XV упрекал свою возлюбленную, г-жу Деспарбес, в том, что она ему изменяла со многими. “Ты расточала свои милости всем моим подданным; ты была благосклонна к Шуазелю”, - говорил он. “Но он так могуществен!” - оправдывалась Деспарбес. “Потом маршалу Ришелье!” - продолжал король. “Он такой умница!” - “Манвилю!” - “Если б вы знали, какой он красавец!” - “Ну, а герцог Омон? Он что? Красавец, умница?” - “О, государь, но он так глубоко предан вам!”

Посетив однажды военные склады, Людовик XV увидел там очки и, сказав: “Ну-ка, попробую, хороши ли они мне?”, надел их и стал читать бумагу, которая как бы случайно лежала на столе. Но бумага эта была, вероятно, положена тут, у него на виду, намеренно, потому что содержала в себе чрезвычайно пышные и льстивые похвалы по его адресу.

Прочитав несколько строк, он бросил бумагу и очки и сказал, смеясь: “Нет, никуда не годятся, слишком увеличивают!”

Про своего племянника, герцога Орлеанского, впоследствии бывшего регентом, Людовик XIV говорил: “Знаете ли, что представляет собой мой племянник? Это фанфарон пороков”.

Адмирал Дюгэ-Труен очень любил рассказывать о своих подвигах и рассказывал чрезвычайно живо, интересно и, вместе с тем, скромно, никогда себя не выпячивая. Людовик XIV охотно слушал его рассказы. Однажды, повествуя о каком-то бое, в котором между другими судами принимал участие корабль “Слава” (La Gloire), адмирал сказал: “Я приказал “Славе” следовать за собою”. - “И она за вами следовала, как и всегда”, - прервал его король.

Один очень молодой офицер Орлеанского полка был отправлен к Людовику XIV с каким-то очень приятным для короля известием. Пользуясь случаем, офицер попросил себе в награду орден св. Людовика, который обычно давался лишь старым служакам. Король на его просьбу и ответил ему, что он слишком молод. “Государь, - сказал ему на это юный офицер, - у нас в Орлеанском полку люди не долго живут, старых нет”.

Во время осады Монса особенно и видимо старался отличиться один дворянин, который в молодости что-то такое набедокурил, так что король Людовик XIV, знавший о его подвигах, всегда смотрел на него очень косо. Но тут, на войне, видя его усердие, король смилостивился и сам первый пошел на мировую с бравым воином. “Милостивый государь, - сказал он ему, - вы были недовольны мною, я был недоволен вами. Забудем прошлое и впредь будем вести времяисчисление с осады Монса”.

Замечательно, что великолепный король-солнце был чрезвычайно прост и терпелив с прислугою. Так, однажды лакей, светя ему, когда он раздевался, капнул ему горячим воском на ногу. “Милый мой, - сказал ему король, - ведь тебе все равно, куда капать - мне на ногу или на пол, так ты бы лучше и капал на пол”. В другой раз лакей подал ему зимою

холодную рубашку. “А летом ты мне ее подашь горячею?” - пошутил король. Какой-то сторож не был на своем месте и королю пришлось прождать, пока его отыскали и прислали. Все присутствующие накинулись на него с ожесточением, но король сказал им: “Не браните вы его, ему и без того должно быть тяжело, что он заставил меня ждать!”

Знаменитый проповедник Массильон произвел на Людовика XIV глубокое впечатление. Однажды он после проповеди сказал Массильону: “Отец, я слышал многих ораторов и был доволен; что же касается до вас, то каждый раз после того, как я слышу вас, я чувствую, что недоволен собою”.

Поэт Кино, получивший от Людовика XIV очень щедрую пенсию в поощрение его трудов, очень старался в благодарность. Он ввел в употребление прологи к операм и в этих прологах обыкновенно расточал необыкновенно пышные похвалы королю, особенно налегая на его непобедимость и вообще воинские доблести. После несчастной для французов битвы при Гохштедте один немецкий офицер задал пленному французскому офицеру коварный вопрос: “Что у вас во Франции все еще по-прежнему пишут прологи?”

Мольер пользовался вниманием и уважением Людовика XIV, но придворная челядь относилась к нему с большим пренебрежением. Он был комедиант, а в то время последний лакей считал себя выше комедианта. Так, между прочим, придворные ни за что не хотели обедать у дворцового эконома, потому что у него часто обедал Мольер; они считали для себя унижительной застольную компанию с комедиантом. Король знал об этом и решил показать пример своего особого уважения к таланту. Однажды утром, когда у него был Мольер, он потребовал завтрак, уселся за стол вдвоем с Мольером и приказал открыть двери, чтобы у стола, по обыкновению, могли присутствовать придворные. Комната тотчас наполнилась цветом придворной знати. Тогда король, кладя на тарелку Мольера кушанье, сказал: “А я сам угощаю Мольера. Мои придворные находят его компанию обидною для себя”.

После битвы при Гохштедте, столь несчастливой для французов, генерал Мальборо, делая смотр пленникам, остановился перед одним бравым гренадером Наварского полка

и, невольно им залюбовавшись, сказал: “Если бы у французского короля было сто тысяч таких молодых, он был бы непобедим”. - “Моему повелителю, - ответил гренадер, - надо вовсе не сто тысяч таких, как я, а одного такого, как вы!”

Знаменитый адмирал Жан Бар был человек в высшей степени простой и даже грубый и резкий. Когда Людовик XIV назначил его командиром эскадры, он сам лично, в присутствии толпы придворных, объявил об этом Бару. Тот, преспокойно покуривая трубочку, сказал коротко: “Это вы хорошо сделали, государь”. Выходка показалась придворным страшно грубой и дикой, и между ними поднялся ропот негодования, но Людовик сказал: “Вы ошибаетесь, господа, это ответ человека, который знает себе цену и который рассчитывает в скором времени дать мне новые доказательства”.

Одно время при дворе Людовика XIV вошло в моду заменять слово *grand* (большой, великий) словом *gros* (толстый, тучный, но также и вообще большой, крупный). Сам король, человек небольшого образования, колебался и не знал, можно ли эти два слова считать полными синонимами, и если нет, то какая собственно между ними существенная разница. Он спросил как-то об этом Буало. “Государь, - отвечал ему знаменитый стилист, - что бы ваши придворные ни думали и ни говорили, я всегда буду видеть большую разницу между Людовиком Тучным (*gros*) и Людовиком Великим (*grand*)”.

Герцог Мазарен впал в преувеличенную набожность и, как это иногда бывает с такими через край увлекшимися, довел себя до галлюцинаций. Однажды он неожиданно возвестил королю Людовику XIV, что ему явился архангел Гавриил и повелел передать королю, чтобы он оставил свою фаворитку Лавальер. “Он и мне тоже явился, - ответил король, - и объявил, что вы с ума спятили”.

Люксамбур, один из талантливейших боевых генералов Людовика XIV, был горбат. Какой-то из немецких генералов, часто имевший стычки с Люксамбуром, говорил про него с величайшим ожесточением: “Неужели мне ни разу не удастся поколотить хорошенько этого горбуна?” Когда Люксамбур узнал об этом, он воскликнул: “Горбуна! Да почему же он знает, что я горбатый, я ни разу не показывал ему тыла”.

Какой-то придворный при Людовике XIV был предметом общих насмешек, как человек, совершенно неспособный... к продолжению своего рода. Особенно часто трунил над ним известный остряк-писатель и академик Бансерад. И вот, встретив однажды Бансерада, этот господин с самодовольным видом возвестил ему: "Вот вы все надо мной насмехаетесь, а жена моя вчера меня порадовала наследником". - "Позвольте, да кто же смел сомневаться в вашей супруге, - возразил Бансерад, - речь шла о вас, а не о ней!"

Парижский интендант Гарлэ был настоящий баловень судьбы. Вся его жизнь была сплошным рядом скандалов, о которых говорил весь Париж, а между тем, он шел все выше да выше в гору, занимая одно за другим все лучшие и лучшие места, и, наконец, сделался интендантом. "Еще один хороший скандал, - говорил он, потирая руки, - и я сделаюсь статс-секретарем!"

Какой-то герцог, человек в высшей степени неблагополучный в своей семейной жизни (о чем, разумеется все знали), однажды вечером, уже при огнях, стоял в приемной дворца, в толпе других придворных, в ожидании выхода короля Людовика XV. По неосторожности, он приблизился к горящей свечке и коснулся пламени своим громадным париком. Волосы мгновенно вспыхнули и, хотя присутствующие немедленно потушили пожар, но в комнате остался очень крепкий запах гари. Как раз в эту минуту и вышел король. Услышав запах, он повел носом и громко проговорил: "Фу, как тут пахнет паленым рогом!" Громадный взрыв смеха приветствовал это хотя и нечаянное, но в высшей степени удачное замечание короля.

Однажды, встретив у королевы ее престарелого чтеца, Монкрифа, Людовик XV сказал ему: "Знаете, Монкриф, есть люди, которые вам дают восемьдесят лет". - "Знаю, что дают, ваше величество, да я не беру", - отвечал старик.

Один из придворных Людовика XV, Ландсмаат, человек весьма преклонного возраста, очень недолюбливал, когда его спрашивали о летах, и даже на прямые вопросы об этом самого короля давал уклончивые ответы. Король вздумал над

ним подшутить, приказал доставить себе метрическую выписку о Ландсмате и однажды, неожиданно вынув ее из кармана, начал вслух читать ее Ландсмату. “Что это? -спросил смущенный старик. - Это, кажется, мое метрическое свидетельство?” “Как видите, Ландсмат”, - ответил король. “Государь, спрячьте его скорее! Король, на котором лежит забота о счастье двадцати пяти миллионов людей, не должен ни одного из них огорчать для собственного удовольствия”.

После смерти г-жи Шатору король Людовик XV казался глубоко удрученным и выразил свою печаль довольно странной фразой: “Мне предстоит терпеть горе девяносто лет, потому что я уверен, что доживу до такого возраста”.

Во времена Людовика XV надвигавшаяся революция уже предчувствовалась, и сам король, при всей своей беззаботности, смутно чуял ее. Он тогда говорил: “Я уверен, что на мой век хватит, что пока я жив, я останусь властелином. Но моему преемнику уже придется держать ухо востро!” Из этих слов впоследствии, как думают, и создалась знаменитая, приписываемая ему фраза: “Après moi le deluge!”(после меня хоть потоп).

При Людовике XV процветала карточная игра в брелан. В этой игре, между прочим, ведется счет фигур, королей, валетов, дам. Однажды Людовик играл в эту игру с одним придворным; к нему пришло три короля, и он в шутку сказал своему противнику: “Я выиграл, у меня три короля, да и я сам король, итого четыре короля - брелан-каррэ”. Но у противника был полный брелан-каррэ, только из валетов, и потому он возразил: “Извините, государь, у меня игра выше, я выиграл: у меня четыре валета, да я сам валет, итого пять”. Придворный был то, что в то время называли Valet de chambre.

По случаю свадьбы дофина (Людовика XVI) в Версале происходили чрезвычайно пышные торжества, расходы на которые очень туго отозвались на тогдашней тощей государственной казне, что, разумеется, и было известно всем и каждому. Поэтому король (Людовик XV) спросил у аббата Террэ, как он находит версальские празднества, тот отвечал: “Неоплатными, государь!”

Вокруг Людовика XV, человека в высшей степени распущенного, царил страшный разврат. Чуть ли не единственным светлым пятном на фоне тогдашней придворной знати был маршал Бриссак, человек весьма строгих нравов. Конечно, он был у всех бельмом на глазу и его не щадили; распространили, например, про него слух, что жена ему изменяет, хотя это была клевета. Поощряемые в особенности легкостью взглядов короля на нравственность, придворные однажды без церемонии, в глаза насмеялись над Бриссаком и его семейным неблагополучием, чем, конечно, привели его в бешенство. Король имел жестокость вместе с другими смеяться над почтенным воином. “Ничего, Бриссак, - говорил он ему, - не сердитесь, не стоит того дело; с кем эта беда не случается?”, и т.п. “Государь, - отвечал ему маршал, - скажу, не хвастаясь, что обладаю мужеством всякого рода, но только не мужеством позора!”

Людовик XV, быть может, от своих амурных излишеств часто впадал в странную рассеянность, граничившую с душевным расстройством. Так, однажды, он внезапно задал венецианскому послу Гродениго ошеломляющий вопрос: “Сколько членов у вас в Венеции в Совете Десяти?” “Сорок, государь”, - отвечал посол, очевидно, подумавший, что король пошутил и что на шутку лучше всего отвечать шуткой. Но Людовик тотчас же забыл свой вопрос и полученный ответ и заговорил о другом.

Однажды на балу-маскараде во дворце обратило на себя всеобщее внимание какое-то таинственное желтое домино. Эта маска подошла к буфету и, буквально как голодный волк, пожирала самые аппетитные и, главное, сытные закуски и кушанья, пила в огромном количестве дорогие вина. Страшный аппетит всем бросился в глаза, сказали даже об этом королю, и тот сам поллюбопытствовал поглядеть, кто это так ужасно проголодался. Наевшись и напившись до отвала, желтое домино вышло из буфета и куда-то скрылось. Но не более как через 10-20 минут то же домино вновь явилось в буфет и опять начало уписывать, еще с большею жадностью. Вновь наевшись и напившись всем на удивление, домино исчезло, но через полчаса вновь явилось и вновь начало свое варвар-

ское опустошение буфета; потом оно появилось в четвертый, в пятый раз. Общему изумлению не было границ. Сам король был не только заинтересован, но почти испуган этим адским аппетитом и приказал последить за таинственным домино. И что же оказалось? Дворцовая стража добыла где-то единственное желтое домино, которое солдаты поочередно напяливали на себя, шли в нем в буфет, там наедались и напивались, потом уходили домой, передавали домино следующему, и так угощались, пока их не проследили и не накрыли.

Однажды Сен-Жермен сказал королю Людовику XV: “Для того, чтобы знать и уважать людей, не надо быть ни духовником, ни министром, ни полицейским”. - “Ни королем”, - вставил король.

Когда король Людовик XV бывал на охоте, с ним всегда был походный буфет, и полагалось, чтобы в этом буфете было 40 бутылок вина. Король почти никогда не пил этого вина; конечно, его выпивали другие. Но вот однажды случилось, что король почувствовал сильную жажду и попросил вина. Ему в смущении отвечали, что вина нет. “Как же это? Ведь полагается иметь в запасе 40 бутылок?” - спросил король. “Точно так, ваше величество, они и были, но все выпито”. - “Потрудитесь вперед брать сорок одну бутылку”, - распорядился король.

При Людовике XV среди французской знати начал распространяться вкус ко всему английскому, и появилось в обращении выражение “à l’anglais” (по-английски, в английском вкусе). Однажды около кареты короля ехал верхом герцог Омон и немилосердно обдавал короля грязью из-под копыт своего коня. “Герцог, - заметил ему король, - вы в меня брызгаете грязью” (vous me crottez). Герцогу же послышалось “trottez” (едете рысью), и он отвечал: “Точно так, государь, à l’anglais!”

Однажды к Вольтеру явился кокой-то господин, отрекомендовавшийся литератором. “Я имею честь, - говорил он, - быть членом шалонской академии, а вы знаете, что она дочь парижской академии”. - “О, да, - отвечал Вольтер, - и при том примернейшая дочь, потому что никогда еще не подава-

ла повода, чтоб о ней заговорили”.

У Вольтера еще при жизни были страстные почитатели, доходившие почти до умопомрачения. Такие обожатели часто сидели и слушали его, разинув рты, в немом благоговении, хоть бы он говорил самые обыкновенные вещи; им в каждом его слове слышалось или, лучше сказать, чудилось что-то скрытое, отменно умное и острое. Любопытнейший пример такого обожания, без границ и удержа, сообщает в своих записках известный граф Сегюр. Однажды у Сегюров в числе других гостей был Вольтер, которому мать Сегюра жаловалась на какие-то свои хворости. Вольтер, утешая старушку, сказал ей, что он сам страдал тем же целый год и что все лечение состояло в том, что он питался смесью из яичных желтков, картофельного крахмала и воды. Само собой разумеется, что в этом рецепте не было и быть не могло ничего особенно едкого, меткого, остроумного. И, однако же, когда Вольтер произносил эти невинные слова: “крахмал, вода, желтки”, один из гостей, очевидно, дошедший в своем обожании Вольтера до слепого фанатизма, не утерпел, толкнул Сегюра, и, наклонясь к нему, восторженным шепотом проговорил: “Что это за человек! Что это за ум! Ни одного слова не скажет, в котором бы не сверкнуло остроумие!”

Вольтер высоко ценил ученые труды доктора Галлера. Слыша его похвалы, некий господин, знавший хорошо Галлера, заметил Вольтеру, что Галлер далеко не так одобрительно отзывался о Вольтеровых трудах, как Вольтер о Галлеровых. “Увы, - ответил Вольтер, - ошибка - удел смертных; может быть, и тут мы оба ошибаемся!”

Вольтер совсем умирал; это было всего за неделю до его смерти. В театре ставили его трагедию “Тит”, и один из новых актеров, не будучи осведомлен о болезни автора, пришел к нему, чтобы с ним прорепетировать свою роль. “Умираю, - сказал Вольтер пришедшему, - простите, не могу оказать вам обычного внимания, подобающего гостю”. - “Какая жалость, - воскликнул актер, - а мне завтра надо играть в вашем “Тите”. При этих словах умирающий Вольтер открыл глаза и приподнялся на локте. “Что вы говорите, мой друг? Вы завтра играете в “Тите”? Ну, коли так, нечего и думать о

смерти! Я сейчас пройду с вами вашу роль!”

Знаменитый механик, творец удивительнейших, прославившихся по всему свету автоматов, Вокансон, был в одно время с Вольтером представлен какому-то иноземному принцу. Но высокий гость, надо полагать, большой любитель механического искусства, отдал все свое внимание Вокансону, на Вольтера же почти и не взглянул. Вокансон, чуть не боготворивший Вольтера, был чрезвычайно обеспокоен таким отношением приезжего принца к своему идолу и, желая хоть отчасти загладить невежливость принца, подошел к Вольтеру и сказал ему, что, дескать, принц мне сейчас сказал о вас то-то и то-то - нечто чрезвычайно лестное. Вольтер понял уловку Вокансона и сказал ему: “Весь ваш талант, г-н Вокансон, сказался в этом умении заставить говорить такого автомата, как этот принц”.

Как известно, Вольтер одно время жил при дворе Фридриха Великого и пользовался большой дружбой прусского короля, а потом впал в немилость и уехал домой. Говорят, что причиной размолвки послужила одна очень едкая выходка Вольтера. Однажды в комнате у Вольтера сидел генерал Манштейн, автор записок о России, которые Вольтер переводил на французский язык. В это время Вольтеру принесли и подали что-то; посланное оказалось произведением короля Фридриха, который обычно все свои литературные труды передвал своему гостю, с просьбой просмотреть их и поправить. Получив эту посылку, Вольтер сказал Манштейну: “Друг мой, нам надо теперь отложить нашу работу; вот видите, король прислал мне в стирку свое грязное белье; его надо выстирать”. Эти слова, конечно, сообщили королю, и они будто бы послужили причиной разрыва.

Вольтер, присутствовавший при осаде Филиппсбурга, с любопытством непосвященного осматривал осадные сооружения. Маршал Бервик, увидя его, пригласил его, - не хотите ли, мол, пройти вперед, в траншеи, где было уже очень опасно. “О, нет, маршал, - отвечал Вольтер, - я охотно возьму на себя труд воспеть ваши подвиги, но разделить их с вами не польщусь”.

Какой-то автор представил Вольтеру свою трагедию,

просил прочитать ее и сказать свое мнение. Прочитав пьесу, Вольтер сказал: "Написать такую трагедию вовсе не трудно; трудность в том, что отвечать автору такого произведения, когда он спрашивает о нем ваше мнение".

В 1779 году Вольтер отправился из Швейцарии в Париж. На городской окраине его остановили и спросили, не везет ли он чего-либо, подлежащего оплате пошлиной. "Господа, - отвечал он им, - у меня в экипаже нет никакой контрабанды, кроме самого меня".

Какой-то почитатель преследовал Вольтера своими письмами до такой степени, что философу стало, наконец, невтерпеж и он отправил своему истязателю такую записку: "М.Г., я умер, и таким образом впредь уже не в состоянии отвечать на ваши письма".

Вольтер написал трагедию "Орест". Супруга маршала Люксамбура немедленно вслед за первым представлением этой трагедии написала Вольтеру длинейшее письмо, содержащее ее собственный отзыв о пьесе, ее критику произведения Вольтера. Просмотрев эту критику, Вольтер послал маршальше свой ответ, состоявший всего из одной строки: "Сударыня, Орест пишется через *O*, а не через *H*". Маршальша в своем письме писала везде *Horeste*, вместо *Oreste*.

Кто-то из назойливых друзей Вольтера, ревнуя о его славе, переделал несколько стихов в его трагедии "Ирина" и навязывал Вольтеру свою переделку, уверяя, что так будет лучше. И вот однажды к Вольтеру пришел знаменитый строитель моста Нельи, архитектор Перронэ, и как раз в эту минуту у Вольтера сидел его фанатический друг, переделыватель его стихов. Представляя своих гостей друг другу, Вольтер сказал архитектору: "Счастливец вы, г-н Перронэ, что незнакомы с этим господином, а то бы он переделал арки вашего моста!"

Однажды в то время, когда Вольтер играл в карты с какою-то очень набожной дамой, случилась сильная гроза. Трусливая богомолка вся затряслась и начала умолять, чтобы закрыли окна, двери, опустили занавески. Главное же, что ее ужасало, это то, что она в такую минуту находилась вместе с безбожником и нечестивцем. Что, если Господь, в своем пра-

ведном гневе, избрал этот момент, чтобы поразить злодея-атеиста своими громами? И все это она, в припадке страха, выкрикивала громко, не стесняясь присутствием самого безбожника. “Сударыня, - заметил Вольтер, - я в одной строке своего стихотворения сказал о Боге больше хорошего, нежели вы мыслите о нем всю вашу жизнь”. Очевидно, философ намекал на свою знаменитую строфу: “Si Dieu n’existait pas il faudrait l’inventer” (если бы Бог не существовал, то следовало бы его выдумать), входящую в его послание к автору “Трех лжецов” (“Épître à l’auteur de trois imposteurs”).

Однажды Ламетри, приглашенный ко двору Фридриха в одно время с Вольтером, в беседе с королем очень свободно заговорил о том, что берлинская публика недовольна сближением короля с Вольтером, что это сближение находят чрезмерным и неприятным. Король на это заметил, что все эти тревоги напрасны, что он умеет извлекать пользу из людей и знает в этом меру; что для него человек все равно что апельсин: выдавил сок, а кожу бросил прочь. “С этой минуты, - пишет Вольтер в своих записках, - я, конечно, стал подумывать о том, чтобы как-нибудь загодя обезопасить апельсиновую кожу”.

Кружок враждебных Вольтеру лиц начал распускать слух, что одна из его трагедий, “Альзира”, написана не им. “Я очень желал бы, чтобы так и было на самом деле”; - заметил на это некто, слышавший эти изветы. “Почему же так? - спросили его. “Потому что тогда у нас, значит, было бы одним великим поэтом больше”.

Какой-то адвокат, явившись в Вольтеру, приветствовал его пышными словами: “Я пришел поклониться светочу мира!” Вольтер тотчас крикнул свою родственницу, г-жу Дени, и попросил принести щипцы для снятия нагара.

Во время регентства Вольтер был посажен в Бастилию за какую-то эпиграмму, направленную против регента. Его выручил из темницы герцог Бранкас. Он сам приехал за ним в Бастилию и повез его прежде всего к регенту благодарить за помилование. Случилось, что регент заставил их долго ждать. А на дворе стояла отвратительная погода - дождь, снег, слякоть. Вольтер, созерцая в окно эту непогоду, сказал гер-

цогу: “Глядя на такую слякоть, можно подумать, что на небе тоже учреждено регентство”.

Как известно, в былое время, до революции, податные откупщики (*fermiers généraux*) во Франции были настоящими пиявками населения, которых народ считал хуже всяких разбойников. И вот однажды у Вольтера, в кругу гостей, затеяли рассказывать поочередно разные истории про разбойников. Когда очередь дошла до Вольтера, он начал свой рассказ так: “Жил-был в старые времена податный откупщик... - тут он оборвал рассказ и добавил: “Дальше, ей Богу, забыл, господа!”, но и этого было достаточно, чтобы слушатели расхохотались над краткой историей о “разбойниках”.

В 1730 г. вышла во Франции книга неизвестного автора под заглавием: “*L’Ame des bêtes*”, т.е. “Душа животных”; но заметим, что *bête* по-французски значит не только зверь, но и глупец, “животное” в бранном смысле, как наше “бестия”. Вольтер, просмотрев эту книжку, сказал: “Автор - отличный гражданин своей страны, но, однако, мало осведомленный в ее истории”.

Одно время Вольтер гостил в монастыре Сенон, у настоятеля Кальмэ; его привлекла в монастырь, собственно, прекрасная тамошняя библиотека; но, живя в монастыре, он не желал входить в него, как говорится, “со своим уставом” и поэтому усердно выполнял весь обиход монашеской жизни, посещал церковную службу. Однажды он даже участвовал в какой-то духовной процессии, причем шел, опираясь на руку своего секретаря; а этот последний, надо заметить, был протестант. Когда это рассказали известному остряку маркизу д’Аржансу, он воскликнул: “Это, кажется, единственный случай, когда неверие, опираясь на ересь, воздало почтение церкви!”

Посетив однажды свою добрую знакомую, г-жу Шатлэ, Вольтер стал играть с ее маленьким сыном. Он усадил ребенка к себе на колени и говорил ему: “Милый мой дружок, для того, чтобы уметь ладить с людьми, надо всегда иметь на своей стороне женщин; а чтобы иметь их на своей стороне, надо из знать. Вот ты и знай, что все женщины лживы, лукавы, обманщицы”. - “Как, - прервала его рассерженная хозяйка, - что

вы говорите? Как все женщины?” - “Сударыня, -остановил ее Вольтер, - грешно говорить ребенку ложь, детям надо всегда говорить правду!”

Отец Вольтера все хотел купить сыну какую-нибудь хорошую почетную должность, - в те времена эти вещи продавались и покупались. Но Вольтер всегда, когда заходила об этом речь, говорил: “Я не хочу почета, который покупают; я сумею приобрести почет, который мне ничего не будет стоить деньгами!”

Вольтер умел льстить, когда считал человека достойным. Так, во время посещения Франции Франклином знаменитый американец пожелал видеть Вольтера, слава которого уже давно перешла через Атлантический океан. Вольтер с трудом говорил по-английски, но при встрече Франклина заговорил и некоторое время поддерживал беседу на английском языке. Потом перешел на французский язык, но при этом заметил: “Я не мог отказать себе в удовольствии хоть немножко побеседовать на языке Франклина”.

У Вольтера был старший брат, богослов, столь же усердно погруженный в теологическую литературу, как Вольтер в поэзию. Их отец иногда говаривал: “У меня выросли сынки - два дурака: один дурак в прозе, другой в стихах”.

Один аббат, по имени Сюер, представился Вольтеру в качестве писателя. “Господин аббат, - сказал ему философ, приветствуя его, - вы носите имя, очень известное в живописи”.

Какой-то приезжий гость посетил Вольтера в его замке Фернэ, загостился там и порядочно надоел хозяину. Вольтер говорил про него: “Этот человек - сущий Дон Кихот, только навыворот: тот принимал гостиницы за замки, а этот - замки за гостиницы”.

Вольтер не ладил с Пироном. Но вот однажды очень удивленный Пирон видит в окно, что к его дому подходит Вольтер и входит в подъезд. Пирон решил принять его по возможности любезно и ждал только звонка, чтобы ему отворить дверь. Но звонок не раздался, а вместо него послышалось какое-то царапанье, словно бы кто писал на двери. Переждав некоторое время, Пирон отворил дверь и на ее наруж-

ной стороне увидал написанные мелом слова весьма неприличного свойства. Пирон решил отомстить. Он сам в очень парадном туалете явился к Вольтеру, как бы с визитом, и когда тот выразил некоторое изумление по поводу посещения, Пирон ему сказал: "В моем посещении нет ничего удивительного: я у себя на двери нашел вашу визитную карточку и поспешил отдать вам визит".

Одного адвоката времен Вольтера звали Омер Жолиде-Флери. Надо заметить, что Омер по-французски выговаривается одинаково с именем Гомера; Жоли (joli) значит хорошенький, красивый, а Флери (fleuri) - цветущий. Вольтер говорил про этого адвоката: "Когда читаешь его произведения, видишь, что он вовсе не Гомер; когда смотришь на него, видишь, что он вовсе не красив, а когда он заговорит, его речь вовсе не цветаста". Человек не оправдывает своего имени.

Про внука знаменитого Расина Вольтер говорил: "Это *малый сын великого отца*". Каламбур тут в том, что по-французски внук называется *малый сын* (petit fils), а дед - *большой отец* (grand pere).

Уезжая из Голландии, Вольтер, в виде прощального приветствия, воскликнул: "Adieu canaux, canards, canailles!", т.е. прощайте каналы, утки, каналы.

У Вольтера одно время жил в качестве приживальщика какой-то отставной иезуит, по имени Адам. Вольтер, представляя его посетителям, всегда повторял одну остроту: "Вот г-н Адам, только это вовсе не первый человек!".

Вольтер и Пирон однажды поспорили, кто из них искуснее в лаконизме, и порешили для состязания написать друг другу письма, которые должны были состоять хотя бы из одной только фразы, но совершенно законченной и осмысленной. Бой был открыт Вольтером, который прислал Пирону записку, содержащую два кратчайших латинских слова: "Eo gus" (еду в деревню). Ответ Пирона не замедлил; он состоял всего лишь из одной буквы: "i". Но "i" по-латыни значит - иди, поезжай. В настоящем случае эта буква представляла собою вполне законченный и осмысленный ответ на письмо Вольтера.

Во времена Вольтера еще свирепствовали знаменитые *lettres de cachet*, т.е. письма с государственной печатью, по которым людей хватили и сажали в Бастилию. Эти письма сильные мира сего легко доставали по знакомству с высшими сферами, а богатые просто покупали их. Но случалось, что ни в чем неповинных людей сажали в тюрьму и по поддельным письмам. Однажды случилась очень громкая история именно с подобным письмом. Вольтер, беседуя с полицейским префектом Эро, спросил его, что делают с подделывателями *lettres de cachet*. "Их вешают, - отвечал Эро. "И то хорошо, - заметил Вольтер, - до поры до времени, пока не начнут, наконец, вешать и тех, кто подписывает неподдельные".

Какой-то шантажист прислал Вольтеру письмо с известием, что он написал на него гнусный пасквиль, напечатал его в 400 экземплярах и что, если Вольтер пришлет ему 400 франков, то он ему охотно выдаст все экземпляры своего пасквиля полностью. "Вы слишком добры, милостивый государь, - отвечал ему Вольтер, - то, что вы мне предлагаете, совсем для вас невыгодно. Вы лучше пустите вашу книжку в продажу, - вы выручите много больше 400 франков".

Вольтер спросил одного молодого человека, кем он хочет быть, к чему себя готовит. "Хочу сделаться врачом", - отвечал тот. "Другими словами, хотите выучиться пичкать лекарствами, которых вы не знаете, человеческое тело, которое вы знаете еще меньше".

Вольтер читал свою трагедию пришедшим к нему в гости аббату Вуазенону и Расину (сыну знаменитого). При произнесении одного стиха Расин вдруг остановил чтеца и заметил ему, что этот стих заимствован у него. И потом он все время бормотал: "А ведь тот стих мой!". Вуазенону это, наконец, наскучило и он крикнул Вольтеру: "Да отдайте вы ему его стих, и пусть он с ним убирается к черту!".

Одно время к Вольтеру привязался какой-то скучнейший господин, который истязал его своими бесконечными вопросами. Однажды при входе гостя Вольтер, не давая ему открыть рот, сказал: "Милостивый государь, предупреждаю вас, что я ничего не знаю и ничего не могу вам отвечать на

вопросы, которые вы мне будете предлагать”.

Регент засадил Вольтера в Бастилию, а в это время как раз давали Вольтеру трагедию “Эдип”. Регенту она чрезвычайно понравилась, и ради удовольствия, какое она ему доставила, он помиловал автора. Когда Вольтер явился благодарить регента, тот сказал ему: “Ведите себя хорошо, а я буду о вас заботиться”. - “Буду бесконечно обязан вашему высочеству, - отвечал Вольтер, - но об одном умоляю: не принимайте на себя забот о моей квартире!”.

Однажды Вольтер, приветствуя Пирона, сказал ему: “А, здравствуйте, сердце мое!” - “Я вам, кажется, ничего худого не сделал, - сухо отвечал Пирон, - за что же вы меня поносите!”

“Какая разница между хорошим и прекрасным?”- спрашивали Вольтера. “Хорошее требует доказательств, а прекрасное не требует”, - отвечал он.

Какой-то бедный духовный, мечтавший о месте аббата, часто в беседах с Буало, с которым был знаком, горячо восставал против распространенной в то время манеры хватать множество мест и должностей; жадные люди брали места, вовсе не заботясь о том, как они справятся с принимаемыми на себя обязанностями, а заботясь лишь об умножении доходов. Знакомец Буало красноречиво осуждал жадность, столь мало совместимую особенно с духовным званием, для себя же, как он уверял, удовольствовался бы аббатством, которое приносило бы 2-3 тысячи франков, на большее же он никогда не польстится. Но все это был только один разговор; кандидату в аббаты случайно повезло: он получил аббатство с доходом в 7 тысяч, скоро потом другое в 5 тысяч, потом третье, тоже в 5 тысяч. “Ну, г-н аббат, - сказал ему Буало, встретясь с ним в это время, - где наши разговоры о грехе и соблазне многочисленных должностей и крупных доходов?” - “Ах, г-н Буало, - отвечал разбогатевший скромник, - если б вы знали, как эти доходы нужны для того, чтобы хорошо жить!” - “Знаю, понимаю и нисколько не сомневаюсь, что все это нужно для того, чтоб хорошо жить, но годится ли это для того, чтобы хорошо умереть?”.

Принц Кондэ был большой любитель литературы и часто собирал у себя писателей, беседовал с ними и высказывал подчас весьма здравые суждения. С ним, конечно, соглашались, когда его суждения были в самом деле здравые, и в эти минуты он был в высшей степени мил и любезен. Но зато, когда его мнения нельзя было принять без возражений, он совсем преобразался, противоречий не выносил, был зол, резок, груб. И вот однажды Буало, присутствовавший при каких-то литературных разглагольствованиах принца, возразил ему. Слово за слово - спор разгорелся, и очи принца так злобно засверкали, что Буало живо примолк, оставив спор. Улучив минутку, он наклонился к соседу и шепнул ему: "Отныне даю заклятье всегда, когда принц не прав, быть одного мнения с его высочеством".

Один знакомый показывал Буало стихи, написанные каким-то маркизом. Сам показывавший отзывался об этих стихах с восхищением, но Буало, просмотрев их, оказался иного мнения. "Если вам так нравятся стихи маркиза, - сказал он своему знакомому, - то вы мне окажете большую честь, если мои стихи будете считать никуда негодными".

У книгопродавца Барбена, приятеля Буало, была в окрестностях Парижа дача, очень богатая и красивая, но без двора, без сада, так что когда он звал гостей на дачу "подышать свежим воздухом"; то над ним смеялись, потому что наслаждаться воздухом на даче было негде. Однажды Буало обедал у него и после обеда сейчас же приказал закладывать лошадей, чтобы ехать домой. "Куда же вы так скоро?" - спрашивал его хозяин. "Хочу в город подышать свежим воздухом", - отвечал Буало.

Одно время в Париже появился проповедник, отец Летурне, на проповеди которого устремлялся весь город. Кто-то спросил у Буало, что это за новый проповедник и почему к нему публика так усердно идет. "Вы знаете, - отвечал Буало, - что публика всегда жадна до новизны, а Летурне проповедует совсем по-новому - в евангельском духе".

У Руссо и у Вольтера были свои восторженные почитатели. Но Руссо был в высшей степени скромнен и не любил

открытого поклонения. Один почитатель приставал к нему очень долгое время, но тот так и не принял его вовсе. Почитатель написал ему длинное и восторженное письмо, умоляя дозволить ему предстать перед “величайшим из людей нашего времени”, и просил ответить только одно слово - да или нет. Руссо написал на листе бумаги крупными буквами: “нет” и отправил это письмо почитателю. Другой его почитатель оказался гораздо настойчивее. Это был бедный священник, проникшийся изумлением к гению великого писателя уже после его смерти. Руссо был похоронен в Эрменонвиле, на острове, лежащем посреди озера. Могилу его могли посещать только те лица, у которых было на это письменное разрешение владельца имения. Священник, почитатель Руссо, совершил свое паломничество из Парижа в Эрменонвиль пешком. Подойдя к озеру, он отыскал лодочника и потребовал, чтоб он его перевез на остров, но тот спросил пропуск и, убедившись, что его не имеется, отказался перевозить посетителя. Последний заспорил, что он все-таки посетит могилу. “Вы туда не попадете”, - возражал лодочник. “Попаду!” - возражал пылкий почитатель. Пока они обменивались этими азартными: “попаду”, “не попадете”, священник быстро скинул одежду, бросился в воду и живо переплыл на остров. Там он подошел к могиле Руссо, постоял перед нею несколько минут в благоговении, потом переплыл назад на берег, оделся, простился с лодочником и ушел.

Академик Грессэ, говоря однажды о Руссо, выразился так: “Досадно, что такой крупный философ живет таким медведем”. Руссо это знал. Посетив Грессэ, он долго беседовал с ним, но говорил очень кратко и все о разных пустяках, тогда как Грессэ хотелось навести разговор на серьезные философские темы. Грессэ, наконец, намекнул гостю на это видимое уклонение от серьезного разговора, а Руссо сказал ему на это: “Г-н Грессэ, можно выучить говорить попугая, но медведя ни за что не выучить”.

Философ Ванини на обращенное к нему обвинение в безбожии поднял с земли соломинку и сказал: “Мне довольно этой былинки, чтобы бесспорно доказать то, в отрицании чего меня обвиняют”. Нечто подобное приписывают и Руссо.

Однажды он вошел к г-же Эпернэ, неся в руке большой пук колосьев. “Вот вам, - сказал он, - целый пук доказательств бытия Божьего”.

У Руссо был домик в Монморанси, а рядом с ним - бывшее имение какого-то важного, но очень пустого и тщеславного барина, хваставшегося своею охотой и красной ленточкой своего ордена. Однажды заяц, принадлежавший этому барину, ушел из его садка, пробрался в скромный огороδικ Руссо и пристроился там к капусте. Садовница Руссо завладела этой случайной добычей, а барин-сосед, узнав об этом, страшно разгневался и грозил садовнице. Тогда Руссо продиктовал ей письмо к соседу; в нем она сначала рассыпалась в извинениях, а в конце говорит: “М.Г., я питаю к вашим зайцам всяческое почтение, но молю вас, наденьте на них на каждого по красной орденской ленточке, чтоб я могла их отличить от других зайцев”.

Однажды Руссо прогуливался с Дидро по берегу пруда в Монморанси. Остановившись около одного места на берегу, Руссо сказал: “Вот с этого самого места я раз двадцать собирался броситься в воду, чтобы покончить с собою”. - “Что ж вас удержало? - спросил равнодушно Дидро. “Я пробовал воду рукою, и мне всегда казалось, что она слишком холодна”.

У Дидро снисходительность к людям иногда доходила до непостижимых пределов, до самоотверженности. Так однажды к нему явился какой-то юный шантажист, подал толстую тетрадь и просил ее прочитать. Рукопись оказалась злой и яростной сатирой на Дидро. “М.Г., - сказал ему Дидро, - я не знаю вас, никакого зла я не мог вам сделать; скажите же, чем я должен объяснить ваше нападение на меня?” - “Мне просто-напросто есть нечего”, - покаялся юноша. Он надеялся, что Дидро даст ему денег, чтоб отвязаться от него. “Ну, что же, - спокойно говорил Дидро, - вы не первый, прибегший к такому способу пропитания. Многие охотно платят за молчание. Но дело в том, что вы можете извлечь гораздо больше пользы из вашей тетрадки. Обратитесь вы с нею к герцогу Орлеанскому. Он меня терпеть не может и за пасквиль про-

тив меня хорошо заплатит, гораздо лучше, чем я сам. Посвятите ему вашу сатиру, переплетите ее хорошенько, поставьте на переплет его герб и поднесите ему; можете быть уверены, что он будет щедр к вам”. - “Но я совсем не знаю герцога и не сумею написать ему посвящение”, - сказал шантажист. Дидро сейчас же сел за стол и написал посвящение. Мошенник взял свою рукопись, сделал все так, как ему советовал Дидро, получил от герцога подачку и пришел даже поблагодарить Дидро.

Знаменитую “Энциклопедию”, которую Дидро редактировал, издавал книгопродавец Панкук, человек очень преклонного возраста. Однажды Дидро пришел к нему, чтобы прочесть корректурные листы “Энциклопедии”. Панкук в это время одевался и делал это, по причине своей старческой неповоротливости, очень медленно. Живой и нетерпеливый Дидро, желая помочь ему поскорее покончить со своим туалетом, стал подавать ему верхнюю одежду. Панкук сконфузился и никак не хотел согласиться, чтоб великий писатель прислуживал ему. “Ничего, ничего, - успокаивал его Дидро, - я не первый автор, одевающий (т.е. обогащающий) издателя”.

Родные вздумали подарить Дидро портрет его отца, который был простым кузнецом. Дидро желал, чтобы отец на портрете был представлен в рабочей одежде; в переднике, в колпаке, с какими-нибудь клещами или молотом в руках, но его желание не было исполнено: ему преподнесли портрет отца в парике, в нарядном кафтане, с табакеркою в руках. “Ни вы, ни живописец, - сказал Дидро, взглянув на портрет, - не сделали того, что следовало. Я хотел иметь портрет моего отца в его обычном будничном виде, а вы мне его сделали в праздничном виде”.

Однажды Гримм привел к Дидро принца Фердинанда Брауншвейгского, которого Дидро не знал и принял за простого смертного, путешествующего немца. Все трое очень мирно и дружно беседовали несколько часов. На прощанье Гримм пригласил его ужинать в тот же день к герцогу Брауншвейгскому, прибывшему в Париж. “Увидите героя! - убеждал его Гримм. “Нет, не пойду, - отвечал Дидро, - не любив-

ший немцев. - Я не люблю этих ваших принцев, я с ними глупею, они у меня отшибают здравый смысл, а ведь сами-то взамен ничего мне не дают". Гримм расхохотался и знаками дал ему понять, что его гость и был сам принц Брауншвейгский. Дидро, нисколько не смутясь, сказал ему; "Друг мой, преклоните колено пред вашим принцем и попросите у него прощения за все глупости, которые вы меня заставили говорить".

У Дидро спросили, что за человек Эпинэ. "Это человек, - ответил философ, - который истребил два миллиона, не только не сделав за все это время ни одного доброго дела, но даже и не сказав ни одного доброго слова".

Однажды к Дидро пришел какой-то юноша и принес пук никуда негодных стихов. Дидро откровенно сказал ему, что не только эти стихи его плохи, но, судя по ним, можно сказать с уверенностью, что лучших ему никогда и не удастся написать. "Ну, что же делать, - отвечал юноша, - буду писать плохие стихи!" Эта выходка заинтересовала Дидро. Он спросил юношу и услышал от него, что несчастный был одержим каким-то болезненным жаром к писанию стихов, не мог без этого жить. Но при этом еще оказалось, что злополучный поэт очень беден. Подумав, Дидро посоветовал ему ехать в Индию и там попытать счастья. С тем от него и ушел юный маньяк. Но через двенадцать лет он снова предстал перед Дидро, на этот раз прекрасно одетый, видимо ставший богатым человеком. Дидро и не узнал было его, но он сам напомнил ему о своих стихах. Помните, дескать я тот самый, кого вы тогда отправили в Индию; я вас послушался, отправился туда и там разбогател. Теперь я вернулся и опять взялся за стихи! Дидро прочел эти стихи и увидел, что они еще хуже прежних. Он это откровенно объяснил поэту, но при этом прибавил: "Вы этим не стесняйтесь, пишите себе ваши стихи сколько угодно. Теперь вы обеспечены и вам можно развлекать себя, чем хотите. Только не печатайте ваших стихов, потому что издатель на них может в прах разориться".

Дидро был рассеян и беззаботен и у него нередко уносили его рукописи, а потом их издавали и продавали. Но в числе этих рукописей были и неразрешимые цензурой; поэтому Дидро иной раз приходилось иметь неприятные объяснения

с властями; в этих случаях он всегда отзывался тем, что он не сам публиковал свое запретное сочинение, что у него украли рукопись. Однажды кто-то из предержащих, выслушивая в сотый раз от Дидро это оправдание, очень серьезно и внушительно сказал ему. "Г-н Дидро, отныне и впредь я вам настрого запрещаю, чтобы вас обворовывали!"

"Кто может назваться счастливым? - восклицал Д'Аламбер, и с глубоким философским пренебрежением к человечеству добавлял: - Разве какой-нибудь несчастный оборвыш"!... Вероятно, при этом ему вспоминалось известное сказание о том, как какому-то сказочному королю посоветовали для излечения болезни надеть на себя рубашку с счастливого и как после бесконечных розысков нашли этого счастливицу, но у него не нашлось вовсе никакой рубахи.

Шамфор¹⁾ в своих записках приводит очень забавную историю, приводящую на память слова Гоголя о великом таланте русского человека разговаривать с людьми, смотря по их чину, званию, общественному положению, богатству. Оказывается, этим талантом щеголяли и современники Шамфора. Так однажды, когда д'Аламбер был уже на вершине своей ученой славы, ему случилось быть в гостях у г-жи Дюдеффан, где вместе с ним сошлись и разные чиновные тузы. После других пожаловал доктор Фурнье. Он прежде всего подошел к хозяйке и приветствовал ее словами: "Сударыня, имею честь засвидетельствовать вам мое нижайшее почтение!"; потом он обратился к президенту Эно со словами: "Сударь, имею честь приветствовать вас!";.. Потом к богачу Пон-де-Вейлю со словами: "Сударь, ваш покорнейший слуга!"; и после всех к д'Аламберу со словами: "Здравствуйте, сударь".

Д'Аламбер отличался полным равнодушием к той разнице, которая царствует между людьми. Со всеми, кто его посещал, он обращался совершенно одинаково, и этим приводил в отчаяние свою старуху-кормилицу, которая знала, что он этим очень вредит себе в глазах людей, которые могли бы составить его счастье, упрочить его житейское благополучие. "Никогда из тебя ничего не выйдет путевого, - говорила она

¹⁾ См. Шамфор Р.Н.С. "Максимы и мысли. Характеры и анекдоты", М, 1966, 1993 г.

своему молочному детищу, - так всю жизнь и останешься философом!" - "А что же, по-твоему, философ?" - любопытствовал д'Аламбер. "А философ - это дурень, который бьется всю жизнь из-за того, чтоб о нем заговорили, когда его уж не будет на свете!"

Фонтенель, когда его избрали в члены академии наук, сказал: "Теперь на всем свете осталось 39 человек умнее меня". Число членов французской академии - 40.

Однажды секретарь академии наук Ренье обходил со шляпой в руках всех членов, делая с них какой-то сбор. В числе академиков был один, отличавшийся колоссальной и общеизвестной скаредностью. Он тоже что-то положил в шляпу Ренье, но тот этого не заметил, и подошел к нему во второй раз. "Я уже дал", - протестовал скряга. "Я верю, но я не видел". - "А я видел да не верю", - заметил Фонтенель.

Однажды Фонтенель сидел за столом между двумя какими-то юношами, очень глупыми, но заносчивыми и порешившими потешиться над философом. За обедом между прочим зашел разговор о разных способах выражать одну и ту же мысль на французском языке. Юноши-соседи по этому поводу приступили к Фонтенелю с вопросом, как правильнее сказать: "Дайте нам пить", или: "Принесите нам пить". - "Для вас, - ответил им философ, - не годятся оба эти выражения; вы должны говорить: "Поведите нас на водопой".

Однажды регент спрашивал у Фонтенеля, как всего правильнее относиться к поэтическим произведениям. "Ваше высочество, - отвечал философ, - говорите о них обо всех сплошь, что они плохи, и вы рискуете впасть в ошибку разве в одном, двух случаях из ста".

Фонтенель каждый день обедал у кого-нибудь из знакомых, так что у него все дни недели были впредь распределены. Когда его хоронили, Пирон, смотревший из окна на печальное шествие, воскликнул: "Сегодня в первый раз Фонтенель выходит из дому не на обед к знакомым!"

Фонтенель до страсти любил спаржу, и при этом приготавливал ее на прованском масле. Однажды его посетил престарелый аббат Террасон, тоже большой почитатель спаржи,

но только не на прованском, а на коровьем масле. У Фонтенеля как раз в этот день готовили спаржу, но запас лакомства был невелик. Однако, желая угостить друга, он решился на жертву и приказал разделить всю партию спаржи на две части, и одну часть приготовить на коровьем, другую на прованском масле. И вот внезапно незадолго до обеда со старым Террасоном сделалось нехорошо, потом он вдруг свалился и умер: его хватил апоплексический удар. Видя это, Фонтенель мгновенно побежал на кухню, еще издали крича повару: "Всю на прованском, всю на прованском!"

Фонтенель в последние годы жизни (он умер столетним старцем, 1657-1757) сначала оглох, а потом начал слепнуть. Чуя приближение смерти, он говорил: "Я уже понемногу отправляю вперед свой багаж".

У Фонтенеля было смешное приключение с произведением его собственного пера. Однажды сын одного крупного чиновника по секрету попросил Фонтенеля сочинить для него речь, и тот исполнил его просьбу. Но все это осталось в тайне между ними; отец ничего не знал. Спустя немало времени, когда Фонтенель успел уж и забыть об этой речи, отец однажды попросил его послушать эту речь, которая осталась в копии у него. Фонтенель, ничего не подозревая, стал слушать и скоро вспомнил, что это его собственное произведение. Ему стало неловко. Выдать сына ему не хотелось, очень хвалить свое собственное сочинение было неловко; и разрешилось это тем, что он дал о речи очень неопределенный отзыв, которым старик отец остался очень недоволен. "Я вижу, что произведение сына вам не по вкусу. И, однако же, оно написано в свободном, естественном стиле, быть может, и не строго правильном, но не надо забывать, что это сочинено светским человеком. А ведь вам, гг. академикам, подавай грамматику да фразы!"

Какой-то темный писатель сочинил скверный пасквиль на Фонтенеля; но потом вдруг вышло так, что этот человек был вынужден обратиться к тому же Фонтенелю с нижайшей просьбой по какому-то важнейшему делу. Зная высокое великодушие философа, он решил начать с извинения перед ним за то, что так оскорбил его в своем пасквиле. "В первый раз

слышу об этом”, - спокойно сказал ему Фонтенель, показав этими словами всю бездну своего презрения к злему пасквилянту.

“Если б я держал все истины у себя в руке, - говаривал Фонтенель, - я ни за что бы ее не разжал, чтоб показать эти истины людям”.

Фонтенелю приписывается один из самых ловких и изящных комплиментов, сказанных женщине. Ему было уже далеко за 90 лет, когда он встретил в одном доме прелестную молоденькую женщину, недавно вышедшую замуж. Он подсел к ней и долго, пользуясь вольностью старческого возраста, рассыпался перед нею в любезностях. Потом он был от нее кем-то отозван, а спустя еще несколько времени поспешно прошел мимо нее, даже не взглянув на нее. “Г-н Фонтенель, - окликнула его красавица, - таковы-то ваши любезности, которые вы мне недавно расточали! Вы проходите мимо, даже не взглянув на меня!” - “Сударыня, - ответил ей умный старец, - я потому и не взглянул на вас, что мне было необходимо пройти мимо, ибо если бы я взглянул, то разве был бы в силах пройти мимо!”

Бомарше был подвергнут герцогом Шоном грубому оскорблению, чуть ли даже не прибит им. Однако, он стерпел и не вызвал обидчика на дуэль. Через несколько дней после этого его вызвал на дуэль актер Лаблаш. “Я отказывался драться с людьми почище его”, - спокойно сказал Бомарше, и отказался от дуэли.

Бомарше был сын часового мастера и сам долго занимался ремеслом отца. Когда же потом он появился при дворе уже в роли знаменитого писателя, его старались уязвить напоминаниями о его ремесле. Так однажды, когда он, парадно одетый, проходил по галерее версальского дворца, его остановил кто-то из придворных и сказал ему: “Ах, г-н Бомарше, как это кстати, что я вас встретил! Взгляните, пожалуйста, что такое сделалось с моими часами?” - “С удовольствием, - отвечал Бомарше, - но я, предупреждаю вас, очень неловок, у меня все из рук валится”. Считая эти слова за признак смущения и желание отделаться, придворный стал еще пуше при-

ставать, и Бомарше, наконец, взял часы, но тотчас же, как бы нечаянно, брякнул их о каменные плиты галереи. Он, конечно, извинился, но напомнил еще раз о том, что он предупредил о своей неловкости, и затем спокойно отошел. Шутник оказался чувствительно наказанным за свое желание поиздеваться.

Одна из комедий Бомарше - "Два друга" - жестоко провалилась. В это время ему случилось однажды быть в одной компании, где присутствовала знаменитая артистка из оперы Софи Арну. Желая, ради утешения, пройти насчет оперного театра, Бомарше сказал ей: "У вас отличный зрительный зал, но вы со своим "Зороастром" провалитесь и ваш театр будет пуст". - "Извините, - спокойно ответила Арну, - ваши "Два друга" отправят к нам всю свою публику".

Та же Арну, изумляясь удаче, которая иногда поразительно улыбалась Бомарше, говорила про него: "Поверьте мне, он будет повешен, но веревка оборвется!"

Арну не блистала хорошим голосом. Однажды какой-то врач, слушая ее пение, заметил: "Это самая блестящая астма, которую мне когда-либо случалось слушать!"

Увидев в одном саду тощий ручеек, долженствовавший изображать собой реку, Арну сказала: "Это похоже на реку, как две капли воды".

У Софи Арну одно время была связь с графом Лорагэ; но ветреный граф влюбился в другую актрису и откровенно признался в своей неверности Софи Арну. Та приняла факт весьма философски, без всяких сцен, напротив, следила с участием за успехами своего неверного друга. И вот однажды он ей поведал свое горе: каждый раз, когда он бывает у своего нового предмета, он встречается там с упорным соперником, с каким-то мальтийским рыцарем. Он не скрыл от Софи, что очень боится этого мальтийца. "Еще бы, - заметила Арну, - как вам не бояться, ведь мальтийский орден прямо и утвержден для борьбы с "неверными"...

Софи Арну с ее умом и сценической опытностью хорошо понимала, что такая вещь, как "Свадьба Фигаро", наверное, станет в ряд знаменитых пьес и обойдет театры всего

мира. Но другие, менее опытные и завистливые люди усердно твердили, что комедия Бомарше слаба и, наверное, провалится. “Да, провалится, - сказала на это Софи, - раз сорок подряд”.

Арну однажды пригласила к себе на ужин несколько человек из высшей знати. В то время за сборищами зорко следили, и полицейский префект, узнав об ужине, вызвал актрису к себе и требовал от нее, чтобы она назвала имена всех ею приглашенных гостей. “Я забыла, кого я звала”, - отвечала Арну. “Ну, полноте, такая женщина, как вы, должна твердо помнить подобные вещи!” - “О, да, ваше превосходительство, - отвечала Арну, - но перед таким, как вы, я становлюсь уже не такая, как я”.

Софи Арну называла развод “*le sacrement de l'adultère*” (тайнством любодеяния).

Во времена Арну случилась наделавшая шуму дуэль Бюзасау с принцем Нассау. Рассказывая о ней, говорили, что первый из них очень долго уклонялся от поединка, и удивлялись этому, потому что он считался настоящим артистом фехтования. “Что ж тут удивительного, - заметила Арну, - так вы все знаменитости и таланты, - любят, чтоб их упрашивали!”.

У дочери Софи Арну, г-жи Мюрвиль, спросили однажды, сколько лет ее матери. “Ей богу, не знаю, - отвечала она, - мама каждый год сбавляет себе по году, так что скоро я буду старше ее!”.

Вспоминая часто о своей ранней молодости Софи Арну говорила: “Славное было время! Я тогда так бедствовала”.

Рассорившись со своим возлюбленным графом Лорагэ, Софи Арну отправила его жене все, что от него имела: золото, бриллианты, наряды, карету и в ней двух детей, которых она имела от Лорагэ.

Мольеровский “Тартюф” имел при первом представлении большой успех; и когда его поставили на следующий день, зрительный зал был переполнен. Но перед самым представлением явился посланный от президента парламента Ламу-

аньона с извещением, что пьеса запрещена. Тогда Мольер, выйдя к публике, сказал: "Милостивые государи, мы хотели сегодня представить вам "Тартюфа", но г-н президент не хочет, чтоб мы *его* представляли". Это знаменитое слово считается образцовым примером так называемой амфибологии, т.е., попросту говоря, двусмысленности.

Когда появился на сцене Мольеровский "Мнимый рогоносец", какой-то злополучный супруг узнал себя в Сганареле и ужасно сердился на Мольера, собираясь жестоко отомстить ему. "Полноте, - успокаивал его кто-то из друзей, - подумайте о том, что автор представил вас с наивыгоднейшей стороны: ведь вы не *настоящий*, а *мнимый* рогоносец!"

Мольер был очень дружен с адвокатом Фуркруа. Этот человек отличался и славился необычайно мощным и зычным голосом. Однажды Мольер заспорил с ним, но его голос буквально исчезал в громовом голосе Фуркруа. Тогда, оборотясь к присутствовавшему при споре Буало, Мольер сказал: "Ну, что тут возьмешь здравым суждением против такой глотки!"

Когда Мольер умер, к принцу Конде, очень любившему почившего, явился какой-то неизвестный поэт, сочинивший эпитафию на гробницу Мольера и подносивший ее принцу, конечно, в чаянии мзды. Узнав в чем дело, и прочтя эпитафию, принц воскликнул: "О, Боже, сколь безмерно приятнее мне было бы, если б не вам пришлось писать Мольеровскую эпитафию, а Мольеру эпитафию на вашу могилу!"

У Расина была престранная манера сочинять. Он ходил где-нибудь по пустырю или по парку и произносил сочиняемые им строфы во весь голос, притом с соответствующими жестами и движениями. Однажды рабочие, трудившиеся у дворца Тюильри, видя, как он машет руками, и слыша его непонятные выкрикивания, совсем было уж тронулись к нему, чтобы его схватить и отправить в полицию, приняв его за сумасшедшего или за отчаянного несчастливца, собирающегося броситься в воду.

Расин в спорах всегда держался чрезвычайно гордо и надменно, высказывал свои мнения, как непререкаемые ис-

тины, и этими манерами часто донельзя раздражал своих собеседников. Однажды, когда он спорил о чем-то с Деспрео и напал на его произведения, последний воскликнул: “Ну, хорошо! Пусть я буду лучше просто не прав, чем так кичливо прав!”

Однажды в пост давали “Юдифь” Буайэ. Это была плохая пьеса, и многие тогда удивлялись, как это она не провалилась сразу, почему ее не освистали. “Это неудивительно, - заметил Расин, - теперь пост, и все наши парижские свистуны уехали в Версаль, на проповеди аббата Буало”.

Расин был в дружбе с г-жею Шаммелэ. Но она покинула его и сошлась а графом Клермон-Тоннером. Tonnette по-французски значит гром. В то время, смеясь говорили, что Расину, простому смертному, конечно, нельзя было устоять, когда на него обрушился гром.

Расин учился в монастырском пансионе. Однажды ему попался под руку какой-то роман из греческой жизни, который его чрезвычайно заинтересовал, так что он читал его каждую свободную минуту, не отрываясь. Монах-надзиратель, увидев мальчика за книгою, сейчас же выхватил ее у него из рук, увидал, что это роман, мальчугану сделал строгое внушение, а книгу сжег. Расин добыл новый экземпляр романа, но и тот постигла та же участь. Тогда он достал третий экземпляр, читал его в великой тайне долго и упорно, пока не выучил наизусть. Тогда он сам отнес книгу монаху-надзирателю и вручил ее со словами: “Вот извольте, еще одна, такая же; можете сжечь ее, она мне больше уж не нужна: я выучил ее наизусть”.

Расин бал очень привязан к своему семейству, к жене и детям. Между тем, ему то и дело приводилось подолгу не бывать дома; поэтому и он сам, и семья очень ценили те мгновения, какие им доводилось проводить вместе. Однажды он только что явился домой, и дети собирались угостить его великолепнейшим жареным сазаном. А в это время как раз явился посланный от какого-то важного лица, которое назвало к себе гостей и обещало, что у него будет Расин. Поэт отказался наотрез от приглашения, а когда посланный поставил ему на вид то неудовольствие, которое его отказ вызовет у власт-

ного вельможи, Расин приказал принести из кухни своего сазана и, показывая его посланному, сказал: “Ну, вот сами посудите, могу ли я отказаться отобедать с моими бедными детьми, которые меня хотят так роскошно угостить; им и обед не в обед будет, если я уйду из дому. Я прошу вас, поставьте все это на вид его превосходительству!”

Расин часто со смехом рассказывал об одном враче, с которым он советовался. Доктор, выслушав его и исследовав, предписал ему не есть мясного, не пить вина, не читать, вообще ничем усидчиво не заниматься и в заключение добавил: “А главное- будьте всегда спокойны, довольны и веселы!”

Какой-то духовный, отличавшийся всем известным неблаговидным поведением, долго и многократно приставал к регенту (герцогу Орлеанскому) с просьбами дать ему аббатство. Герцог неизменно отказывал, а тот, выждав, вновь осаждал его просьбами. Наконец, регент сказал ему: “Милостивый государь, так как вам во что бы то ни стало хочется иметь свое аббатство, то могу посоветовать вам одно: заведите и устройте сами аббатство за свой счет; я не вижу другого средства удовлетворить вашу просьбу”.

Однажды герцог Орлеанский и кардинал Дюбуа собрались вместе куда-то на костюмированный бал, причем, чтоб их ни за что не могли узнать, оба переоделись самым невероятным образом и условились держаться друг с другом с усиленною фамильярностью. Дюбуа довел, однако, эту фамильярность до того, что пнул регента ногою. “Друг мой, - заметил ему герцог, - ты уж чересчур стараешься о том, чтобы меня не узнали!”

Регент не любил посвящать своих многочисленных возлюбленных в государственные дела. Раз, когда одна из них попыталась, в интимную минуту, заговорить с ним о политике, он подвел ее к зеркалу и сказал: “Посмотри на эту хорошенькую головку, она создана для любовных ласк, а вовсе не для государственных тайн”.

Регент наложил на одну провинцию усиленные налоги. Депутат этой провинции, человек смелый и стойкий, одна из

тех суровых личностей, которые в те времена уже появлялись изредка, словно предтечи будущих революционных вождей, чрезвычайно упорно отстаивая перед регентом интересы своих граждан, почти угрожая регенту, если он не отменит налога. Удивленный и раздраженный такими речами регент сказал ему: "Но ведь это угрозы! Какими же, однако силами и средствами вы располагаете, чтобы воспротивиться моей воле? Что вы можете со мной сделать?" - "Повиноваться и ненавидеть!" - отвечал смелый депутат.

Регент, как известно, умер внезапно, от удара. Он дал кому-то аудиенцию и, покончив с нею, вошел в свои покои, где его встретила его любовница, герцогиня Фаларис. Он сказал ей: "Очень рад вас видеть, вы позабавите меня своими рассказами, а у меня ужасно болит голова". Проговорив эти слова, он вдруг ослаб и вытянулся в кресле без движения. Герцогиня сейчас же позвала людей, вызвали доктора, но было уже поздно, регент умер на руках у своей возлюбленной. Какой-то остряк сказал про него: "Герцог скончался, напутствуемый своим всегдашним духовником".

Как известно, у регента был любимец, кардинал Дюбуа, пользовавшийся замечательно дружной ненавистью всего парижского населения. Регента всеми силами убеждали не выдвигать этого человека вперед, но он никого не хотел слушать. Между прочим, граф Носэ говорил регенту: "Ваше высочество, вы можете сделать его, конечно, чем вам благоугодно, но честным человеком вы его не в силах сделать". Смелый Носэ поплатился за это изгнанием, хотя регент очень любил его. Когда же Дюбуа умер, регент поспешил вернуть Носэ, написав ему при этом чрезвычайно странное собственноручное послание: "Умер зверь, умер и яд. Жду тебя сегодня в Пале-Рояль к ужину".

При регенте был знаменитый проповедник патер Беллэ, позволявший себе иногда довольно едкие выходки. Так, однажды, видя регента стоявшим между его любимцами Ривьером и Тюбефом, Беллэ, как бы обращаясь к Христу, проговорил: "Я вижу тебя, Господи, между двумя разбойниками". По-французски двусмысленность выходит гораздо выпуклее, потому что воззвание к Спасителю: "mon Seigneur" (мой Гос-

подь) звучит совершенно одинаково с обычным обращением к принцам: "Monseigneur".

Лагранж-Шансэль написал против регента чрезвычайной злой памфлет, был в этом изобличен и сослан регентом в заточение на острова св. Маргариты, те самые, где содержалась знаменитая "железная маска". Перед ссылкой, однако, регент пожелал видеть автора и спросил у него: "Веришь ли ты сам всему тому, что ты написал про меня?" - "Верю!" - отвечал Лагранж-Шансэль. "Ну, то-то, твое счастье! Если бы ты сам этому не верил, я бы тебя вздернул на виселицу!"

Фридриху Великому приписывается (хотя иные и оспаривают его авторство) весьма нелюбезное слово относительно прекрасного пола: "Женщина, - будто бы говаривал он, - все равно что отбивная котлета: чем больше ее бить, тем она становится мягче!"

Фридрих был завзятый атеист. Однажды в беседе с Арно-Бакюляром¹⁾ он начал высказывать свои взгляды на религию, а тот стал горячо с ним спорить. Видя в своем собеседнике человека верующего, король сказал ему: "Как, вы тоже придерживаетесь всех этих отсталых взглядов!" - "Точно так, государь, - отвечал Арно, - мне утешительно думать, что есть существо, стоящее выше королей".

Однажды Фридрих работал у себя в кабинете, а в это время внук его, которому вход в кабинет никогда не возбранялся, играл тут же в комнате, бросая волан. И вот волан вдруг упал королю на стол. Фридрих бросил его мальчику, и тот, продолжая играть, снова пустил игрушку на стол; он и на этот раз получил ее обратно; но когда волан в третий раз упал уже прямо на бумаги, разложенные перед Фридрихом, он схватил волан и спрятал его в карман. Мальчик начал упрашивать деда отдать ему игрушку, но тот ему сначала сказал, что не отдаст, а потом вовсе ничего ему не отвечал. Тогда мальчик перешел от просьб к требованиям. Он подошел к деду вплоть, упер руки в бока, фертотом, и сказал громко и реши-

¹⁾ Арно Бакюлар (A. de Baculard d'Arnaud), Франсуа Тома - фр. писатель (1718-1805).

тельно: “Я спрашиваю ваше величество, отдадите вы мне мой волан, да или нет?”. Король расхохотался и, отдавая мальчику его игрушку, сказал: “Ты храбрый малый, они у тебя не отнимут назад Силезии!”

Однажды Фридриху представили для подписи приговор, которым присуждался к смертной казни некто, обвиненный в преступной связи с собственной дочерью. Фридрих написал на приговоре: “Надо прежде всего доказать и установить, что она ему действительно дочь”. И так как этого не удалось установить с достоверностью, то король просто приговорил его к непродолжительному заключению.

При Фридрихе был отдан приказ, чтобы офицеры королевской службы всюду в публичных местах появлялись не иначе как в форменной одежде. Один из гвардейских офицеров вздумал прогуливаться в дворцовом саду в штатском костюме и как раз наткнулся на короля. Тот при встрече сделал вид, что не узнает его, и спросил, кто он такой: “Я офицер, но я здесь инкогнито!” - развязно ответил находчивый воин. Фридриху это понравилось и он отпустил нарушителя дисциплины с миром, посоветовав, однако, “не попадаться на глаза королю”.

Один из пажей Фридриха, видя забытую королем на столе драгоценную табакерку, отрыл ее, понюхал табаку и начал рассматривать табакерку. Король видел эту проделку и, тихонько подойдя к пажу спросил его: “Тебе понравилась моя табакерка?”. Бедный паж стоял перед королем, не говоря ни слова от страха. “Ну, милый мой, - сказал ему король, - для нас двух эта табакерка будет мала; так уж ты лучше пользуйся ею один, возьми ее себе!”

Фридрих допускал и терпел со стороны своих приближенных иногда величайшие проявления бесцеремонности на словах. Так, перед боем под Розбахом он говорил своему генералу Ицилиусу: “Если я проиграю эту битву, то брошу все, уеду в Венецию и буду там жить, сделаюсь лекарем!” - “Значит, все-таки останетесь человекоубийцей!” - заметил генерал.

Один из любимых капралов Фридриха, очень храбрый и лихой солдафон, но большой щеголь, вздумал носить це-

почку, чтоб показать, что у него завелись часы, хотя часов у него не было; а чтоб цепочка не выпадала из кармана, он на конце ее вместо часов привесил тяжелую мушкетную пулю. Увидя на нем эту цепочку, Фридрих заметил ему: "Ого, капрал, да ты, видно, скопил деньжонок: у тебя часы завелись. Ну-ка, взгляни, который час на твоих. На моих шесть". Капрал догадался, что король желает над ним подтрунить. Нимало, однако, не смущаясь, он вынул свою пулю и сказал: "Ваше величество, мои часы не показывают ни пять, ни шесть, а они только напоминают мне каждую минуту, что я должен лечь костыми за ваше величество!" - "Хорошо сказано, мой друг, - ответил король. - Возьми же себе эти часы, чтобы тебе знать и тот час, когда придется положить за меня жизнь!" И он отдал ему свои усыпанные бриллиантами часы.

Однажды две придворные дамы заспорили о первенстве мест на каком-то торжестве, и не только сами не могли прийти ни к какому соглашению, но и другие, не взирая на все усилия, не могли водворить между ними мир и согласие. Пришлось доложить об этой схватке королю Фридриху. "Скажите же им, - разъяснил король, - что первое место принадлежит той, у которой муж занимает высшую должность!" - "Они это знают, ваше величество, но их мужья занимают одинаковые должности!" - "Ну, так первенство принадлежит той, чей муж раньше назначен на должность". Но и в этом случае строптивые дамы оказались с равными шансами. "Ну, так скажите им, что пусть первое место займет та, которая глупее!" - воскликнул раздраженный король. Почти такую же выходку приписывают Карлу V (см. выше).

Однажды в Потсдаме, на площади перед дворцом, собралась огромная толпа, которая сильно шумела. Фридрих приказал своему адъютанту сходить и узнать, что это за шум. Вернувшийся офицер сообщил королю, что кто-то написал жестокий памфлет на короля и прилепил его очень высоко на стене дворца, так что трудно до него достать, и огромная толпа теснится около стены, стараясь прочесть пасквиль. Сообщив об этом, адъютант поспешил прибавить, что дворцовая гвардия уже уведомлена и немедленно рассеет толпу. "Ничего этого не нужно, - приказал король, - а прикажите снять

бумагу и прикрепить ее на стене пониже, чтобы все, кто хочет, могли ее читать без всякого затруднения!”

При Фридрихе Великом, который был большим любителем музыки, опера в Берлине процветала, и сам король охотно ее посещал и вообще очень ею интересовался. В то время в числе певиц была у него одна особа, в высшей степени талантливая и голосистая, но одаренная от природы ленью в гораздо высшей степени, нежели голосовыми данными. Неудивительно поэтому, что она не столько пела на сцене, сколько жаловалась на нервы да на простуды, которые обеспечивали за нею безнаказанное отлынивание от лицедейства на сцене. Фридрих знал за ней этот грешок, долго терпел его, но, наконец, не выдержал и... распорядился с ней по-капральски. Вот как было дело. Однажды вечером король посетил оперу. Занавес поднялся, и перед зрителями предстал режиссер труппы, провозгласивший:

- Милостивые государи и государыни! Дирекция театра с великим сожалением извещает вас, что наша талантливая примадонна, по случаю простуды, не может принять участие в сегодняшнем представлении.

При этих словах Фридрих подозвал адъютанта, отдал ему потихоньку какой-то приказ, а затем, когда тот, откланявшись, немедленно вышел, король подал знак музыкантам, чтобы они спокойно оставались на своих местах и ждали. Публика тоже ждала, ничего не понимая. Прошло, однако, не более четверти часа времени, как занавес вновь взвился, и тот же режиссер, но уже с расцветшей физиономией, возгласил:

- Милостивые государи и государыни! С радостью возвещаю вам, что наша талантливая примадонна внезапно почувствовала полное облегчение и сейчас будет иметь удовольствие предстать перед вами!

И в самом деле, певица вышла на сцену, и хотя все заметили, что она бледна, но пела она в этот вечер в совершенстве и привела всех в восторг.

Как совершилось это волшебство? Очень просто. Ленивая служительница муз спокойно сидела у себя дома около приветливого каминного огня, совсем здоровая, как вдруг

перед нею предстал адъютант, командированный королем, да не один, а в сопровождении четырех здоровеннейших гренадеров.

- Милостивая государыня, - возгласил он, - король, мой повелитель, поручил мне справиться о вашем здоровье.

- Я простудилась, - пролепетала певица.

- Королю это известно, и он приказал мне препроводить вас в военный госпиталь, где вас живо вылечат.

Актриса побледнела.

- Что это за странная шутка! - пробормотала она.

- Сударыня, - отвечал ей адъютант, - я явился сюда к вам вовсе не за тем, чтобы шутить, а затем, чтобы исполнить повеление короля.

И вот, по знаку, данному офицером, четверо богатырей-гренадеров подошли к певице, схватили ее, как перышко, на свои могучие руки, бережно вынесли, посадили в карету. Сами они сели на коней, и экипаж, ими конвоируемый, помчался к лазарету.

Не прошло и пяти минут, как певица объявила адъютанту, что начинает чувствовать себя лучше. Тот вежливо поздравил ее с облегчением, но тут же добавил, что король желает ее полного выздоровления и притом немедленного, так, чтобы она в тот же вечер могла петь.

- Я попытаюсь, - проговорила злополучная пациентка.

- В театр! - скомандовал офицер.

Карета живо примчалась к опере. Певица наскоро оделась, но перед выходом на сцену сказала своему неожиданно исцелителю:

- Милостивый государь, король требует, чтоб я пела, и я буду петь, но как я буду петь, уж на этом пусть его величество не взыщет!

- Вы будете петь, как подобает великой певице.

- Я буду петь, как подобает простуженной!

- Никак нет-с!

- Как нет?

- За каждую кулисою у меня будет стоять гренадер, и прошу вас помнить, что при малейшем неудачном звуке солдаты схватят вас, и мы увезем вас в госпиталь!

Простуду как рукой сняло.

Подобного рода расправы были в нраве Фридриха Великого и, конечно, далеко не всегда разрешались с такой благополучной простотой, как в сейчас описанном случае с певицей. Однажды он, например, перед фронтом ударил какого-то офицера палкою. Тот выхватил пистолет и, наведя его в упор на короля, сказал: "В моей власти немедленно отомстить за нанесенное мне оскорбление!" Потом он оборотил дуло к собственному лбу и спустил курок. Он не хотел поднять руку на своего короля, но и оскорбления не мог снести.

Однажды кучер Фридриха Великого опрокинул экипаж и вывалил короля на мостовую. Тот пришел в яростный гнев, но кучер спокойно сказал ему: "Ну, чего ж так гневаться? В кои веки оплошал - эка беда! Разве вам самим не случалось проигрывать сражения?"

В другом случае у него вышла уже настоящая и притом решительно неприличная руготня с маркитанткой. Он ее за что-то выбранил, и выбранил чересчур резко. Бойкая баба начала его стыдить: называетесь вы, дескать, король, да еще старый человек, а такие слова говорите. Фридрих отвечал ей еще более крепкой бранью. Тогда раздраженная баба выпустила против него, уже без всякого удержу, полный лексикон казарменного острословия. Фридриха эта словесная игра очень забавляла и он продолжал громко отругиваться, постепенно удаляясь от маркитантки, пока они перестали слышать друг друга.

В начале Семилетней войны Фридрих Великий однажды беседовал с английским посланником, которого он высоко ценил за его ум и опытность. В разговоре посланник, между прочим, сообщил королю, что французы отбили у англичан остров Минорку и еще какую-то крепость. "Новость очень печальная, государь, - прибавил посланник, - но отчаиваться нам не следует; мы вновь начнем вооружения и поправим наши неудачи: нам поможет Бог". - "Бог? - с ирониею произнес атеист-король. - Я не знал, что и Бог тоже состоит в числе ваших союзников". Задетый за живое посланник, припомнив сам и желая напомнить королю, как щедро он пользовался денежною помощью Англии в своих войнах, с живостью от-

вечал ему: “Да, государь, Он тоже наш союзник, и притом удобный тем, что ни копейки нам не стоит!”

При Людовике XVI славился своими каламбурами и остроумными маркиз Карачоли. Однажды, когда его назначили вице-королем Сицилии, Людовик поздравлял его, говоря, что на его долю выпало одно из лучших “мест” в Европе. Король употребил при этом слово *place*, которое означает место, должность, но также и площадь, плац. Карачоли, пользуясь этим, и отвечал королю: “Ах, государь, Вандомская площадь (*place Vendome*), которую я для этого должен покинуть, гораздо мне милее!”

Узнав, что, несмотря на свой преклонный возраст, Карачоли все еще ведет любовные интриги, Людовик однажды сказал ему: “А мне передавали, маркиз, что вы все еще занимаетесь любовью”. По-французски король выразил это обычными словами: “*Faire l’amour*” (делать любовь). “О, государь, вас ввели в заблуждение, - отвечал игривый старичок. - Я давно уже не делаю сам любви, я покупаю ее готовую!”

Эпоха революции чрезвычайно богата всякими “словами” - свирепыми, кровавыми, патриотическими, возвышенными, но собственно остроумием ее деятели не блистали. Отметим, однако же, кое-что и в этой эпохе.

Дантон, как известно, был одним из основателей революционного судилища. Когда это же судилище приговорило его к смерти, он воскликнул: “И в такое-то время я, безумец, вздумал учреждать революционное судилище! Я каюсь в этом перед Богом и людьми!”

Тот же Дантон перед самым моментом своей казни сказал палачу: “Ты покажешь народу мою голову, она стоит того!”

Сен-Жюст очень разгорячился во время какого-то бурного совещания. Робеспьер сказал ему: “Успокойся, власть принадлежит спокойным”.

Робеспьер погубил у одной женщины двух сыновей. В

день казни знаменитого революционного страшилища эта женщина стояла около эшафота, и когда голова Робеспьера пала, она громко вскрикнула: "Бис!"

Очень остроумна была выходка скульптора Шинара, который ею спас себе жизнь. Во время Террора он попал в список подозрительных, т.е., другими словами, ему угрожал немедленный арест, а затем, конечно, и гильотина. Он переоделся, ловко совершил какую-то ничтожную мошенническую проделку, вроде подлога, был, конечно, схвачен, как обыкновенный мошенник, назвался выдуманным именем, был судим под этим именем за свое мошенничество и приговорен к годовому тюремному заключению. Это его спасло от гильотины; он так и прошел за того, кем назвался.

Молоденькая 16-ти летняя девушка во время Террора переделалась артиллеристом, принимала участие в военных действиях против революционных войск, была схвачена и осуждена на смерть. "Как ты не боялась битвы, - спрашивали ее судьи, - и как ты могла решиться направлять пушку против своего отечества!" - "Не против его, а в защиту!" - отвечала храбрая девушка.

"Веришь ли ты в ад? - спрашивал президент революционного судилища у одного священника. "Как же в нем сомневаться, когда попадешь к тебе на суд?" - отвечал неустрашимый служитель алтаря.

Другой судья спрашивал у священника, верит ли он в Бога. Несчастный, думая богоотступничеством спасти свою жизнь, отвечал, что не верует. "А вот тебе сейчас отрубят голову, тогда ты поверишь!"

"Вы мне сегодня прерываете каждое слово!" - вскричал один из ораторов в Конвенте. По-французски прерывать - *couper la parole* (перерезывать слово). В ответ на это восклицание послышался чей-то мрачный возглас: "А завтра пере-режим тебе шею!"

Лесенка, ведшая на трибуну Конвента, была очень неудобная. Один оратор, всходя по ней, оступился, ушибся и заметил: "Что это такое, словно на эшафот всходишь!" - "А ты приучайся, скоро пригодится!" - отвечали ему.

Однажды, кто-то застал Верньо, видного деятеля рево-

люции, не ладившего с Маратом, очень грустным и расстроенным. На вопрос, что с ним, он ответил: "Со мной случилось большое несчастье: вчера Марат отозвался обо мне хорошо". В те времена было, конечно, всего лучше, когда власть предрержащие, вроде Марата, вовсе не вспоминали о человеке: ни худа, ни добра.

Когда Неккер публиковал свой знаменитый отчет (*Compte rendu*), который вышел в синей обертке, злые языки пустили в обращение шуточную кличку этого отчета "*conte bleu*", буквально "синяя сказка", или просто сказка, басня, выдумка. *Compte* (отчет) и *conte* (сказка) выговариваются одинаково.

Когда прошел слух о том, что Неккер будет заменен Фулоном, остряки говорили: "Если выберут такого человека, то это будет дурак (*fou*), но не долгий (*long*)". И предсказание оправдалось: Фулон жил недолго, его убили в том же году.

В Версале, близ здания, где заседало Национальное Собрание, какой-то парикмахер в то время придумал себе вывеску: "Здесь бреют духовенство, причесывают дворянство и делают головные уборы третьему сословию". Надо заметить, что в простонародной французской речи *gaser* (брить) значит разорять, разгромить, *reigner* (чесать) значит бить, таскать за волосы, а *assamoder* (делать убор, снаряжать) - бить палкой, исполосовать.

7-го июля 1792 г. лионский епископ произнес в Национальном Собрании чрезвычайно сильную и прочувствованную речь, в которой призывал все партии собрания к примирению, любви, единению, дружной общей работе на пользу отечества. Речь так сильно подействовала на депутатов, что они все кидались друг к другу в объятия и клялись забыть все распри. Но, увы, через сутки снова началась в собрании поножовщина, и остряки, вспоминая вчерашние объятия и поцелуи, труня, говорили: "Это ведь не были лобызания любви, а так, нечто вроде летучих поцелуев с уличными нимфами".

Во время революции заставляли духовенство присягать конституции. Часто к этому побуждали священников свои же прихожане в церквах, во время службы. Так случилось в Нор-

мандии с одним кюре. “Друзья мои, - отвечал он, - я никогда не клянусь”. Но тут нужно разъяснить, что по-французски слово *jurer* означает клясться, приносить присягу, но в то же время и ругаться; так что слова кюре можно было понимать в том смысле, что он никогда не ругается. В ответ ему с угрозами кричали: “*Jurez, jurez!*”, т.е. присягайте (или ругайтесь). “Хорошо, - согласился кюре, - вы этого требуете, извольте. Убирайтесь отсюда к дьяволу, черт вас всех поберит!” Расхотались и разошлись миром.

Герцогиня Бирон была в театре в конце 1790 года, когда революция уже обозначалась, в ее успехе почти никто уже не сомневался, и простонародье уже не упускало случая оскорблять ненавистных ему “аристократов”. В тот вечер в театре толпа вела себя буйно, задевала сидевших в ложах, видя в них аристократов, и швыряла в них яблоками. Одно из этих яблок угодило в голову герцогини Бирон. Она на другой день отправила его к Лафайету с запиской, в которой было сказано: “Препровождаю вам первый плод революции, попавший в мои руки”.

В начале Террора в одном обществе обсуждали вопрос: нельзя ли устроить какими-нибудь средствами примирение и сближение между *монтаньярами* (крайними революционерами) и *жирондистами* (умеренными). “Это невозможно, - заметил кто-то из присутствующих, - у этих людей преупрямые головы!”. (По-французски *têtes difficiles*, но *difficile* значит также затруднительный). “Ну, это затруднение можно и устранить”, - возразили ему. Тут игра значением слов. Устранить, разрешить затруднение по-французски выражается словом *trancher*, которое значит срезать, отрубить. Выходило, что если *голова* жирондистов составят затруднение, то можно их и *отрубить*.

Известно, как тяжело приходилось духовенству во время революции. Но к революции все же пристало несколько духовных лиц; между прочим, веселый и остроумный аббат Мори. Он был членом Национального Собрания. В то время в заседания этого собрания уже начали проникать люди из уличной толпы, скоро получившие выразительное название “бесштаных” (*sans-culottes*). Однажды Мори говорил какую-

то речь, которая очень не понравилась двум присутствовавшим на заседании дамам, и они очень громко выражали оратору свое неодобрение. Тогда Мори, обращаясь к председателю, сказал: “Г-н председатель, заставьте замолчать этих двух сан-кюлоток!”

В другой раз большая уличная, очень бойко настроенная толпа окружила аббата Мори с обычными в то время криками: “A la lanterne!” (на фонарь, т.е. повесить его на фонарном столбе). Мори спокойно остановился и крикнул толпе: “Ну, и что же из этого выйдет? Повесите вы меня вместо фонаря, так разве вам от этого светлее станет?” Толпа расхоталась и оставила его.

Мартенвиль вел во время Террора очень деятельную противореволюционную проповедь, был схвачен и приведен в судилище: “Подойди сюда, гражданин де-Мартенвиль”, - крикнул ему председатель. “Мое имя Мартенвиль, а не де-Мартенвиль! - вскрикнул подсудимый. - Вы забываете, гражданин председатель, что ваша обязанность состоит не в том, чтобы удлинять людей, а чтобы укорачивать их!” (т.е. рубить им головы). Эта выходка спасла его.

У какого-то путешественника во время Террора на границе спросили имя и паспорт. Он подал паспорт и сказал, что его имя “Ни”. “Как Ни? - крикнул на него чин, опрашивающий проезжих. - В паспорте ты назван Сен-Дени?” - “Но как же быть, - возразил проезжий, - ведь святые (Saint) и “de” (дворянская приставка к имени) теперь упразднены?”

Другой на вопрос об имени во время суда над ним отвечал, что его зовут де-Сен-Сир. Президент тотчас замечает, что теперь никаких “де” не полагается. - “Ну, тогда просто Сен-Сир”. - “И святых (Saint) теперь нету!” - кричит на него президент. “Ну, Сир!” - “И сиров нету!” (Sire-барин). Вышел человек с невозможным именем!...

В разгар Террора какой-то шутник распустил слух, что в одном монастыре хранится 25 вооружений и 5 пушек. Полиция комитета безопасности сейчас же туда бросилась с обыском, но ничего там не нашла, кроме 25 монахинь-кармелиток и 5 ослят. Шутник просто скалабурил, потому что по-французски эти две фразы: vingt-cinq Carmes et cinq apons (25

кармелиток и 5 ослят) и *vingt-cinq armes et cinq canons* (25 вооружений и 5 пушек) звучат одинаково.

Архиепископ Тулузский (Ломени де-Бриенн) славился своими поучениями, удивительно тяжелыми, скучными, неудобопонятными. Кончил этот мрачный человек тем, что отравился. Известный тогдашний остряк Ривароль сказал по этому поводу: “Бедняга, он, должно быть, проглотил нечаянно какое-нибудь из своих поучений!”

Однажды на званом обеде Ривароль отказался от рейнвейна, которым его угощал хозяин. “Не терплю немецких вин, - сказал он, - все они тяжелые, безвкусные!” Один немец, присутствовавший на обеде, незнакомый Риваролю, заметил ему: “То, что вы сейчас сказали, милостивый государь, напоминает рейнвейн!”

Поэт Флориан напечатал одну из своих поэм на роскошной бумаге с широкими полями. “Самые блестящие места в этой поэме - это поля!” - заметил Ривароль.

Встретив однажды того же Флориана, Ривароль, видя, что у него из кармана выставляется рукопись, заметил ему: “А ведь этак, пожалуй, кто *не знает* вас, может соблазниться и вытащить у вас из кармана вашу рукопись!”

Про одного очень неопрятного человека Ривароль сказал: “Он на самой грязи оставит пятно!”

Ривароль не любил Мирабо. Он говорил про него: “Нет человека, который бы так походил на свою репутацию, как Мирабо”. Известно, что Мирабо был очень некрасив собою. Про него же он сказал: “За деньги Мирабо на все способен, даже на доброе дело!”

Тибо читал публичные лекции в Гамбурге, которые тамошней публикой очень неохотно посещались. Ривароль говорил про него: “Тибо платит сторожам не за то, чтоб они никого не впускали на его лекции, а за то, чтоб никого не выпускали с них!”

Во время одного заседания Конвента Лежандр, затеяв спор с Ланжюинэ, до того увлекся, что едва не ударил своего противника. “Постой, - остановил его Ланжюинэ, - прежде чем нанести мне удар, ты добейся указа о том, что я превра-

щен в быка!”. Это был намек на специальность Лежандра: он был мясник.

В другой раз они же зашли к книгопродавцу, и Лежандр, раскрыв том Монтескье, прочел там фразу: “Кто правит свободными людьми, тот сам должен быть свободен”. - “Как вам нравятся эти слова, Ланжюинэ?” - “Они бессмысленны, - отвечал Ланжюинэ, - это все равно, как если б сказать: кто хочет убивать откормленных быков, тот сам должен быть хорошо откормлен!”

Во время Директории успокоившееся от ужасов Террора общество вознаграждало себя значительною распущенностью нравов. Это отчасти отозвалось и на остротах того времени. Так, какой-то кавалер ведет чересчур уж откровенную атаку на красавицу, и та находит полезным обуздать его излишний пыл словами: “Милостивый государь, вы, без сомнения, принимаете (по-французски *prenez* - берете) меня за другую!” - “Нет, - отвечает кавалер, - я вас беру для себя!” Фразу: *vous me prenez pour une autre* можно понимать: вы меня берете для другой.

В другом случае такого же рода кавалер для пущей убедительности вынимает монету в сорок франков и вставляет ее себе в глаз, на манер стеклышка. Дама, за которою он ухаживал, поняла его жест, но заметила: “Любовь, милостивый государь, не крива, в слепа” (т.е. намек на оба глаза или на удвоение гонорара).

Знаменитейшим из остряков времен Людовика XVI был шталмейстер Биевр. Но, к сожалению, почти все его остроты основаны на игре французскими словами, которая много теряет при переводе и разъяснениях. Разжеванная острота - пресная вещь!

Людовик XVI однажды сказал ему: “Биевр, вы известный каламбурист; придумайте какой-нибудь каламбур на меня”. - “Государь, вы не сюжет” (то есть не сюжет для каламбура: но *sujet* значит также подданный).

Министр финансов при Людовике XVI Калонн страшно расстроил дела. “Это настоящие Авгиевы конюшни! - сказал однажды граф Тулузский про тогдашние французские

финансы. “Да, и надобен целый Неккер, чтобы их очистить!” - добавил Биевр. Неккер - река и Неккер - имя министра, который сменил Калонна.

Какой-то молодой человек погиб через свою связь с оперной артисткой Ла-Мирэ. Биевр придумал ему музыкальную эпитафию на могилу: “la mire la mi la” (La Mire l’a mis la, то есть Ла-Мирэ уложила его сюда, в могилу).

Когда ему сказали о смерти маршала Коифлана, Биевр воскликнул: “Encore une fausse nouvelle!” (опять ложная новость). Его спросили, почему он сомневается в смерти маршала. “Я и не думаю сомневаться, - отвечал Биевр, - я говорю: encore une fosse nouvelle” (то есть опять свежая могила).

Биевру приписывают каламбур, который потом повторяли несчетное число раз. На вопрос какого-то любителя табачку, где он, Биевр, берет такой славный табак, Биевр отвечал: “Это вы берете, а я не беру, а покупаю!”

“Сколько лет вы дали бы мне?” - спрашивала Биевра какая-то дама. “Сударыня, у вас их и без того достаточно, зачем же я буду вам их еще прибавлять?”

Случалось ему и чувствительно страдать за свою неодолимую страсть к каламбурам. Все знавшие его, как только он раскрывал рот, заранее приготовлялись хохотать, ожидая от него остроумного словца. И если он говорил вместо каламбура что-нибудь обыкновенное, люди разочаровывались и даже сердились. Так, однажды во время проливного дождя Биевр, насквозь промокший, увидел своего приятеля, ехавшего в закрытом экипаже. Он тотчас остановил его, подбежал к карете и сказал: “Ради Бога, приютите меня, я весь измок!” Приятель минутку подумал, очевидно ища в словах Биевра скрытый яд остроумия, но, ничего не найдя такого, с досадою сказал ему: “Я не понимаю, что тут остроумного!” - и, захлопнув под носом у мокрого Биевра дверцу кареты, крикнул кучеру: “Пошел!”

Мария-Антуанетта очень покровительствовала шталмейстеру графу Ноалю. Когда тот собирался жениться, она с участием его расспрашивала о характере его невесты. Рассыпаясь в похвалах высшим добродетелям его избранницы,

Ноаль, между прочим, сказал: “Она так кротка, так мягка, как... как самая спокойная карета!” - “Вот настоящее штальмейстерское уподобление!” - со смехом воскликнула королева.

Мария-Антуанетта выбрала очень странный способ для сообщения своему супругу о том, что она собирается осчастливить его наследником. “Государь, - сказала она, - я прошу у вас правосудия против одного из ваших подданных, который жестоко оскорбил меня”. Введенный в заблуждение ее серьезным тоном, Людовик поспешно спросил, на кого она жалуется и как оскорбил ее дерзкий обидчик. “Да, государь, - продолжала Мария-Антуанетта, - представьте себе, отыскался такой дерзновенный, который позволил себе толкнуть меня в животе!”

В таких же выражениях Мария-Антуанетта говорила о своем состоянии графу д’Артуа, брату короля, который был временным наследником трона, до рождения сына короля. “Ваш племянник, - говорила королева, - ведет себя со мною ужасно буйно и невежливо, толкается, пинается”. - “Государыня, он и со мной не церемонится!” - отвечал граф Артуа, намекая, конечно, на то, что будущий дофин вытесняет его из претендентов на трон Франции.

Когда чернь шумела под окном Марии-Антуанетты, радуясь ее осуждению на смерть, королева громко и спокойно сказала толпе: “Мои несчастья скоро кончатся, а ваши только что начинаются!”

Однажды учитель дофина (Людовика XVII) аббат Даво рассказал ему о Диогене. Вечером в тот же день принц достал где-то фонарь с зажженной свечой и делал вид, что он что-то ищет при свете его в комнате. И вдруг, подойдя, как-будто невзначай, к Даво и схватив его за руки, он воскликнул: “Я счастливее Диогена, я нашел человека!”

Людовик XVII был очень остроумный ребенок. Однажды, во время какого-то урока он начал свистеть. Учитель сурово остановил его, а вошедшая в это время королева в свою очередь сделала ему внушение. “Мама, - оправдывался маленький дофин, - я очень худо учился, и вот за это сам себя и осви-

стал !”

В другой раз, играя в саду, он очертя голову бросился в розовый куст. Воспитатель, едва имевший время его удержать, объяснил ему, что шипы розы его всего издерут, изранят ему все лицо, руки, могут выколоть глаза. “А вы сами же все твердите, - возразил ребенок, - что тернистый путь ведет в славе!”

Граф д'Эстен, знаменитый боевой адмирал, отличившийся в войнах против англичан, был во время Террора схвачен и предстал перед революционным судилищем. Президент спросил его имя: “Я полагал, что оно известно французам, - отвечал гордый воин, - но коли вам оно неизвестно, то когда отрубите мне голову, отошлите ее к англичанам, они скажут вам, как меня зовут!”

Рожэ написал комедию “Адвокат”, имевшую громадный успех: Рожэ был избран в академики и представлен королю Людовику XVIII. “За вас хлопотал хороший адвокат! - сказал ему король, поздравляя его с избранием.

“Вы любите бобы?” - спросил Людовик XVIII, который сам ужасно их любил, у одного придворного. “Государь, я никогда не обращаю внимания на то, что ем”, - отвечал тот. “Напрасно, - возразил король, - надо быть внимательным к тому, что ешь и что говоришь!”

Во время “ста дней”, в течение которых Францией вновь овладел бежавший с Эльбы Наполеон, многие сановники, присягавшие Людовику XVIII, изменили ему и принесли присягу Наполеону. В числе их был и престарелый канцлер Барантен. Потом его взяло раскаяние, и он уехал из Франции к королю, удалившемуся в Гент. На счет своей присяги Наполеону он выразился как-то очень неясно: я, дескать, не то, чтобы присягал, а так! “Понимаю, понимаю, - перебил его король, - вы приносили не присягу, а присяженочку, вы человек старый и многое можете делать уже только наполовину!”

Во время Империи один из приближенных Людовика XVIII получил от Наполеоновской полиции очень выгодное предложение: ему обещали 50.000 франков в год, если он возьмется ежедневно доставлять в Париж донесения о том, что

делает Людовик XVIII. Добросовестный царедворец немедленно сообщил об этом предложении Людовику. "Друг мой, - сказал король, - соглашайтесь немедленно, только донесения предоставьте сочинять мне самому!"

Шло первое представление какой-то пьесы, к которой музыка была написана Паером. Когда представление кончилось, Наполеон призвал к себе композитора и, вместо любезности, которую тот ожидал услышать, сказал ему: "Слишком много шума и грома! Не знаю, может быть, ваша музыка и хороша, но я в ней ничего не могу понять, и она меня только утомляет". - "Тем хуже для вашего величества!" - спокойно ответил ему композитор.

Незадолго до 18-го брюмера (день произведенного Наполеоном переворота) Наполеон гостил у своего брата Иосифа в Морфонтене. Его навестил там граф Реньо-де-Сен-Жан-д'Анжели, который уже был посвящен в планы Бонапарта, знал, что тот замышляет повалить директорию. Он предложил гостю прокатиться верхом, и они отправились. По дороге под ноги лошади Бонапарта попался камень; она об него запнулась, и так как ехали в это время скоро, то конь не удержал равновесия и грохнулся наземь. Бонапарт был с необычайною силою выброшен из седла, отлетел на несколько шагов, упал и остался без движения. Реньо подбежал к нему, осмотрел его, ощупал и подумал, что он расшибся до смерти. Однако, Наполеон через несколько минут очнулся. "Ну, задали вы мне страху, генерал! - воскликнул граф Реньо. - Я ведь думал, что вы убиты!" На это Бонапарт с философским спокойствием ответил: "Вот видите, от каких пустяков зависят великие планы! Все наши проекты едва-едва не расшиблись в прах о небольшой дорожный камень!" И впоследствии он часто повторял: "Дорожный камешек едва не изменил судьбы всего мира!" Это напоминает слово Паскаля о Кромвеле: "Кромвель разорил бы весь христианский мир, не будь маленькой песчинки, которая застряла у него в уретре". Кромвель умер от каменной болезни.

Кстати сообщим здесь другой эпизод из жизни Наполеона, когда смерть тоже витала вокруг него. В то время он был

уже императором. Однажды ему случилось спускаться вниз по Рейну в сопровождении Майнцкого префекта Сент-Андрэ и графа Беньо. В "Записках" последнего и рассказана эта история. Заметим мимоходом, что Беньо был любимцем Люсьена Бонапарта, который поручил ему организацию префектур в присоединенных Наполеоном рейнских областях. Сент-Андрэ и Беньо сидели на одном конце лодки, Наполеон на другом, так что первые два могли беседовать между собою, не будучи слышимы Наполеоном. Случилось, что он подошел к самому краю судна и, наклонившись, смотрел в воду. Сент-Андрэ тихонько толкнул Беньо и сказал ему: "Смотрите, какой удивительный момент! Судьба всего мира в эту минуту зависит от одного доброго пинка!" Он, конечно, намекал на то, что стоило только толкнуть Наполеона, и он полетит в воду. Беньо при этих словах весь содрогнулся, у него даже горло перехватило от ужаса и он едва имел силы пробормотать: "Что вы говорите! Молчите ради Бога!" Но Сент-Андрэ равнодушно ответил ему: "Э, не беспокойтесь, - решительные люди большая редкость!". Поездка закончилась благополучно. Вышли из лодки, направились во дворец (в Майнце). Сент-Андрэ и Беньо шли по лестнице рядом, а Наполеон впереди их на 7-8 ступеней. Не опасаясь, что он услышит, Беньо тихонько сказал Сент-Андрэ: "А вы знаете, ведь вы меня жестоко напугали!" - "Знаю, как не знать! - отвечал Сент-Андрэ. - Я еще удивляюсь, как вы теперь-то овладели своими ногами; я думал, что они у вас отнялись! Только, поверьте, нам кровавыми слезами придется плакать о том, что сегодняшняя прогулка кончилась для него благополучно!" - "Вы с ума сошли!" - воскликнул Беньо. "А вы, - ответил Сент-Андрэ, - не во гнев будет сказано вашему превосходительству, просто-напросто дурак!" Вероятно, немало было таких упущенных случаев отделаться от великого воителя, о которых люди потом жалели... В записках Констана рассказывается случай, подобный первому из рассказанных нами. Наполеону (еще в бытность первым консулом) раз вздумалось во время прогулки в экипаже самому править лошадьми; те взбесились, понесли, экипаж опрокинулся, и Наполеон отлетел на десять шагов, но отделался благополучно.

Когда Бонапарт занял Милан, ему захотелось послушать тогдашнего знаменитого певца Маркези. Но итальянский маэстро был ужасно горд, и его пришлось долго упрашивать сделать визит генералу. Вынужденный, наконец, предстать перед победителем, он держался надменно и заносчиво. Бонапарт был с ним любезен, но когда он попросил его что-нибудь спеть, Маркези ответил ему скверным каламбуром на ломаном французско-итальянском языке: "Signor Zeneral, si c'est un bon air, qu'il vous faut, vous en trouverez un excellent en faisant un petit tour de Zardin" (т.е.: г-н генерал, если вам надо хороший мотив (тут игра слов: air значит и воздух, и напев, мотив, ария), то вы его получите, сделав небольшую прогулку в саду). Эта выходка обошлась заносчивому итальянцу не дешево: ему пришлось отсидеть в тюрьме. Впрочем, впоследствии он, как известно, вполне примирился с Наполеоном.

Однажды, в 1798 году, Бонапарт давал обед, во время которого с увлечением рассказывал гостям о своих итальянских походах. Обед давно уже кончился, пили кофе, и, по французскому обычаю, надо было встать из-за стола и перейти в другую комнату. А Наполеон, увлекшийся рассказами, продолжал сам сидеть за столом и держал всех гостей. Жозефина много раз делала ему знаки, но он не обращал на них внимания. Наконец она встала, подошла к нему и ударила его по плечу. "Господа, - пошутил Наполеон, - будьте свидетелями, что жена меня бьет!" Тогда один из гостей, Колленд'Арлевиль, подхватил: "Но известно всем и каждому, что этим преимуществом только она одна и пользуется".

Во время русского похода в обозе французской армии следовало множество экипажей, принадлежавших офицерству, заключавших в себе их частное имущество и чрезвычайно стеснявших движения армии. Наполеон знал об этом и дал приказ удалить из обоза все, что не представляло собой чисто военного багажа. И вот однажды сам император как раз наехал на страшную толкотню и сумятицу, царившую посреди дороги, по которой двигался французский обоз. Экипажи, повозки сгрудились, люди кричали, бранились; это был настоящий хаос. Наполеон подъехал, расспросил, увидел в середине обоза какую-то огромную фуру явно не военного вида

и распорядился немедленно ее сжечь тут же, на дороге. Ему доложили было, что эта карета принадлежит его любимому адъютанту Нарбонну, но он ничему не внял, не позволил даже ничего выгрузить из кареты и приказал сжечь ее целиком. Потом его взяло раскаяние, он захотел наградить Нарбонна, которого знал за человека без всяких средств, и он приказал Дюроку выдать Нарбонну в награду довольно крупную сумму. Дюрок, из деликатности, спрятал деньги в шкатулку, а сверху положил несколько книг в хороших переплетах, и в таком виде отправил шкатулку к Нарбонну. Тот книги оставил себе, а деньги велел все отдать солдатам своего полка, которые страшно голодали. После того при встрече Наполеон потихоньку спросил у него: “Ну что, Нарбонн, твой багажный убыток пополнен, ты получил?” - “Да, государь, и благодарю вас, - отвечал Нарбонн. - Но не прогневайтесь, я из вашей посылки оставил у себя только книги, которые оказались удивительно подходящими к обстоятельствам: эти книги - два рассуждения Сенеки: одно “De Beneficiis” (о наградах), другое “De Patientia” (о терпении). В военных походах это наилучшие печатные путеводители”.

В то время как Наполеон составлял из разных областей новое Вестфальское королевство для своего брата, случилось, что в его состав пришлось включить крошечные владения какого-то немецкого принца; их, конечно, и забрали без всякой церемонии. Но принц оказался человеком очень сердитым и упрямым. Он примчался в Париж, заявился к главе кабинета и требовал, чтобы ему возвратили его владения. Министр сказал, что это не от него зависит, что такова была воля императора и что он одно только и может для него сделать - устроить ему аудиенцию у Наполеона. Наполеон посмеялся, когда министр доложил ему об этом казусе, но аудиенцию дал и притом приурочил ее к одному из своих больших выходов. Необыкновенная пышность этого выхода немного было смутила непокладистого немецкого принца, но он живо оправился и овладел тоном. Наполеон, увидав его, подошел к нему с улыбкой и спросил: “Я слышал, принц, что вы недовольны?” - “Да, государь, мои владения”... - начал принц. “За утрату их вы должны быть и будете вознаграждены, но воз-

вратить их вам невозможно. Только неужели же ничто не в состоянии вознаградить вас за вашу утрату? Выбирайте, что вам угодно: высшую должность в армии, новую область, графство или герцогство в Италии". - "Но я хочу, чтоб мне вернули то, что мне принадлежало, мои владения!" - настаивал принц. "А, вы хотите решить дело по-царски? - подхватил Наполеон. - Ну, что ж, начинайте со мной войну. Ведь у вас есть войско? Помнится, в рейнскую конфедерацию вы доставили трех солдат"... Старые французские короли такого примера не подавали. Генрих IV, устраивая свое имение в Фонтенебло, хотел купить дом у какого-то горожанина, но тот не согласился на продажу, несмотря на двойную цену, предложенную Генрихом, и добродушный король оставил его в покое; этот дом так и врезался клином в удельное имение и был выкуплен уже впоследствии у наследников упрямого владельца.

Наполеон охотно каламбурил и ему приписывают немало острот, основанных на игре слов. Так, когда шла речь о его назначении главнокомандующим итальянской армией многие возражали, что он слишком молод. "Я молод? - воскликнул Наполеон, когда ему сказали об этом. - Да мне скоро будет 1000 лет!". Он собственно сказал: "J'aurai Milan", то есть я буду иметь (завоюю) Милан; по-французски эти слова звучат совершенно одинаково с "j'aurai mille ans" (я буду иметь 1000 лет).

Он назначил полковником швейцарской гвардии Ланна; это имя напоминает l'âne (осел), и утверждают, что Наполеон, избирая Ланна, пошутил над тем, что швейцарцы могут удовольствоваться командиром-ослом. Гувернером к пажам он назначил с подобною же шуткой Гардана: - garde âne значит ослиный надзиратель, Точно также шутил он, назначая министром исповеданий Биго (bigot-ханжа). Перрена, который был раньше простым трубачом и за свою статность и мужественную красоту получил от товарищей прозвище beau soleil - красное солнышко, Наполеон сделал герцогом Беллюном (belle lune - красный месяц).

Сделав маршала Лefевра герцогом данцигским, он приказал пажу, когда маршал выйдет к нему, доложить о нем,

как о герцоге данцигском; а тот еще и не знал об этой милости. Удивленный выкриком паж, Лефевр в недоумении остановился, а Наполеон сказал ему: “Это вы самый и есть герцог данцигский, - и заключил неперевоодимым каламбуром: - *Quand je fais un duc: ce n'est pas un conte*”, то есть когда я делаю нового герцога, то это не сказка; но дело в том, что *conte* - сказка и *comte* - граф произносятся одинаково, и фразу можно понимать так: когда я делаю герцога, то это не граф.

У Наполеона, когда он был еще первым консулом, произошла удивительнейшая история со шпионом. Это было во время войны с Австрией. Ему доложили о прибытии лазутчика, которого он хорошо знал, потому что и раньше пользовался его добрыми услугами. “А, тебя все еще не расстреляли?” - приветствовал Бонапарт старого знакомого. Лазутчик стал ему рассказывать о своих делах. Когда Наполеон уехал в египетскую экспедицию, лазутчик остался не у дел и предложил свои услуги австрийцам. Те его взяли и скоро оценили его и многое ему доверяли. Когда началась война с Наполеоном, ловкий шпион предложил австрийскому главнокомандующему выведать о французской армии все, что только тому нужно знать: расположение, численность, имена командиров, провиантную часть и пр. Ему дали разрешение действовать и обещали награду. Тогда он явился к Наполеону и откровенно ему рассказал все это, то есть что он австрийский шпион и ему надо добыть сведения о французской армии. Дайте, дескать мне эти сведения, а я сообщу вам сейчас же подробнейшие сведения об австрийской армии. Наполеон рассудил, что ему нечего бояться, если австрийцы будут знать о нем все, что им угодно; поэтому он призвал своего начальника штаба и приказал ему дать лазутчику точные и подробные сведения о своей армии. В то же время со слов шпиона он записал у себя все сведения об австрийской армии и собственноручно разметил по карте все позиции австрийцев. Сведения, доставленные шпионом, оказались совершенно точны, и Наполеон после войны выдал ему чрезвычайно щедрую награду. С другой стороны австрийский главнокомандующий тоже остался в восторге от подробных и верных сведений о французской армии, доставленных ему лазутчиком, и в свою очередь щед-

ро наградил его. Угодил обоим! Удивительный пример удачного служения “нашим и вашим”, особенно на таком гибельном поприще!

Однажды Наполеон, еще будучи простым генералом, был в гостях у г-жи Сталь. Талантливая и умная хозяйка, одна из образованных женщин того времени, очень горячо и блестяще говорила о быстрой тогдашней смене во Франции политических партий, заправлявших делами государства, о роли и значении каждой из них. Многочисленные гости принимали живое участие в разговоре и вполне разделяли мысли хозяйки. Один генерал Бонапарт сидел все время молча и был сумрачен. “А вы, генерал, - обратилась к нему г-жа Сталь, - вы со мной несогласны?” - “Сударыня, - отрезал Наполеон, - я не слушал, я вообще не люблю, чтобы женщины вмешивались в политику”. - “Вы правы, генерал, говоря вообще. Но все же согласитесь, что в такой стране, где женщинам рубят головы, у них, естественно, является желание знать, за что с ними так поступают”.

Когда в бою при Маренго Бонапарта известили о смерти генерала Дезэ, - а это случилось в самый горячий и опасный момент битвы, - у него вырвались слова: “Ах, зачем я не могу плакать!”

Однажды генерал Бонапарт совершенно неожиданно явился в гости к Дюроку, с которым жил в одном доме. У Дюрока были гости, все сидели и весело обедали, и приход генерала, которого уже все крепко побаивались, очень смутил всю компанию; все встали из-за стола и как-то растерялись, не знали, что делать. Да и сам Наполеон был смущен. Очевидно, затрудняясь, о чем заговорить, он спросил: “Вы что это, артишоки кушали?” - “Да, генерал”. - “Вы, Рапп, едите их, кажется с прованским маслом?” - “Да, генерал”. - “А вы, Савари, с соусом? Я их ем с солью”. - “Ах, генерал, - подхватил Савари, - вы поистине великий человек, потому что даже в манере кушать артишоки неподражаемы”.

В то время, когда Наполеон был комендантом Парижа, в городе свирепствовал голод, и чернь, которой не хватало хлеба, устраивала нередко очень бурные сцены на улицах. Ради соблюдения внешнего порядка по городу ходили и ез-

дили патрули, и сам Наполеон со своим штабом проезжал по главным улицам. В один из таких объездов он наткнулся как раз на бурную сцену. Перед булочной стояла толпа просто-народья, страшно озлобленная, голодная, осыпавшая бранью проходящих мимо буржуа. В этой толпе особенно выделялась своими криками, жестами и всяческими неистовствами одна чрезвычайно толстая баба. Увидав Наполеона с толпою блестящих офицеров, она во все горло закричала: “Вся эта куча офицеры со своими эполетами насмехается над нами; им бы только самим есть да пить, да жиреть, а что народ с голоду мрет, им горя мало!” А Наполеон в то время был чрезвычайно тощ, баба же, как выше сказано, была чудовищно толста. Выслушав ее брань, Наполеон громко крикнул ей: “Милая моя, взгляни на меня и скажи сама, кто из нас жирнее!” Хотел, встретивший эту выходку, обезоружил раздраженную толпу.

Наполеон часто бывал страшно груб и невежлив с дамами. Так, однажды, увидав жену дивизионного генерала Лоржа, родом немку, он сказал ей: “О, сударыня, что это за ужас такой вы на себя напялили, что это за платье! Это, должно быть, в немецком вкусе”. Один из присутствовавших при этой сцене потихоньку сказал своим соседям: “Платье-то, я не знаю, может быть и немецкое, но комплимент-то уж во всяком разе не французский!”

Вообще все современники Наполеона, оставившие записки, единогласно свидетельствуют о его грубости с дамами. Редко он говорил какой-нибудь из них что-либо лестное, а чаще у него вырывались замечания либо прямо невежливые, либо странные. “Какие у вас красные руки!”. “Что эта за нелепая прическа!”. “Кто это вам так перепутал волосы?”. “Вы, сударыня, всю жизнь намерены носить это платье?”. И т.д. в подобном роде. Однажды, когда он был уже императором, он, увидя на придворном балу изящную красавицу, герцогиню Шеврез, сказал ей с грубым хохотом: “Какая вы рыжая, я таких и не видывал!” - “Очень может быть, государь, - ответила герцогиня, - но только я первый раз в жизни слышу об этом из уст мужчины!” И она говорила правду, потому что была вовсе не рыжая, а светлая блондинка, с высоким

золотистым отблеском.

Назначая Редерера сенатором, Наполеон (тогда еще первый консул) сказал ему: “Я сажу вас посреди наших *patres conscripti*” (так назывались сенаторы в Риме). - “Да, вы меня отправляете *ad patres*”, - отвечал Редерер.

Наполеон побуждал кардинала Феша принять архиепископскую кафедру в Париже, но тот отказался, так как из Рима не было получено утверждения. Наполеон возражал ему, что он вполне законно и правильно избран капитулом французским епископом, и добавил, что он сумеет его заставить подчиниться своей воле. “Государь, *potius mori!*..” (лучше смерть), - отвечал ему Феш. “*Potius mori?* - подхватил Наполеон со своею обычною манерою играть словами. - Это по-французски значит “лучше Мори”... т. е. вы находите, что на ваше место лучше назначить епископа Мори? Ну, хорошо”. И, обратясь к тут же присутствовавшему Мори, сказал, что назначает его на место.

Однажды Наполеон долго беседовал с одной актрисой. Польщенная его вниманием, она попросила его пожаловать ей его портрет. Но это была милость особая и исключительная, и чтобы показать ей, что ее просьба была чересчур смела и неуместна, он вынул из кармана наполеондор и, подавая его, сказал: “Извольте, вот вам мой портрет”.

Артистки музыкальной академии однажды исполняли како-то балет во время праздника, устроенного Наполеоном в Рамбулье. Наполеон остался доволен артистами и приказал министру внутренних дел (Шампаньи) выдать им награды. Шампаньи, человек очень экономный, стал обдумывать, как бы сократить расходы на эти награды, и вспомнив, что у него запасено для подарков много разных книг в роскошных переплетах, роздал их актерам от имени императора. Танцовщицы, конечно, не могли остаться особенно польщенными такой странною наградою. Между тем, Наполеон, ничего этого не знал и, задумав новый праздник в Фонтенебло, приказал министру и на этот раз вызвать тех же балерин, но при этом вдруг вспомнил об их участии в прежнем празднике и спросил у министра, что именно было выдано тогда танцовщицам в награду. Шампаньи сказал, что распорядился вы-

дать им книги. Но тут надо заметить, что по-французски livre значит книга, но значит также фунт, и этим же словом в древности называлась франковая монета. "Livres? - воскликнул Наполеон. - О каких ливрах вы говорите, о турецких?" (древние ливры, монеты, назывались по местностям). - "Никак нет, государь, я выдал им не ливры, а книги, разные роскошные издания в ценных переплетах". - "На этот раз, г-н министр, - сказал ему Наполеон очень серьезным тоном, - я уж попрошу вас выдать им награду не в ливрах, а во франках".

Парижский архиепископ Беллэ дожил до 96 лет. Однажды Наполеон, вспомнив его годы, пошутил, что он проживет ровно целый век. "Ваше величество, - отвечал веселый старец, - неужели вы мне даете всего четыре года веку?"

Некто Панье, отец очень известного во времена Империи художника, был простым почтальоном. Однажды, в то время, как он сопровождал почту, на него напали и почту разграбили какие-то разбойники. Панье судили и лишили места. Многие, ближе ознакомившиеся с делом, знали, что он не был виноват и пострадал напрасно, жалели его и искали случая как-нибудь устроить ему встречу с Наполеоном. Но если Панье-сын был хорошим живописцем, то Панье-отец уж во все не был хорошим оратором. Его друзья и близкие знали, что, представ пред Наполеоном, он не сумеет и рта раскрыть и из этой аудиенции ровно ничего не выйдет. Надо было сочинить ему речь и заставить его ее выучить наизусть. Речь ему сочинила жена, и сочинила хорошо - кратко, ясно, вразумительно и красноречиво. Представ перед Наполеоном, Панье начал свой спич: "Государь, я злополучный почтальон, которого предательски ограбили на Лионской дороге в ночь на 15-ое число прошлого месяца"... Говорил он эту речь, как ученик на экзамене читает молитву или заповедь, и Наполеон это заметил. "Кто это тебя выучил так говорить?" - спросил он Панье, по своему обыкновению отрывисто и сурово. "Моя жена, государь", - пробормотал Панье, сразу утративший равновесие. Наполеон улыбнулся и отвернулся. На этот раз так ничего и не вышло. Но скоро нашли новый случай; отставной почтальон снова оказался лицом к лицу с владыкой Франции. "Кто это такой?" - спросил Наполеон, уже по-

забывший Панье. “Государь, - начал вновь Панье вызубренную речь, - я злополучный почтальон, которого...” и т.д. - “Ах, да, помню! - проговорил Наполеон. - Хорошо, я распорядюсь”. И в самом деле Панье был снова принят на службу. Но теперь настала другая беда; надо было снова предстать пред Наполеоном и благодарить его. Значит надо было жене сочинить, а ему вызубрить новый спич. Сочинили и вызубрили. Когда же пришел момент говорить эту речь пред Наполеоном, она целиком выпала у Панье из памяти и он машинально начал декламировать свой прежний спич: “Государь, я злополучный почтальон, которого предательски ограбили...” - “На Лионской дороге в ночь на 15-ое число прошлого месяца! - подхватил Наполеон. - Знаю, выучил наизусть; ну тебя!”...

В 1814 году, во время жаркого боя, генерал Себастиани прислал к Наполеону своего адъютанта за инструкцией. Наполеон стоял глубоко задумавшись и не слышал или сделал вид, что не слышит, что говорит посланный. Тот настойчиво повторил свои слова. “Убирайтесь вы к...”, - вскричал Наполеон, который в горячие минуты не был особенно опрятен в выборе выражений. Адъютант был не из робких. Он обратился к начальнику штаба Бертье, стоявшему рядом, и громко спросил его: “Ваше превосходительство, как мне понимать приказание, отданное его величеством?” Тут только Наполеон одумался, выслушал адъютанта и передал ему свой приказ.

Для того, чтобы отвлечь внимание образованного круга общества от своих тягостных и разорительных войн, Наполеон придумал особые премии, которые выдавались каждые десять лет ученым, художникам, литераторам. Само собой разумеется, что в литературе из-за этих премий поднималась ужасная кутерьма, образовались враждующие партии, которые открывали друг против друга травлю, очень забавлявшую публику и действительно отвлекавшую внимание общества от Наполеона и его планов. Уловка отлично удалась. Однажды Наполеон спросил Бугенвиля, что он думает об этих изобретенных им состязаниях. “Государь, - отвечал тот, - в древности заставляли зверей (bête - по-французски зверь и дурак) драться для забавы умных людей, а теперь по-

буждают умных людей к потасовке, чтобы позабавить дураков”.

Наполеон, подобно Суворову, имел привычку задавать внезапные вопросы и очень не любил, чтобы вопрошаемый заминался. Военные это, конечно, знали. “Сколько людей у вас в полку?” - спрашивает он у командира. “1225, ваше величество!” - докладывает полковник. “А сколько в лазарете?” - “1310!” - “Хорошо!” - говорит Наполеон, и отходит. Быстрота и точность ответов так его успокоили, что ему и в голову не пришло сопоставить числа.

Как известно 18-го фруктидора V года (1 сентября 1797 г.) часть директоров, во главе с Баррасом, устроила переворот, отняв власть у других членов Директории. В деле принимал участие, хотя и не гласное, Наполеон. Впоследствии он спросил у Карно, (одного из поверженных членов Директории), как это он тогда стерпел обиду и простил вероломному Баррасу. “Вам следовало, - продолжал он, - пронзить этого Барраса шпагой насквозь”. - “Я так и хотел сделать, - отвечал Карно, - но побоялся, чтоб вас не задеть, так как мне думалось, что вы стоите сзади него”.

“Государь, - говорил Наполеону граф Молэ, - вы окончательно уничтожили революционный дух”. - “Неправда, - возразил Наполеон, - я только закладка в книге революции, на той странице, где она приостановилась. Когда меня не будет, революция перевернет эту страницу и отправится дальше!”

Став императором, Наполеон обращался с коронованными особами с удивительной бесцеремонностью. Так, однажды, он обедал с тремя королями; те сидели за столом с обнаженными головами, а он в шляпе. В другой раз он ехал в одном экипаже с королями саксонским, баварским и вюртембергским. По дороге он заехал в Мальмезон к Жозефине и оставался у нее целый час, а короли сидели в карете и ждали его. Веселый и жизнерадостный баварский король сказал своим спутникам: “Коли с нами обращаются, как с лакеями, то давайте и развлекаться по-лакейски!” Он приказал принести в карету вина, закусок, ел, пил и рассказывал анекдоты. Положение было таково, что с всемогущим воителем никакая

борьба была невозможны.

Кювье, знаменитый натуралист, однажды прибыл в Сен-Клу во главе какой-то академической депутации. Наполеон встретил его чрезвычайно любезно и тотчас спросил, чем в последнее время были заняты члены академии наук. Кювье отвечал, что все это время академия разрабатывала вопрос о возделывании сахарной свекловицы во Франции. “Ну, и что же, - спросил Наполеон, - годится ли климат и почва Франции для возделывания свекловицы?” В ответ на это Кювье начал целую лекцию о геологическом строении французских почв, о климате, о свойствах свекловицы. Наполеон с первых же слов перестал его слушать и думал о другом. И только когда Кювье умолк, он вспомнил о том, что ведет беседу с ученым академиком, и тотчас с большим интересом спросил его: “Так что же вы думаете, годится ли климат и почва Франции для возделывания свекловицы?” Кювье, порешив, что властелин, занятый другими мыслями, не слышал его, снова начал свою лекцию и прочитал ее всю с начала до конца. Наполеон слушал его еще меньше, чем в первый раз, и вновь оторвался от своих мыслей только тогда, когда ученый умолк. “Благодарю вас, г-н Кювье, - сказал он с прежнею любезностью. - Меня очень интересует этот вопрос. Как только увижу вашего ученого собрата Бертело, спрошу его, годится ли климат и почва Франции для возделывания свекловицы”.

Однажды за столом, рассказывая о египетском походе, Наполеон подробно описывал одно из сражений, причем точно, по номерам, перечислил все войсковые части, принимавшие участие в бою. “Как можете вы, государь, удерживать эти подробности в памяти столько лет подряд!” - с изумлением воскликнула г-жа Бертран. “Сударыня, ведь любовник удерживает в памяти имена своих бывших возлюбленных!” - возразил Наполеон.

При дворе Станислава II, который держался лишь покровительством России, русский посланник Штакельберг был, конечно, первым лицом. Однажды австрийский посол, барон Тугут, на торжественной аудиенции принял Штакельберга за короля и отвесил ему положенные по этикету поклоны. Это его очень раздосадовало. Вечером, играя в карты,

он, быть может, не без намерения, сделал грубую ошибку, и когда она обнаружилась, он с жаром воскликнул: “Что такое со мной сегодня! Я все принимаю валетов за королей!”

Жена одного поставщика, очень хорошенькая, богатая, нарядная, явилась на бал во время Первой Империи в очень открытом платье. Какой-то офицер бросал на ее прелести чрезвычайно бесцеремонные взгляды, которые ее ужасно смущали. Наконец, предприимчивый воин подошел к ней вплотную, не сводя глаз с ее плеч. “Г-н Аркамбаль, - взмолилась к нему хорошенькая поставщица, - отойдите ради Бога; ведь знаете, что мы, поставщики, недолюбливаем, чтоб наш товар слишком внимательно разглядывали!”

Талейран пригласил на обед генерала Дорсена, но тот запоздал, и сел за стол без него. Когда он, наконец, явился, хозяин извинился перед ним, а генерал в свою очередь объяснил, что задержал его один “штафирка”. У французов-военных есть особая презрительная кличка для штатских - *рекин*. Услыхав это слово и находя его, конечно, не совсем вежливым со стороны гостя-военного в доме хозяина-штатского, Талейран сделал вид, что он, многократно слышав это слово - *рекин*- до сих пор не мог уяснить себе его истинный смысл. Генерал расхохотался: “Это, видите ли, - объяснил он, - мы называем так вообще не военных”. - “А, - подхватил Талейран, - все равно как и мы, штатские; мы называем военным все вообще, что не штатское” (*nous appellons militaire tout ce qui n'est pas civil*). Но дело в том, что французское слово *civil* значит не только штатский, но также вежливый, образованный, благовоспитанный. И таким образом слова Талейрана имели задний, весьма острый смысл: мы называем военным все неблаговоспитанное, грубое.

В начале революции, в эпоху генеральных штатов, герцог Монморанси предложил собранию уничтожить дворянские привилегии. На другой день, повстречавшись с ним, Талейран сказал ему: “Герцог, вы первый в вашем знаменитом роду храбрецов, решившийся положить оружие!”

Талейрана, бывшего до революции епископом, уговаривали рукоположить версальского епископа, избранного уже

по революционному порядку. Талейран хотя и принес присягу в верности конституции, но от рукоположения отклонился. "Присягать я могу сколько угодно, но посвящать в сан не могу". Эти на вид невинные слова имели весьма острый задний смысл. Присягать - jurer, - значит также ругаться, а sacer - посвящать, помазывать, - значит тоже ругаться, но в еще более решительном смысле.

Какая-то герцогиня должна была приносить присягу, а принимать эту присягу должен был Талейран. Герцогиня предстала перед ним в роскошном, но донельзя откровенном костюме. "Герцогиня, - заметил ей, улыбаясь, Талейран, - вы не находите, что для клятвы в верности такая юбка коротковата!"

Один из директоров, Ревбелль, еще во время Конвента грубо оскорбил Талейрана, крикнув ему во время одной из его речей: "Подлый эмигрант, у тебя здравый смысл так же хромает, как нога!" - Талейран прихрамывал. Во время Директории Ревбелль однажды спросил у Талейрана, бывшего тогда министром иностранных дел: "Как идут внешние дела, г-н министр?" - "Да вкривь и вкось, как вы видите". Ревбелль был сильно кос.

Во время Венского конгресса Талейран однажды был с визитом у жены Наполеона, Марии-Луизы. У ней в это время был эрцгерцог Карл, который держал у себя на коленях сына Наполеона, маленького римского короля. "Узнаете вы этого ребенка, г-н Талейран?" - спросил эрцгерцог. "Я его знаю, ваша светлость, но не узнаю!" И, действительно, он видел "Орленка" в такой обстановке, что смело мог его не узнавать или не признавать (потому что *gessompaitre* значит то и другое).

Про одного поставщика военного ведомства Талейрану сказали, что он собирается куда-то в лечебное место *принимать* ванны. "Да уж все они таковы, - заметил Талейран. - Им все надо что-нибудь *принимать!*"

Когда Талейран опасно занемог, среди придворных шли разговоры о том, как он поладит с духовенством. Талейран был епископ, самовольно оставивший духовный сан и женившийся; все это ему благополучно сошло с рук под шум рево-

люционного урагана; но в спокойное время Реставрации духовенство могло, например, отказаться хоронить его и вообще обращаться с ним, как с отлученным. “Не беспокойтесь, - говорил тогда Людовик XVIII, - г-н Талейран достаточно хорошо умеет жить, чтобы знать, как надо получше умереть!”

Палата депутатов 1815 года при начале Реставрации представляла весьма жалкое зрелище: “Неужели кто-нибудь поверит, что такой сброд спасет отечество?” - говорит кто-то при Талейране. “Почем знать, - возразил он, - ведь был же Рим спасен гусьями!”

Тьера в начале его карьеры не любили. Когда узнали, что его принимает Талейран, какая-то дама с удивлением спросила у него: “Неужели вы принимаете этого пролаза?” - “Да он вовсе не пролазит, а прямо входит”.

Талейран, несмотря на неимоверное количество приписываемых ему острот (большей частью непереводаемых, основанных на игре французских слов, полных намеков на современные текущие события), был человек вовсе не болтливый; он гораздо охотнее молчал и слушал, чем сам говорил. Он был вероломен, продажен, и, однако же, все признавали и признают, что своему отечеству он принес громадные услуги: Один злой и острый враг сказал про него: “Талейран продал всех, кто его покупал!”

В 1802 г. Наполеон поручил Редереру составить уставную грамоту для Цезальпинской республики. Редерер составил ее в двух редакциях - краткой и подробной. Передавая обе рукописи Талейрану, он сказал ему, что, по его мнению, лучше было бы выбрать краткую редакцию. “Посоветуйте первому консулу остановить свой выбор на ней. Лучше всего, когда конституция изложена кратко и “... Он хотел добавить “ясно”, но Талейран перебил его и закончил за него: “Кратко и неясно”.

“Милостивый государь, - зывал к Талейрану один из его кредиторов, - я хотел бы знать, когда же, наконец, вы со мной расплатитесь?” - “Экий же вы любопытный!” - отвечал Талейран.

Карно говорил про Талейрана: “Он слишком глубоко изучил сам себя; как же ему не презирать людей?”

Талейран очень любил графа Нарбонна. Однажды он с ним прогуливался, а Нарбонн декламировал ему стихи собственного сочинения, очень плохие. Повстречав какого-то прохожего, который зевал во весь рот, Талейран заметил своему другу: “Нарбонн, ты всегда на улице кричишь во все горло. Говори тише; посмотри, этот человек; очевидно, слышит твои стихи, потому что не может удержаться зевоту”.

Талейран был духовным и даже епископом, а потом вышел из духовного звания, женился, был министром, дипломатом при революции, при Наполеоне, при Реставрации. Кто-то, уже при Людовике XVIII, удивлялся, как это король терпит такого нехристя - женатого епископа! Королю трудно было бы найти более прочного христианина, чем Талейран, - возразила одна умная дама, - подумайте, ведь он удостоился всяческих таинств и помазаний, в том числе пострижения и брака!”.

Когда Талейран умер, кто-то из дипломатов сказал: “Я уверен, что теперь Талейран уже предстал перед Сатаной, и тот говорит ему: “Ну, брат, ты перемахнул за пределы моих инструкций!”

В 1797 году один из членов Директории, Левельер-Лепо, вздумал основать новую религию, которую он назвал “теофилантропией”. Талейран, выслушав его доклад, сказал ему: “Позволю себе сделать вам одно замечание: Иисус Христос, чтобы основать свою религию, умер на кресте и воскрес; я полагаю, что вам надо попытаться сделать то же самое”.

Какой-то молодой чиновник государственного совета много говорил Талейрану о своей искренности и прямотушии. В ответ на его пылкие речи Талейран будто бы сказал свои знаменитейшие слова: “Вы еще молоды; знайте, что слово дано человеку затем, чтобы скрывать свою мысль”. Острота эта приписывалась и другим, но большинство считает ее Талейрановской.

Некто Семонвиль, королевский секретарь, отличался тем, что решительно ничего никогда не делал без какой-нибудь задней мысли. Однажды при Талейране говорили о том, что Семонвиль сильно простудился. “Простудился, - задумчиво пробормотал Талейран, - гм!.. Зачем бы это ему понадо-

билось?"

Однажды в Тюильри, в присутствии огромной толпы придворных, Наполеон принялся отчитывать Талейрана во весь голос и без всякой церемонии. Министр выслушал все его грубости не сморгнув глазом и не раскрывая рта. Когда Наполеон кончил и, повернувшись, отходил, Талейран обратился к присутствовавшим и громко - нарочно, чтобы Наполеон мог услышать его - сказал: "Вы слышали, господа? Не досадно ли, что такой великий человек получил такое дурное воспитание?"

Талейран ухаживал за г-жою Сталь и в то же время за другой дамой. Сталь, желая испытать его преданность, зада-ла ему коварный вопрос: что, мол, если бы мы обе, я и моя соперница, упали в воду, кого бы вы кинулись спасать? "Я уверен, сударыня, что вы плаваете божественно хорошо!" - вывернулся Талейран.

Талейран умел придумывать остроумные выходы из затруднений, неразрешимых для обыкновенного смертного. Однажды, например, он давал большой и очень парадный обед. Время стояло такое, что в Париже трудно бывает достать хорошую рыбу, и это очень озабочивало Талейрана: ему именно и хотелось щегольнуть рыбой в нерыбное время. И вот, на его счастье, ему доставляют двух колоссальной величины лососей. Его повар поставил ему на вид, что две таких рыбы сразу подавать невозможно, что это будет угощение очень дурного тона, потому что и одной такой рыбы девать некуда. Талейран был вынужден согласиться со своим поваром, который в своем роде был такую же знаменитостью у плиты, как Талейран в дипломатии. Но ему вовсе не хотелось, чтобы один из его редкостных лососей пропал даром, не произведя должного эффекта. Он на минутку призадумался, потом... шепнул два слова своему кухонному шефу. Тот понял, улыбнулся: будьте, дескать, спокойны... В день обеда лосось был торжественно внесен величественным лакеем на громадном серебряном блюде. Лакей выступал медленно и важно. Гости невольно обратили взоры на блюдо, которое выступало с такую торжественностью, и со всех сторон посыпались слова восторженного изумления: "Это единственный лосось

в мире!"... "Только вы один, г-н Талейран, и могли ухитриться достать такое чудо!"... и т.д. Но вдруг человек, несший рыбу, запнулся, пошатнулся, клюнул носом, и громадное блюдо вместе с рыбою полетело на пол. "Экий ты, братец, разиня!" - как бы невольно вырвалось у Талейрана грубое слово. И все гости понимали и извиняли его раздражение. Но он тотчас оправился, успокоился и, уже улыбаясь, сказал: "Ну, ступай, ступай, и несите другого!" Можно судить, какой эффект произвела другая такая же, да еще более великолепная рыба!

У Талейрана был друг Монрон, который часто соперничал с ним в острологии. Граф Жирарден долго не решался признать своего сына Эмиля, впоследствии знаменитого писателя. "Поспешి признать его, - советовал ему Монрон, - а то, смотри, позже он тебя не признает".

"Дела - это чужое добро!" - говаривал Монрон. Впоследствии Гаварни, знаменитый карикатурист, видоизменил эту формулу: "Дела, - говорил он, - это чужие деньги!"

У Людовика XVIII был министр Корбиер, человек немножко грубоватый, не полированный, но прямой и бескорыстный. Придя в первый раз в кабинет короля, он спокойно вынул из карманов и положил к королю на стол свой платок, табакерку, очки. "Вы намерены опорожнить свои карманы?" - спросил король, несколько задетый этой бесцеремонностью. - "А ваше величество разве предпочли бы, чтобы я их набил?" - возразил Корбиер.

Во время египетского похода солдаты иногда принимались роптать. Генерал Кафарелли, инвалид с деревянною ногою, охотно произносил перед ними увещательные речи. "Вам легко разговаривать, генерал, - возразил ему однажды какой-то солдат-краснобай, - вы в одно время и здесь, и у себя на родине!" - "Как так?" - вскричал генерал. "У вас одна нога здесь, а другая во Франции".

Когда принц Евгений Богарнэ собирался жениться на баварской принцессе, один солдат говорил другому: “Жаль, что у него зубов то совсем нету!” - “На баварке-то жениться?... На что же тут зубы!”...

Принц Шварценберг, беседа в 1814 году о реставрации во Франции, высказал мнение, что она, как положение вещей, созданное исключительно штыками, едва ли окажется прочною. “Видите ли, - объяснил он свою мысль, - конечно, штыками можно все сделать, нельзя только сесть на них!”

Маршал Бюжо, узнав про одного пожарного, что он принимал очень деятельное участие в подготовке возмущения уличной толпы, призвал его и сказал ему: “Ты пожарный, твоя обязанность - тушить огонь, а не поджигать! Исполняй же свой долг, а то, смотри, я исполню свой!”

Какой-то актер, очень нравившийся Людовику XVIII, получил от короля в дар серебряный сервиз на 18 приборов. “18 приборов! - сказал актер, рассматривая подарок. - Это потому, что сам король 18-й Людовик. Эх, жаль, отчего он не 36-й!”

При воцарении Людовика XVIII шутники острили: “Наполеону трудно было дольше держаться, он имел повсюду врагов!”. Это каламбур. “Il avait trop d'ennemis partout” (он имел много врагов повсюду), можно прочитать так “Il avait trop d'enne (т.е. буква N) mis partout” (он имел слишком много N повсюду); это намек на то, что всевозможные здания и сооружения были украшены буквой N.

Знаменитый Стерн, автор “Сентиментального путешествия”, был очень неопрятен в разговоре, и это особенно бросалось в глаза при его духовной одежде. Однажды во время путешествия по Италии он был представлен какой-то тогдашней известной певице. Эта особа была сама очень бесцеремонная, и, однако же, слишком развязная беседа Стерна смутила и ее. Она, наконец, не вытерпела и спросила его, сколь-

ко ему лет. “Сударыня, - ответил ей Стерн, - я на этот вопрос всегда отвечаю сообразно с тем, что от меня требуется вопрошающему”.

Одной даме, которая сказала ему, что не читала его “Тристрама Шенди”, потому что ее предупредили, что такую книгу дамам читать неприлично, Стерн сказал: “Не верьте пустым словам, сударыня. Моя книга походит на трехлетнего ребенка, который валяется по полу и невинно выставляет на вид много такого, что обычно прячут”.

Г-жа Сталь не выносила людей, которые очень любят вести долгие и пространные рассказы, но ведут их не только нестерпимо скучно для слушателей, но даже сами не внося в собственный рассказ никакого одушевления, интереса. “Как можно их слушать другому, когда они не слушают, что сами говорят!”

Какой-то молодой, глуповатый франт, усаживаясь однажды между г-жою Сталь с одной стороны и г-жою Рекамье с другой, вздумал сказать дамам любезность: “Помещаюсь между умом и красотой”. - “Хотя и не обладаете ни тем, ни другим”, - подхватила Сталь.

Этот же анекдот рассказывают иначе. Дело в том, что хотя г-жа Сталь была бесспорно умна, но зато г-жа Рекамье вовсе не отличалась красотой. Поэтому Сталь будто бы ответила любезнику: “В первый раз в жизни слышу комплимент моей красоте!”

Кто-то однажды отозвался, что в доме родителей г-жи Сталь (т.е. знаменитого министра Людовика XVI Неккера) царила вечная скука. “Он прав, - заметила Сталь, - у нас скучно, потому что все заняты своим: отец - прошедшим, мать - настоящим, а я - будущим”.

Говорят, что Сен-Симон сделал г-же Сталь брачное предложение в следующих словах: “Вы первая женщина нашего времени, а я величайший философ; женимся и посмотрим, какое потомство даст наш союз”. Впрочем, и сама Сталь тоже однажды сделала очень забавное брачное предложение кавалеру. Этот кавалер был знаменитый историк Гиббон. Он часто посещал ее отца, Неккера, который чрезвычайно его

любил. Дочь (ей было тогда 12 лет), видя привязанность отца к ученому, и придумала выйти за Гиббона замуж, “чтобы он всегда жил у нас”.

“Париж - это такое место, где всего легче обойтись без счастья”, - говорила г-жа Сталь. Любопытно, что это место в ее сочинениях было при Наполеоне вычеркнуто цензурой на том основании, как заметила сама Сталь, “что в то время Париж столь утопал в счастье (под владычеством Наполеона), что этого счастья хватало на всех”.

“А что, любовь действительно смертный грех?” - спрашивала у известного остряка, кардинала Дюперрона, красивая и очень легкомысленная дама. “Если б это было так, дочь моя, то вы уж давно были бы мертвы!” - отвечал Дюперрон.

У епископа Бетюна был очень длинный нос. Однажды герцог Роклор (обладавший, наоборот, крошечным носиком) трунил над носом епископа и надоел тому ужасно. “Оставьте вы в покое мой нос, - сказал он в нетерпении герцогу-насмешнику, - что вам до него, ведь не от вашего носа отняли долю, чтобы придать ее моему носу!”

Аббату Сантелю принадлежит слово, которое потом много раз приписывали кто кому хотел. Какой-то злополучный муж горько жаловался ему на измены своей благоверной. “Есть о чем тужить! - сказал ему Сантель. - Это чисто воображаемое несчастье. Мало кто от этого помирает, а многие этим живут!”

Амьенский епископ Ламотт однажды во время бритья был порезан своим цирюльником, но сначала этого не заметил, а увидел у себя на лице кровь только тогда, когда брадобрей уже уходил от него, получив свой гонорар. “Подожди, друг мой, - остановил его Ламотт, - я заплатил тебе за бритье, а вот и за кровопускание!”

В другой раз тот же брадобрей опять его порезал и стал оправдываться тем, что под бритву попал прыщик. А прыщ

по-французски называется так же, как пуговица - bouton. Играя словами, епископ сказал ему: "Я понимаю, понимаю; ты увидел пуговицу и прорезал для нее петельку!"

Аббат Гальяни ненавидел музыку. Однажды при нем говорили о том, что новый зал Оперы не удачно устроен, что он глухой. "Экий счастливец!" - воскликнул Гальяни.

Старый и богатый маркиз, человек бездетный, написал завещание, по которому уступал все свое имущество Кармелитскому монастырю. Зная это и осведомившись, что старик-маркиз плох и проживет недолго, настоятель известной церкви св. Сульпиция в Париже, остроумный о. Лангэ, пошел к маркизу и без труда уговорил его переделать завещание а пользу благотворительного общества своего прихода. Но и кармелиты тоже не дремали и, зная о близкой смерти маркиза, явились к нему для напутствия и укрепления его в прежнем его намерении насчет завещания. И случилось, что кармелиты входили в дом как раз в ту минуту, когда победоносный Лангэ выходил из него. В самых дверях произошла встреча и усиленный обмен учтивостей - кому первому пройти в дверь. После многочисленных поклонов и вежливостей Лангэ, наконец, воскликнул: "Достопочтенные отцы, вам первым надо проходить, вы старше: вы Ветхого Завета (т.е. старого завещания), а я Нового".

Настоятелю церкви св. Сульпиция, Легаллику, приписывается очень едкое слово о Людовике XV. Этот король умер от оспы; оспа же по-французски называется petite verole (малая оспа), в отличие от венерической болезни, которая называется grande verole (большая оспа). И вот, когда однажды при Легаллике кто-то сказал, что Людовик XV умер от petite verole (т.е. оспы), он с важностью возразил: "У королей, великих мира сего, ничего не может быть малого!"

У Людовика XVI был в числе любимцев некто майор Дарланд. Однажды этот господин вздумал совершить полет

на воздушном шаре. Король, узнав об этом, сделал ему дружеский и ласковый выговор по поводу страшной опасности, которой он подвергался. “Простите меня, государь, - сказал ему о ответ Дарланд, - но ваш военный министр сделал мне столько посулов и обещаний, потонувших в воздушном океане, что я, наконец, решился отправиться за ними туда вдогонку!”

Из врачей времен Революции славился своими острыми выходками Бувар. Некто Бастард, бывший каким-то крупным интендантским чином, крепко проворовался, но как раз в то время, когда его собирались отдать под суд, который мог окончиться для него совсем нехорошо, он расхворался и умер. Бувар, который его лечил, с улыбкою говаривал потом, после его смерти: “Видите, как ловко я его вызволил из беды!”

Людовику XVIII приписываются два каламбура, хотя оба они, по уверению иных критиков, сомнительны, то есть не могут быть с достоверностью отнесены к плодам остроумия этого короля. Утверждают, что он недолго любил врачей, и однажды, когда у него был консилиум, он торопил врачей, говоря, что ему надо видаться поскорее и поговорить о каком-то важном деле с его братом Карлом. Прощаясь с врачами, он сказал им: “Прощайте, Карл ждет!”. По-французски: “Adieu, Charles attend”. Но слова “Charles attend” звучат одинаково с charlatan, и тогда фраза приобретает вид: “Adieu, charlatans!” то есть: “Прощайте, шарлатаны”.

Перед смертью Людовик XVIII отдал своей гвардии пароль (который обычно и чаще всего представляет какое-нибудь имя города, местности, собственное имя): “Сен-Дени, Живэ”. Оба эти слова суть имена французских городов, но сопоставление их имело в устах умиравшего короля особый смысл. Дело в том, что в Сен-Дени находится усыпальница французских королей, а имя Живэ (Givet) однозвучно с “J’y vais”, то есть: “я туда отправляюсь”. Выходило так, как-будто король изрек, что он отправляется в Сен-Дени, в место своего погребения, то есть, другими словами, умирает.

Как известно, на Венском конгрессе карту Европы без всякой церемонии переделывали и перекраивали по вдохновению Меттерниха. Многим монархам сделали очень щедрую прирезку земель и народонаселения: последнее тогда на дипломатическом языке называлось “душами”, как у нас в крепостное время. Но конгресс не ко всем венценосцам был щедр, и в числе обделенных был, между прочим, датский король Фридрих VI. Но, обидев его “душами”, австрийский император пожелал вознаградить его особою любезностью обращения, ласковыми комплиментами. “Ваше величество, - говорил он королю, - привлекли к себе в Вене все сердца”. - “Сердца, пожалуй, - отвечал остроумный король, - а вот зато “душ” мне не удалось привлечь!”

Во времена Реставрации славился своим остроумием композитор Паер. Однажды какая-то дама, очень кичившаяся своим знатным происхождением, рассказывала при нем какую-то длинную историю, причем поминутно поминала своего отца, говоря о нем каждый раз: “Отец мой, маркиз такой-то”... Паер, наконец, прервал ее и вежливо спросил, кто ее другие отцы, так как из этого подчеркивания надо заключить, что кроме отца-маркиза есть еще и другие.

Он же в ответ одной мамаше, которая с гордостью ему рассказывала о том, что ее две дочери вышли за титулованных особ, сказал: “Они отдали “да” за “нет”. “Да” - согласие на брак, а “нет” (non) по-французски звучит одинаково с по-имя, титул.

Известнейшая артистка мадемуазель Марс, имя которой писалось совершенно одинаково с именем бога войны Марса, когда ей сказали о том, что гвардейцы чем-то недовольны и злы на нее, сказала: “Что общего может быть у гг. гвардейцев с Марсом?”. Дело было при Реставрации, когда гвардия была чисто парадным войском, Марс же была бонапартистка, поклонница храброй наполеоновской гвардии.

Известный живописец Карл Вернэ славился своим почти безграничным самообладанием, которое проявлял в самые драматические моменты жизни. Так, однажды ночью в безлюдном месте на него напали грабители и крикнули ему обычные слова: "La bourse ou la vie!" (кошелек или жизнь), но bourse по-французски значит также биржа; слово же la vie звучит одинаково с l'avis - мнение, совет. Вернэ, играя этими словами, спокойно сказал грабителям: "La bourse (то есть биржа) налево отсюда, вот по этой улице; а l'avis (то есть совет)... могу вам дать совет всего лучше идти своей дорогой и оставить меня в покое".

Ансело с удивительной покорностью нес иго господства над собой своей супруги. Но зато и она много постаралась для него, так что, быть может, всей своей ученой карьерой он был обязан ей; так, благодаря главным образом ее хлопотам, он попал в члены академии наук. Говорят, что по этому поводу он сказал: "Жена моя решительно что хочет, то со мной и делает; даже сделала из меня академика!"

Г-жа Жирарден, известная писательница, в одном из своих фельетонов горько сетовала на упадок знаменитых когда-то маскарадов, даваемых в "Большой Опере", в Париже. В прежнее время на этих балах царили оживление и остроумие, а в ее время воцарились толкотня и грубость выходов. "Сколько толчков, сколько ударов, и как мало искр!", пишет она в этом фельетоне.

При Луи-Филиппе состоял в качестве брадобрея и куафера некий Ришар, а у него был друг, дантист Дезирабод, человек очень тщеславный, желавший во что бы то ни стало сделаться кавалером ордена Почетного Легиона. Ришар, любимец короля, горячо хлопотал за своего друга-дантиста, и король был вынужден обещать Дезирабоду орден, которого он домогался. Король сказал об этом министру внутренних дел; тот в первую минуту смутился этим щекотливым поручением, - придумать предлог украсить дантиста орденом! - но

потом сейчас же сообразил и извернулся; он ответил королю, что дантисты не в его министерстве, а в министерстве народного просвещения. Король стал побуждать тогдашнего министра просвещения Сальванди дать орден дантисту. Сальванди долго откладывал это неловкое и щекотливое дело, а король все наседавал на него, и однажды, выведенный из терпения, сказал министру: “Чего же вы откладываете? Вы хотите, чтобы Дезирабод бросился к вашим ногам?”. - “Как, - спросил остроумный Сальванди, - разве он также и мозольными операциями занимается?”.

При том же короле случилась другая история с орденом. У художника Биара был друг, который очень желал быть представленным королю затем, чтоб выпросить у него какое-нибудь местечко, но непременно доходное, потому что был весьма жаден до денег. Представление состоялось, и друг Биара тут же воспользовался случаем, попросил себе место и получил от короля обещание; но этот посул не был приведен в исполнение. Претендент же настаивал, и, чтобы от него отделаться, король решил дать ему орден. Но тому нужны были деньги, и он сказал королю: “Умоляю ваше величество, не достаивайте меня ордена!” - “Почему же?” - спросил король. “Я не люблю одних шнурков без колокольчика”. По-французски слово “орден” часто заменяется словом *cordon* - орденская ленточка, и тем же словом обозначается шнурок для звонка.

Наполеону III приписывается несколько острых слов, но достоверным считается только одно. Кто-то из его родни вечно приставал к нему, выклянчивая денежные подачки. Так как это повторялось очень часто, то, наконец, в один прекрасный день Наполеон отказал просителю наотрез. Тот ужасно озлился и сказал Наполеону: “У вас нет ничего общего с вашим дядей!” (т.е. Наполеоном I). - “Вы ошибаетесь, - возразил тот, - у нас с ним одинаковая родня”. Известно, что родня Наполеона I страшно досаждала ему своею жадностью.

Когда, после страсбургской попытки захватить власть, Наполеон (будущий III) бежал в Америку и жил в Нью-Йорке, случилось, что однажды он увидал в окне одной меняль-

ной лавки объявление: “Требуются наполеоны (т.е. монеты наполеондоры) за суверены (т.е. фунты стерлингов)”. Но вся фраза в то же время имела и другой смысл, а именно: “Требуются Наполеоны в качестве суверенов, т.е. государей”. Прочитав объявление, Наполеон усмехнулся и сказал: “Я охотно отозвался бы на такое требование”.

Ближний человек Наполеона III, герцог Морни, накануне знаменитого государственного переворота 2-го декабря 1851 года говорил будущему императору: “Теперь уж все равно, удастся ли ваш замысел или нет, а завтра у ваших дверей будет стоять часовой!”, т.е. либо почетный, как у главы государства, либо караульный, как у преступника и арестанта.

Тот же Морни в тот же день вечером, будучи в театре, встретил там свою знакомую г-жу Лиадьер, которая сказала ему, что в городе ходят слухи о намерениях Наполеона. “Говорят, что президент намерен вымести всю палату депутатов, - сказала ему Лиадьер. - Что вы думаете делать, г-н Морни?” - “Сударыня, - ответил Морни, - если президент начнет орудовать метлою, то я попытаюсь держаться в стороне рукояти”.

Переворот, осуществленный Наполеоном, начался с того, что все депутаты были арестованы и заперты в Мазасе и по другим местам. Между прочим, Кремье попал сначала в Мазас, а потом его переместили в Венсен, где уже сидело несколько депутатов. Один из них, Лаборд, встретил Кремье гневными словами: “Ну, что теперь скажете? Не вы ли все время твердили, что народ стоит невидимым стражем, оберегающим палату?” - “Конечно, невидимым! - отвечал Кремье. - Кажется, вы и сами могли в этом убедиться?”

Во времена Наполеона III процветал в Париже спиритизм. Проявилась какая-то старушка, которая начала лечить болезни через посредство духов: вопрошали, по обычаю, стол, и он, выстукивая азбуку условными числами ударов, указывал лекарство. Однажды кто-то из пациентов получил в ответ от стола одну только букву А и больше ничего. Все присутствующие долго ломали голову, как понимать это загадочное А, пока одна дама не догадалась. “Понимаю! - воскликнула она, - дух подразумевал амеопатию!”.

При Наполеоне III безансонским мэром был Цезарь Конвер. (Cesar Convers); этот человек был когда-то ярким республиканцем (когда торжествовала республика), но потом с легким сердцем обратился в столь же ярого бонапартиста и империалиста. Шутники латинизировали его имя и называли его Caesari Conversus, т.е. обратившийся к Цезарю.

Подобного же рода перевод есть у Виктора Гюго в его "Napoleon le Petit" (Наполеон Малый). Один из самых покладистых приверженцев узурпатора носил имя Фонтан-Фонтанес. Гюго латинизировал его в Faciunt asinos, что и представляет буквальный перевод слова font (делают) anes (ослов).

Маршал Пелисье во время севастопольской кампании назначил кавалерийскому офицеру, по имени Берни, орден Почетного Легиона. Он призвал к себе офицера и внезапно задал ему вопрос: "Вы видели крест Берни?" По-французски так называется одно местечко во Франции (Croix de Berny) и еще один известный роман. Поэтому офицер и спросил, о чем говорит маршал - о местечке или о романе? "Ни о том, ни о другом", - отвечал Пелисье. "Если так, то не знаю, не видел", - отвечал Берни. "Сейчас увидите! - отвечал ему маршал, протягивая ему орден.

Известный адвокат Коклэ ненавидел своего товарища по профессии Ленгэ и сочинил на его имя забавную шараду: мой первый слог - то, на чем вешают (Lin - лень, пряжа, из которой делают веревку); мой второй слог - тот, кто ведет на виселицу (guet - стража); а мое целое - тот, кого надлежит повесить -Linguet.

Жалкий Дюпен, бывший президентом палаты депутатом во время переворота, совершенного Наполеоном III, и не оказавший узурпатору ни малейшего сопротивления, славился в свое время, как неистощимый остряк, и много раз заставлял палату в полном составе покатываться со смеху. Большинство его остроумия, впрочем, понятны лишь для хорошо знающих французский язык, потому что основаны на калам-

бурах, на игре словами. Так, по окончании одного из скучнейших заседаний палаты, он сказал: "Трибуну (т.е. ораторов палаты) можно сравнить с кладезем истины: одно ведро (но - seau ведро однозвучно с sot - дурак) спускается, другое поднимается, а истины все не видать".

В другой раз, в субботу, заседание вышло ужасно бурное. "Ну, господа, - вскричал председательствующий Дюпен, - сейчас видно, что сегодня у нас суббота - день шабаша!"

Одним из скучнейших ораторов палаты был Авраам Дюбуа. Он говорил свои речи по рукописи, и их обычно не слушали. Однажды, когда он таким путем довел палату до судорожной зевоты, председательствующий Дюпен шепнул ему, чтоб он пропустил несколько страниц. Тот так и сделал, но от речи все еще оставался длиннейший конец. Выждав некоторое время, Дюпен вновь шепнул ему: "Ну, Авраам, сделай еще одно жертвоприношение!"

Однажды в театре рядом с Дюпеном уселся какой-то господин, который все время напевал и мешал Дюпену слушать знаменитого певца Депрэ. Дюпен не выдержал и сделал движение досады, а сосед сейчас же это заметил и спросил, что значит этот жест, не к моему ли, дескать, пению это относится? "О, нет, - отвечал ему Дюпен, - напротив, я досадию на этого дурака Дебре, который мешает мне слушать ваше пение".

Однажды Дюпен обедал у одного важного сановника. Приглашенные собирались медленно, обед все откладывался, гости проголодались. Тогда хозяин подошел к Дюпену и спросил его, как он полагает, не сесть ли за стол, или же подождать запоздавших? "Я думаю сесть, - отвечал Дюпен. - Ведь, начав обед, мы не перестанем их ждать, значит, они ничего не потеряют, тогда как, продолжая их ждать, мы сидим голодные".

Академик Беррье имел очень сильные связи, но никогда ими не пользовался в личных выгодах. Кто-то из знакомых выговаривал ему за это. "Ведь вам стоит только поклониться да поднять!" - убеждал он Беррье. "То-то кланяться-то мне

нежелательно!” - отвечал Беррье. По-французски *baisser* - нагибаться, *abaisser* - унижаться, кланяться. Это напоминает знаменитые слова Чацкого из “Горя от ума”: “Служить бы рад, прислуживаться тошно!”

Известный драматург Арно шел по улице; навстречу ему несся в кабриолете, сам им правя, какой-то фронт, окатывавший грязью прохожих; попала грязь и на Арно, который не оставил этого без замечания. “Вот вам мой адрес!” - небрежно ответил ему фронт, бросив ему свою визитную карточку. По-французски *adresse* означает и адрес, и ловкость, умение, сноровка. Арно, принимая слово в этом последнем значении, крикнул ему: “Оставьте уменье при себе; оно вам годится, чтобы лучше править!”

Однажды где-то на балу Александр Дюма поскользнулся во время вальса и почти упал, но тотчас оправился и поднялся. К нему тотчас подошел родственник Виктора Гюго, Фушэ, и спросил его, не ушибся ли он. В то время как раз давали “Бургграфов” Гюго и пьеса жестоко провалилась, пала, как выражаются французы. Дюма на это и намекнул в своем ответе Фушэ. “Ничего, - сказал он ему, - я хоть и пал, но не так, как “Бургграфы”, я сейчас же и поднялся!”

Дюма держал у себя целый зверинец - кота, коршуна, петуха, обезьян. Он говаривал: “Терпеть не могу зверей, но люблю животных”. Дело в том, что по-французски *bête* значит не только зверь, но и глупец.

Критик Сент-Бев однажды дрался на дуэли. По дороге к месту побоища он был застигнут проливным дождем, который не прекратился и в то время, когда приходилось встать к барьеру. Сент-Бев предупредительно захвативший с собою зонтик, так с зонтиком в руке и стал на позицию. Когда же против этого запротестовали противник и секунданты, Сент-Бев с жаром вскричал: “Я вовсе не боюсь быть убитым, но не желаю, чтоб меня промочило насквозь!”

Нориак одно время издавал журнальчик “Силузт”, и вот к нему повадился ходить какой-то господин, который изъявлял намерение подписаться на журнал, и под этим предлогом выпрашивал номер за номером, чтоб ознакомиться с журна-

лом, узнать, как выражаются французы, какого он цвета или оттенка, т.е. направления. Нориак спустил ему этот маневр раз, другой, третий. Но когда он явился в четвертый раз, Нориак схватил ножницы и отхватил ими кусок его сюртука. "Что вы делаете? - вскричал озадаченный подписчик. "Делаю то самое, что и вы. Беру образчик посмотреть, подойдет ли мне этот цвет!"

Блан, редактор "Мозельского курьера" очень не любил прокурора города Меца. Фамилия этого чиновника была Жерандо. Блан всякий раз, когда ему случалось выговаривать это имя, ошибался и произносил его: monsieur "Degene-gando", что напоминало слово *degeneré* - выродок.

Однажды Альфонсу Карру, знаменитому журналисту 30-х-40-х годов, сообщили, что какая-то дама вошла в дружбу с известным философом Кузеном. *Cousin* по-французски, между прочим, значит комар. Карр по этому поводу сострил: "Надо ей беречься, чтоб комар ее не укусил".

Один рыбак решил покончить свое существование, и решение это было весьма твердое, потому что он вешался много раз подряд, только каждый раз его замечали вовремя и снимали с петли, спасали. Все изумлялись этой настойчивости самоубийцы и главное тому, что он так много раз был спасен от смерти. "Что ж удивительного, - заметил Альфонс Карр, - *tout pecheur qui se repend est sur d'etre sauve!*", то есть каждый грешник, который раскаивается, может быть уверен в спасении. Но та же фраза означает: каждый рыбак (*pecheur* - рыбак, грешник), который вновь вешается (*pendre* - вешать, *rependre* - перевешать, снова вешать) и т.д.

Когда знаменитый Браун-Секар открыл средство молодить старцев, возвращая им воспроизводительную мощь путем переливания крови, известный журналист Шолль, которому сказали, что для восстановления силы человека надо перелить ему кровь от двенадцати индийских свинок, остроумно заметил: "Значит, отныне можно будет из двенадцати индийских свинок делать одну парижскую свинью!"

Галеви дал объяснение, почему верхний ярус в театрах

называется раем (paradis, по-французски): потому что там едят яблоки, объяснял он, намекая на действительно распространенный между райковою публикою в Париже обычай лакомиться дешевыми фруктами.

В Париже спаржа и другая зелень продается пучками, которые французы называют botte, то есть сапог. Когда в начале спаржевого сезона торговцы заламывают за товар чрезмерную цену, им обыкновенно отвечают шуткой: "Разве у твоих bottes (т.е. пучков) золотые шпоры?". Эта острота приписывается литератору Прива-д'Англемону, который первый ее придумал и пустил в ход.

Однажды композитора Обера спросили, какого он мнения об ученых женщинах, которых повсюду, а во Франции в особенности, принято называть синими чулками. "Да что ж, чулок, чулок!.. - отвечал Обер. - Чулок ничего не значит сам по себе, надо видеть, что в нем!".

Актриса Августина Броан часто и удачно острела. Однажды она шла под руку с Эмилем Ожье в большой толпе, среди отчаянной давки. Вдруг какой-то господин с яростью обернулся к Ожье и закричал на него, как он смел взять за талью его жену. Французы говорят взять талью (prendre la taille). А супруга этого господина была размеров невероятных. Августина Броан невольно воскликнула: "Это невозможно, сударь. - Но, спохватившись, что сказала вещь очень обидную для бедной дамы, она поспешно добавила: -Обыщите его, вы увидите, что он ничего не брал у вашей супруги!"

Сестра той же Августины Броан одно время была невестою Батайля (bataille - битва). Об этом много говорили, потому что не было известно наверное, состоится этот брак или нет. Когда же обращались с вопросами к Броан, она отвечала: "Вздор! Не может она выйти за Батайля, потому что она живет в улице Мира".

Одна из товарок Броан по сцене, особа не сильная в грамоте, спрашивала у нее, есть ли в жокее кю, то есть слово жокею, пишется ли через q или иначе? “Как же жокею быть без q (а это слово означает седалище), на чем же он тогда будет ездить?”

У Броан собирались по четвергам. В один из этих дней кто-то из гостей, как только пробил полночь, собрался уходить. “Куда вы?” - спросила его хозяйка. - “К Рашели, обещал быть у ней”. - “Ах, да! - сообразила Броан, - ведь теперь уже настала пятница, а вы кушаете постное!”. Это был намек на тощую фигуру Рашели, так как по-французски постный и тощий выражаются одним словом -maigre.

Во французских школах награда ученикам называется призом - ргіх (это же слово обозначает “цена”); ученикам же, приблизившимся по успехам к награде, но все же ее не заслужившим, выдается свидетельство, называемое accessit. Броан однажды сказала забавную остроту на эти слова. Она явилась в фойе своего театра в роскошном браслете. Кто-то из друзей спросил ее на ушко: “Это что же, приз за вашу честь?” - “Именно, - отвечала она, а потом, показывая другой браслет, поменьше и попроще, прибавила: - А вот это accessit. Как он вам нравится?”

Актер-комик Левассор однажды был приглашен участвовать в каком-то благотворительном увеселении, устроенном в окрестностях Парижа одним священником в пользу своих бедных прихожан. Благодаря его участию, сбор был превосходный, и признательный устроитель-священник преподнес Левассору гонорар; но тот наотрез отказался. Тогда кюре пригласил его к себе на завтрак. Подали вареные яйца, и вот Левассор, разбив свое яйцо, увидел, что оно наполнено золотом. “Извините, г-н кюре, - сказал он, обращаясь к хозяину, - я желтков не переносу”.

В парижском балете одно время была чрезвычайно то-

щая танцовщица, Эмма Ливри. По слухам, она была незаконная дочь сенатора Шассирона. Про нее говорили: “Каким манером такая тощая крыса может быть дочерью такой кругленькой кошки?”. Имя Шассирон при этом разлагалось на chat (кошка), si (такая, столь), rond (круглый, полный).

Инспектор театров в Париже, Перпиньян, слыша рассказ о каком-то дуэлянте, который был спасен от смерти тем, что пуля ударилась в пятифранковую серебряную монету, лежащую у него в кармане, сказал: “Вот что значит уметь хорошо поместить свой капитал!”

Faire chanter (заставить петь) - так по-французски называется принуждение человека к чему бы то ни было, чаще всего к уплате выкупа угрозой устроить ему скандал. Отсюда и вошло во все языки слово *шантаж*. Очень ловкую и едкую острооту насчет шантажа сказала знаменитая певица Альбони. Ее долго с ожесточением преследовал какой-то газетный критик. Муж певицы, граф Пеполи, скрипя сердце решился любовно поладить с ядовитым зоилом, переговорил с ним и усмирил обязательством ежемесячно выплачивать ему условленный куш. Однажды граф куда-то уехал, а тут как раз подошел срок уплаты. Критик прислал за месячным взносом, а его посланный, не посвященный в секрет дела, не застав графа, подал записку от критика самой Альбони. Та с одного взгляда на записку поняла все (муж скрыл от нее свою сделку) и сказала посланному: “Передайте вашему барину, что я пою только на сцене, и что меня нельзя принудить петь (faire chanter) вне ее”.

Актриса Полина Гранжэ сказала очень едкую острооту про одну из своих товарок. Та дебютировала, и о ней очень много говорили, интересуясь, главным образом, ее темным происхождением. Был слух, что она незаконное детище кого-то из фамилии Монморанси. Во время дебюта соседка спросила у Гранжэ, что она скажет о дебютантке. “Да ничего!” - отвечала та. “Однако, милая моя, на вас не угодишь! - заметила соседка. - Вы разве не знаете, что это за особа? Ведь она, говорят, сродни Монморанси!” - “Она - Монморанси? Хвост короток!”.. Чтобы понять, в чем тут соль, надо разъяснить,

что есть во Франции очень любимая порода вишен, называемая монморанси, и она именно отличается очень длинными черенками ягѳд.

Мы называем сильных мира сего людьми с весом, французы же называют их людьми качества, достоинства - *hommes de qualite*. На этом обычном определении известный финансист Самюэль Бернар основал забавный ответ, который он дал одному гордому барину. "Знайте, сударь мой, - говорил этот господин Бернару, - что я человек качества (*homme de qualite*)". "А я человек количества", - отвечал ему богач, намекая на свою мошну.

У того же Бернара какой-то маркиз вздумал просить денег займы. Щекотливая сторона его предприятия состояла в том, что он вовсе не был знаком с капиталистом, и сверх того сам он был очень известный мот, всюду занимавший, но никогда никому не отдававший, что, как он мог опасаться, было не безызвестно осторожному богачу. Явившись к Бернару, маркиз с отвагою отчаяния прямо приступил к делу: "Я очень удивлю вас, милостивы государь, - сказал он. - Я маркиз (имя), я вас не знаю, и вот я являюсь к вам, чтобы занять у вас пятьсот луидоров". - "А я еще больше удивлю вас, - отвечал Бернар. - Я вас хорошо знаю и все-таки одолжу вам эти деньги".

Финансовому тузу Попилиньеру приписывается выходка, которая потом повторялась на разные лады. Однажды какой-то придворный подошел к нему, сначала внимательно в него всмотрелся, как бы что-то припоминая, и, наконец, сказал: "Мне кажется, что я кое-где встречал вас". - "Очень может быть, - отвечал с большим равнодушием Попелиньер, - я *т а м* иногда бываю".

Знаменитый английский адмирал Бембоу выбился на дорогу из простых матросов и, кажется, кроме личной отваги, не обладал особыми духовными сокровищами. Про него в английском флоте сохранились рассказы, которые характе-

ризуют его как человека донельзя простодушного, чтобы не сказать глуповатого. Так, однажды, во время жаркого боя, у матроса, стоявшего рядом с ним, оторвало ногу. Раненый попросил Бембоу дотащить его до лекаря, сказав, разумеется, при этом, что у него оторвало ногу и что он не может ни идти, ни стоять. Добродушный Бембоу взвалил его на плечо и понес. Но дорогой другое ядро оторвало у раненого голову, а Бембоу в грохоте битвы этого не заметил. Когда же он доставил убитого к врачу, тот с досадой крикнул ему - на кой черт несет он к нему мертвого. Бембоу с наивным удивлением оглядел своего товарища и пробормотал: "Он же сам мне сказал, что у него только ногу оторвало!"

Венский художник Фриц Лаллеманд прикомандировался к армии во время прусско-австрийской войны с целью делать наброски на месте для батальных картин. Но, как известно, пруссаки с самого начала стали везде и всюду колотить австрийцев. Лаллеманд в один прекрасный день собрался уезжать в Вену. "Но вы прикомандировались на всю кампанию", - заметил ему главнокомандующий австрийской армией. "Да, - отвечал Лаллеманд, - но для того, чтобы рисовать картины битвы, а не отступлений!"

Какой-то прожектер подал английскому министру Уолполу проект налога на собак. Уолпол, рассмотрев проект, сказал ему: "Ваш проект мне нравится, но я не рискну ввести такой налог: на меня залают все собаки Великобритании".

Сенатор князь Понятовский, который охотно занимался сочинением музыки, прислал однажды композитору Оберу письмо, начинавшееся словами: "Дорогой мой коллега"... "Какой я ему коллега! - осердился Обер. - Разве я сенатор?"

Итальянский епископ граф Каносса был большой любитель и собиратель художественно исполненных серебряных вещей. Была у него, между прочим, какая-то миска, ручки которой были сделаны в виде тигра, высокоценной работы.

Кто-то из его знакомых однажды попросил его одолжить ему на время эту миску, чтобы заказать для себя такую же. Вещь была ему дана и он держал ее у себя целых три месяца, так что Каносса, наконец, послал за ней. Через несколько времени тот же знакомый опять попросил у Каноссы другую художественную вещь - солонку, сделанную в виде рака. "Скажи своему барину, - сказал Каносса посланному, - что если тигр, проворнейшее из животных, целых три месяца шел от твоего барина ко мне назад, то сколько же времени на это потребуется неповоротливому раку?"

Английский король Георг IV, как известно, затеял против своей супруги Каролины чрезвычайно скандальный процесс по поводу ее супружеской измены. Одним из самых ожесточенных врагов королевы был лорд Клейфорд. Лондонская чернь, сочувствовавшая королеве, была враждебно настроена против ее врагов, и вот однажды, когда Клейфорд попался на глаза бушующей уличной толпе, она остановила экипаж и с угрозами принуждала его кричать: "Да здравствует королева Каролина!". Видя, что всякое сопротивление будет опасно, он высунулся из кареты и во все горло возопил: "Да, друзья мои, да здравствует королева Каролина, и пусть все ваши жены станут такие же, как она!"

Английский поэт Уильям Девенант утратил свой нос вследствие... какой-то болезни. Однажды на улице к нему пристала какая-то нищая, неотступно за ним следовала, прося милостыню, и при этом все повторяла: "Да сохранит Господь ваши глаза". Девенант, наконец, чтобы отвязаться от нее, подал ей, и она, поблагодарив его, снова сказала: "Да сохранит Господь ваши глаза, сэр!". Удивленный этим своеобразным пожеланием Девенант спросил ее, чего ради она так хлопочет о его глазах; зрение, дескать, у меня, слава Богу, хорошее, я не слеп. "О, нет, - отвечала нищая, - я знаю, что не слепы, я о том и прошу Бога, чтобы зрение у вас не ослабевало и вам не было надобности носить очки; ведь вам не на что их надевать!"

Руайэ-Коллар в старости стал глуховат. Это заметили и стали об этом говорить. Однажды такой разговор происходил в присутствии г-жи Ансело, супруги известного академика, недолюбливавшей Руайэ-Коллара. "Он стал туг на ухо, - заметила злоязычная дама, - с тех пор, как о нем больше не говорят".

Арно-Бакюляр, писатель с весьма посредственным талантом, однажды зашел к графу Фриезу, большому остряку, в то время, когда тот занимался туалетом. Желая сказать графу что-нибудь любезное, Арно заговорил о волосах графа, находя их совершенно особенными, такими, какие обыкновенно бываю только у гениальных людей. "О, Арно, - отвечал ему граф, - если б я был уверен в том, что мои волосы обладают такими качествами, то охотно бы их остриг и заказал бы из них парик для вас!"

Поэт Ложон, автор довольно посредственных песенок во вкусе Беранже, вздумал попасть в члены академии наук, когда ему было уже 83 года. Но его литературные заслуги были очень скромны, и его избранию академики противились. "Эх, господа, - уговаривал Делиль своих коллег, - ведь мы все знаем, куда лежит его путь; ему пришла фантазия пройти туда через академию; ну и пусть идет, пропустим его!"

Английскому сатирику Донну говорили: "Громите пороки, но щадите порочных". - "Не понимаю, - отвечал Донн. - Это все равно, что громить карты и щадить шулеров!"

Однажды Лист и Рубини давали концерт в каком-то французском городе. К их крайнему удивлению и обиде, на концерт явилось всего лишь около полусотни слушателей, да и те держали себя удивительно холодно. Несмотря на это, и Лист играл превосходно, и Рубини пел, как ангел. По окончании концерта Лист вышел на эстраду и обратился к публике с оригинальным приглашением: "Милостивые государи и милостивая государыня (потому что на концерте присутст-

вовала всего одна дама), я полагаю, что музыки с вас было уже достаточно; осмеливаюсь теперь просить вас оказать нам честь - отужинать с нами!". Публика с минуту колебалась, потом любезно приняла приглашение. Листу этот ужин обошелся в 1200 франков. Virtuозы не пожелали повторить концерт в этом городе. "И напрасно, - заметил на это известный критик Жюль Жанен, - надо было повторить. Публика могла остаться холодной к музыке, но ее могла прельстить перспективы ужина".

Однажды у Жюля Жанена попросили автограф для князя Меттерниха, который их усердно собирал. Жанен вспомнил тотчас же, что Меттерних - владелиц знаменитых виноградников в Иоганнисберге, дающих лучшее рейнское вино. Он сейчас же написал: "Сим свидетельствую, что получил от князя Меттерниха 50 бутылок Иоганнисбергера". Князь, конечно, не замедлил оправдать квитанцию.

Жюль Жанен в одной из своих статей назвал омара - кардиналом моря, очевидно, намекая на его красный цвет. "Г-н Жанен, - шутили тогда над ним, - очевидно, уверен в том, что омары живут в море уже готовые, вареные".

С тем же Жюлем Жаненом случилось в Англии чрезвычайно забавное происшествие. Вся соль этого случая состоит в том, что у англичан высшего круга строго соблюдается чопорный обычай - никогда не заговаривать с людьми, которые не были им представлены; нельзя обращаться к человеку, не называя его по имени.

Жанен, будучи в Лондоне, сидел в одном ресторане, сохранившемся французом, и мирно читал газету. Недалеко от него сидел весьма спокойной внешности англичанин и пил грог. Вдруг англичанин этот посмотрел на Жанена, подозвал гарсона и спросил у него, ломая французский язык по обычной манере англичан:

- Гарсон, как зовут этого господина (т.е. Жанена), который курит свою сигару, читая газету у печки?

- Не знаю, милорд, - отвечал гарсон.

Издав обычное "оа!", англичанин встал, подошел к кассирше и обратился к ней:

- Мисс, как вы зовете этого господина, который курит

свою сигару, читая свою газету у печки?

- Он не из постоянных наших посетителей, милорд, - отвечала кассирша, - и я, к сожалению, не могу вам ничего о нем сообщить.

Опять "оа!". Затем неугомонный англичанин изъявил твердое желание видеть самого хозяина ресторана. Того вызвали, и он предстал с вопросом:

- Чем могу служить?

- Good morning, - приветствовал его англичанин. - Скажите, г-н хозяин, вы не знаете, как зовут этого господина, который курит свою сигару, читая свою газету у печки?

- Не знаю, милорд; в первый раз вижу его у себя.

- Оа!..

На этот раз англичанин направился уже прямо к самому Жанену.

- Сударь, курящий свою сигару, читая свою газету у печки, мне надо знать, как вас зовут.

- Сударь, - ответил вежливый француз, - мое имя Жюль Жанен.

- Так вот что, г-н Жюль Жанен, вы сидите слишком близко к огню и ваш сюртук давно уже горит.

Жанен, не замечая того, спалил чуть не всю полу своего сюртука. Но как же мог порядочный джентльмен сказать ему об этом, не зная, как его назвать?..

Лагарп был очень груб и бесцеремонен с женщинами. Рассказывают про него, что однажды на вопрос, почему он рассорился с одним из своих друзей, он отвечал: "Я бросил его жену, вот он не может мне этого простить". В другой раз, когда его поздравляли по случаю получения им доходного места, он заметил: "Да, 12 тысяч франков... Можно бы жить хорошо, кабы повезло счастье и жена умерла".

Немецкий художник Кох отличался замечательно едким карикатурным талантом. Он жил в Карлсруэ, где в его время служил градоначальником человек чрезвычайно скарредный. Весь город насмеялся, например, над вонючим дешевым табакером, который он курил. Кох нарисовал его с трубкою в зу-

бах, окруженного облаком дыма, от которого валятся кругом задохнувшиеся птицы. У того же градоначальника были две очень безобразные дочери. Кох нарисовал чрезвычайно схожие их портреты, но поместил их на вишневом дереве в виде пугал.

Князь Каунитц отличался удивительною слабостью: он не желал сделаться старым, а о смерти решительно не хотел слышать, так что в его присутствии никто этого слова и не произносил. Он запрещал при себе говорить даже о болезнях. Он видел королеву в оспе, и с тех пор самая мысль об оспе стала ему невыносима. Когда надо было ему сообщить о чьей-то смерти, то приходилось заводить об этом речь намеками, а прямо сказать нельзя было. Так, когда умер его близкий друг барон Биндер, то секретарь Каунитца, Райдт, не смел прямо сказать ему об этом, а выразился так: “Барона Биндера нигде не стало видно”.

Художник Лантара был отличнейший пейзажист, но зато совсем не умел рисовать фигуры. Однажды ему заказал картину какой-то богатый любитель, и на этой картине непременно следовало представить церковь. Лантара написал церковь, написал чудный пейзаж вокруг нее; но людей, конечно, за неумением, на картине не изобразил. Когда он показал картину заказчику, тот пришел в восторг от пейзажа, но сейчас же спросил, где же люди, идущие в церковь? “А они все в церкви, там идет обедня”, - пытался отшутиться художник. “А, хорошо, - сказал заказчик, - так я подожду, когда отойдет обедня и они выйдут из церкви, тогда уж и приму от вас картину”.

Однажды во французской академии обсуждался какой-то вопрос, который разжег страсти членов почтенного собрания до такой степени, что они начали говорить все разом, не слушая друг друга. Тогда один из них, Меран, кое-как восстановив тишину, предложил коллегам: “Господа, попробуйте говорить не более как четверо разом!”

Мабли уговаривали баллотироваться в академики. Он отказался, сказав: “Попади я в академики, станут, пожалуй, спрашивать: как он туда пролез? А пока я не академик, могут только спрашивать: отчего он до сих пор не в академии? А ведь это более лестно!”

Знаменитого актера Гаррика однажды остановил какой-то неведомый ему человек, поздоровался с ним, назвал его товарищем. “Но... я вас не знаю, почтеннейший мой”, - сказал Гаррик незнакомцу. “Как же это? Ведь мы вместе с вами играли на сцене!” - “Не могу припомнить!.. Вы какую же роль исполняли?” - “А петуха в “Гамлете”.

В какой-то пьесе играли вместе актер Тельяд и актриса Сюзанна Лежье. Тельяд был тощий и слабосильный человек, Лежье же была очень плотненького телосложения. По ходу пьесы Тельяд, герой, должен был похитить героиню, Лежье, т.е. просто-напросто схватить ее в охапку и унести. Но, увы, герой не мог не только поднять, но даже как следует обхватить свою возлюбленную. Он делал отчаянные усилия, так что пот лил с него ручьями, но, увы, безуспешно! Видя его беспомощное положение, какой-то сострадательный зритель из райка крикнул ему: “Сразу не унесешь! Раздели на две охапки!”

В Париже одно время были два актера, которые когда играли вместе, то иногда устраивали друг-другу разные штуки. Так, однажды один из них, Гобер, играл роль Наполеона. В одном месте пьесы ему подают письмо и он его читает вслух. Обыкновенно это письмо и писалось на подаваемой бумаге, чтобы его не заучивать, но в этот раз другой актер, Готье, игравший роль адъютанта, подающего императору это письмо, вместо заготовленной бумаги с текстом подал Гоберу чистую бумагу, зная очень хорошо, что тот письма наизусть не помнит. Однако, он рассчитал плохо, Гобер нашелся. Видя пустую бумагу и поняв, чья это штука, он величественно протянул ее Готье со словами: “Читайте вслух, генерал!”. Готье,

не помнивший ни единого слова из этого письма, смутился, растерялся самым жалким образом и был торжественно ос-
вистан.

Однажды Обер спускался с лестницы с кем-то из друзей. Оба были уже очень немолоды и это было видно по их манере спускаться: “Эге, друг мой, - заметил спутник Обера, - мы с тобой начинаем стареть!” - “Что делать, - ответил Обер, - стареть это единственный способ долго жить!”

Лорд Гамильтон остановился однажды в какой-то гостинице, напился почти до потери сознания и в этом состоянии убил кого-то из служителей гостиницы. На шум прибежал хозяин гостиницы и, видя поверженного человека, вскричал: “Что вы сделали, милорд, вы убили человека!” - “Так что же? Включите его в счет, я заплачу!” - пробормотал лорд, едва ворочая языком.

Лорд Гертфорд нанял в Париже дом, конечно, на время, и поселился в нем. Хозяин же дома затеял продать его; покупатели явились и пожелали осмотреть дом. Сказали об этом лакею лорда, и тот разбудил барина - дело было утром - и доложил, что пришли осматривать дом. “Как осматривать, зачем? Ведь я же нанял его, я его занимаю”. - “Точно так, но хозяин продает дом, и это пришли покупатели”. - “Скажи хозяину, что я покупаю дом, и пусть меня оставят в покое”.

“Кин” Александра Дюма имел блестящий успех. Директор театра, где шла пьеса, Дартуа, чтоб поощрить автора, обещал ему, что если пьеса выдержит 30 представлений подряд и общая сумма сбора будет не меньше 60000 франков, то Дюма получит премию в 2000 франков. “Только - уговор лучше денег - помните, что если сбор будет меньше 60000 хоть на одно су, вы ничего не получите! А если будет ровно 60000 или больше, вы получите ваши 2000 вечером 29-го сентября, когда должно состояться 30-е представление” (у французов ходкая пьеса идет день за днем, бессменно).

И вот накануне рокового вечера, т.е. 28-го сентября, Дюма забежал в кассу и узнал, что сбор за этот вечер равнялся 2357 франков, а за все 29 представлений собрано 57999 фр. Оставалось, значит, 29-го сентября, собрать всего лишь около 2000 фр.; а так как накануне сбор был много больше 2000, то Дюма был спокоен за свой успех; премия, очевидно, его не минует!

И, однако слепой случай устроил так, что 29-го сентября сбор ограничился цифрой 1994 фр. Дюма наскоро совершил сложение: $57999 + 1994$ выходит 59993! Не хватает 7 франков до 60000. Из-за этих 7 фр. он лишился премии.

- Ну, г-н Дюма, вы помните наш уговор, - говорил ему Дартуа. - Одним су меньше 60000 фр, и премия улетучивается. Очень, очень сожалею, но...

- Ну, что ж делать, где наше не пропадало! - сказал Дюма. - Вот только одно досадно, - пробормотал он, - я таки рассчитывал на эти деньги, и в этом расчете все свои деньги роздал и теперь остался без единого су...

- О, это мы устроим! - прервал его великодушный директор. - Много вам нужно?

- Франков 20, не больше!

Дартуа немедленно выдал деньги, а Дюма немедленно же побежал, отыскал у театра посыльного и велел ему купить в кассе театра три кресла. Сбор сразу превысил роковую цифру - 60000 фр. на 5 франков! Неосторожный Дартуа не сообразил, что выдал эти 20 франков как раз на пополнение своего сбора, которое обязывало его к выдаче премии!

В Париже есть много больших любителей генеральных репетиций в театрах. Попасть на эти репетиции можно, конечно, только по знакомству с автором пьесы или директором театра, или с кем-нибудь из актеров. В числе этих любителей репетиций особенно отличался некто Доманж. Это был человек сам по себе очень почтенный, образованный, большой знаток театра. Но не это доставило ему обширную известность по всему Парижу, а его коммерция, без сомнения благодетельная, но не особенно "благоухающая": он держал ночной санитарный обоз и при одном упоминании о "доманжевых каретах" каждый невольно морщил нос... Вот этот-то

Доманж-очиститель и напросился к Дюма не репетицию одной из его комедий. Увлечшись своею страстью к театру, Доманж не вытерпел, и в то время как знаменитая Марс говорила свой монолог, он вдруг вскочил с места и крикнул ей:

-Сударыня, тысячекратно извиняюсь, что прерываю вас, но не лучше ли бы вам в этой сцене выходить справа, а не слева?..

- Э, г-н Доманж, - крикнул ему Дюма своим веселым и звучным голосом, - вы уж это, пожалуйста, оставьте. Я не трогаю вашего товара, вы не трогайте моего!"

Однажды к Дюма кто-то обратился с просьбой дать 25 франков на похороны судебного пристава, умершего в нищете. Дюма, имевший свои причины очень не любить представителей этой почетной профессии, вынул из стола 300 франков и, подавая их просителю, сказал: "Вот возьмите все, что у меня есть; тут хватит денег, чтоб похоронить не одного, а целую дюжину судебных приставов!"

Однажды министр Пасси, рассердившись на двух служащих в его ведомстве, назвал одного из них сумасшедшим, другого вором. Этот отзыв, конечно, поспешили передать обоим чиновникам, но вышло как-то так, что невозможно было с точностью разобрать, кого именно из них назвали сумасшедшим, кого вором. Оба ужасно обиделись, долго судачили о министре, совещались, что им предпринять. Один из них особенно горячился и настаивал на объяснении, другой же держался осторожно.

- Во всяком случае я этого так не оставлю! - шумел первый.

- Однако, что же, в сущности, вы можете сделать с министром?

- Как что? Потребую объяснений, вызову, наконец, на дуэль.

- Да вы с ума сошли!

- Что, что?.. Как вы сказали?..

- Я говорю, что вы сумасшедший.

- А, ну, коли так, то мне не о чем объясняться с министром.

- Как так? Что вы хотите этим сказать?

- Г-н Пасси сказал, что один из нас сумасшедший, другой вор. Вы сами говорите, что сумасшедший я, следовательно... вор не я. Мне не на что сбижаться.

Сильвен Марешаль издал очень странную книгу "Словарь атеистов". В ней он причислял к числу безбожников Паскаля, Боссюэ, Фенелона и даже Иоанна Златоуста! Для доказательства же безбожия он выбрал из этих авторов отдельные слова и фразы, не стесняясь их переделывать по мере надобности. Так, к числу безбожников им был между другими притянут известный поэт Деллиль. У него в стихотворении, посвященному птичке колибри есть такая строфа: "Если боги имеют капризы, то она (т.е. колибри) очаровательнейший из этих капризов". Марешаль же изменил эту строфу так: "Если есть боги, то колибри очаровательнейший из их капризов". В таком виде он и послал свою книгу Деллилю. Тот, прочитав искажение своего стиха, написал Марешалю письмо, в котором говорит: "Что же с вами делать, коли вы на небесах не видите того, что там есть, а в моих стихах видите то, чего там нет".

Георг II (английский король) однажды остановился дорогою в гостинице, в глухом местечке, и спросил себе на закуску яиц. Хозяин спросил с него по гинее за яйцо. "У вас тут яйца, должно полагать, большая редкость?" - спросил, улыбаясь король. "Нет, ваше величество, яиц у нас сколько угодно, а вот короли - редкость".

Герцог Мекленбургский часто глубоко задумывался. Если в это время кто-нибудь его спрашивал, что с ним? - он отвечал: "Ничего, я даю аудиенцию своим мыслям".

Шатобриан был враг компромиссов. "Моя жена, - говорил он, - обедает в 5 часов, я же никогда не чувствую аппетита раньше 7 часов. И вот, чтобы угодить друг другу, мы условились обедать в 6 часов. И выходит, что она садится за стол голодная, а я сытый. И это называется - жить счастливо, делая взаимные уступки!"...

Шатобриан в старости жил отшельником, ни с кем не видясь, но, однако, страстно желая, чтоб о нем не забывали и говорили; он был очень тщеславен. Зная его нрав, остроумный Сальванди говорил про него: “Шатобриану теперь хотелось бы жить в келье, но только, чтобы эта келья была на сцене, в театре”.

Один из племянников Шатобриана, ревнуя о славе дяди, которого глубоко уважал, очень ловко провел своего учителя, аббата Юрэ. Это был очень ученый человек, великий знаток классической литературы. К Шатобриану он относился свысока, не любил его за склонность к новшествам в стиле и даже не признавал в нем литературного дарования, чем чувствительно обижал его племянника, искавшего случая отомстить за дядюшку. Этот случай ему представился, когда Юрэ однажды задал ученикам сочинение на тему “праздник плоти Господней”. Племянник Шатобриана, знавший чуть не наизусть сочинения дяди, вспомнил, что в “Гении христианства”, капитальном произведении Шатобриана, как раз есть место, содержащее рассуждение на эту тему. Он и выписал целиком это место, и выдал его за собственное сочинение, будучи глубоко уверен, что Юрэ не вспомнит, откуда сделано заимствование, так как был свысока невнимателен к Шатобриану и просмотрел его сочинения весьма поверхностно. Племянник не ошибся. Юрэ, прочитав его сочинение, пришел от него в восторг, прочитал его перед классом, как образец, и, обратясь к юному автору, воскликнул: “Молодой человек, вы гораздо талантливее вашего дядюшки!”

Знаменитый Буаст, автор известнейшего французского толкового словаря, был человек строгих нравов, и в своем словаре исключил все неприличные слова. И вот однажды какая-то дама вздумала его с этим поздравить и похвалить за то, что он свое сочинение очистил от всяких нецензурных слов. Но Буаст был человек грубый и с дамами необходимый, а потому на похвалы дамы брякнул ей: “Да как же вы узнали, что этих слов там нет? Вы, значит, их искали?”

При Бюффоне садовником академического сада был

некто Туэн, великий знаток и мастер своего дела. Однажды выписали откуда-то в сад особой породы фиговое дерево, и Туэн ухаживал за ним, как за родным детищем... В первый год дерево принесло всего лишь пару винных ягод, но они были превосходны, и Туэн выхаживал их со всем усердием, а Бюффон с нетерпением ждал, когда они вызреют, чтобы попробовать их и по ним судить о достоинствах новой фиговой породы. Наконец, наступил долгожданный момент. Фиги созрели, Туэн снял их, положил на тарелочку и отправил с мальчиком-учеником Бюффону. Дорогой мальчуган никак не мог одолеть искушения и съел одну figу, другую же доставил Бюффону в целости. Тот прочитал записку, которой Туэн сопроводил фрукты, и, видя, что на тарелке лежит одна figа, спросил: "Где же другая". Пойманный врасплох мальчуган, должен был признаться и пробормотал, что виноват. "Злодей ты этакий, да как же ты мог это сделать?" - "Вот так!" - отвечал озорной мальчуган и, взяв другую figу, отправил ее в рот.

У Людовика XVIII тоже было приключение с парой фруктов, только гораздо пикантнее. Дело в том, что король этот страстно любил фрукты, особенно внесезонные. Все дворцовые садовники это хорошо знали и один перед другим старались отличиться, преподнося королю землянику в январе или какой-нибудь персик в феврале-марте, зная, что он не оставит такого подвига плодоводственного искусства без щедрой награды.

В то время особенным талантом в области выгонки ранних фруктов славился монпелье́ский садовник, по имени Этьен. Однажды ему удалось выхолить к концу января пару великолепнейших и огромных груш. Когда они вызрели, он положил их на изящную тарелочку и отправил к королю со своим маленьким сыном. Людовик был так поражен этими гигантскими грушами, вызревшими в январе, что даже удалил из комнаты всех присутствовавших, чтобы без всякой помехи предаться созерцанию этого чуда. С ним остался только мальчуган, сын садовника, принесший плоды.

- Вот так груши! - восклицал король в совершенном вос-

торге. - И тот, - продолжал он, - кто с таким знанием дела и настойчивостью умел заставить природу создать такое чудо, достоин всякой похвалы и щедрой награды. Проси же у меня, милый мальчик, проси скорее, чего хочешь! А пока, в ожидании лучшего, вот тебе в награду, бери и кушай!

И он подал ему одну из этих великолепных груш, а другую немедленно принялся кушать сам, чмокая и смакуя сочный плод, как истый лакомка. Мальчуган же стоял перед ним, держа данную ему грушу в руке, словно недоумевая, что с нею делать. Король, видя это, крикнул: "Ешь же!". И мальчик после нескольких окриков, наконец, вынул из кармана ножик и принялся облущивать грушу, и все это с какою-то непонятной нерешительностью.

- О, дурачок! - крикнул на него король. - Ну, кто же так ест такую грушу! Портить ножом такой фрукт! Вот смотри, как я ем!

- О, нет, ваше величество... - пробормотал мальчик.

- Это почему?

- Потому что...

- Ну, говори!

Но мальчуган безмолвствовал в величайшем замешательстве. Он, видимо, не знал, что ему делать, а король понять не мог, что с ним, отчего он так смущен.

- Ешь же, тебе говорят! Отчего ты не ешь?

- Ваше величество, - пролепетал мальчуган, - когда я их нес, я одну из них уронил, и она упала... я не смею сказать, во что она упала... и я не знаю, которая...

Можно себе представить эффект этого разъяснения!

Один из друзей известного художника Кутюра однажды сказал ему:

- Знаешь ли, что, Кутюр? У меня есть один знакомый, который дорого бы дал, чтобы видеть картину, которую ты теперь пишешь.

Кутюр был человек угрюмый, при том он был проникнут своего рода художественной гордостью. Любитель, желавший видеть его картину, представлялся ему в виде невежественного буржуа, ничего не понимающего в искусстве, и

потому он ответил приятелю резким отказом.

- Жаль, - заметил тот, - а мой буржуа охотно отсыпал бы пять сотен франков за то, чтоб только видеть твою картину; заметь, только видеть.

Кутюр на минутку призадумался, соблазнившись суммой в 500 франков; но скоро художественная гордость преодолела корыстолюбие, и он снова отказал еще свирепее прежнего.

Прошло несколько дней. Приятель снова приступил к нему:

- А, знаешь, Кутюр, мой буржуа-то, о котором я тебе говорил, ведь он согласен бы дать и всю тысячу франков, чтоб только видеть твою картину.

- Тысячу, черт возьми!.. - воскликнул на этот раз уже готовый уступить Кутюр. - Ну, ладно, коли даст тысячу, пусть приходит и смотрит... Да кто он такой?

- Жак Араго.

- Жак Араго? Писатель? Автор "Воспоминаний слепого"? Да ведь он же слепой!

- В том то и суть. Поэтому-то он и дал бы с удовольствием 1000 фр., чтобы *в и д е т ь* твою картину!

Про знаменитого математика Штурма рассказывают, что, лежа на смертном одре, он впал в забытие, перестал слышать, и домашние не могли добиться от него слова. Но вот случилось, что его посетил кто-то из друзей-профессоров. Домашние со слезами рассказали ему, что умирающий уже ничего не слышит и на вопросы не отвечает.

- А вот мы сейчас еще попытаемся, - сказал гость и, обращаясь к умирающему, громко крикнул ему: - Ну-ка, Штурм, 12 в кубе сколько будет?

- 1728! - ответил нимало не медля Штурм и тут же будто бы испустил дух.

В 40-х годах прошлого века в Париже жили-были два виконта, Дарленкур и Вальш, оба страстные писатели-любители, хотя и не высокого полета. Однажды при свидании Вальш сказал Дарленкуру:

- Знаете ли, г-н виконт, вы да я, пожалуй, что наилучшие прозаики нашего времени.

- То, что вы говорите, г-н виконт, если не вполне, то наполовину справедливо.

Лорд Максвелл однажды выиграл удивительный процесс против страхового общества. Он застраховал от огня все свое движимое имущество и в том числе весь бывший у него запас сигар и рома. Сигары он, само собой разумеется, с течением времени выкурил, ром же выпил в виде жженки. Закончив то и другое, он подал заявление в страховое общество, требуя страховую премию за сигары и за ром, на том основании, что сигары и ром погибли от огня. Дело дошло до суда, и суд признал иск Максвелл обоснованным.

Здесь, кстати, можно провести еще и другой образчик соломоновой мудрости британского судопроизводства. В 1837 году один из парижских корреспондентов, прибывших на коронавание покойной королевы Виктории, несколько запоздал и не мог найти себе пристанища в битком набитых гостиницах Лондона. После долгих и мучительных поисков он добился того, что ему в каком-то трактире предложили ночевать на бильярде, благо нашелся свободный матрас, который можно было возложить на бильярд. Французу другого выбора не было, и он с радостью согласился. При расплате ему подали счет за бильярд не как за ночлежное помещение, а как за игру, да притом еще, согласно лондонскому обычаю, вдвойне, потому что там игра на бильярде в ночные часы оплачивается по удвоенной таксе. Француз не хотел платить, и дело дошло до суда. Британский Соломон сначала несколько затруднился в таком необычайном иске, но потом обдумал и сообразил, и дал мотивированное решение.

- Хозяин гостиницы оставил ли при бильярде шары? - спросил он у француза.

- Шары были в лузах, - признался француз.

- А коли так, то никаких сомнений и быть не может! - решил судья. - Вам сдали бильярд со всеми принадлежностями для игры и вы им в таком виде всю ночь пользовались,

значит, и должны платить за игру. Вы наняли бильярд, а не кровать. Играть или спать на нем - это была ваша добрая воля.

У художника Мюзара был свой роскошный плодовый сад в одной деревеньке близ Парижа. И вот однажды он заметил планомерное исчезновение груш из сада, начал следить и, наконец, поймал вора - местного жителя - с поличным. Мюзару очень не хотелось отдавать человека под суд и он пошел с ним на сделку.

- Слушай, я тебе добровольно дам отступного, только не грабь моего сада. Сколько тебе надо? Хочешь, я буду тебе ежегодно давать в дань сотню груш?

- Ну, нет, это мне не резон, - ответил откровенный хищник, - я ворую у вас куда больше!

Знаменитый композитор Буальдьё был человек в высшей степени миролюбивый и скромный. Он, как лицо, близко причастное к сцене, имел свободный вход в театр "Французской комедии", но редко пользовался этой льготой. Однако, случилось однажды, что он повел туда какую-то даму; для нее он взял в кассе билет, а сам решил воспользоваться льготой, но его остановил контролер. Буальдьё назвал себя, но контролер ядовито возразил ему:

- Это недурно придумано, милостивый государь! Буальдьё действительно имеет у нас право свободного входа, но он почти каждый вечер и пользуется этим правом, да и сейчас сидит на своем обычном месте. Вот он!

Буальдьё очень спокойно перенес весь позор этого qui-pro-quo, спокойно пошел в кассу, взял билет и уселся со своей дамой. Друзья, узнав об этой истории, дивились потом этому спокойствию и упрекали Буальдьё в потворстве какому-то проходимцу, которого он был обязан изобличить.

- Да зачем же это? - спокойно оправдывался Буальдьё. - С какой стати беспокоить человека? Вы поймите, я вздумал пойти в театр в кои веки раз, да и то не для себя, а для дамы; а тут человек каждый вечер ходит в театр. Очевидно, он любит театр, не может жить без него. Ну, и пусть ходит!

Казимир Бонжур вздумал добиться академического кресла и, как водится, посещал академиков одного за другим, стараясь привлечь их избирательный голос. Приходит он к одному из них; девушка отворяет дверь на его звонок и спрашивает его имя.

- Бонжур, - говорит он с ласковой улыбкой.

Девушка, конечно, принимает это слово за обычное французское приветствие - *bonjour*, то есть добрый день, здравствуйте, и вежливо отвечает:

Bonjour, monsieur. Как прикажете доложить о вас?

- Я вам говорю - Бонжур.

- И я говорю вам *bonjour, monsieur!* Но как вас зовут, как о вас сказать барину?

- Да так и скажите - Бонжур, это мое имя!

Горничная с великим трудом поняла, наконец, разницу между "*bonjour monsieur*" и *monsieur Bonjour*.

Сын Луи-Филиппа, герцог Орлеанский, очень любил художника Декана и однажды утром вздумал лично его посетить и, кстати, посмотреть картины, которые художник в это время писал по его заказу. Войдя в подъезд дома, он увидел швейцара, который стоял, держа на руке какую-то одежду. Когда герцог спросил Декана, швейцар сказал ему:

- Вот кстати, молодой человек, коли вы идете к г-ну Декану, захватите с собой и передайте ему это пальто; вы этим и ему доставите большое удовольствие, да и мне тоже.

Герцог, не говоря ни слова, взял пальто и, входя с ним к Декану, весело сказал:

- Любезный Декан, вот ваше пальто, которое ваш швейцар был так любезен, поручил мне передать вам.

Декан потом жестоко распек швейцара, а тот отвечал на его выговор:

- Ей Богу, г-н Декан, этот молодой человек был такой милый, такой услужливый, что я еще потом жалел, зачем я не передал ему и молоко, которое беру для вашей кошки; я уверен, что он снес бы его с удовольствием.

Известный укротитель зверей Фан-Амбург, заключая

условие с дирекцией театра Порт-Сен-Мартен, особенно хвалился тем, что его звери приручены в совершенстве, так что публика может быть вполне спокойна, у него не может никогда произойти никакого несчастья, его звери безопасны.

- Э, г-н Фан-Амбург, - сказал ему директор Арель, - вы на безопасность-то не очень налегайте. Оставьте публике хоть слабую надежду на то, что ваши питомцы вас могут растерзать, а иначе у публики как бы не пропал всякий интерес к зрелищу, и тогда мы с вами сядем на мель.

Однажды Александр Дюма-отец вдруг взялся за своего сына и начал его отчитывать за бесшабашную жизнь.

- Пора тебе остепениться, взять жену...

- Жену?.. Чью же? - перебил сын.

Про актера Розамба, который одно время страшно бедствовал, рассказывали, что он не раз прибегал к такого рода уловке, чтобы уложить своих ребятишек спать без ужина. Он возглашал:

- Дети, кто не хочет ужинать, тот получит су.

Ребята обычно соглашались, рассчитывая на другой день купить на свое су сластей, но утром раздавался новый возглас:

- Кто хочет завтракать, давай су.

Какое-то французское судилище постановило приговор, возбудивший общее негодование своей явной несправедливостью; особенно возмущался им знаменитый парижский законовед Ламуаньон.

- Что делать, - урезонивал его кто-то из друзей, - нет коня, который бы не споткнулся ни разу.

- Да ведь тут не один конь, а целая конюшня! - вскричал негодующий юрист.

Известный врач Бувар однажды успокоил больного удивительно простым и остроумным способом. В числе его постоянных пациентов была престарелая графиня Эзелиньяк,

особа крайне мнительная. Бувар, чтобы занять ее воображение, чтобы она думала, что она постоянно лечится, предписал ей утром, перед шоколадом, выпивать стакан воды, а затем другой стакан немедленно после шоколада. И вдруг однажды графиня забыла выпить, да притом не второй, а первый стакан воды. Полная ужаса она немедленно послала за доктором и, чуть не рыдая, рассказала ему про свою оплошность.

- И хорошо сделали, что послали за мной, - сказал ей Бувар. - Вы действительно сделали большую неосторожность, но, по счастью, теперь еще не поздно и можно поправить дело. Видите, ведь задача в том, чтобы ваш шоколад пришелся между двух порций воды, одна впереди, другая позади. Заднюю вы выпили, ну, а переднюю мы поставим на место... просто-напросто в виде промывательного. Вот у вас шоколад и попадет между двух вод!

Герцогиня Девонширская обладала прелестнейшими глазами, которые в особенности поражали своим жгучим блеском. Однажды во время путешествия она заметила, что какой-то матрос уставился на нее и долгое время смотрел неподвижно с восхищением, которое он, как простой человек, не умел бы и скрыть, если бы захотел. Когда кучер герцогини поднялся на козлы и приготавливался тронуться в путь, матрос быстро подошел к коляске и просил герцогиню оказать ему милость.

- Какую же? - спросила она.

- Я хотел бы, миледи, чтобы вы были так добры, позволили мне закурить трубку от ваших глаз.

Герцогиня всю жизнь помнила этот наивный комплимент, и когда ей другие говорили любезности, она говорила:

- Нет, лучше моего матроса никто не сумеет любезничать!

Одно время, в начале прошедшего столетия, среди английских врачей вошла в моду дегтярная вода, которой, как и каждому модному лекарству, приписывали совсем уж чудесную силу. В это же время случилось, что известный в то время

доктор Хилль, ужасно обиженный тем, что его не хотели избрать в члены лондонского королевского медицинского общества, решил отомстить этой почтенной корпорации. Дегтярная вода свирепствовала в своей славе, и Хилль на ней подцепил своих недругов. Он под вымышленным именем послал в названное общество сообщение о чудесном исцелении дегтярной водой. В сообщении рассказывалось о том, что один матрос сломал себе ногу, но что, по счастью, доктор, автор записки, случился на месте происшествия; он сейчас же сложил обломки ноги, плотно перевязал, скрепил неподвижно и всю рану оросил дегтярной водой. Матрос скоро оправился и стал пользоваться сломанной ногой, как прежде. В ученом собрании чтение этой записки вызвало ожесточенные споры; писали за, писали против; случай с матросской ногой сделался главным предметом рассуждений в королевском обществе. Выждав некоторое время, Хилль прислал вторую записку от имени того же врача, в которой было сказано:

“В нашем первом сообщении мы сделали одно существенное упущение, забыли упомянуть, что сломанная нога у матроса была деревянная”.

Английский богослов Самуэль Клерк однажды попросил у своего знакомого какую-то книгу. Тот отвечал, что никогда ни одной своей книги он не дает уносить из дому, и что если Клерку угодно, то он может приходить к нему и читать нужную ему книгу сколько душе угодно. Спустя некоторое время ревнивый владетель книги возымел надобность в мехах для раздувания огня и послал к Клерку, прося одолжить ему не надолго эту вещь.

- Скажи своему барину, - говорил Клерк посланному, - что я никогда не позволяю выносить меха из моей комнаты; а если ему надо, пускай приходит сюда и дует сколько душе угодно.

Маршал Вильеруа был командирован в Лион умиротворить вспыхнувшее там народное волнение. Все знали, что маршал большой любитель прекрасного пола, и интересовались, за которой из лионских красавиц он будет ухаживать.

Одна парижская дама, очень этим вопросом заинтересовавшаяся, писала своей приятельнице в Лион, с просьбой сообщить ей немедленно "кому маршал бросит платок" - намек на известный гаремный обычай. Одна лионская старая дама, очень ядовитая и острая, увидя это письмо, заметила: "Какой там платок... он уже давно не сморкается".

При составлении словотолкователя французского языка, издаваемого академией наук, когда дошла очередь до слова crevette (креветка - мелкая порода рака), один из академиков предложил такое определение: "Маленькая рыбка красного цвета, ходящая задом наперед". Начали отбирать голося, и все соглашались с этим определением, и только один строптивый член ученого собрания сделал замечание.

- Определение превосходное, - сказал он, - но только все же нужно в нем сделать кое-какие поправочки. Видите ли, во-первых, креветка не рыба, во-вторых, она не красная, и в-третьих, ходит не задом, а передом. Во всем прочем определение вполне точно, и я ничего против него не имею.

Музыкант Лаланд, большой забавник и остряк, однажды вздумал принять участие в лоншанских бегах. Он пошел к известному в свое время содержателю наемных лошадей Муссэ и выбрал отличного коня в богатой сбруе. Поладили в цене, и Лаланд дал крупный задаток.

Едва он вышел со двора Муссэ, как ему повстречался кто-то из приятелей и пригласил его в компанию; их собралось уже трое и они рассчитывали на него, на четвертого, чтобы нанять четырехместный экипаж для тех же лоншанских бегов.

- Экая досада! - воскликнул Лаланд, выслушав приятеля. - А я дал задаток Муссэ. Ведь он его ни за что не вернет... Стой, эврика!.. Пойдем вместе!..

И он увлек приятеля, и оба они немедленно вернулись на двор к Муссэ. Лаланд попросил Муссэ вывести нанятую лошадь, чтобы еще раз взглянуть на нее. Лошадь вывели.

- Ну вот, видишь, - обратился Лаланд к приятелю, - я правду говорил!.. Вот в чем дело, г-н Муссэ, у вас не найдется

ли другой лошади?

- Без сомнения, сколько вам угодно, - отвечал хозяин. - Но ведь это прекраснейший конь, и я не понимаю, за что вы его бракуете?

- Он нам мал, короток!

Муссэ выпучил глаза от изумления, а Лаланд, обращаясь к приятелю, тем временем говорил:

- Ну вот, смотри. Вот это, положим, место для меня (он положил расставленные руки на спину коня), это для тебя, это для Дегремона... Ну, а куда же мы посадим Мондевиля?.. Ему не остается места...

- Так это вы вчетвером собираетесь ехать на моей лошади!.. - вскричал опомнившийся Муссэ. - Нате вам задаток и проваливайте!..

Известнейший английский ученый, историк Гиббон, обладал весьма непредставительной физиономией. Он был небольшой, плотненький человек, с мясистым лицом. Щеки у него были ужасно пухлые, сильно выдающиеся вперед, так что между ними образовалась глубокая ложбинка, и в этой ложбинке ютился ничтожного размера носик. Однажды он посетил Париж, и, конечно, был там принят учеными с величайшим почетом. Один из них вздумал его представить г-же Дюдеффан. Знаменитая красавица и умница в то время уже ослепла, и по обыкновению многих слепых, когда ей кого-нибудь представляли, проводила рукою по лицу человека и, благодаря тонкому осязанию, свойственному всем слепым, составляла себе путем ощупывания ясное понятие о чертах лица своего нового знакомого. Так она поступила и с представленным ей Гиббоном. Но, проведя перстами по его лицу, она вдруг отняла руку и обиженным тоном воскликнула: "Что за глупая шутка!"

Епископ Камю однажды узнал, что очень благочестивая девушка из хорошей семьи, воспитывавшаяся в одном монастыре и желавшая постричься там в монахини, была вынуждена выйти из монастыря, потому что, по уставу, от поступавших в монахини требовался большой денежный

взнос. Главный же курьез этого происшествия состоял в том, что монастырь принадлежал к одному из тех орденов, в которых обязателен обет нищенства. Камю однажды, после того, как он узнал о приключении помянутой девицы, взойдя на кафедру после богослужения, обратился к прихожанам со словами: “Братия, представляю вашему милосердию молодую девицу (имя), которую сестры (такого-то) монастыря не находят достаточно богатой, чтобы принять от нее обет нищеты”.

Известный пастеллист Латур писал однажды портрет какой-то дамы. Его модель отличалась неимоверно большим ртом и во время сеансов делала большие усилия, чтобы уменьшить его размеры. Художник, видя ее старания, в сущности, совершенно бесплодные, а ему в работе немало мешавшие, сказал ей: “Сударыня, вы, пожалуйста, не затрудняйте себя напрасно; вы только скажите мне, и если угодно, я могу вас изобразить хоть и совсем без рта”.

Автор “Путешествий Гулливера”, Свифт, любил ходить пешком. Однажды он поздно вечером пришел в какую-то гостиницу, и ему объявили, что все комнаты заняты и поместить его негде. Ему могли только предложить разделить ложе с каким-то фермером. Он принял и это предложение, за неимением лучшего. Фермер еще не спал. Свифт улегся рядом с ним и сейчас же вступил с ним в беседу. Фермер разболтался и начал рассказывать, как он хорошо обделал все свои дела на ярмарке, которая происходила в том местечке.

- Ну, а я, со своей стороны, не могу похвастаться, - начал Свифт, выслушав его. - С тех пор, как начались заседания суда, я всего еще только шестерых вздернул.

- Как вздернули? - спросил несколько оторопевший фермер. - Да вы по какой части?

- Не советую вам близко знакомиться с этой частью. Разве сами станете мастером, как я. Может быть, тогда вам это ремесло и понравится; хотя подчас-таки и трудненько приходится.

- Да кто же вы такой, наконец?

- Я палач. Еду теперь в Тайберн, надо там вздернуть с десяток джентльменов большой дороги.

Фермер мгновенно спрыгнул с кровати и был таков, а Свифт преспокойно растянулся на просторном ложе.

К знаменитому трагическому актеру Кину однажды явился какой-то молодой человек, одержимый жестокой и неодолимой страстью к актерству. Кин пригласил его что-нибудь продекламировать, и кандидат в артисты некоторое время выл и ломался перед ним, истощая его терпение.

- Да вы раньше играли где-нибудь? - спросил его Кин.

- Как же, я исполнял роль Авеля.

- Скажите лучше Каина, - поправил его Кин, - потому что своей игрою вы, без сомнения, убили Авеля.

Одна дама спрашивала доктора Бувара о каком-то новом лекарстве, только что входившем в моду, - хорошо ли ей будет принимать это снадобье. "О, да, сударыня, - отвечал доктор. - Но только поторопитесь, пользуйтесь им, пока оно еще излечивает".

В отделе первом, посвященном древнему миру, мы привели одну из бесчисленных вариаций рассказа о мимической беседе, в которой двое людей, обменявшихся известными знаками, толкуют их каждый по-своему.

Один испанский посланник в Лондоне, очень ученый и очень молчаливый человек, постоянно утверждал, что люди спокойно могли бы между собой объясняться без слов, одними знаками. По временам он увлекался своей мыслью и тогда начинал утверждать, что, дескать, по-настоящему в каждом университете должен бы быть особый профессор, который бы преподавал беседу знаками. Кто-то, желая подшутить над этим странным приверженцем мимики, принялся однажды уверять его, что в Эдинбургском университете давно уже существует профессор, о котором он мечтает. Посланник немедленно изъявил желание его видеть, а тот, кто подшутил над ним, сейчас же отправился в Эдинбург и там подговорил

некоего Гласкеля сыграть роль профессора мимики. Этот Гла-скель был мясник, мужчина безобразный, кривой, но очень веселого нрава. В игре приняли участие также и профессора университета, так что вся история разыгралась в его стенах.

Когда испанец явился в университет, там все уже было подготовлено. Гласкель в профессорской мантии и парике восседал на кафедре. К нему ввели испанца, и пригласили его изъясняться знаками, как он умеет, с профессором мимики. Все профессора вышли из аудитории и с нетерпением ждали конца мимического разговора в соседнем зале.

Беседа началась с того, что испанец поднял палец, а Гла-скель в ответ поднял два. Потом посланник показал мяснику три пальца, а тот показал ему кулак. Далее посланник вынул из кармана и поднес к носу Гласкеля апельсин, а тот вынул из кармана ломоть ячменного хлеба и протянул его испанцу с улыбкой самодовольства. Испанец, по-видимому, остался чрезвычайно доволен этой беседой, глубоко поклонился профессору и вышел.

- Это удивительный человек! - начал он свой отчет о разговоре, когда в другой комнате его обступили профессора университета. - Вот послушайте, я расскажу вам всю нашу беседу. Я показал ему палец, желая этим сказать: "един Бог". Он показал мне в ответ два пальца: "Бог-Отец, Бог-Сын". Я показал три пальца, обозначая Троицу. Он же показал мне сжатый кулак, обозначая этим, что три лица Троицы составляют одно. Тогда я вынул апельсин, как эмблему того, что Провидение нам дает не только все необходимое, но еще и всякого рода услаждения, скрашивающие нашу жизнь. И что же делает этот удивительный человек? Он вынимает и пока-зывает мне кусок хлеба, очевидно желая этим сказать, что в хлебе главное и основное благо жизни, которое надлежит предпочитать всяческим роскошествам и уладам.

После того, как посланник ушел, рассыпаясь в похва-лах высокому таланту Гласкеля, профессора приступили с расспросами к этому последнему.

- Ваш посланник грубиян и невежа! - возгласил мясник гневным голосом. - Он все время издевался надо мной. Начал он с того, что показывает мне палец: "Ты, дескать, одногла-

зое чучело". Я ему показал два пальца: "Мой, дескать, один глаз стоит твоих обоих". Потом он показывает три пальца: "У нас-де у обоих все же только три глаза". Тут уж меня взорвало; я уж было тронулся на него с поднятым кулаком и, только вспомнив, что обещал вам вести себя тихо, кое-как сдержал себя. И что же вы думаете, он испугался кулака? Ничуть! Он преспокойно вытащил апельсин и начал водить им у меня перед носом, словно говоря: "Никогда ничего подобного не вырастет в вашей нищей стороне!". А я в свою очередь вынул хлеб, наш чудесный шотландский хлеб, чтобы показать ему, что мне не надо его лакомств, лишь бы был хлеб. Тут он начал смеяться, и я бы уж, наверное, не вытерпел дольше, да по счастью, он догадался раскланяться и уйти.

Невозможно вообразить себе ничего комичнее ссоры, которая однажды произошла у известного поэта Шапель с одним из французских маршалов. Шапель был в гостях у этого маршала. Они сидели за ужином, беседуя в высшей степени мирно. Мало-помалу обильная выпивка настроила их на грустный лад. Начали они беседовать о горестях и суетах бренной земной жизни, о неверности и неизвестности жизни загробной. Договорились до того, что трудно жить на свете, оставаясь истинным христианином в строгом смысле слова, и что блаженны были великие мученики за веру Христову, которые, претерпев несколько ничтожных мгновений страдания, получили за то вечную награду на небесах. И вот Шапель, воспламененный возлияниями и предметом беседы, предложил маршалу: отправимся, дескать в Турцию и будем там открыто проповедовать христианскую веру. "Турки нас, конечно, схватят, - разглагольствовал он, - заточат в тюрьму. Потом отведут нас к какому-нибудь паше. Сначала я стану перед ним исповедовать веру без страха и трепета, потом вы сделаете то же; нас обоих посадят на кол, и вот мы оба и попадем в рай!".

- Позвольте, милостивы государь! - внезапно вспыллил охмелевший маршал. - Каким же манером может случиться, что вы первый, впереди меня, выступите перед мучителем? Какой-нибудь жалкий поэтишка, рифмоплет, выскочит впе-

реди меня, герцога, пэра и маршала Франции. Ах ты, червь ничтожный!

- Знать я не хочу пэров и маршалов! - орал в свою очередь пьяный Шапель.

Взбешенный маршал схватил бутылку и швырнул ее в поэта. Тот в свою очередь бросился на конкурента, осмелившегося загораживать ему дорогу в рай. Началась яростная потасовка. На неистовые крики борцов и на грохот и звон посуды и мебели вбежали слуги и с величайшим трудом разняли драчунов. Можно вообразить себе, какой хохот поднялся потом, когда узнали причины этой единственной в своем роде распри!

Известный французский писатель Жерар Нерваль однажды, завтракая в ресторане, усмотрел на своей тарелке таракана. Он подозвал человека и внушительно сказал ему: "Гарсон, на будущее время прошу вас тараканов мне подавать отдельно!"

Дюкло, желая выразить свое презрительное отношение к кому-нибудь, обычно говорил: "Это предпоследний из людей!" - "Почему же не последний? - спрашивали его. "А чтоб никого не обескураживать! Может, найдется кто-нибудь и еще похуже!"

Герцогу Мальборо однажды прописал доктор какое-то лекарство и настаивал, чтоб он его принял немедленно, а тот не хотел. Тогда вступилась в дело супруга герцога, женщина очень пылкого нрава, от которого бедный герцог немало потерпел на своем веку. Со свойственным ей жаром, отличавшим все ее действия, она кричала мужу: "Пусть меня повесят, если это лекарство не принесет тебе пользы!" - "Принимайте же, - шепнул ему доктор. - Вы слышали, что сказала миледи... значит, так или иначе, подействует лекарство или нет, вы все же будете в прямом выигрыше".

В канцелярии д'Аргу, министра внутренних дел при Луи-

Филиппе, был чиновник, отличавшийся удивительно красивым, а главное, быстрым и разборчивым почерком. Д'Аргу его заприметил и взял к себе в секретари, постоянно диктовал ему, когда бывал у себя в министерстве. И вот однажды, когда он приказал, чтоб к нему прислали этого борзописца, ему доложили, что он теперь не ходит на службу, потому что у него умер отец. Министр, конечно, преклонился перед таким ударом судьбы; занятый делами, он вспомнил о своем любимом секретаре лишь недели через две после того. "Он не ходит, у него умер отец!" - докладывают ему. "Ах, да, помню ... отец!" - пробормотал д'Аргу, чем-то поглощенный в ту минуту. Прошло еще недели две-три. д'Аргу, наконец, стало в примету, что его писаря что-то уж как-будто бы очень давно не видно. Он вновь приказал его позвать. "Он не ходит, у него умер отец". - "Позвольте! - вскричал министр. - Когда же этому будет конец? Он, значит, явится на службу, когда его отец воскреснет, а пока тот мертв, не будет ходить!"

Герцог Оссоне однажды вздумал посетить каторжную тюрьму в Неаполе. Как только он вошел туда, к его ногам бросился один из арестантов и начал молить его, чтоб он за него вступился, что он тут безвинно страдает уже много лет. Герцог спросил его, за что он попал на каторгу. "Сам не знаю, за что, - рыдал арестант. - Я всегда жил честно и благородно; меня оклеветал мой лютей враг, подговорил негодяев, и те сделали на меня ложный донос!" Едва этот кончил свои жалобы, как в ноги герцогу повалился другой, тоже невинно пострадавший, потом третий, четвертый, чуть не вся каторга! Наконец, герцог подошел к какому-то здоровенному детине, который стоял навтыжку перед начальством и глядел козырем. "А ты за что сюда попал?" - спросил его герцог. "По делам, ваша светлость! - гаркнул в ответ добрый молодец. - И за кражу, и за грабеж, и за убийство. Со мной еще милостиво обошлись!" - "Ах ты, висельник! - вскричал герцог с подделанным гневом и, обратясь к тюремному смотрителю, продолжал: - Сейчас же выгнать отсюда этого негодя! Помилуйте, как можно держать такого изверга среди людей совершенно праведных, невинно пострадавших! Он, как паршивая

овца, заразит все стадо”.

Этот анекдот приписывали разным коронованным особам, между прочим, и императору Николаю I, с которым будто бы был такой случай при посещении им Литовского замка.

Один незначительный актер попросил знаменитого комика Потье присутствовать на представлении пьесы, в которой Потье играл главную роль. Эту самую роль должен был исполнять тот актер, и ему хотелось, чтоб Потье видел его и гру и дал ему свои наставления, замечания, поправки.

По окончании пьесы Потье, встретив актера, прежде всего спросил его, чего ради он все время, когда играл, держался за бок.

- Но, г-н Потье, - отвечал актерик, - я видел, как вы исполняли эту роль (тогда-то и там-то), и я хорошо помню, что вы тоже все время держались за бок, даже нарочно с силою упирались в него. И я так же делал, хотя, признаться, это меня очень стесняло, и я, право, не знаю, зачем это так нужно делать в этой роли?

- Дурак! - крикнул Потье, вспомнив и поняв, в чем дело. - У меня тогда был ревматизм, ломило весь бок, и я от боли хватался за него!

Однажды Свифт, собираясь сесть на коня куда-то ехать, заметил, что сапоги его не чищены. Он кликнул своего лакея и строго спросил его, почему сапоги не чищены. “Чего их напрасно чистить! - грубо отвечал лакей. - Все равно поедете, опять их и забрызгаете грязью!” Сказав это, лакей тут же спросил у Свифта ключ от буфета. “Зачем это?” - спросил Свифт. “Я хочу завтракать”, - отвечал лакей. “Ну вот, стоит завтракать, когда через два часа снова захочется есть!” - ответил Свифт и, не дав ключа, пришпорил коня и ускакал.

Однажды известный английский актер Симпсон захворал, и врач прописал ему тресковый жир. Симпсона тошнило

от одного вида этого снадобья и он отказался наотрез глотать его. Но его врач был человек изобретательный. Он знал, что Симпсону приходится в одной пьесе играть роль приговоренного к смерти, который перед своими палачами должен выпить до дна кубок с ядом и потом показать им пустой кубок, конечно, произнося при этом великолепную тираду. Обычно кубок ради этого случая наполняли добрым вином. Доктор же, в заговоре с директором театра, устроил так, что в роковом кубке оказался прием трескового жира. Симпсон заметил подмену, но было уже поздно; пришлось, зажмурив глаза и подавив тошноту, проглотить скверную жижу. "Но я ему за это отомщу!" - грозился Симпсон, и действительно, отомстил своему врачу - умер, не заплатив ему ни гроша.

Знаменитый наполеоновский генерал Жюно, когда был еще мальчуганом, отличался от всех школьных товарищей образцовейшею ленью и шаловливостью, приводившими в отчаяние все начальство. Однажды по возвращении из египетского похода Жюно вздумал посетить Монбар, где протекало его детство и где он учился. Ему удалось отыскать в городе несколько своих старых школьных товарищей и он весело проводил с ними время, вспоминая свое детство и школьные проказы. И вот однажды, прогуливаясь с этой компанией по городу, Жюно увидал на улице старичка строгого вида, важно и медленно прогуливающегося с тросточкой в руках. Он тотчас в нем узнал своего бывшего воспитателя, одного из тех, кому он особенно досаждал своей ленью и шалостями. Жюно мгновенно подбежал к нему и едва не задушил в своих объятиях. Старичок, видя перед собой блестящего генерала, ничего не понимал и никак не мог узнать Жюно.

- Неужели вы меня не узнаете? - кричал ему генерал.

- Виноват, гражданин-генерал, в первый раз в жизни вижу вас и не в состоянии припомнить...

- Как, дражайший учитель, да неужели вы забыли самого ленивого, самого непослушного, упрямого, негодного из ваших бывших питомцев?

- Жюно! - внезапно вскричал старичок, сразу узнавший его по этим приметам.

Нечто подобное рассказывают о школьных годах Наполеона. В лицее, где Бонапарт воспитывался, учителем немецкого языка был толстый Бауэр, который имел довольно обычную учительскую слабость - считать никуда негодными тех, кто не отличался успехами по их предметам. А Наполеон был худшим учеником по немецкому языку, и Бауэр относился к нему с глубочайшим презрением, будучи убежден, что из этого корсиканца никогда ничего путного не выйдет. Однажды, не видя его на уроке, Бауэр спросил, где он? Ему отвечали, что он сдает экзамен по артиллерии. "Да разве он годен на что-нибудь?" - спросил немец с едкой иронией. "Помилуйте, г-н Бауэр, - отвечали ему, - Бонапарт у нас считается лучшим математиком во всем лицее" - "Ах, математиком! - успокоился Бауэр. - Ну, это другое дело, математики ведь все идиоты; на это-то он годится!"

Известный поэт Лагранж-Шансель однажды сочинил стихи к новому модному мотиву, который все напевали. В одном из парижских кафе вскоре после того появился какой-то франтик, который выдавал стихи Лагранжа за свои; его все хвалили и поздравляли. Но случаю угодно было, чтобы как раз в этот же час в тот же ресторан зашел и сам Лагранж. Едва он вошел, как один из посетителей, знавший его, знавший, что и стихи сочинены им, но до времени молчавший, сейчас же указал ему на франтика со словами:

- Вот этот господин сейчас утверждал, что стихи (такие-то) сочинены им.

- Ну что же! - спокойно сказал Лагранж. - Почему же этот господин не мог их сочинить? Ведь я же их сочинил, мог и другой сочинить!

В одном из модных парижских салонов страшно сплетничали и злословили, но очень скудно угощали гостей. "Ей богу, - говорил про этот салон остряк Логарэ, - если бы в этом доме не грызли так усердно своего ближнего, то умирали бы с голода!"

При Людовике XVIII, когда он жил в изгнании, состоял на службе один придворный чин, который внезапно получил от наполеоновской полиции приглашение - доставлять постоянные донесения обо всем, что говорится и творится при дворе короля-изгнанника. За это ему предлагалось в вознаграждение пенсия в 50 тысяч франков. Оскорбленный этим предложением, чиновник показал письмо Людовику.

- Ну, и вы что же отвечали? - спросил тот.

- Я считал долгом показать письмо вашему величеству, а отвечу я, разумеется, отказом.

- Ни в коем случае! - решил Людовик. - Напротив, соглашайтесь. 50 тысяч деньги хорошие. А донесения вам буду составлять я сам.

Португальский король Иосиф высоко ценил в людях ум. Однажды, например, его министр, маркиз Понтелейна, запутался из большого затруднения благодаря своей остроумной выходке. У него с королем зашел щекотливый разговор о пределах власти короля над своими подданными. Маркиз утверждал, что эта власть должна же иметь свои границы; король же полагал, что она беспредельна. Беседа обострялась, и король начал гневаться и в пылу раздражения крикнул маркизу: "Я, если мне вздумается, могу повелеть вам броситься в море, и вы обязаны без колебаний это исполнить". Маркиз, ничего на это не отвечая, повернулся и пошел из комнаты. "Что это значит? - окликнул его король. - Куда вы?" - "Пойду учиться плавать, на всякий случай!". Король расхохотался, и его гнев остыл.

Один из друзей знаменитого художника Эжена Делакруа однажды пошел к нему, но запутался и попал не в тот дом. "Вы к кому?" - окликнул его дворник. "К Делакруа". - "Такого у нас нет, не живет. Да он кто?" - "Живописец". - "Малляр, стало быть. Нет у нас, мы в дом мастеровых не пускаем".

Маршал Кастеллан имел привычку спрашивать своих офицеров о их происхождении и родне. Офицерам это очень надоедало и они сговорились давать все один и тот же ответ на вопросы маршала. Он обычно спрашивал: "Кто ваш отец? Кто ваша мать? Кто ваша сестра?". И ему порешили отвечать стереотипными фразами:

- Мой отец сапожник, моя мать прачка, моя сестра девица легкого поведения.

И вот однажды на смотре, получив такой ответ уже от трех офицеров подряд, он обратился к четвертому и едва тот ответил на первый вопрос: "Мой отец сапожник", как маршал перебил его:

- Знаю, знаю, а ваша мать прачка, а сестра девица легкого поведения. А что касается до вас самих - вы отправитесь на две недели под арест!

Поэт Сент-Аман однажды очутился в одной компании, где присутствовал какой-то господин с совершенно черными волосами на голове, но с совершенно седой бородой. Все на него дивились, а Сент-Аман не вытерпел и сказал ему: "Отчего это у вас так случилось, что борода поседела много раньше, чем голова? Верно, вы много больше работали на своем веку челюстями, нежели мозгами?"

Художник-портретист Риго не любил писать портреты дам. "Им не угодишь, - говаривал он, - напишешь как следует, жалуются, что некрасивы; напишешь красиво - жалуются, что непохоже". Одна дама, беспощадно румянившаяся, была недовольна тем, что на портрете Риго у ней румянец вышел не достаточно ярко. "Где вы это покупаете такие краски, г-н Риго?" - с упреком спрашивала она его. "Там же, где и вы, - отвечал Риго, - краски у нас одна и та же".

Однажды архиепископ Кентерберийский встретил в лесу, через который ему доводилось нередко проходить, какого-то человека, сидевшего на земле перед шахматной доской с расставленными фигурами и казавшегося глубоко погружен-

ным в игру.

- Ты что же это тут делаешь? - спросил его владыко.

- Играю в шахматы, ваше преосвященство.

- Сам с собой?

- Нет, с Господом Богом.

- Ну, должно полагать, проигрыши тебе не дорого обходятся.

- Извините, ваше преосвященство, мы играем в большую игру, и проигрыши свои я плачу аккуратно. Да вот не соблаговолите ли подождать одну минутку, может, вы мне принесете счастье, а то мне сегодня не везет... Вот посмотрите - мне шах и мат.

Архиепископа эта игра ужасно рассмешила. Игрок же спокойно вынул из кошелька 30 гиней и протянул их владыке со словами:

- Владыко, когда я проигрываю, Бог всегда посылает мне кого-нибудь, кто получает выигрыш. И этот выигрыш идет в пользу бедных. Поэтому прошу вас принять от меня эти деньги и раздать их бедным; это мой сегодняшний проигрыш.

Архиепископ долго отнекивался, но потом, видя в этом человеке чудака-благодетеля, каких немало в Англии, взял 30 гиней и роздал их бедным.

Спустя месяц архиепископ снова проходил через лес и снова наткнулся на чудного шахматного игрока. Он издали окликнул архиепископа, и когда тот подошел, сказал ему:

- Ваше преосвященство, все это время мне жестоко не везло, но сегодня я поправился, сейчас выиграл 300 гиней.

- Кто же тебе их выплатит? - спросил архиепископ.

- Надо полагать, вы, владыко. Я же вам докладывал, что когда я выигрываю или проигрываю, Бог мне посылает кого-нибудь, кто принимает мой проигрыш, либо отдает мне выигрыш. Вот так и сегодня, очевидно, вы посланы именно за этим. Уверяю вас, что это всегда так бывает, а если мне не верите, я сейчас кликну товарищей; их у меня тут, в лесу, несколько человек; они вам подтвердят

Конечно, архиепископ не стал дожидаться товарищей из лесу.

Ученый Будэ спокойно работал, сидя в своем кабинете, как вдруг к нему вбежал чрезвычайно встревоженный слуга, с криком: "Пожар!". - "Доложите об этом барыне, - спокойно сказал ему Будэ. - Ведь вы знаете, что я в хозяйственные дела не вмешиваюсь".

Однажды епископ Клермон-Тоннер читал епископу Бовэ отлучение от церкви, изданное им против настоятельницы какого-то монастыря, которая, нарушая строгое приказание епископа, отправилась с несколькими монахинями лечиться на воды. Епископ был этим ужасно разгневан и написал суровый акт, в котором говорилось, что за это ослушание подвергается отлучению и настоятельница, и монахини, и весь вообще их поезд. "Как же это, - перебил его епископ Бовэ, - весь поезд?.. Значит, и лошади в том числе?"

Знаменитый баснописец Лафонтен был, вроде нашего дедушки Крылова, человек весьма мирный, ленивый и спокойный. Но когда ему случалось взволноваться, он часто раздражался удивительно забавными речами. Так, на первом представлении своей же собственной оперы "Астрея" он внезапно впал в страшное неудовольствие собственным произведением и начал его вслух бранить на чем свет стоит. Какие-то дамы, его соседки по ложе, вздумали его умиротворить и начали его убеждать, что опера вовсе не так плоха, да и не может быть плохой, потому что написана самим знаменитым Лафонтеном. "Э, сударыни, это вовсе не препятствует тому, что пьеса все-таки ни к черту не годится. Да и что такое Лафонтен? Что вы мне рассказываете о Лафонтене? Поверьте, что я лучше вас знаю, что он дурак, потому что я сам и есть Лафонтен!". После первого же акта он ушел из театра, отправился в ресторан, забрался там в угол и уснул. Кто-то из знакомых увидел его мирно почивающим, разбудил и выразил крайнее удивление, что он в такой вечер, когда его пьеса идет в первый раз, не любопытствовал даже взглянуть на нее, а спит в ресторане. "Был я, видел, - ответил Лафонтен. - Такая сквер-

ность, что я только дивлюсь, как это парижане смотрят и переносят ее. Удивительно невзыскательный народ!”

Знаменитый актер-комик Дезирэ играл в оперетке Лекко “Чайный цветок”. Он в тот день очень плотно покушал, да вдобавок засиделся за обедом, и прибыл в театр впопыхах. Первый акт прошел благополучно, но во втором акте роковые последствия плотного и труднопереваряемого обеда обнаружились самым выразительным манером... Несчастный Дезирэ побледнел, как полотно; для него не оставалось сомнения, что публика заметила, в каком он состоянии обретается. Дезирэ старался овладеть собой, но пьеса шла вяло; публика хранила гробовое молчание. Но к концу акта опытный актер оправился. Его выручил его друг-приятель Леонс. По ходу пьесы в конце акта на сцену выбегает актер и, поздоровавшись с Дезирэ, хлопает его по животу - обычная французская вольность. Едва актер приготовился совершить это, как Дезирэ схватил его за руку и спокойно сказал: “Сегодня нельзя!”. Публика разразилась бешеным хохотом, и ее раздражение против Дезирэ сразу же исчезло.

Про знаменитого романиста Понсон-дю-Террайля, автора всесветно известного “Рокамболя”, один знакомый с ним литератор говаривал: “Он чудесный малый, я его знаю, встречаюсь с ним и очень его люблю; а чтоб не портить с ним добрых отношений, я никогда не читаю его романов”.

Гизо говорил про одного назойливого кандидата в академию наук: “Я ему охотно дам свой голос. Что бы про него ни говорили, у него все-таки есть драгоценные качества настоящего академика. Он умеет обойтись с людьми, он предоставителен, вежлив, у него прекрасные манеры, у него орден, у него нет никаких политических мнений. Что ж еще? А что он там что-то такое написал, так ведь и на солнце есть пятна. Нельзя же требовать совершенства!”

Губернатор Амьена, Сен-Прель, во время осады горо-

да Арраса придумал очень смелый план овладеть этим городом. Но для исполнения этого плана ему нужен был очень надежный человек, на которого вполне можно было бы положиться. Его выбор пал на некоего Курселя.

- Я избрал вас, Курсель, - говорил ему губернатор. - Я знаю вас за самого неустрашимого и ловкого человека и уверен, что вы удачно исполните то, что я задумал. Надо овладеть Аррасом хитростью, и вот как мы это сделаем. Вы переоденетесь крестьянином, возьмете с собой что-нибудь, ну, хоть зелень, и явитесь в город будто бы продавать эту зелень. Вас, конечно, свободно пропустят на рынок. И вот вы, выбрав время, затеете с кем-нибудь ссору, раздеретесь, и в конце концов убьете того, с кем подеретесь. Вас, разумеется, схватят. Время военное, в городе осадное положение. Значит, вас немедленно будут судить и приговорят к смерти. Вы сами знаете, что у аррасцев существует обычай - совершать казни за городом. Вот на этом то и основан весь мой план. Около ворот, через которые вас поведут на казнь, я устрою засаду. Как только мои люди увидят, что публика заезвась на вашу казнь, они тотчас кинутся в город через эти ворота. Я брошусь вслед за ними, овладею городом, а затем, само собою разумеется, поспешу вам на выручку. Вот мой план. Что вы на него скажете?

- Превосходный план, только все-таки надо подумать, - ответил Курсель.

- И прекрасно, подумайте. А завтра скажете мне, на чем порешите, согласны или нет.

На другой день Курсель пришел к Сен-Прелю и сказал ему:

- Видите ли, г-н губернатор, я опять-таки повторяю, что ваш план превосходен. Но только я предпочел бы обменяться с вами ролями. Вы переодеваетесь и идите в город, а я буду командовать засадой.

Генерал Кюстин отличался неподражаемым хладнокровием во время боя. Случилось раз, что в самый разгар сражения один из его адъютантов читал ему вслух какую-то бумагу. Вдруг пуля просвистела между рук адъютанта и прорвала

бумагу, которую он читал. Адъютант невольно остановился и, взволнованный этим случаем, безмолвствовал.

- Читайте же дальше, - сказал ему Кюстин, - бумага уцелела, пуля вырвала всего лишь одно, два слова.

Доктор Эккэ, навещая своих богатых пациентов, иногда навещался к ним на кухню, и здесь, обнимая и целуя поваров, говорил им:

- Милые мои друзья, нам, докторам, нельзя не любить и не благодарить вас, поваров, наших благодетелей. Если бы не ваше отравное искусство, весь наш факультет пришлось бы сдать по богадельням.

Папа Сикст V, пока еще был кардиналом, выглядел совсем дряхлым старцем. Когда он шел по улице, всем бросалась в глаза его разбитая, согбенная фигура. Но как только состоялось его избрание в папы, он сейчас же распрямился и приобрел удивительно бодрую и свежую внешность. Иные, не утерпев, спрашивали его о причине такой внезапной перемены, и он охотно отвечал:

- Пока я был кардиналом, я искал ключи царства небесного и потому постоянно склонялся к земле, чтобы немедленно поднять их, если найду. А теперь мне уже нечего искать их: они у меня в руке, и я должен смотреть не на землю, а на небо.

Маркиз Ривароль лишился в бою ноги, которую ему оторвало ядром. Он выздоровел и сделал себе деревянную ногу. Но случилось, что у него и эту ногу отшибло ядром.

- На этот раз, - шутил он, - неприятель не застал меня врасплох, как в первый раз: у меня с собой в чемодане запасная деревянная нога.

Знаменитый певец кастрат Фаринелли получил от испанского короля орден Калатравы. Кастрата, как надлежит, по всей форме и со всеми обычными церемониями посвятили в кавалеры ордена и, между прочим, как надлежало по чину

посвящения, одели на него шпоры. По этому поводу английский посланник говорил: “Что город, то норы. У нас в Англии шпоры прицепляют петухам (боевым), а здесь, в Испании, каплунам”.

В одном обществе беседовали о католических святых, и, между прочим, кто-то из присутствующих рассказал об очень популярном во Франции св. Денисе, что когда ему отрубили голову, то он взял ее в руки и прошел с нею восемь верст. Многие из присутствующих усомнились в легенде, но одна остроумная дама сказала сомневающимся:

- Вас, очевидно, смущает большая дистанция - восемь верст! Но ведь тут труден только первый шаг.

Эту выходку приписывают, между прочим, известной актрисе Софи Арну.

Дижонская академия объявила конкурс на похвальное слово знаменитому Боярдо, “рыцарю без страха и упрека”. В числе соискателей был и ученый аббат Тальбер. Он тоже явился в Дижон, но его слова не приняли на том основании, что он опоздал, не успел в Дижон к назначенному дню и часу, когда прекращался прием конкурсантов.

- Я полагал, - заметил на это Тальбер, - что участвую в конкурсе на красноречие, а выходит, что тут шло состязание в скорости.

В числе весьма многих проделок знаменитейшего вора Картуша нижеследующая может считаться гениальнейшей по своей удивительной простоте и непосредственности.

Зашел он вечером в какой-то магазин и что-то спросил. Пока ему искали его товар, он присоединился к компании хозяина магазина и его гостей, которые оживленно беседовали о каком-то ловком мошенничестве. Послушав их некоторое время, Картуш сказал им:

- Все, что вы рассказываете, господа, не выдерживает никакого сравнения с проделкой одного вора, который унес два серебряных подсвечника, вот вроде тех, какие у вас стоят

на прилавке, и это, заметьте, на глазах хозяина, приказчиков и еще нескольких посторонних свидетелей, которые все это видели, смотрели на него и все-таки не могли ему помешать.

Присутствующие все в один голос разразились возгласами недоверия и сомнения:

- Этого не может быть! Это невероятно! Вы шутите! - и т.д.

- Позвольте, господа, да я и сам при этом присутствовал, - возражал им Картуш, - и могу вам рассказать и показать, как он это сделал.

- Очень любопытно, сделайте одолжение! - просили хозяин магазина и его гости.

- Нет ничего проще, - сказал Картуш и, делая вид, что он описывает действия того вора, продолжал: - Он взял подсвечники - вот так! - спрятал их под плащ - вот так! - потом потушил лампу - вот так! - и вышел вон.

И с этими словами смелый хищник в самом деле бесшумно выскользнул из магазина и мгновенно исчез из глаз ошеломленного хозяина магазина, его приказчиков и гостей. Когда же они, наконец, очнулись и пришли в себя - его и след простыл.

Известный английский актер Фут однажды бражничал в гостях у лорда Сандвича. Лорд любил выпить, выпил и на этот раз и вздумал пошутить над Футом.

- Знаете, Фут, - сказал он, - я часто думаю о том, как и отчего вы скончаетесь, и мне думается, что вы непременно покончите жизнь либо от дурной болезни, либо на виселице.

- Я сам так думаю, милорд, - подхватил ядовитый и злой Фут. - И, знаете, это будет зависеть от того, чем я позаимствуюсь от вас: вашей любовницей или вашим образом жизни.

Академик Мезерз принял за правило всем новым кандидатам в академию класть при избрании черные шары. Очень долгое время эта его манера оставалась тайной; удивлялись только, что при многих избраниях в числе шаров являлся только один черный. Наконец-таки разузнали секрет и приступили с расспросами к Мезерз: что его побуждает класть "черня-

ки" кандидатам, избираемым всей академией единогласно.

- Надо же оставить потомству какое-нибудь доказательство, что в наше время выборы в академики были совершенно свободные, - отвечал Мезерэ, намекая на массу академиков, принятых по приказанию свыше.

Папа Бенедикт XIV зло покарал кардинала, заведовавшего внешним благоустройством Рима. Этот кардинал страшно запустил улицы города, так что во многих из них стояла непролазная грязь. И вот однажды, разузнав, что кардинал должен проезжать по одной из грязнейших улиц, папа внезапно сам как раз в эту минуту появился на улице. По тогдашнему обычаю кардиналы при встрече с папою должны были становиться на колени и в таком положении принимать от папы благословение. Волей-неволей небрежному кардиналу пришлось преклонить колени посреди им же созданной грязи. А папа еще нарочно продержал его в этой позиции с полчаса.

Аббат Демонер был очень рассеян и совсем близорук. Эти два удручавшие его недостатка ставили его нередко в очень досадные положения. Так, однажды он, будучи в гостях, на минуту отлучился куда-то. Когда же вернулся обратно, то в руках у него, вместо шляпы, была крышка от некоторой домашней принадлежности.

Свифт говаривал, что при основании новой колонии французы прежде всего строят крепость, испанцы - церковь, а англичане - кабак.

Шарль Нодье до страсти любил "Петрушку" (французы называют его Гиньолем). Один раз ему захотелось позабавить этим зрелищем своих детей, причем он непременно сам хотел принять участие в представлении. Он призвал гиньольщика и сначала вместе в нем прорепетировал роль Полишинеля. Но тут вышло затруднение. Полишинель должен говорить особым визгливым голосом, и для этого актер берет в

рот особую свистульку-машинку, а у Нодье этой машинки не было. Но гиньольщик порывлся в кармане и нашел у себя запасную машинку. Нодье взял ее в рот, но никак не мог, по непривычке, сладить с ней; ему все казалось, что он ее нечаянно проглотит.

- Это не беда, - успокаивал его гиньольщик. - Если и проглотите, то от этого никакого вреда не будет. Мы их то и дело глотаем. Да вот, недалеко ходить, эту самую, что я вам дал, я ее раз десять проглатывал!...

Свифт был груб с прислугой, и своей, и чужой. Кто-то из его друзей прислал ему лосося в подарок. Лакей, принесший рыбу, уже не раз бывавший у Свифта и знавший, что от него не добьешься не только на чай, но даже и приветливого слова, подал ему рыбу со словами:

- Вот барин прислал вам лосося.

- Ты что же это, - прикрикнул на него Свифт, - разве так делается подношение?.. Сядь сюда на мое место, а я возьму рыбу и научу тебя, как следует это делать, а ты смотри и учись.

Лакей уселся в кресло, а Свифт, держа рыбу, с почтительным поклоном подошел к нему и сказал:

- Милостивый государь, мой барин приказал свидетельствовать вам свое почтение и просит вас сообразоваться принять от него этот маленький подарок.

- Хорошо, мой милый, - отвечал лакей, в свою очередь входя в роль барина. - Передай своему барину, что я благодарю, и вот тебе пол-кроны!

Свифту пришлось в свою очередь воспользоваться уроком.

Лорд Абингдон отличался грубостью в обращении с людьми и в то же время большой требовательностью по части знаков внешнего почтения перед его собственной персоной. Ехал он как-то раз через деревню и повстречал крестьянского парня, который, видимо, с большим трудом волочил за собой теленка, энергично рвавшегося с веревки. Увидав лорда, парень остановился и смотрел в упор на него.

- Ты ведь знаешь, кто я? - спросил тот.

- Знаю, ваша милость, - отвечал парень.

- Как меня зовут?

- Лорд Абингдон.

- А коли знаешь, почему же ты не снял передо мною шапки?

- Охотно сниму, ваша милость, только вы потрудитесь, покуда я буду ее снимать, подержать моего теленка, потому что он уж три раза вырывался и убегал.

Лорд нахмурился и проехал мимо.

Архиепископ бордосский Сансэ держал пари с одним из своих викариев; тот проиграл пари и, по условию, должен был угостить архиепископа индюком с трюфелями. Время шло, приближался великий пост, а викарий уклонялся от расплаты. Архиепископ, наконец, приступил к нему с требованием.

- Ваше преосвященство, - сказал ему викарий, - нынешний год ведь трюфели негде взять, не уродились.

Знаем мы эти отговорки! - возразил архиепископ. - Это все ложные слухи и их распускают индюки!

Тот же архиепископ, будучи однажды во дворце, имел надобность пройти из одного зала в другой, но у дверей ему встретились две придворные красавицы в чрезвычайно пышных платьях, обильные низы которых решительно загораживали дорогу. В то время носили шлейфы невероятные и декольте таковые же. Увидя духовного сановника, дамы поспешили подобраться и, смеясь, сказали ему:

- Попытайтесь как-нибудь пройти, ваше преосвященство. Как видите, теперь наши портнихи тратят столько материи на юбки, что...

- Что на корсаж ничего не остается! - подхватил архиепископ.

При папе Григории XVI в Риме блистала красотой одна княгиня, очень богатая женщина и щеголиха. Однажды она шла мимо Ватикана. Ее роскошная грудь была открыта и на ней красовался очень дорогой золотой крест. Папа как раз в

это время смотрел в окно; около него был кардинал.

- Ваше святейшество, - сказал кардинал, - благоволите взглянуть, какой чудный крест на княгине NN!

- Что крест! Вы взгляните лучше на Голгофу!

Однажды композитор Глюк, проходя мимо лавочки, нечаянно разбил в ее окне стекло. Он спросил у лавочника, сколько стоит стекло, и, узнав, что полтора франка, подал лавочнику эю (3 фр.). Но у того не случилось сдачи, и он хотел пойти к соседу попросить его разменять эю. "Не стоит тратить времени, - остановил его Глюк, - оставьте весь эю у себя, а я вот лучше еще одно стекло разобью!"

Делапорт написал и сдал в театр "Варьете", в Париже, водевиль "Дочь Грегуара". Пьеса была плохая и ее освистали. Между прочим, одно из главных действующих лиц в пьесе был горбатый. И когда кто-то из актеров или публики, желая подшутить над злополучным Делапортом, спросил у него: "Что это сегодня так свистят, г-н Делапорт?", тот отвечал: "Очень простая вещь! Главное действующее лицо горбатый, а в публике собралось несколько горбатых, вот они и свистят!" Эта фраза: "Il y a des bossus dans la salle", так рассмешила всех и так понравилась, что в Париже старые театралы и до сих пор еще, в случае если пьесу освистывают, смеясь, говорят: "Il y a des bossus dans la salle".

Однажды драматург Кудерк пришел в театр "Варьете" и попросил у директора Рокплана ложу.

- Спуститесь в кассу, я отсюда скажу кассиру.

Кудерк отправился, а Рокплан подбежал к разговорной трубе (телефонов еще не было) и крикнул кассиру, что сейчас Кудерк идет просить ложу, так вы, дескать, поднесите ему фигу. Но он слишком громко крикнул, и Кудерк все слышал. Он в кассу вовсе не пошел, а постоял на лестнице, потом вернулся в Рокплану и пресерьезно доложил ему:

- Фиги все распроданы, дайте мне какое-нибудь другое место.

Рокплан расхохотался и дал.

Кому не известны прелестные сказки, собранные знаменитыми немецкими учеными братьями Гримм? Есть в их сборнике, между прочим, сказка о пройдохе-портном. Эта сказка оканчивается присказкой: “Кто этой сказке не поверит, тот должен заплатить талёр”. И вот однажды к старшему из братьев Гримм, жившему в Берлине, пришла девчурка лет восьми и велела о себе доложить; мне, дескать, надо видеть г-на профессора. Ее ввели в кабинет к почтенному старичку.

- Это ты Гримм, профессор? - спросила девчурка.

- Я, милое дитя.

- Ну, так вот что. Я все твои сказки прочитала, и ту, которая о портном, тоже прочитала. И я ей не верю. А ты говоришь, что кто ей не верит, тот должен заплатить талер. Вот тебе пять зильбер-грошей, у меня теперь больше нет. Я тебе потом понемногу отдам все, ты не беспокойся.

Французский романист Монье был склонен к злым шуткам. Однажды, например, его остановил на улице, в Париже, какой-то провинциал и просил указать дорогу в главное полицейское управление (префектуру).

- Это очень далеко отсюда, - ответил Монье. - А вам туда скоро нужно, по спешному делу?

- Очень нужно, и немедленно, насчет паспорта.

- Так что чем скорее туда попадете, тем лучше?

- Именно.

- Ну, так вот что я вам посоветую. Перейдите бульвар, потом улицу, вот эту, видите?

- Вижу. Затем?

- Видите вы вон там вывеску золотых дел мастера?.. Так вот, идите прямо туда, отворите дверь, войдите...

- Хорошо-с. Потом?

- Потом возьмите что попадет под руку: ну, там, брошку, браслет, серьги, ложку, бокал, что придется...

- Ну-с, и что же?..

- Ну, разумеется, хозяин закричит караул, прибегут приказчики, дворники, явится городской, и не пройдет получа-

са, как вас доставят в префектуру, да еще в казенном экипаже.

Шарль Нодье одно время продавал свои произведения Бюлозу, который его ужасно раздражал своей скаредностью и мелочностью при расчетах. Один раз в составленном Бюлозом счете значилось: "За столько-то строк, полу-строк, четверть-строк причитается 97 франков 50 сантимов".

- Извините, тут у вас сделан пропуск, - сказал Нодье. - Вот, смотрите, тут еще половина строчки, а вы ее на счет не поставили.

- Это еще что за новости? Тут ваша подпись, и больше ничего. Вы требуете, чтобы я вам платил за подпись?

- Ничего я не требую, а только заявляю вам, что коли вы не хотите за мое имя платить, так ведь недолго его и снять; печатайте без него.

Быстро разбогатевший буржуа заказал известному скульптору Прео большую группу, долженствовавшую представлять Полифема, раздавившего скалою Акиса. Скульптор занят был другими работами и не исполнил заказа к сроку. Заказчик начал ему надоедать, и Прео, выведенный из терпения, однажды, когда тот опять пришел, подвел его к куче лепной глины и объявил, что вот, дескать, готово, получайте.

- Где же Акис?.. - недоумевал заказчик, оглядывая кучу со всех сторон.

- Как где? Ведь он же задавлен! Он под скалой, его не видно.

- А Полифем?

- Полифем сделал дело, навалил скалу и ушел. Что же ему еще тут делать? Стоять над скалой, караулить ее?

Английский актер Фут путешествовал по Англии и остановился в гостинице пообедать. При расчете хозяин вежливо спросил его, доволен ли он.

- О, я отобедал так, как никто во всей Англии сегодня не

обедал! - восторженно вскричал сытый Фут.

- За исключением лорда-мэра! - внушительно поправил хозяин.

- Без всяких исключений! - возразил Фут.

- Извините, милостивый государь, вы должны исключить лорда-мэра!

- Никого я не желаю исключать, даже самого лорда-мэра!
- заупрявился Фут.

Слово-за-слово, спор перешел в ссору, и трактирщик потащил Фута к местному лорду-мэру.

- Г-н Фут, - внушал ему мэр, - вы должны знать, что в здешнем городе существует с незапамятных времен обычай всегда и во всем делать исключение для лорда-мэра, и всегда об этом упоминать; а чтобы вы тверже запомнили этот обычай, я приговариваю вас к штрафу в один шиллинг или к аресту на пять часов; выбирайте сами, что хотите.

Фут, нечего делать, уплатил штраф; но, выходя из судилища, он сказал трактирщику:

- Я не знаю во всем крещеном мире человека глупее этого трактирщика... Само собою разумеется, за исключением лорда-мэра, - добавил он, обращаясь к этому сановнику с почтительнейшим поклоном.

Герцог Омон, когда долго не брился, говаривал: "Омон, Бог создал тебя дворянином, король сделал тебя герцогом. Все это сделали для тебя другие. Сделай же что-либо и сам для себя - побрейся!"

С графом Мерлем, когда он был назначен португальским посланником, случилось очень забавное происшествие. Он был человек весьма недалекого ума, и потому к нему приставили очень смышленного и умного дипломата, аббата Нарди. Он знал, что при первом представлении необходимо сказать королю приветственное слово. Нечего и говорить, что сам он не в силах был сочинить это слово и попросил сделать это за него аббата Нарди. Но, увы, даже готового слова он не в силах был выучить наизусть: он зубрил его всю дорогу от Парижа до Лиссабона, но при проверке постоянно сбивался.

Кончилось тем, что, по совету Нарди, он переписал всю речь так, что она помещалась на дне его шляпы. Он рассчитывал, при представлении королю, держа перед собою шляпу, просто-напросто причитать речь по рукописи. Но он забыл или не знал, что по придворному лиссабонскому этикету посланники представляются королю в шляпе. Посему, едва успел он отвесить поклон королю, держа свою шляпу перед собою дном книзу, чтобы сейчас же начать читать речь, едва выговорил первые слова: "Ваше величество", как король обратился к нему со словами: "Г-н посол, наденьте шляпу!". Бедный Мерль сначала не понял, в чем дело, и повторил свой поклон; но король вновь приказал ему надеть шляпу. Мерль впал в такое замешательство, что вся его речь и окончилась на словах: "Ваше величество".

Одно время в Англии в кругу высшей аристократии вращался некто Бруммель, считавшийся образцом истого джентльмена, конечно, с чисто внешней стороны: одежды, моды, манер и т.д.. Однажды в большом обществе, в присутствии принца Уэльского, кто-то начал смеяться над Бруммелем, вздумавшим похвастать своею силою. Принц Уэльский тоже присоединился к насмешникам. Тогда Бруммель, обращаясь к принцу, сказал ему:

- Держу пари, что пронесу ваше высочество на своих плечах от ворот парка Хайд, что в конце улицы Пикадилли, до самой Башни (Тауэр, государственная тюрьма), притом бегом и ни разу не остановившись.

Пари понравилось, было принято; порешили на 2000 фунтов стерлингов. Бег был назначен на другой день в полдень. Принц было заметил, что лучше бы выбрать другой час дня, потому что в полуденное время такое зрелище, как путешествие принца Уэльского на чужих плечах, привлечет пропасть зевак. "Впрочем, - утешился тут же принц, - Бруммель уйдет недалеко, и все это, значит, в одну минуту кончится".

На другой день в полдень принц, Бруммель и их свидетели аккуратно прибыли на условное место.

- Ну, я готов, - сказал принц.

- Не совсем, ваше высочество. Вы еще не сняли сюртука.

- Да зачем же это?

- Как же, помилуйте, сюртук лишний груз. По точному смыслу условий пари я должен нести вас, а не ваши вещи.

- Извольте, я скину сюртук, - проговорил принц, быстро скидывая одежду и еще не подозревая, куда клонит Бруммель. - Ну-с, отправимтесь!

- Никак нет-с, ваше высочество, вы еще не готовы. Осмеливаюсь еще раз поставить вам на вид, что я, по условиям нашего пари, должен нести вас и больше ничего!

- Значит мне придется снять и жилет, и галстук, и белье, и ...

- Непременно, ваше высочество.

Понятно, что при таком толковании условий, которое, однако же, нельзя было не признать правильным, пари выиграл Бруммель.

Известный дипломат Нарбонн одно время скучал от приставаний какого-то господина, которого он едва знал, но который упрямо набивался ему в друзья и даже говорил ему "ты". Однажды при встрече этот назойливый друг-приятель по обыкновению подскочил к Нарбонну с возгласом:

- А, Нарбонн, здравствуй! Как твои дела?

- Здравствуй, друг мой. Как тебя зовут? - отвечал Нарбонн.

Английский врач Абернети был мрачен, а главное ужасно молчалив и ценил в людях лаконизм превыше всех других добродетелей. Одна дама, знавшая это его свойство, будучи укушена собакой, пришла к нему за советом и молча протянула ему укушенную руку. Абернети осмотрел рану и затем между врачом и пациенткой произошел такой разговор:

- Царапина? - спрашивает врач.

- Укус.

- Кошка?

- Собака.

- Сегодня?

- Вчера.

- Болит?

- Нет.

Доктор пришел в такой восторг от этой пациентки по его вкусу, что почти обнял ее.

Он не любил также, когда его беспокоили по ночам. Один раз он только что вернулся с ночного визита и улегся в постель, как опять раздался звонок и чей-то встревоженный голос требовал немедленно доктора.

- Что случилось? - крикнул рассерженный Абернети.

- Доктор, ради Бога поспешите, мой сын проглотил мышь, помогите!..

- Ну так дайте ему проглотить кошку и оставьте меня в покое!

Лорд Честерфильд сохранил свойственные ему от природы веселость и шутливость почти до самого смертного часа. За несколько дней до смерти он кое-как собрался с силами и сделал небольшую прогулку в экипаже. "Вы прокатились по свежему воздуху, милорд?" - спросил его кто-то, когда он возвратился с прогулки. "Нет, это я уже приступил к репетициям моих похорон", - отвечал шутливый лорд.

Однажды перед папой Бенедиктом XIV предстал какой-то монах и, заливаясь слезами и рыдая, долго не мог вымолвить ни слова.

- В чем дело? - спросил его папа.

- Мне было откровение, - сообщил монах среди своих рыданий, - о том, что родился Антихрист.

- Сколько же ему теперь лет?

- Года три или четыре.

- Так чего же ты плачешь? Покуда он вырастет, мы с тобой умрем. Ведь не нам с ним возиться!

Папе Клименту XIV его садовник преподнес корзину с роскошными плодами. Папа понимал, что садовник имел в виду в ответ получить награду, вынул из кармана пук индугенций *in articulo morsit* (отпущение грехов умирающему) и сказал ему:

- Твое внимание ко мне заслуживает награды. Вот тебе награда, самая ценная для человека; с этим ты умрешь как подобает.

- Ваше святейшество, - ответил ему смысленный садовник, - чтобы умереть как подобает, надо жить как подобает. Будьте милостивы, возьмите обратно половину этих индуюнгений и вместо них выдайте мне то, что они стоят. На эту половину я, стало быть, буду как подобает жить, а с этой половиной как подобает скончаюсь.

Про того же папу рассказывают, что на вопрос одной дамы, не опасается ли он излишней болтливости со стороны своих секретарей, он отвечал: "О, нет, сударыня, они у меня скромные и никогда не выдадут моих тайн, хотя у меня их три", - и при этом он показал ей три пальца своей правой руки. Он всегда писал собственноручно.

Знаменитый романист Диккенс беседовал у себя на даче с одним из друзей, человеком весьма положительного направления. В качестве сурового врага всякой фантазии, этот господин громил поэзию и особенно нападал на детские сказки. "Никогда, - говорил он, - не следует детям рассказывать никаких чудесных историй; надо, чтобы они вступали в жизнь свободные от всяких предрассудков!". Диккенс ничего не говорил, только улыбался. В это время в сад влетела бабочка с прелестными пестрыми крылышками. Диккенс поймал ее и стер пальцем цветную пыльцу, из которой состояли узоры на ее крылышках.

- О, какой же вы варвар, мой друг! - воскликнул его собеседник. - Зачем вы это сделали?

- Следуя вашему мнению, - отвечал Диккенс. - Я освободил насекомое от бесполезного украшения, которое только мешает летать.

Свирепый английский судья Джеффрис однажды, подняв трость, указывал на человека, который в то время сидел перед ним на скамье подсудимых, и при этом говорил:

- У конца моей трости сидит бестия и каналья, каких свет не производил.

- У которого же конца, милорд? - спросил подсудимый, человек не робкого десятка.

У принца Гастона Орлеанского борода была яркого рыжего цвета. Будучи однажды у себя в имении, он увидел какого-то человека, у которого совсем не было бороды, не росла, и это придавало его физиономии очень смешной "бабий" облик. Принц подтрунил над ним и все приставал к нему с вопросом, отчего у него нет бороды.

- Я вам объясню, ваша светлость. Видите, когда Господь Бог раздавал людям бороды, - то я запоздал, и когда явился, то оставались уж только одни рыжие бороды; ну, я и подумал, что пусть уж у меня лучше совсем не будет бороды, чем будет рыжая.

Известный английский литератор Юнг (автор "Ночей") был хороший музыкант. Однажды он отправился из Лондона по Темзе на лодке в компании с несколькими дамами, которых ему надо было проводить. Дорогой, для услаждения своих спутниц, он начал играть на флейте. Скоро их лодку догнала другая, на которой было несколько молодых офицеров. Юнг, поиграв некоторое время, спрятал флейту в карман.

- Отчего вы перестали играть? - внезапно спросил его один из офицеров.

- По той причине, по какой начал играть, - хладнокрово ответил Юнг.

- Но по какой же именно?

- Такова моя добрая воля.

- А моя добрая воля такова, чтоб вы сейчас же вновь начали играть! - крикнул ему офицер. - А если не будете играть, то я швырну вас в Темзу.

Ссора чрезвычайно напугала дам, бывших с Юнгом. Чтобы положить ей мирный конец, Юнг покорился, вынул флейту и заиграл. Офицеры успокоились.

Когда прибыли, куда было надо, Юнг высадил дам.

Офицеры вышли там же, и Юнг сейчас же, простившись с дамами, догнал их, остановил своего обидчика и затем спокойно и решительно сказал ему:

- Милостивый государь, я должен вам заявить, что уступил перед вашим нахальством, собственно, ради того, чтобы прекратить неприятную сцену и успокоить встревоженных дам. А для того, чтоб доказать вам, что истинное мужество может оказаться в такой же мере под черною одеждою (Юнг был духовный), как и под красною, я покорнейше прошу вас завтра в десять часов пожаловать в Хайдский парк. Я полагаю, что нам нет надобности в секундантах; ссора наша касается только нас и посторонних незачем в нее вмешивать. Вы, конечно, не забудете захватить с собою свою шпагу.

Офицер должен был принять вызов. На другой день оба явились на место побоища в условленное время. Офицер извлек шпагу, но в то же мгновение Юнг прицелился в него из пистолета.

- Вы заманили меня сюда, чтобы убить меня? - сказал офицер.

- Нет, - спокойно ответил Юнг. - Благоволите только вложить вашу шпагу в ножны и протанцевать менуэт. А иначе - смерть вам!

Офицер немножко поупрямился, но безграничное спокойствие и самоуверенность Юнга скоро убедили его в том, что он имеет перед собою человека, который вовсе не шутит с ним. Он был вынужден повиноваться и протанцевал менуэт.

- Милостивый государь, - сказал ему Юнг по окончании танца, - вчера вы заставили меня против воли играть на флейте, а сегодня я принудил вас против вашего желания протанцевать. Мы квиты. Но, однако, если вы недовольны, я к вашим услугам и дам вам удовлетворение, какое вы потребуете.

Офицер был так восхищен этой твердостью, что вместо ответа бросился Юнгу на шею и просил его быть его другом. И они хранили эту дружбу до самой смерти поэта.

Знаменитый художник Пуссен имел много неприятностей у себя на родине, и это побудило его перебраться в Рим,

где он и жил постоянно. Жил он очень скромно, держал всего одного служителя. Однажды его посетил какой-то итальянский епископ. Провожая его поздно вечером, Пуссен сам нес лампу, чтобы светить гостю на лестнице.

- Жалею вас, г-н Пуссен, - говорил ему епископ, - и удивляюсь, как это вы обходитесь с одним слугой.

- А я вас жалею, монсиньор, - у вас их целая толпа!

Префект полиции в Париже, Сартин, однажды очень ловко и остроумно изобличил вора, против которого не было ровно никаких улик. Дело в том, что в Париж приехал из глухой провинции какой-то богатый человек, захватив с собой 50000 франков. Опасаясь столичных хищников, он тотчас по приезде отправился к одному из своих парижских друзей и попросил его подержать эти деньги у себя. Покончив с делами, ради которых приезжал, провинциал потребовал у друга свои деньги, но тот подлейшим образом их себе присвоил и разыграл сцену недоумения: "Какие деньги? Ничего я от тебя не получал! Что ты такое выдумываешь?..", и т.д. Злополучный простофиля кинулся к префекту Сартину.

- Вы разве не взяли с него расписки? - спросил Сартин.

- Ничего не брал. Я считал его другом, на которого можно положиться. Я отдал ему деньги без посторонних свидетелей. Знают только он да жена его, но она с ним, разумеется, заодно.

Что тут было делать? Сартин подумал, подумал и велел обворованному выйти в другую комнату и там ждать. В то же время он послал за вероломным другом и, когда тот явился, сказал ему:

- До моего сведения дошло, что вам были переданы на хранение 50000 франков, а вы отказались вернуть их владельцу.

Тот, конечно, отнекивался.

- Хорошо, пусть будет так, - сказал Сартин. - Но ведь мы можем это сейчас проверить. Вот неудобно ли вам, садитесь сюда и пишите, что я вам продиктую: "Моя дорогая (имя вашей супруги), прошу передать подателю этого письма те самые 50000 франков, которые отдал мне на хранение такой-

то тогда-то”. Теперь подпишитесь.

Когда письмо было готово, Сартин призвал одного из своих служащих, объяснил ему, в чем дело, и отправил с этим письмом. Тот скоро вернулся и привез деньги. Тогда Сартин вызвал из соседней комнаты обворованного, и вероломному другу уже невозможно было отпираться.

Профессор юридического факультета в Париже Руайз-Коллар был обременен долгами и в этом смысле был так же знаменит, как и своими учеными трудами. Однажды на экзамене он спросил у студента, что такое вексель. Ленивый и ровно ничего не знавший юноша долго мялся и, наконец, откровенно сказал: “Не знаю”. - “Экий счастливец!” - вздохнул профессор, подумав о бесчисленном множестве собственных векселей.

Русские остроумцы.

Старый генерал Шестаков, никогда не бывавший в Петербурге, не знавший в лицо императрицы Екатерины II, был впервые представлен ей. Екатерина долго милостиво с ним беседовала и, между прочим, в разговоре заметила, что совсем его до сих пор не знала.

- Да и я, матушка-царица, не знал вас, - наивно и добродушно ответил старый воин.

- Ну, меня-то, бедную вдову, где же знать! - со смехом сказала императрица.

Другой, тоже старый воитель, адмирал, после какого-то блестящего боя, в котором он одержал победу, был представлен Екатерине, и та просила его рассказать подробности этого боя. Адмирал начал рассказывать и рассказывал складно; но постепенно воспоминания увлекли его, - человек же он был очень пылкий, притом всю жизнь проведший среди своих матросов; тонкое обращение придворной сферы было ему неведомо, - и вот, в жару воспоминаний, он на некоторое время забыл, что перед ним императрица, и из его уст начали вырываться такие слова и фразы, "сделавшиеся классическими", как выражался Гоголь, что все присутствующие помертели от ужаса. Очувствовался, наконец, и сам повествователь и со слезами на глазах стал просить у императрицы прощения. Екатерина, слушавшая его, глазом не моргнув, очень спокойно отвечала ему: "Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, я ведь этих ваших морских слов и названий все равно не понимаю!"

Нарышкин принес в подарок Александру I попугая. А у Нарышкина был друг, некто Гавриков, большой любитель пунша. Каждый раз, когда Гавриков навещал Нарышкина, хозяин обычно громко возглашал: "Гаврикову пуншу!". По-

пугай, очень часто слыша эту фразу, заучил ее. Этот-то самый попугай и попал к императору. И вот скоро после того, как птица переселилась во дворец, государь слушал своего секретаря, который громко читал ему список лиц, представленных к наградам. В этот список попал и Гавриков. Как только секретарь громко прочитал это имя, попугай тотчас закричал: "Гаврикову пуншу, Гаврикову пуншу!". Александр взял бумагу и против имени Гаврикова написал: "Гаврикову пуншу".

Император Николай I однажды, желая подшутить над обер-полицеймейстером Бутурлиным, очень сурово встретил его при обычном утреннем докладе, наговорил ему много резких слов, упрекнул в небрежности, недосмотре и т.д. "У тебя, - говорил он, - чуть не из-под носа украли статую Петра с Сенатской площади, а ты докладываешь, что "все обстоит благополучно!" И он приказал ошеломленному Бутурлину отыскать вора во что бы то ни стало в одни сутки. Бутурлин тотчас помчался на площадь, увидел статую на своем месте, вернулся обратно и доложил государю, что его ввели в обман.

- Экий ты простофиля, Бутурлин! - сказал ему со смехом Николай. - Как мог ты подумать, что такую вещь, целый памятник, можно украсть? Ведь сегодня первое апреля!

Бутурлин был раздосадован, что так глупо попался, и решил отомстить. Вечером в тот же день государь был в театре. Бутурлин с подделанной тревогой на лице внезапно вошел в ложу и доложил ему, что в зимнем дворце пожар. Государь тотчас поехал во дворец, Бутурлин за ним. Когда подъехали ко дворцу и пожара никакого на оказалось, торжествующий Бутурлин радостным голосом гаркнул: "Сегодня первое апреля, ваше величество!".

Раздраженный император сказал ему:

- Ты, Бутурлин, дурак. И не думай, что я так тебя называю ради первого апреля; я тебя и завтра назову за это дураком.

Однажды на гауптвахту посадили двух офицеров. Одного из них начальник караула, по-приятельски, отпустил погулять, а другой, озлобленный этим, написал донос. Провинившихся офицеров отдали под суд. Николай I по докладе ему этого дела приказал гвардейцев перевести в армию, а доносчику выдать денежную награду, но внести в его формулярный список, за что именно им эта награда получена.

Министр внутренних дел Перовский представил к крупной награде некого Косинского. Император Николай I при докладе об этом несколько усомнился и заколебался. Перовский же настаивал, расхваливая Косинского и называя его “настоящим бриллиантом” чиновничьего мира. Государь запомнил этот пышный эпитет. Впоследствии тот же Косинский жесточайше проворовался. И вот однажды, когда министр двора представлял императору для выбора массу бриллиантовых вещей, Николай Павлович шутя сказал ему: “Ты их покажи лучше Перовскому, - это настоящий знаток в бриллиантах”.

Когда знаменитая французская актриса Рашель была в Петербурге, она потребовала, чтобы в ложу не пускали более четырех лиц. Об этом узнал император Николай Павлович и однажды, когда он удостоил актрису беседой и она выразила сожаление, что редко видит его на своих представлениях, он сказал ей:

- У меня ведь очень большая семья; я рискую оказаться пятым в нашей ложе.

Однажды на маневрах император Николай I что-то командовал, но его команда не была исполнена как следует, и в строю произошла видимая путаница. Государь тотчас подозвал командовавшего той частью, где произошел беспорядок, и потребовал объяснений. Оказалось, что генерал не расслышал слов команды.

- Мой голос слышит вся Европа, а мои собственные генералы его не слышат! Стыдно, генерал! - сказал Николай

Однажды какой-то крестьянин или мастеровой, Иванов или Петров, напился до потери разума в одном из питерских кабаков и начал нестерпимо сквернословить, так что даже целовальнику стало невмочь его слушать. "Постыдись ты, - уговаривал он пьяного, - ведь тут царский портрет!" - "Что мне царский портрет, плюю я на него!" - орал Иванов, очевидно, не сознавая, что мелет его язык. Его, конечно, немедленно препроводили в теплое место. Дело приняло скверный оборот - оскорбление величества, и о нем сочли необходимым доложить императору Николаю Павловичу. Но тот только рассмеялся и сказал: "Объявите Иванову, что я тоже на него плюю, и отпустите его".

- Ну, что, доволен ты Анною? - спрашивал император Николай I одного из своих офицеров, которому только что дал орден.

- Сам я доволен, ваше величество, - ответил офицер, - да Анна очень скучает по Владимиру.

- Это ничего, - сказал император, - пусть поскучает подольше, больше будет радости при свидании.

Во время отечественной войны к князю Багратиону подскакал однажды адъютант главнокомандующего с приказанием немедленно начать отступление, так как "неприятель у нас на носу". А у Багратиона был очень длинный нос. "На чьем носу? - пошутил Багратион. - Если на твоём, так недалеко, а на моем, так еще отобедать успеем!"

Знаменитый князь Горчаков, участвуя однажды в игре в вопросы, на заданный вопрос: "Что такое постель?" отвечал: "Таблица умножения".

У князя Долгорукова был парадный обед, на который был приглашен, между другими, генерал Каульбарс. Он поздал и явился, когда уже все сидели за столом. Среди гос-

тей началось движение, чтобы дать у стола место вновь прибывшему. “Не беспокойтесь, господа, - пошутил князь Долгоруков, - немец везде и всюду сыщет себе место!”

Немало позабавил императора Николая Павловича один солдат своей не лишеной остроумия выдумкой. Государь встретил его на вербной неделе, в те дни, когда в Петербурге идет уличный торг и совершаются массовые гулянья “на вербе”. Солдат что-то нес в узелке и спешил. Государь остановил его, полюбопытствовал, куда он идет, что несет, и узнав, что солдат несет продавать на вербе собственного изделия табакерки, пожелал их видеть. На табакерках оказался довольно сносно нарисованный портрет Наполеона I. Николай Павлович спросил, почему же он не поместил портрета своего императора. Солдат сказал, что своему тут быть не годится и, показывая табакерку, сделал такого рода объяснение:

- Когда хотят понюхать табачку, то, первое дело, хлопают по крышке, стало быть по носу французскому королю. А как понюхал человек, сейчас он должен чихнуть; а чихнул, - все равно, что здоровья пожелал: здравия желаем, мол, ваше императорское величество. И вот, извольте посмотреть, на этой стороне, внутри, вашего величества портрет.

На внутренней крышке был другой портрет, также не совсем плохой, императора Николая. Государь купил у солдата несколько табакерок, заплатил ему по-царски и потом со смехом показывал и дарил эти табакерки нескольким лицам, рассказывая им о смышленном солдате.

Однажды император Николай I, встретив на улице французского актера Вернэ, разговорился с ним, а когда они простились и разошлись, Вернэ мгновенно попал в канцелярию обер-полицеймейстера, потому что, не понимая по-русски, не мог ничего объяснить квартальному, который его допрашивал, по какому случаю государь остановил его. Дело, конечно, разъяснилось, и француза выпустили с извинениями, но с тех пор он начал так явно и видимо избегать встречи с госу-

дарем, что тому это бросилось в глаза и он потребовал объяснений: “Что, - дескать, - вы от меня бегаєте?”

- Государь, - отвечал артист, - беседовать с вами честь великая, но в то же время и небезопасная: я за это отменное удовольствие один раз уже просидел полдня в полиции и больше не желаю.

Обер-полицеймейстеру, когда дело разъяснилось, конечно, досталось за излишнее рвение его подчиненных.

При императоре Павле I в иностранных газетах появились статьи о России, в которых, между прочим, настоятельно советовалось русскому императору быть бдительным, не дремать, проснуться. Доложили графу Безбородко и спрашивали его, возможно ли пропустить в Россию газеты с подобными статьями. “Чего они его будят, - флегматично заметил граф-малоросс, - он уже и без того так проснулся, что и нам не дает спать!”

Митрополит Филарет славился своим удивительно спокойным и правильным мышлением и находчивостью. Сочинитель нашего русского гимна А.Ф.Львов одно время хлопотал о том, чтобы церковное пение во всех церквях России было однообразное, и для образца сочинил литургию. Он просил Филарета позволить ему представить свое сочинение на его суждение и, получив согласие, явился к митрополиту с четырьмя певчими. Те пропели литургию пред владыкою, тот прослушал и попросил, чтобы ее вновь пропел один из певчих. У Львова же вся литургия была четырехголосная и потому он отвечал, что один певчий ее пропеть не может.

- Вот то-то и есть, - спокойно сказал митрополит. - У нас в сельских церквях только и певчих, что один дьячок, да и тот нот не знает. Кто же будет петь вашу литургию?

Однажды за обедом, где присутствовал в числе других лиц духовного звания и митрополит Филарет, какой-то священник почтительно посетовал на то, что владыко весь исхудал, истощив себя постом и молитвой.

Митрополит, указывая на себя, т.е. на тело свое, сказал, что этого “скота” надо угнетать.

- А как же, владыка, - заметил один из застольников, - ведь сказано: блажен, иже и *скоты* милует!

Суровый кавказский герой А.П.Ермолов иногда отпускал словечки, полные остроумия. Так, когда он был еще командиром какой-то артиллерийской части, случилось, что он попал на смотр к знаменитому Аракчееву, и тот, найдя лошадей в плохом теле, грубо заметил Ермолову, что от этого, т.е. от состояния, в каком находятся вверенные ему кони, зависит вся его репутация. “Знаю я, - мрачно ответил Ермолов, - что репутация человека часто зависит от скотов”.

Однажды на маневрах одной армией командовал император Николай I, а другой - генерал Витт. Последний вдруг почему-то начал отступление. “Не понимаю, что это значит, - недоумевал государь. - Его положение гораздо благоприятнее моего!” - “Ваше величество, - сказал бывший с ним Ермолов, - генерал Витт, быть может, сбился с толку и принял маневры за настоящее сражение”.

Тот же Витт по случаю какого-то торжества роскошно иллюминировал свой дом и, между прочим, поставил на фасаде огромный щит-вензель с буквами Н и А (начальные буквы имен императора Николая и его супруги). “Смотрите, - заметил по поводу этого вензеля Ермолов, - ведь это он выпрашивает себе награду: Н А - надо аренду”.

Встретив во дворце известнейшего остряка николаевских времен князя Меншикова, Ермолов остановился и разговорился с ним. Меншиков, взглянув в зеркало, заметил, то у него высыпала борода, которой он два дня не брил. “Чего же ты, - сказал ему Ермолов, - высунь язык да и побрейся!”

Сейчас упомянутый А.С.Меншиков бесспорно занимает первое место среди русских остряков. Его выходки и чрез-

вычайно метки, и злы, и многочисленны. Очень возможно, что многое, что приписывалось ему, принадлежало другим, но так как за ним прочно установилась репутация остроумца, то его авторство трудно и оспаривать.

Он недолюбливал знаменитого строителя Николаевской железной дороги графа Клейнмихеля и не раз удачно прохаживался на его счет. Так, однажды он посадил к себе на плечи мальчика по имени Михайла, и когда его спрашивали, что ему за фантазия пришла таскать на шее груз, он отвечал по-немецки, что “маленький Миша (по-немецки klein Michel) теперь у всех на шее сидит”.

Когда скончался митрополит Серафим, император Николай Павлович говорил, что не может решить, кого поставить в преемники почившему. “Ваше величество, - посоветовал Меншиков, - назначьте митрополитом графа Клейнмихеля, ведь он только духовных должностей еще не занимал”.

Николай I подарил Клейнмихелю роскошную трость с рукоятью, усыпанную драгоценными камнями. Все, конечно, поздравили его с монаршею милостью. Меншиков тоже позддравил, но нашел награду малою. “На месте государя, - говорил он, - я не пожалел бы для вас и ста палок”.

Не щадил он также графа Киселева, министра государственных имуществ. В конце 40-х годов на Кавказе оставалось еще несколько горских поселений, не хотевших покориться и образовавших настоящие разбойничьи гнезда. Николай I решил разорить эти аулы и не знал только, кого бы послать ради этого на Кавказ.

- Конечно, Киселева, ваше величество! - советовал Меншиков. - Коли надо разорять, так никто лучше его не сумеет распорядиться. Он всех государственных крестьян разорил; что же ему стоит поладить с несколькими аулами!

Перед Пасхою начали строить балаган как раз против того дома, где жил граф Кисилев. Кто-то спросил у Меншикова, зачем тут строят балаган. А он отвечал: “Тут Киселев будет показывать на Пасхе государственных крестьян”.

Какой-то иностранец, увидя Киселева, спросил Меншикова по-французски, кто это такой. “C'est le ministre qui s'eleve”, т.е. это министр возвышающийся, идущий в гору. Но

слова “qui s’eleve” выговариваются совершенно так, как француз выговорил бы фамилию Киселев, если б ее написать французскими буквами - Kisselew.

В Петербурге жило три брата Бибиковых, из которых один славился своим чванством, другой отчаянный игрок, а третий-враль и хвостун. Меньшиков говорил про них: “Вот три братца! Один надувается, другой продувается, а третий других надувает”.

- Вот еще один баснописец скончался! - говорил Меньшиков, когда умер известный писатель, специалист по военной истории, Михайловский-Данилевский.

Этот писатель был человек очень осторожный и угодливый. Он в своих исторических трудах тщательно превозносил тех генералов, от которых чаял себе протекции. Он написал историю отечественной войны 1812 г. и военную историю последующих годов - 1813 и 1814 - последних годов Наполеоновской эпохи. В середине 40-х годов он заканчивал новое издание своего труда, и как раз в это время тогдашний военный министр Чернышев был командирован на Кавказ, и предполагали, что он там будет оставлен главнокомандующим, а на его место министром будет назначен Клейнмихель. Меньшиков, зная, что новое издание книги Михайловского-Данилевского уже готовится, говорил про него:

- Михайловский книгу свою уже закончил и перепечатывать, конечно, не станет; он просто напишет в предисловии, что все, что в книге сказано о князе Чернышеве, относится к Клейнмихелю.

Графу Клейнмихелю приписывается невероятный выговор, сделанный им (говорят, что совершенно официально, на бумаге) инженерному генералу Кербедзу. Строили мост через Неву и при забивке свай тратили массу времени на работу. Кербедз придумал машинное приспособление, при котором забивка свай много ускорялась и удешевлялась, и представил модель и описание. Вот за этот-то подвиг изобретательности он и получил нагоняй: ему поставили на вид, за чем он не изобрел этой машины до начала работ, к чему мед-

лил и тем ввел казну в огромные убытки и траты.

Статс секретарь Позен тоже не пользовался расположением Меньшикова. Когда государь Николай Павлович пожаловал Позену драгоценную табакерку со своим портретом, Меньшиков говорил: “Надо полагать, государю пожелалось взглянуть поближе, что творится у Позена в кармане”.

Николай I очень восхищался известным фокусником Боско. Меньшиков сказал ему на это:

- У нас, ваше величество, есть свой фокусник, отечественный, получше заморского.

И на вопрос государя, кто же именно, отвечал:

- А министр финансов Канкрин! Он берет в одну руку серебро, в другую золото, дунет в одну руку - выходят ассигнации, плюнет в другую - в ней облигации!

Какой-то очень заслуженный моряк, много раз бывший в плаваниях, исколесивший весь свет, вдруг почему-то вздумал перейти на службу в полицию и получить место пристава в Петербурге в Казанской части.

- Что за чудак, - говорил про него Меньшиков, - все части света обошел, а лучше Казанской не нашел!

У себя в кабинете Меньшиков повесил Распятие, а по обе стороны его портреты двух знаменитых временщиков доброго старого времени и говорил:

- Смотрите, вот Христос, распятый между двумя разбойниками.

Когда Чернышев и Позен были командированы на Кавказ, Меньшиков говорил:

- Отправились наши новые аргонавты в Колхиду. Пожалуй, Чернышеву и удастся найти там золотое руно, только обстрижет его не он, а Позен.

Министр просвещения Норов был человек одноногий: другая нога у него отсутствовала, уж не знаем вследствие каких именно обстоятельств. Товарищ¹⁾ его, Ширинский-Шихматов, как и сам Норов, был человек и мало образованный, и недалекого ума. Когда состоялось его (Норова) назначение в министры, Меньшиков сказал:

- У нас и всегда-то народное образование тащилось, как кляча, но все же эта кляча была четырехногая; а теперь стала трехногая, да еще с *норовом*.

Когда министром финансов был назначен Брок, Меньшиков сказал:

- Вот и ко Броку (к оброку) довелось прибегнуть; оплошали наши финансы.

Граф Закревский, при назначении его генерал-губернатором в Москву, был прямо пожалован орденом Андрея Первозванного; а у него не было еще ни анненской, ни александровской лент. В то время в цирках отличалась волтижерка Можар, совершавшая всех изумлявшие прыжки через ленты.

- Что же удивительного, - говорил Меньшиков, - что молодая и здоровая волтижерка прыгает через одну ленту? Вот Закревский, старый человек, перепрыгнул сразу через две!

Когда отчеканили медаль за венгерскую кампанию с надписью: "С нами Бог", то австрийцам, русским союзникам, за их вероломство и трусость Меньшиков предлагал выдать медаль с надписью: "Бог с вами".

Барон Боде, строитель кремлевского дворца в Москве, по окончании постройки получил множество наград: орден, чин, камер-юнкерство, медаль, деньги и т.д. Меньшиков сказал тогда по этому поводу:

- Это правильно, так и следует. Сперанский составил один свод - Свод Законов, а Боде сколько сводов-то наста-

¹⁾ Товарищем министра называли в то время заместителя министра.

вил! Сперанскому и была одна награда, а Бобе -несколько.

Увидав министра народного просвещения Норова, шедшего с какой-то дамой, Меньшиков сказал:

- Коней с норовом я видывал много раз, но даму с норовом вижу в первый раз в жизни:

Однажды император Николай I в сопровождении блестящей свиты посетил Пулковскую обсерваторию, но совершенно внезапно. Директор Струве, никак не ожидавший высочайшего посещения, ужасно смутился и сделал такое движение, как-будто хотел спрятаться за громадный телескоп обсерватории.

- Что же это он? - проговорил государь, заметив его замешательство.

Тогда Меньшиков, указывая на окружавших придворных, украшенных множеством орденов, сказал:

- Он, должно быть, испугался, увидав всю эту кучу звезд не на своих местах.

Кавказский генерал Едлинский в конце своей служебной карьеры был назначен к фельдмаршалу Барятинскому. Тот, принимая его при представлении, сказал ему ласково и шутя, что теперь он устраивается "на покой", как говорят про престарелых архиереев.

- У меня и умрешь! - заключил Барятинский.

- Ваше сиятельство, - отвечал Едлинский, - я никогда вперед начальства не суюсь!

Однако же, на этот раз "сунулся", то есть умер раньше Барятинского.

Когда генералам дали новую форму - красные панталоны, - Едлинский сказал:

- То, бывало, прежде отличали генералов по головам, а теперь их станут отличать по ногам.

Проводя какую-то новую финансовую реформу, граф

Канкрин услышал довольно обычное, даже в наше время свирепствующее возражение: “Что скажет Европа?”

- Эх, господа, - отвечал на это Канкрин, - у нас обычно только и разговору, только и беспокойства о том, что скажет Европа! Россия что скажет, вот для нас что важно!

Однажды Канкрин доложил Николаю I, что в некотором новом, только что тогда изданном законе оказывается много неудобств и пробелов. Государь возразил ему, что закон обсуждался в государственном совете, что сам Канкрин участвовал в его обсуждении: зачем же он тогда молчал?

- Ваше величество, - отвечал Канкрин, - ведь это рассмотрение закона в совете было подобно охоте на бекасов. Статьи и параграфы летели во все стороны, именно как бекасы. Ну, конечно, что успел, так сказать, подстрелить налету, то и подстрелил, а остальное так и пронеслось мимо!

Генерал Федоренко получил орден Белого Орла. Государь, увидав его во дворце, заметил, что этого ордена на нем не было, и, думая, что ему, быть может, еще неизвестно о монаршей милости, так как пожалование только что состоялось перед тем, спросил его:

- Ты получил Белого Орла, которого я дал тебе?

- Получил, ваше величество, - ответил Федоренко со своим неискоренимым хохлацким выговором. - Да чем я того орла кормить буду?

Государь рассмеялся и назначил ему аренду.

Среди бесчисленных шутовских выходок и проделок великого Суворова мало было истинно остроумных. Отметим, однако же, его едкое слово о своих ранах.

- У меня семь ран, - говорил он, - из них только две я получил в бою, а пять при дворе, и эти пять куда мучительнее боевых.

Какой-то офицер, которого Суворов очень любил и ценил, как доброго и храброго служаку, отличался чересчур уж несдержанным языком и этим нажил себе таких врагов, что

ему и служить стало невмочь. Суворов зазвал его однажды к себе, запер двери и с видом величайшего секрета сказал ему, что у него есть злейший враг, который на каждом шагу ему вредит и пакостит. Встревоженный этим известием и вообще всей таинственной обстановкой этой беседы, офицер начал было перечислять своих врагов, стараясь угадать, про кого именно сказал ему фельдмаршал. Но тот только руками махал с нетерпением и досадой: “Не тот, дескать, вовсе не тот!”. Офицер перебрал одного за другим всех своих недругов и, наконец, объявил, что уж не знает, на кого подумать. Суворов на цыпочках подошел к окнам, к дверям, послушал, потом все с теми же шутовскими ужимками подошел к офицеру вплотную и шепнул ему:

- Высунь язык!

Тот повиновался. Тогда Суворов, указывая пальцем на его язык, сказал ему:

- Вот он! Вот кто твой злейший враг!

Удалившись к себе в деревню, Суворов в досужее время охотно играл с мальчишками в лодыжки. Людям, которые дивились, видя его за этим буколическим занятием, он говорил: “Теперь в России столько фельдмаршалов, что им только и дела что в бабки играть!”

Граф Мордвинов был ожесточенным противником льгот по воинской повинности, которые были предоставлены или, лучше сказать, которые предоставили себе евреи, и добился, что в государственный совет был внесен проект закона, по которому евреи должны были отбывать повинность наравне с остальным населением. Евреи, как и всегда, отлично все знали загодя, знали, что главный их противник Мордвинов, и предложили ему крупнейшую взятку, 200000 рублей, за то только, чтобы он молчал, когда в совете будет обсуждаться этот законопроект. Мордвинов взятку взял и очень добросовестно промолчал все время, пока проект обсуждался в совете. Император Николай Павлович, присутствовавший на совете, был поражен и страшно раздражен таким поведением

Мордвинова, по почину и настояниям которого составлен был и проект этого закона. Почти все члены государственного совета, можно сказать, надрывались, доказывая негодность евреев к военной службе, а один только Мордвинов, который и все дело поднял, сидел потупившись и молчал. Государь не выдержал и тут же обратился к нему с резкими словами упрека и прямо требовал объяснений его загадочного молчания. Мордвинов в ответ на гневные слова императора вынул 200000, полученные им во взятку, и, подавая их ему, сказал:

- Ваше величество, я дал евреям слово молчать при обсуждении моего проекта в государственном совете и должен был сдержать это слово, потому что взял с них за это 200000. Вот эти деньги. Судите сами, сколько же взяли с евреев другие члены совета, которые так горячо их отстаивали, когда мне за одно молчание дали 200000?

Потемкин был страшно надменен и не выносил ни малейшего оттенка бесцеремонности в обращении окружающих. Между тем, около него давно хлопотал какой-то господин, мечтавший сделаться чуть не домашним другом светлейшего князя. Потемкин это видел и уже подумывал о том, не пора ли отделаться от докучливого прихлебателя. А тот как раз сам ему в этом помог, обратившись к нему однажды с замечанием насчет того, что он, князь, чересчур уж добр и допускает к себе слишком много людей, совсем такой чести не стоящих. Нужно, дескать, вам составить список таких людей и вручить его лакею, чтобы он прямо им отказывал, не допускал бы их до вашей особы.

Потемкин с видимым удовольствием выслушал этот совет, вполне согласился с ним, радушно поблагодарил советчика и на этот раз расстался с ним любезнее, чем когда-либо. Но на другой день прихлебатель был несказанно поражен, когда явился к князю и лакей решительно остановил его со словами: "Не приказано принимать!"

- Ты не узнаешь меня, что ли? - крикнул он лакею.

- Помилуйте, как не узнать! - возразил лакей. - Но вот

тут в списке, который князь составил по вашему совету, ваше-то имя и стоит как раз первым. Извольте сами посмотреть!

Граф Пестель, будучи сибирским генерал-губернатором, очень часто и подолгу гостил в Петербурге. Император Александр I любил его и нередко приглашал обедать. И вот однажды за обедом зашел разговор о пяти чувствах и о том, какое из них у человека сильнее всех других. Присутствовавший за обедом граф Ростопчин сказал: "Я думаю, что самое сильное чувство у человека - зрение; ведь вот, например, граф Пестель живет большей частью в Петербурге, а между тем отлично видит, что делается у него в Сибири, за тысячи верст отсюда".

При Скобелеве состоял какой-то генерал, которого он очень ценил, как отличнейшего практика по хозяйственной части, умевшего доставить корм для лошадей и продовольствие для людей чуть не среди голой пустыни. Но зато этот генерал был до неприличия труслив, и что ни день, то присылал Скобелеву рапорт о болезни, которая его избавляла от участия в военных действиях. Скобелев иногда, смеясь, говорил про него:

- У него колоссальная боевая опытность. Он каким-то чутьем узнает каждый раз, когда предстоит серьезное дело, и тут-то и захворает.

В пятидесятых годах прошлого века граф Стенбок был командирован в поволжские губернии, где очень широко распространялся раскол. Ему было поручено исследовать это дело на месте.

Сам граф бал протестант. Однажды, когда он горячо убеждал какого-то туза-раскольника оставить свои заблуждения и вернуться к истинной вере, тот долго безмолвно слушал и вдруг перебил:

- Ваше сиятельство, ведь вы и сами изволите состоять в расколе. А ведь у вас есть же на это свои причины и вы вашего раскола не оставляете.

Граф вспылил было, но раскольник спокойно продолжал:

- Я говорю сущую правду-с. Ведь вы лютерова закона. А разве ваша вера не раскол супротив православия? Однако же, вас никто не преследует, а еще в царской службе держат. Покажите нам пример, коли по-вашему Никонианская вера правильная. Вы же держитесь другого толка, значит, сами вы ее правильной вовсе не считаете, а нас побуждаете переходить в нее.

Одно время, когда попечителем московского университета был суровый граф Строганов, от которого все трепетали, инспектором студентов был добрейший П.С.Нахимов, общий любимец учащейся молодежи. Случилось, что во время говения университетский священник решил не допускать нескольких студентов до причастия, за какие прегрешения - об этом уж история умалчивает. Студенты кинулись к Нахимову, и тот сейчас же вошел в их интересы и страхи, пошел к священнику (это был великий ханжа и лицемер) и просил его смиловаться над грешниками! Тот мгновенно уперся:

- Не могу, не могу и не могу! В Писании сказано...

- Эх, батюшка, что Писание!.. Что граф-то скажет!

Довод сразу подействовал.

Нарышкины, отец и сын, оба славились острословием. Отец был, между прочим, известный мот, кругом задолжавший, заложивший все, что только принимали в залог.

Когда в 1809 году в Петербург приезжала прусская королевская чета, все вельможи давали балы, вечера, обеды, соперничая в роскоши и великолепии. Дал бал и Нарышкин, причем скромно выразился о нем, удачно скаламбурив:

- Я со своей стороны *сделал*, что был *должен* сделать, но зато и *должен* остался за все, что *сделал*.

При дворе был бал, и все гости, конечно, явились в роскошнейших костюмах, один только Нарышкин не блистал великолепием украшений, и это даже бросилось в глаза им-

ператору Александру Павловичу.

- Где же твои бриллианты, Нарышкин? - спросил он.

- Государь, - ответил Нарышкин по-французски, - я приглашал (j'ai invité) с собою свои бриллианты, но они сказали, что уже ангажированы (engagé).

По-французски "engager" значит и приглашать (отсюда наше танцевальное ангажировать) и закладывать, отдавать под заклад (gage).

Однажды как-то во время бала, данного Нарышкиным, государь спросил его, во что ему этот бал обойдется.

- Пустяки, государь, каких-нибудь полсотни рублей на гербовую бумагу.

В разговоре об одном знатном московском барине государь выразился, что он живет открыто. "Не только открыто, ваше величество, но даже раскрыто. У него в Москве два дома стоят вовсе без крыш".

Однажды во время сражения с французами Нарышкину сыну было поручено занять и защищать какую-то позицию. Государь сказал Нарышкину, что боится за его сына, потому что он занял очень опасную позицию. "О, не беспокойтесь за него, государь, - отвечал остряк. - Мой сынок весь в меня: коли уж занял, так не отдаст".

Все время, пока прусский наследник гостил в Петербурге, шли дожди. Это очень огорчало императора Александра I. "Ваше величество, - утешал его Нарышкин, - тут есть и своя выгодная сторона: принц не может пожаловаться на сухой прием".

Однажды Львов, весельчак и остряк времен Екатерины и Павла I, ехал куда-то далеко за город в карете, вдвоем с Потемкиным. Светлейший был мрачен, озабочен и всю дорогу упорно и сурово молчал. Львов, конечно, тоже боялся и пикнуть. Когда приехали, Львов, униженно кланяясь Потем-

кину, попросил позволения обратиться к нему с покорнейшею просьбою. На вопрос, с какою, он ответил: "Будьте милостивы, не сказывайте никому, о чем мы с вами всю дорогу разговаривали".

Павел I, любивший Львова, однажды беседа с ним, оперся на его плечо. "О, государь, - воскликнул Львов, - мне ли служить вам опорой! А главное, многих ли вы этим удивите? А вы вот позвольте мне на минуту на вас опереться, вот тогда посмотрите, что будет твориться! Увидите такие физиономии, что до слез смеяться будете!".

В пятидесятых годах к управлению Кавказского наместничества было прикомандировано много чиновников, которым решительно нечего было делать. В числе их был и известный писатель Соллогуб, автор "Тарантаса". Когда наместником был назначен Муравьев, он решил уволить всех бесполезных чиновников. При представлении ему служащих Муравьев заметил Соллогуба и спросил его: "Вы автор "Тарантаса?" - "Точно так, ваше превосходительство!" - "Так можете сесть в ваш тарантас и уехать!"

Одесский генерал-губернатор Ланжерон был родом француз. Однажды за обедом во дворце он сидел рядом с генералами Уваровым и Милорадовичем. У них у обоих была настоящая страсть говорить на французском языке, хотя они знали его совсем слабо и говорили Бог весть как. Император Александр Павлович, который заметил во время обеда, что генералы очень оживленно между собою беседуют, спросил у Ланжерона, о чем они так горячо говорили. Вы, дескать сидели рядом, и верно слышали. "Я все слышал, государь, - ответил Ланжерон, - но, к несчастью, они говорили, должно быть, как я догадываюсь, по-французски, и поэтому я ничего ровно не понял".

Известный автор "Сумасшедшего дома" Воейков был зол и завистлив, и таковы же были его многочисленные выходы, из которых достаточно будет привести для примера

одну-две. А.А.Краевский, будучи в гостях у Владиславлева, увидал у него на стене портрет Греча. Краевский удивился и спросил хозяина, неужели он так почитает Греча, что даже портрет его у себя повесил. Присутствовавший при этом Воейков сказал: "Ах, Андрей Александрович (Краевский), дайте вы ему пока, до виселицы-то, хотя на гвоздике повисеть!".

У Воейкова был орден 3-й степени, а у Греча тот же орден степенью ниже. Воейков, прав он был или нет, был убежден, что Греч ему ужасно и злобно завидует из-за этого ордена, и однажды высказал ему это в глаза, и к тому же при свидетелях. Задетый за живое Греч сказал ему:

- С какой же стати я стану завидовать незаслуженному кресту?

Эта отповедь всех рассмешила, а Воейков со злой иронией сказал, что он завел тетрадку и записывает все острые слова Греча, а потом их соберет, напечатает и наживется на этой книжке.

- Завидую вам, - заметил Греч. - А вот мне от вас нечем поживиться!

Греч был членом Английского клуба. Знаменитый Фаддей Булгарин все приставал к нему, чтобы он и его провел в члены клуба. Но в клубе его знали, не любили и на выборах забаллотировали. При первой встрече после выборов Булгарин, конечно, бросился к Гречу с вопросом: "Ну, что, выбрали меня?"

- Единогласно! - воскликнул Греч с торжеством. И в то время, как физиономия Булгарина расцветала и лоснилась от самодовольства, он продолжал: -Единогласно, в буквальном смысле этого слова, ибо один только мой голос и был в твою пользу.

Когда Державин поступил в рядовые Преображенского полка, его ближайшим начальником оказался офицер Козловский, большой любитель поэзии и сочинитель. Однажды Козловский собрался читать знакомым какое-то свое новое произведение, а в это время к нему пришел по служебному

делу Державин. Сделав свое дело, Державин остановился за дверью послушать, что такое читают. Козловский, заметив это, крикнул ему: “Ты что стал! Ступай вон, ведь все равно ничего не смыслишь, что тебе слушать!”...

Гоголь бывал на вечерах у Языкова, где всегда царили страшная вялость и скука. Гости безмолвно сидели, курили, лишь изредка перекидывались короткими фразами. Просиживали так целый вечер и скучные расходились по домам. Однажды Гоголь, уставший молча сидеть и сражаться с зевотою, в конце вечера встал и возгласил: “Ну, господа, пора нам и кончать нашу шумную беседу!”

Граф Хвостов был одержим неутолимим зудом стихотворчества, но его произведения, тяжелые, безобразные и нелепые по внешней форме, часто почти бессмысленные, возбуждали общий хохот. Известный баснописец Измайлов превосходно характеризовал его тяжеловесную музу в двух своих эпиграммах. Одна из них гласит:

В Крылова притчах мы читаем, что петух,
В навозе роясь, нашел большой жемчуг.
Но клада не найдешь такого,
Все притчи перерыв Хвостова.

Когда Хвостов написал свою безобразную оду на большое петербургское наводнение 1824 года, Измайлов сочинил на нее эпиграмму:

Господь послал на Питер воду,
Хвостов сейчас скропал и оду.
Пословица недаром говорит:
Беда - беду родит.

Писатель Аскоченский, издатель “Домашней беседы”, славился, как образцовейший ханжа и лицемер, и в свое время служил притчей во языцех для всех юмористических журналов. Но в юности, например, еще в бытность в духовной академии и в первые годы по окончании курса, он был очень

боек, резок и зол на язык. Так, однажды профессор церковной истории после длинного ученого рассуждения о русской церкви сделал вывод, что де в настоящее время наша церковь управляется Духом Святым.

- Да, только в генеральском мундире! - громко сказал Аскоченский, намекая на обер-прокурора Св. Синода генерала Протасова.

Первые годы по выходе из академии Аскоченский служил в Каменец-Подольске. Архиепископом там был в то время начальник его по семинарии Ельпидифор. Однажды владыка за что-то рассердился во время обедни на дьякона и, будучи очень горячего нрава, не стерпел и довольно громко сказал дьякону: "Дурак!". Аскоченский после обедни с ядовитым смирением спросил его: "Ваше преосвященство, что должен петь клир, когда архиереем возглашает "дурак"? "И духови твоему"?..

После назначения Н.М.Карамзина на должность историографа он делал визиты. В одном доме, не застав хозяина, он приказал лакею записать свое звание и имя: "Историограф Карамзин".

- Покажи-ка, как ты записал? - полюбопытствовал он, продиктовав лакею эти слова, и прочитал запись, сделанную лакеем: "Карамзин, граф истории".

Когда Загоскин читал первые отрывки из "Юрия Милославского" своим знакомым, все оставались поражены яркой талантливостью этого произведения. Загоскина знали и раньше, знали, что он обладает талантом, но не думали, что его талант так значителен. Кто-то из знакомых простодушно выразил это общее изумление словами:

- Мы от вас, признаться, даже и не ожидали такого великолепия.

- Я и сам не ожидал, - с таким же простодушием отвечал Загоскин.

Остроты А.С.Пушкина и бесчисленны, и блестящи как по внутреннему значению, так и по внешней форме. Его едкое остроумие выразилось лучше всего в его эпиграммах, которые мы здесь приводить не будем, потому что они вошли во все полные собрания его сочинений, а они теперь разошлись по России в миллионах экземпляров. Приведем лишь те Пушкинские выходки и остроты, которые рассеяны по историческим журналам, запискам, воспоминаниям его современников и т.д.

Однажды, во время большого обеда, где собралось множество лицейских товарищей Пушкина, один из них, князь Эристов, человек уже не молодой и чиновный, очень смешил публику, рассказывая анекдоты довольно неопрятного содержания. Пушкину не нравилось это ломание перед публикою. Он довольно мрачно молчал долгое время, потом вдруг перебил Эристова вопросом:

- Скажи, пожалуйста, ты ведь уж советник какой-то, коллежский или статский...

- Статский, - ответил Эристов. - Тебе это на что понадобилось знать?

- А потому, что мне желательно видеть тебя действительным статским советником!

Расскажем злую шутку Пушкина с лицейским гувернером Трико, хотя она часто передается в изустных рассказах. Этот Трико, гувернер Царскосельского лицея, где воспитывался Пушкин, не пользовался любовью лицеистов. Случилось, что Пушкин с товарищами вздумали погулять в Петербурге; попросились у Трико, а тот не отпускал. Решили этим запрещением пренебречь, но так как опасались, что Трико непременно пустится в погоню, то и обезопасили себя на всякий случай такого рода шуткой.

В те времена на шоссе под Петербургом были устроены заставы, около которых проезжающих останавливали, спрашивали их имена и записывали их, и только после записи пропускали дальше. Озорные лицеисты и устроились так, что впереди ехал один из них, потом позади, на некотором рас-

стоянии, другой, а за ним, опять-таки на известной дистанции, Трико, гнавшийся, как они полагали и рассчитывали, за ними по пятам, чтобы их настичь, вернуть и засадить в лицейскую кутузку.

Итак, подъезжает к заставе первый лицейст, скажем Пушкин. Заставный чин его останавливает, спрашивает имя.

- Александр Однако, - объявляет Пушкин.

Странное имя, конечно, производит на стража некоторое впечатление, но... мало ли какие бывают имена, особенно в Питере, где такая пропасть иностранцев. "Однаку" записывают и пропускают, не говоря ни слова.

Подъезжает вслед за ним товарищ (кажется Кюхельбекер). Останавливают.

- Как фамилия?

- Василий Двако!

Впечатление от странности людских имен усиливается. В уме стража заставы, несомненно, совершается сопоставление двух имен: Однако, Двако!.. Но мнительность еще не назрела до степени активного сомнения; Кюхельбекер пропускается. Подъезжает злополучный гувернер.

- Как фамилия?

- Трико.

Теперь уже сомнений никаких! Ясное дело, что это все одна компания шутников, шалопаев, а может быть, и мошенников. Заставные чины, конечно, горько пожалели, что пропустили первых двух: от них уж и след простыл; но зато третий-то уж не уйдет. И несчастный Трико целые сутки просидел на заставе под арестом, пока выяснилось дело.

Плотно покушав и выпив шампанского на одном обеде, Пушкин беседовал с какой-то дамой, лицо которой носило чрезвычайно обильные следы оспы. У поэта вырвалось какое-то неловкое словечко, не понравившееся даме, и она осадила его:

- Александр Сергеевич, у вас уж начало-двоить в глазах.

- Не двоить, сударыня, а *рябить!*..- поправил Пушкин.

Как-то раз за обедом лицейский товарищ Пушкина Семенов попал между Гречем и Булгариным. “Ты сегодня, как Христос на Голгофе!” - шепнул ему Пушкин.

Друг Пушкина Соболевский был известный рифмач, и Пушкин, когда рифма не давалась ему, часто пользовался его талантом. Когда после смерти Пушкина его сочинения вышли в редакции Геннади, исполненной весьма неудовлетворительно, Соболевский сочинил эпиграмму:

О, жертва бедная двух адовых исчадий:

Тебя убил Дантес, а издаст Геннади!

Отец поэта Сумарокова однажды вздумал спросить у сына, что тяжелее - ум или глупость, и поэт отвечал ему, что глупость, “потому, - объяснил он, - что я свободно ездю на паре лошадей, а вас возят целой шестерней”.

Известный собиратель народных песен и сказаний, покойный П.И.Якушкин, в высокой степени страдал одним из наших национальных пороков: пристрастием к спиртным напиткам. Однажды его пригласил на завтрак граф Строганов. Якушкин явился к нему уже, видимо, навеселе. “Да вы, кажется, уже *позавтракали?*” -спросил граф. “Позавтракать не позавтракал, а чуточку выпил”. - “Что же теперь будем делать?” - спросил граф. “Выпьем еще чуточку!” - отвечал Якушкин.

И.С. Тургенев при случае не стеснялся чином и званием людей, которые обходились с ним невежливо. Так, однажды где-то на вечере, чрезвычайно многолюдном, Иван Сергеевич с великим трудом нашел себе в углу столик и немедленно за ним расположился, чтоб закусить. Но такая же участь постигла еще некоего маститого генерала. Он тоже безуспешно слонялся из угла в угол, отыскивая себе место. Но для него уже ровно ничего не осталось. В раздражении подошел он к сидевшему отдельно в уголке Тургеневу, в полной уверенности, что штатский испугается генерала, да еще сердитого, и

уступит ему место. Но Тургенев сидел и ел, не обращая внимания на стоявшего перед ним с тарелкой генерала. Генерал окончательно рассердился и обратился к знаменитому романисту с очень неосторожными словами: "Послушайте, милостивый государь, какая разница между скотом и человеком?"

- Разница та, - очень спокойно ответил Тургенев, продолжая свой ужин, - что человек ест сидя, а скот стоя.

При одном случае И.С. Тургенев вспомнил и сказал одну остроту, слышанную им от Пушкина. Страдая подагрой, он обратился к какому-то немцу-профессору, и тот, утешая его, сказал, что подагра "здоровая" болезнь. "Это напоминает мне слова Пушкина, - заметил И.С. - Его кто-то утешал в постигшем неблагополучии, говоря, что несчастье - отличная школа". - "Счастье, - возразил Пушкин, - еще лучший университет!"

Тургенев усиленно работал, кончая роман. А тут, как нарочно, одолели его друзья, которые не выходили от него и отрывали от работы. Стало ему, наконец, невмочь, и он уехал в какой-то маленький немецкий городок, где, он знал, русские не бывают. Остановился, конечно, в гостинице, заперся, начал усердно работать. Но докучливые люди уже поджидали его и сделали нападение, как только он явился в столовую гостиницы. Соседу за столом, по заведенному обычаю, непременно надо было знать, откуда он приехал, давно ли, долго ли рассчитывает пробыть в этом городе. И.С. отвечал на первые вопросы с отменной краткостью. А на последний отрезал: "Три дня пять часов и семнадцать минут!" - "Как вы точно определяете", - усмехнулся любопытный сосед и уж, конечно, пожелал узнать, от каких причин эта точность зависит. Тургенев ответил не сразу. Он на минуту как бы сосредоточился, собрался с мыслями и, наконец, спросил: "Вы о русских нигилистах слышали когда-нибудь и что-нибудь?". Сосед отвечал утвердительно. "Так вот-с, извольте видеть: я нигилист. Там у себя на родине, я был замешан в одно политическое дело, отдан под суд и приговорен к наказанию". -

“Какому же?” - “Мне предложили избрать одно из двух - либо каторжные работы на всю жизнь, либо ссылка в ваш город на восемь дней. И вот дернуло меня выбрать последнее!” - закончил И.С. самым мрачным тоном. После того его, конечно, оставили в покое.

Известный украинский философ Скворода был чрезвычайно смугл лицом, почти черен, как негр, и когда ему делали на этот счет замечание, он говаривал: “Когда ж скворода бывает белая?”

Про митрополита Филарета, ужасно не любившего тучных и грузных духовных лиц (а их в его время было много в Москве) и часто их убиравшего подальше, профессор Снегирев говорил: “У нас владыко-митрополит постник: ест по два пескаррика в сутки да попом закусывает”.

У литератора Толбина служил какой-то человек, которому однажды надо было заменить паспорт. Толбин случайно заглянул в этот паспорт и увидел там отметку: особых примет не имеется. Он сейчас же позвал человека и спросил его: как это так вышло! Неужели, дескать, у тебя нет никаких особых примет? Тот отвечал, что нет. “Вздор, - протестовал Толбин, - что-нибудь да должно же быть! Ну, вот, например, скажи, ты знаешь, кто был Гамлет, принц датский?” - “Никак нет”. - “Ну, вот тебе и особая примета!”. И Толбин вписал в графе “особые приметы” слова: “Не знает, кто был Гамлет, принц датский”. Замечательнее всего то, что когда в обмене на старый паспорт выслали с места родины этого человека новый паспорт, то в нем эта “особая примета” значилась: “Не знает, кто был Гамлет, принц датский”.

Какой-то старичок, столкнувшись с известным драматургом Островским, присмотрелся к нему и признал его за знакомого, а только никак не мог припомнить, кто это такой. “Я Островский”, - сказал ему А.Н. “А, ну так и есть, - догадался старичок. - Я ведь тоже с острова (т.е. Васильев-

ского, в Перербурге); я живу в 6-й линии. Значит, это мы там с вами и встречались”. И старичок предложил А.Н. взять извозчика пополам к ним на остров.

Однажды А.Н.Островскому пришлось быть судьей в споре двух каких-то купцов. Они никак не могли придти к соглашению по вопросу о том, были ли отношения между Молчалиным и Софией Фамусовой (в “Горе от ума” Грибоедова) совершенно невинные или же иные. С этим именно вопросом они и обратились к А.Н. “Как же это вы спрашиваете о таких вещах, - попрекнул их знаменитый писатель. - Ведь София Павловна девица из честной и даже знатной семьи. Если б там и было что, и я бы, положим, знал об этом, то хорошо ли было бы с моей стороны об этом разглашать?”

Иван Андреевич Крылов, наш знаменитый “дедушка” - баснописец, говорил иногда милые остроты, очень, впрочем, добродушные. Так, однажды, какие-то молодые люди при встрече с его необычайно просторной фигурой не утерпели и из их группы послышалось замечание: “Ух, какая движется туча!” - “И лягушки заквакали”, - спокойно ответил баснописец.

Крылов был членом и одним из усерднейших посетителей Английского клуба, где обычно и совершал свои часто невероятные застольные подвиги. Английский клуб считался чрезвычайно солидным общественным собранием, местом свидания чиновной знати, словом, аристократическим клубом, и туда охотно заявлялись приезжие богатые помещики. Однажды кто-то из этих наездных гостей разговорился и, как это нередко бывает, увлекся или, выражаясь ближе к делу, зарвался. Рассказывал он, главным образом, об изобилии плодов земных в его местах и, повествуя о волжской рыбе, пожелал показать, какой длины стерляди ловятся в Волге, и начал расставлять руки. Случилось, что Крылов сидел как раз рядом с ним. Как только краснобай-помещик начал раскидывать руки, обозначая размеры своей стерляди, Крылов тотчас быстро отодвинулся к другому концу стола со слова-

ми: “Позвольте я подвинусь, чтоб дать дорогу вашей стерляди!”

Император Николай I знал лично и любил Крылова. Случилось, что государь встретил его на улице как раз в то время, когда императорская семья жила в Аничковском дворце, а Крылов, служивший в Публичной библиотеке, имел там казенную квартиру. “Как поживаешь, Иван Андреич? - приветствовал его государь. - Мы с тобою давненько не видались”. - “Давненько, ваше величество, - ответил И.А., - а ведь близкие соседи!” (Для незнающих Петербурга заметим, что публичная библиотека и Аничков дворец разделены между собою только небольшой Александринской площадью).

Самой комической выходкой И.А.Крылова можно считать сделанную им поправку в контракте на наем квартиры. Домовладелец в контракт вставил пункт, где было сказано, что в случае, если по неосторожности Крылова дом сгорит, то Крылов обязан уплатить владельцу 60000 рублей. Крылов, читая контракт, взял перо и добавил к цифре два ноля, так что вышло 6 миллионов. Домовладелец попрекнул его, зачем он зря марает контракт, но Крылов спокойно сказал ему, что он вовсе не думал забавляться. “Вам так будет лучше; приятнее же знать, что получишь 6 миллионов, чем 60000. А для меня не все ли равно, что 60 тысяч, что 6 миллионов, ведь я все равно не могу уплатить”.

Крылов написал комедию “Урок дочкам”. Главные роли в ней исполняли две актрисы чрезвычайно пышного телосложения. “Когда такие играют, - заметил дедушка, - так надо изменять заглавие пьесы; это уж не “Урок дочкам”, а “Урок бочкам”.

Поэт Костров, придерживавшийся крепких напитков, однажды на обеде лихо выпил. Его потянуло ко сну; он уселся на диван и прислонился головою к его спинке, готовясь опочить. “Что, Ермил Иваныч, - сказал ему какой-то юноша,

- у вас в глазах мальчики?" - "Мальчики, и преглупые!" - ответил Костров.

Известный поэт-сатирик Минаев прославился своими экспромтами, эпиграммами и, кажется, в особенности, рифмами к трудным словам, вроде "окунь". Вот какое сказание сохранилось о происхождении этой рифмы. Минаев дружил с актером Жулевым, который тоже был очень искусен в подборе рифм. У них вышел спор, кто скорее и удачнее подберет рифму к "окуню". Отправились они вместе куда-то за город, там выпили, и, когда возвращались обратно, Минаев, оставшийся еще (относительно) в здравом уме и твердой памяти, все смеялся над Жулевым, который очень ослаб и клевал носом. Ехали же оба верхами. Смеясь над приятелем, он ему напомнил об их споре насчет рифмы, но у Жулева отшибло память, и он с недоумением спрашивал: "Какой спор, какая рифма?" - Не помнишь? Эх ты!.. А что мы сейчас-то делаем, это ты сознаешь, будешь помнить? Я тебе лучше скажу это в стихах, ты лучше запомнишь, слушай:

Верхом мы ездили далеко
И всю дорогу шли конь-о-конь.
Я говорлив был, как сорока,
А ты был нем, как сонный окунь.

Минаев сотрудничал в "Деле". В это время он крепко расхворался и сильно похудел. Кто-то из друзей, встретив его, был поражен его тощим видом и спросил, что с ним.

От харчей журнала "Дело"

И не так спадешь, брат, с тела!

- ответил Минаев.

В драме А. Толстого "Смерть Ионна Грозного" роль Грозного исполняли Васильев и Самойлов. Минаеву почему-то очень не понравились оба в этой роли, и он, обращаясь к приятелю, театральному критику, возгласил:

К тебе обращаюсь с мольбою я слезной,

Скажи ты мне правду, на что вся игра их похожа?

Я Павла Васильича вижу, Василья Васильича тоже,
Но где же Иван-то Васильевич Грозный?

Про оперетку “Зеленый остров” Минаев сказал:

Хоть не близка была дорога,
Пошел посмотреть я пьесу с Острова
Скажу: зеленого в ней много,
Но очень мало, мало острого.

Известный оперный певец бас Петров однажды слушал какой-то хор в исполнении дам-любительниц. Хор в том тоне, в каком он был написан композитором, оказался для исполнительниц не под силу, и его пришлось переделать на более низкий тон - *la* бемоль мажор. Когда одна из исполнительниц после концерта спросила Петрова, как он нашел их исполнение, он сказал, что слышал эту вещь много раз, в другом тоне, но в *as-dur*¹⁾ (*ас дур*) не слышал.

Знаменитый актер Н.Х. Рыбаков был краснобай и часто, рассказывая о своих странствиях и приключениях, о пережитом и виденном, сдабривал истину щедрой приправой из небылиц. Так, однажды, будучи в одном городе на Кавказе, он будто бы увидел целую гору мачтового леса, наваленного на рынке. “Что за чудо? - повествовал он. - Откуда это, думаю себе, на Кавказе такой огромный мачтовый лес? Подошел ближе, и что же? Не лес, а хрен! Это на Кавказе такой хрен растет”. Кто-то из присутствовавших с ловко подделанной наивностью спросил его: “Ну, а терок, на которых этот хрен трут, вы не видали, Николай Хрисанфович?”

Играя однажды роль в “Разбойниках” Шиллера, Рыбаков напялил на себя турецкие шаровары, итальянскую шляпу и испанский плащ. Ему заметили, что такой костюм совсем невозможен. “Вот тебе раз! - возражал Рыбаков. - На разбойнике-то? Да он с кого стянул, то на себя и надел”.

¹⁾ *as-dur*, лат. - тональность - ля бемоль мажор.

Точно так же, играя Отелло, он вдруг явился в русском чиновничьем мундире. “Невозможно!” - запротестовал режиссер. “Как невозможно? Да Отелло-то кто? Губернатор. А губернаторы по какому министерству? Внутренних дел! Я и надел мундир министерства внутренних дел!”

Тот же Рыбаков однажды рассказывал, как он потерял часы, как через четыре года после того проезжал по тому же месту, где их потерял, как его собака сделала над ними стойку, и он их поднял, и они за четыре года отстали всего на пять минут.

Автор пьесы, в которой участвовал Самойлов, хотел сделать какое-то замечание знаменитому актеру, но никак не мог приступить к нему сразу, а пустился в очень длинные предисловия о том, что “не мне вас учить”, и т.д. “Напротив, учите, учите, - сказал Самойлов. - Посмотрите, у меня еще молоко на губах не обсохло”. А он как раз в эту минуту пил чай с молоком.

Собираясь подать прошение об отставке, Самойлов говорил знакомым, что переходит во французскую труппу, которая играет в Петербурге в Михайловском театре. “Там выгоднее, - говорил он, - там таланта можно иметь вдвое меньше, чем у меня, а получать вдвое больше”.

Когда Самойлов, не сойдясь в условиях с театральной дирекцией, подал в отставку, тогдашний заправила театрального дела, Гедеонов, упрекал его в неблагодарности лично к нему, Гедеонову, который “был вам всем отцом”. “Ну, нет, - ответил ему Самойлов, - мой отец меня вытолкнул на сцену, а вы меня выталкиваете со сцены”.

Какой-то актер пристал к Самойлову, прося его сказать мнение об его игре. “Мне все кажется, - добавил он, - что у меня в игре чего-то не хватает”. - “Таланта не хватает!” - сказал ему знаменитый артист.

На дверях уборной актера Никифорова кто-то из не очень расположенных к нему товарищей написал слово “Лакейская”, вырезанное из афиши. Уборную Никифорова, правда, так и называли в закулисной кружке, потому что в ней вечно толпились актеры, заходившие побалагурить с ее хозяином, большим краснобаем и остряком. Увидав эту обидную надпись, Никифоров сейчас же отрыл в груди афиш довольно обычное на них слово “шутка” и наклеил его рядом, и вышло “Лакейская шутка”.

Один актер, человек грубый и вздорный, чем-то оскорбил Никифорова, а потом на него напало великодушие, и он, протянув руку обиженному, воскликнул: “Ну, давай руку, товарищ!”. Но Никифоров спрятал руки за спину и отвечал: “Я гусь!” (гусь свинье не товарищ).

Когда актер Милославский был в Казани, туда к губернатору была прислана откуда-то бумага, в которой губернатора просили “склонить” Милославского либо к уплате неустойки, либо к исполнению контракта, который им был нарушен. Губернатор Скарятин, большой любитель театра и почитатель Милославского, пригласил его к себе и показал ему эту бумагу. “Склонить Милославского!” - громко прочитал Милославский. - Ваше превосходительство, Милославского, конечно, можно склонить, но ведь я не Милославский, а Фридебург, а иностранные слова не *склоняются*”.

Тот же Милославский однажды удачно урезонил жидов где-то в их городе, вроде Бердичева. Поставили “Каширскую старину”. Жидки толпой стояли около афиши и с жаром толковали. Милославский подошел послушать их разговоры, очень хорошо зная, что они всего больше заинтересованы коровой, которую было обещано разыграть между зрителями. И вот вдруг он с удивлением убедился, что между жидками составилось, благодаря их безграмотности, престранное мнение: они порешили, что хотя корову и будут разыгрывать

для видимости, но что ее выиграет сам антрепренер, потому-де, что на афише прямо сказано, что “выиграет *кассирская сторона*”. “Дурачьё, - убеждал их Милославский, - не кассирская сторона, а “*Каширская старина*”!- Это история о старом еврее, о том самом, который первый стал продавать евреям каширскую говядину!” Жиды поверили и битком набили театр.

Глинка долго и безуспешно бился на репетициях с певицей Лилеевой, которая, хотя и обладала прекрасным голосом, но решительно не в состоянии была придать должное выражение партии Гориславы в его “Руслане и Людмиле”. Желая искусственно вызвать жизнь в ее безжизненном голоске, Глинка тихо подкрался сзади и весьма чувствительно ее ущипнул. Она, конечно, вскрикнула от неожиданности, да и от боли, и крикнула голосом, полным жизни и вполне неподдельного чувства. “Ну, вот, - одобрил ее композитор, - теперь вы сами видели, что этой фразе можно придать и жизнь, и выражение. Вот так и пойте!”

Н.А.Потехин, написав свою драму “Горе Доля”, продал ее театральной дирекции, а сам уехал. Между тем, на репетициях с этой драмой, долго и безуспешно бились и без автора никак не могли справиться. “Он свое взял, да и уехал, - говорил тогда про него остроумный актер Григорьев. - Он взял себе “долю”, а нам оставил “горе”.

Актер Васильев, очень быстро ставший любимцем публики, не вынес своего успеха, ужасно возгордился и дошел до того, что стал позволять себе нестерпимые дерзости с товарищами. Но один из них чувствительно проучил его. Он, здороваясь с Васильевым, протянул ему руку, а тот в ответ поднял ногу со словами: “Пожмешь и ногу!”. - “Которую, - нашелся остроумный товарищ, - переднюю или заднюю?”

Актер Бантышев простудился накануне представления, в котором должен был исполнять роль Иосифа в опере Ме-

гюля. Он известил о своей болезни дирекцию запиской, в которой было сказано: “Не могу играть Иосифа, потому что я Осип” (осип от простуды).

Актер Алексеев был отчаянный игрок. Однажды он был на вечере у кого-то из товарищей, и хозяин предложил ему заложить банк. “Какой там банк закладывать! - сказал Алексеев. - Я последние часы заложил в ломбард!”

Князь Ю.Н.Голицын, страстный театрал, однажды в кружке слушателей превозносил достоинства какой-то оперы. Один из кружка, человек почти неизвестный князю, заметил было, что музыка оперы хороша, но только в ней медные инструменты... Но Голицын резко перебил его: “Много вы понимаете в медных инструментах! Вы, вероятно, из медных-то инструментов только один самовар и знаете, да и тот, пожалуй, не сумеете поставить!”

Оба Каратыгины были остряки, но из них особенно отличался П.А.Каратыгин. Он острил и в прозе, и в стихах. Ему приписывается, между прочим, экспромт, сказанный однажды жареному поросенку:

Ты славно сделал, милый мой,
Что в ранней юности скончался,
А то бы сделался свиньей
И той же участи дождался!

Он же сказал про суфлера, обремененного многочисленным семейством:

Из маленькой дыры глядит великий муж.
Хоть нет в самом души, а кормит восемь душ!

- Посмотри-ка, брат, талья-то - рюмочка! - говорил Каратыгину кто-то из товарищей, охватив талию молоденькой, только-что поступившей на сцену актрисы.

- Рюмочка, да невинная! - ответил Каратыгин.

Кому-то из товарищей Каратыгина публика поднесла лавровый венок. Показывая его Каратыгину, актер очень им восхищался и, между прочим, радовался тому, что венок такой большой и такой свежий.

- Он и свежий хорош, и *сухой* (с ухой) годится, - заметил Каратыгин.

Рассмотрев однажды целую грудку новых пьес, представленных на просмотр, Каратыгин сказал:

Из ящика всю выбрав требуху,
Я двадцать пьес прочел в стихах и прозе;
Но мне не удалось, как в басне петуху,
Найти жемчужину в навозе.

Когда умер его старший брат, В.А.Каратыгин, во время похорон, усиливаясь протискаться до гроба покойного, не утерпел и сказал каламбур: "Дайте мне, господа, добраться до братца!"

Когда хоронили писателя Н.А.Полевого, его заклятый враг при жизни, знаменитый в своем роде Фаддей Булгарин вертелся около гроба и хотел было пристроиться в числе прочих, чтобы нести гроб. Каратыгин отстранил его со словами:

- Мало ты его *поносил* при жизни!

Брат императора Николая I, Михаил Павлович, любил острить. Однажды, когда он в присутствии Каратыгина отпустил какую-то шутку, Николай Павлович сказал, обращаясь к знаменитому актеру:

- Смотри-ка, Каратыгин, брат мой у тебя *хлеб* отбивает.

- Лишь бы *соль* не отбил, ваше величество, - нашелся

Каратыгин.

По поводу какой-то драмы Каратыгин говорил: "Первое действие в селе, второе - в городе; а остальные что-то уж вовсе ни к селу, ни к городу".

Случилось однажды, что труппу артистов пригласили в какой-то загородный дворец и поместили временно в дворовой прачечной. Каратыгин по этому поводу заметил: “Ну, что же нам обижаться? Очевидно, нас хотели поласкать” (полоскать).

Однажды Каратыгин должен был играть роль заболевшего Максимова. Тот шутя сказал ему:

- И ты, Петя, у меня хлеб отбиваешь, играешь *за меня*.

- То-то, что не *заменя!* - отвечал Каратыгин.

Про Вагнеровскую музыку Каратыгин выразился, послушав ее впервые: “В первый раз не поймешь, во второй - не пойдешь!”

Однажды актер Ленский в большой толпе других просителей, среди которой было много генералов, ждал и томился в приемной какого-то весьма высокопоставленного лица. Случилось, что у одного из генералов выпало перо из султана.

- Заждались генералы-то, даже линять начали! - заметил Ленский.

Садовский с большим блеском играл в “Короле Лире”, и как раз в это же время скрипач Щепин почти провалился на своих концертах. “Садовский-то больше выиграл на лире, чем Щепин на скрипке”, - заметил Ленский.

В какой-то пьесе на репетициях все не удавалось наладить со статистами сцену, представлявшую ропот толпы. “Как вам не стыдно, господа, не уметь изобразить ропот! - увещевал статистов актер Максимов. - При вашем жаловании вы бы должны были научиться роптать образцовым порядком!”

Китайское остроумие.

С китайским народным остроумием мы ознакомим читателей по книге, хотя и изданной в России, но, смеем думать, почти совершенно неизвестной публике, именно по “Китайской хрестоматии” покойного профессора В.П.Васильева, - книге, которая известна одним только бывшим питомцам восточного факультета.

Один человек был очень жаден до денег. Раз кто-то сказал ему: “Дай я тебя прибью до смерти; я дам тебе за это тысячу лан”. Скряга подумал и потом сказал: “Ты лучше прибей меня до полусмерти и дай мне не полную тысячу лан, а только пятьсот”.

Некто приехал в гости к одному человеку. Хозяин был человек богатый, у него на дворе ходило множество кур и уток. Но он был скуп, ему не хотелось тратиться на угощение гостя, и он начал извиняться, что у него ничего нет, нечем угощать. Гостю уж очень хотелось кушать и он предложил хозяину зарезать лошадь, на которой он приехал, и из нее изготовить обед. “На чем же ты поедешь к себе домой?” - спросил хозяин. “А я займу у вас либо курицу, либо утку. У вас их много. Я на ней и уеду домой”.

Однажды шли вместе отец и сын. На них напал тигр, схватил отца и поволок. Сын тотчас же натянул лук, чтобы выстрелить в тигра. Отец же, видя, что он хочет стрелять, закричал ему: “Стреляй осторожно, чтобы не испортить шкуры, а то потом за нее никто не даст ни лана”.

Один человек очень любил выпить. Вот раз, пришедши

куда-то в гости, он увидел на столе очень маленькие рюмочки и принялся горько плакать. Удивленный хозяин спросил его, что означают его слезы. “Как же мне не плакать, - сказал пьяница. - Я как увидел эти рюмочки, так вспомнил о своем покойном родителе. Его тоже позвали в гости и угощали из такой же маленькой рюмочки. Он нечаянно проглотил ее и от этого умер”.

Одному человеку случилось обедать с большим обжорой. Он чрезвычайно быстро съел стоявшее перед ним кушанье и сейчас же потребовал себе свечу. “Да зачем же? - спросил его собеседник. - Еще совершенно светло”. - “Нет, не светло, - отвечал тот, - я ничего перед собой не вижу на блюде”.

Другой обжора имел обыкновение есть, не отрываясь от тарелки. Однажды где-то за обедом он всмотрелся в лицо человека, сидевшего с ним рядом, и сказал, что припоминает его потому, что где-то видал его раньше. Но тот не мог его припомнить. Когда же подали кушанье и обжора принялся по своему обыкновению есть не отрываясь, тогда сосед сказал ему: “Теперь я вас вспоминаю. Мы действительно встретились с вами однажды за обедом. Но так как вы кушали ни на минуту не отрываясь от тарелки и не поднимая головы, то я не мог рассмотреть ваше лицо”.

У одного богатого человека была тысяча лан. Он очень этим чванился и однажды сказал какому-то бедняку: “Разве ты не знаешь, что я богач, отчего же ты мне не кланяешься?” - “У тебя больше денег, чем у меня, - отвечал бедняк, - так с какой же стати я буду тебя уважать?” - “Ну, а если бы я отдал тебе половину своего имущества?” - “Ну что же, тогда было бы у меня 500 лан, у тебя 500 лан, мы стали бы равные, так чего ж бы мне перед тобой кланяться?” - “Ну, уж не знаю, как бы ты мне поклонился, если бы я тебе отдал все мои деньги?” “Вот что выдумал! У меня бы была тысяча лан, а у тебя бы ни гроша, да еще я же бы тебе стал кланяться!”

Один богач говорил бедняку: “У меня в доме богатства на миллионы”. А бедняк ему отвечал: “Да и у меня запасов тоже на миллионы”. На вопрос же изумленного богача, где у него эти миллионы, бедняк отвечал: “Ты имеешь, да не трастишь, а я и тратил бы, да не имею. Какая же между нами разница?”

Один бедняк пригласил к себе гостя откусать. Но у жены бедняка была в запасе только каша, да и той было очень немного. Чтобы казалось больше, хозяйка положила в кашу большой булыжник. Когда каша была доедена и булыжник показался из-под нее, сконфуженный хозяин, чтобы оправдаться во мнении этого гостя, начал упрекать жену: как же, дескать, ты так неаккуратно промываешь крупу, оставила в ней такой большой камень.

К одному человеку, у которого было множество долгов, однажды собрались все его заимодавцы и совершенно наполнили его квартиру. Ими заняты были все кресла, стулья, скамьи, так что некоторым пришлось сидеть на перилах лестницы. Хозяин подошел к одному из этих последних и шепнул ему, чтобы он завтра приходил к нему пораньше. Кредитор понял это в том смысле, что хозяин собирается уплатить долг ему одному, чтобы другие не знали. Порешив на этом, он сейчас же принялся уговаривать остальных заимодавцев, чтобы они подождали уплаты. Те вняли его увещанию и разошлись. На другой день кредитор поспешил явиться к должнику, и тот вежливо сказал ему: “Вчера мне было очень совестно, что вам пришлось сидеть на лестнице, я и пригласил вас сегодня придти пораньше, чтобы вы могли сесть в кресло”.

Один человек сбился с дороги и стал спрашивать о ней у встречного путника. Но тот оказался немым и только знаками показывал, что желает получить деньги за свою услугу. Заблудившийся дал ему несколько монеток. Тогда немой преспокойно раскрыл рот и очень внятно и отчетливо рассказал путнику, куда ему надо идти. Тот с удивлением его спросил: “Зачем ты притворялся немым, пока не получил де-

нег?” “Оттого, - отвечал он, - что нынче только тот и умеет говорить, у кого есть деньги”.

Один человек, к которому некто пришел в гости, очень хотел есть, но в то же время не желал угощать своего гостя. Поэтому он под каким-то предлогом ушел во внутренние комнаты и там плотно покушал. Когда он снова вышел к гостю, тот сказал ему: “Какие у вас прекрасные колонны в комнатах и как жаль, что они съедены муравьями!” Хозяин начал с удивлением оглядываться на все стороны и сказал, что он до сих пор ничего такого не заметил. “Да ведь они едят внутри, а снаружи ничего и нельзя заметить”.

Однажды кошка гналась за мышью, и та, спасаясь от нее, вскочила в большую кадку, а кошка уселась с краю и стала ждать. Вдруг кошка чихнула, а мышь сейчас же ей сказала на это: “Желаю здравствовать”. - “Нужды нет, что ты со мной вежлива, а я все-таки тебя съем”, - сказала ей кошка.

Двое людей очень любили похвастать. Один из них раз сказал другому, что в его краях есть такой великан, что он головой упирается в небо, а ногами в землю. А другой сказал, что в его краях есть великан еще больше: он верхней губой подпирает небо, а нижней землю. “А где же у него тело?” - спросил первый. “Не знаю, - отвечал другой. - Я видел только, как он старался разинуть рот как можно шире” (т.е. прихвастнуть).

Один хвастун говорил, что в их местах есть барабан в несколько обхватов, так что его грохот слышен за 50 гингов. А другой человек сказал, что в его краях есть корова, у которой ноги длиною в 10000 гингов. Когда же присутствующие начали сомневаться, он сказал: “Если бы не было такой большой коровы, то откуда же бы взять такую огромную шкуру, какая нужна на тот барабан, про который сейчас сказывали”.

Однажды в дороге встретились житель Шань-Дуня и житель Су-Джоу. Разговорились, и оказалось, что шаньдунец путешествует в Су-Джоу посмотреть тамошний мост, про который ему рассказывали чудеса, а житель Су-Джоу отправляется в Шань-Дунь, чтобы посмотреть на тамошнюю редьку, про которую ему тоже рассказали чудес. “Если вы хотите знать об этом мосте, - сказал житель Су-Джоу, - то вам незачем самому туда ездить, я вам о нем расскажу. Ровно год тому назад у нас с этого моста упал один человек и до сих пор все еще летит и не может долететь до воды. Вот каков у нас мост!” - “Ну, спасибо вам, - сказал шаньдунец. - Если хотите, вы тоже можете не ездить смотреть редьку. Я вам расскажу о ней. Она теперь только еще растет, но к будущему году так вырастет, что дотянется до вашего Су-Джоу, и тогда вы сами ее увидите”.

Один крестьянин пришел из деревни в город и зашел в гости к своему родственнику. Его начали угощать, подали чай. Крестьянин все время, не переставая, хвалил напиток. Хозяин счел его за знатока чая и спросил его, что ему, собственно, так нравится: самый чай или вода, на которой он настоен? “Мне больше всего нравится, что горячо”.

Отец с сыном были очень упрямы и никогда никому ни в чем не уступали. Случилось однажды, что отец послал сына купить мяса. Сын, купивши мясо и неся его домой, встретился где-то в тесном месте с прохожим, и им никак нельзя было разойтись без того, чтобы один уступил дорогу. Но прохожий попался тоже страшно упрямый и дороги уступать не желал. Поэтому оба, как встали, так и стояли друг против друга, не двигаясь с места. Тем временем отец, обеспокоенный долгим отсутствием сына, пошел его отыскивать и, увидав его в этом положении, сказал ему: “Ты ступай домой, неси мясо, а я пока постою и не буду пускать”.

Десять мужчин, чрезвычайно много потерпевших от своих жен, однажды сошлись вместе и дали друг другу клятву взаимно помогать один другому в борьбе со своими дражай-

шими половинами. И вот в то время, когда они произносили эту клятву в кумирне пред изваянием божества, туда же неожиданно явились их жены, узнавшие о заговоре. Девять мужей тотчас же бросились бежать без оглядки и в испуге спрятались куда попало. Только один из десяти остался стоять на коленях перед идолом. “Вот так молодец; - подумали другие мужья. - Храбрый человек! Надо его выбрать в наши предводители”. Между тем, жены, подойдя к этому храбрецу, вдруг подняли крик и разбежались. Оказалось, что он, как стоял, на коленях, так тут же и умер от страха.

Один непочтительный сын часто бивал своего отца, старик же постоянно нежно нянчился с сынишкой своего сына, своим внуком. Ему говорили, зачем он так старается нянчиться с этим мальчишкой, коли сын так непочтителен к нему. “Мне хочется, чтобы мальчик вырос и хорошенько отомстил за меня, обращаясь со своим отцом так же, как и он со мною”.

Муж с женой работали в поле. Жена отошла в сторону и начала готовить обед, а когда он был готов, крикнула мужу, чтобы он шел есть. Тот в свою очередь, крикнул ей издали, что он оставит лопату на том месте, где работает, и затем подошел к жене. Та встретила его бранью и упреками: зачем он на все поле кричит о том, где оставит лопату. Теперь все слышали, знают, где лопата положена, кто захочет, придет и украдет ее. Спрятал бы потихоньку и потом потихоньку же сказал об этом. И она сейчас же прогнала его назад, чтобы он принес лопату. Муж сходил и, возвратясь назад, осторожно оглянулся кругом, нагнулся к самому уху жены и шепнул ей: “А ведь нашу лопату-то уже украли”.

В Китае, как известно, браки заключаются очень рано. И вот случилось, что за мальчика, которому шел второй год, сватали только-что родившуюся девочку. Отец девочки очень рассердился и говорил: “Они меня хотят надуть, да им не удастся. Моей дочке первый год, а их сыну второй. Значит, он вдвое старше. Значит, когда моей девочке будет 10 лет, то их сыну будет 20 лет. Разве я могу согласиться выдать дочь за

такого старого зятя”. А жена сказала ему: “Ты ошибаешься. Теперь нашей дочке год, но на будущий год ей будет 2 года; значит, она будет одних лет с мальчиком. Отчего же не отдать за него?”

Преступник должен был перенести телесное наказание, но он нанял за себя другого. Тот взял деньги и явился в суд, чтобы принять наказание. Судья приказал дать ему тридцать ударов бамбуковой палкой. Но, получив с десятков палок, он не стерпел, и полученные деньги потихоньку сунул палачу, и тот нанес ему остальные удары полегче. Встретившись с преступником, который его подкупил, он стал его горячо благодарить. “Хорошо, что ты дал мне деньги, - говорил он, - а то бы мне нечем было подкупить палача, и он забил бы меня насмерть”.

Один человек был изобличен в том, что украл вола. Его судили, заковали в кандалы и повели в тюрьму. По дороге с ним встретился его приятель и спросил его, за что его заковали. Вор сказал: “Сам не знаю, за что. Я проходил и увидел на земле соломенную веревочку; думал, что она брошена, никому не нужна, и взял ее. Вот за это потом меня и судили”. Приятель спросил: “Что же за беда поднять соломенную веревочку?” - “Право, не знаю, - отвечал вор. - Должно быть, тут все дело в том, что на конце веревочки была привязана одна штучка”. - “Какая же?” - “Одна маленькая штучка, которую запрягают в плуг, когда пашут”.

У одного человека двадцатилетнего возраста, родился сын. Малый вырос, но не хотел ничего делать и жил на счет отца. Однажды отец призвал гадателя и велел ему поворожить, долго ли они с сыном проживут на свете. Гадатель сказал, что отец проживет 80 лет, а сын 62 года. Рассчитав, что ему придется прожить после смерти отца еще два года, - сын горько расплакался: “Кто же меня будет кормить эти два года?”

Жена в отсутствие мужа приняла гостя; но муж неожиданно вернулся домой. Жена быстро посадила гостя в мешок из-под крупы и спрятала мешок за дверь. Но муж сейчас же заметил мешок и спросил, что в нем. Смутившаяся жена молчала, не зная, что сказать. Тут ее друг отвечал из мешка: “Крупа”.

Один человек был большой любитель тишины и спокойствия, но, по несчастью, случилось так, что у него с одной стороны поселился медник, а с другой слесарь, которые, конечно, целые сутки стучали и грохотали и не давали ему покоя. Он часто говаривал, что если бы эти его соседи переехали, то он с радости знатно угостил бы их. И вот однажды оба мастера пришли к нему и сказали, что они переехали. Он на радостях задал им настоящий пир. За столом он спросил их, куда же они переехали. “Он в мою квартиру, а я в его”, - отвечали соседи.

У одной женщины умер муж. Она все время ходила около покойного и обмахивала его веером. Кто-то из посетителей спросил ее, зачем она это делает, потому что погода стояла тогда очень прохладная. На это вдова, утирая слезы, ответила: “Покойник перед смертью приказывал мне, чтобы я по времени выходила замуж, пока его тело не остынет”.

Один человек женился на старой женщине. Когда ее привели к нему в дом, он, видя на ее лице морщины, спросил, сколько ей лет. Она отвечала, что 45 или 46 лет. Тогда муж напомнил ей, что в свадебном договоре ей было обозначено 38, и начал ее уговаривать, чтобы она назвала свои годы по совести; но она твердила все то же. Тогда муж прибег к хитрости. Он взял кусок ткани и сказал: “Надо покрыть соль в кадке, чтобы ее не съели мыши”. - “Вот смех-то! - воскликнула жена. - 68 лет живу на свете, никогда не слыхивала, чтобы мыши ели соль”.

Народное остроумие индусов.

Как известно, индийская литература созидалась тысячи за три или за четыре лет до нашего времени. В числе сокровищ санскритской литературы есть, между прочим, и сборники сказок, басен, разных смешных историй, анекдотов. Из произведений этого рода особенно славится “Панчатантра”. Но мы не из нее будем заимствовать образцы индусского остроумия, потому что она, в сущности, представляет собою сборник басен вроде Крыловских, Лафонтеновских. Мы приведем здесь другие рассказы, которые обычно в туземных списках “Панчатантры” присоединяются к ней. Изберем из этих рассказов повесть о приключениях четырех глупых браминов.

Однажды в одной местности была объявлена *самарах-дана*, т.е. большое публичное угощение, которое в особых случаях предлагается браминам. И вот четыре брамина, отправившиеся из разных деревень на этот праздник, дорогой случайно встретились и, узнав, что все направляются в одно место, порешили идти вместе.

По дороге с ними встретился воин, шедший в противоположную сторону. При встрече он приветствовал их, как водится, сложив ладони и произнося слово “Саране-айа!” (Привет, владыко!), с которым обычно обращаются к духовным лицам. На это приветствие все четыре брамина в один голос отвечали тоже обычным словом: “ассирвахдам” (благословение). Солдат, не останавливаясь, продолжал свой путь, и брамины тоже. В скором времени они подошли к колодцу, утолили жажду и прилегли отдохнуть в тени под деревом. Сидя под деревом, они не могли придумать никакой серьез-

ной материи для беседы и долго молчали, пока одному из них не пришло в голову сделать замечание:

- Надо признаться, что солдат, которого мы сейчас встретили, человек очень умный и разборчивый. Вы заметили, как он сразу отличил меня среди других и обратился ко мне с приветствием?

- Да он вовсе не тебе сказал приветствие, - возразил другой брамин. - Он не тебе, а мне кланялся.

- Оба вы ошибаетесь, - сказал третий. - Привет воина относился ко мне одному, и он когда говорил "саране-айа", то смотрел прямо на меня.

- Все это вздор! - сказал четвертый. - Он здоровался во все не с вами, а со мной. Ежели бы не так, то с какой же стати бы отвечал ему: "Ассирвахдам"?

Принялись они спорить и в споре до такой степени разгорячились, что едва не разодрались. Тут один из них, видя, что ссора их зашла слишком далеко, кое-как утихомирил других и сказал им:

- Зачем нам без всякой пользы впадать в гнев? Если бы мы даже наговорили друг другу всяких дерзостей, если бы даже разодрались, как какая-нибудь сволочь "судра" (люди низшей касты), то разве этим путем спор наш разрешился бы? Кто может решить этот спор успешнее того, из-за кого он возник? Ведь воин, которого мы встретили и который отдал привет одному из нас, вероятно, не успел еще далеко уйти. И, по-моему, нам лучше всего пуститься за ним вдогонку, и пусть он сам скажет, кому из нас четырех он относил свой привет.

Совет показался благоразумным, и, следуя ему, все четверо повернули назад и во всю прыть помчались вдогонку за солдатом. Едва переведа дух от усталости, они, наконец, нагнали его верстах в четырех от того места, где встретили. Увидев его, они еще издали крикнули ему, чтобы он остановился, а затем, подбежав к нему, рассказали ему, какой у них вышел спор из-за его поклона, и просили его разрешить этот спор, указав того из них, кому он относил поклон.

Воин, конечно, сейчас же понял, с какого рода людьми ему приходится иметь дело. Он, желая над ними позабавиться, с самым серьезным видом сказал им: "Я кланялся тому из

вас, кто всех глупее". Затем, не говоря им больше ни слова, повернулся и пошел своей дорогой.

Брамины тоже повернулись и некоторое время шли молча. Но все они принимали слишком близко к сердцу этот спорный поклон и потому несколько времени спустя снова заспорили. На этот раз каждый из них утверждал, что поклон война относился к нему, в силу самого объяснения, данного воином; каждый утверждал, что он глупее всех остальных и что поэтому поклон относился к нему. И снова спор довел их до бешенства и почти до драки.

Тогда тот, кто раньше советовал обратиться для разрешения спора к воину, снова умиротворил своих спутников и сказал:

- Я вовсе не считаю себя менее глупым, чем каждый из вас, и в то же время каждый из вас считает себя глупее меня и двух остальных. Вот мы выругаем друг друга, как хотим, и даже подеремся. Что же, разве таким путем мы решим, кто из нас самый глупый? Послушайте вы меня, бросьте ссориться. Недалеко отсюда есть один город; пойдём туда, явемся в судилище и попросим судей рассудить нас.

И этот совет был немедленно принят и исполнен. Все они направились в городское судилище, чтобы предоставить решение спора беспристрастным судьям. И они не могли выбрать для этого более благоприятного времени. В судилище как раз собрались все начальствующие лица города; много других браминов и других лиц, и так как в этот день не было никаких других дел, то их немедленно и выслушали.

Один из браминов выступил вперед и с большими подробностями рассказал перед всем собранием всю историю их спора и просил рассудить, кто из них четырех всех глупее.

Рассказ его много раз прерывался взрывами хохота всего собрания. Главный городской судья, человек очень веселого нрава, обрадовался представившемуся развлечению. Он напустил на себя самый серьезный вид, восстановил молчание и, обращаясь к четырем спорщикам, сказал:

- Вы все в этом городе чужие, и так как никто вас не знает, то ваш спор невозможно разрешить путем опроса свидетелей. У вас есть только один способ дать судьям материал

для суждения о вашем деле, а именно: пусть каждый из вас расскажет какой-нибудь случай из своей жизни, наилучшим образом доказывающий его глупость. Вот тогда мы и решим, кому из вас отдать преимущество и кому принадлежит право на привет, сделанный воином.

Спорщики совершенно с этим согласились. Тогда судья предложил одному из них начать рассказ, а остальным приказал в это время молчать.

- Как видите, - начал первый брамин, - я очень дурно одет. И я ношу эти отрепья не с сегодняшнего дня. Вот и послушайте, отчего это произошло. Один богатый купец, живущий в наших местах, человек очень милосердный до браминов, однажды подарил мне два куска полотна, такого белого и тонкого, какого в нашей деревне никто не видывал. Я показывал его другим браминам, и все меня поздравляли с этим подарком, говорили мне, что такая благостыня не может быть ничем иным, как плодом добрых дел, которые я творил еще во время моих прежних перерождений. Прежде чем сделать из него одежду, я, по обычаю, вымыл это полотно, для того, чтобы его очистить от прикосновений ткача и купца, а потом развесил полотно для просушки на ветвях дерева. И вот случилось, что нечистый пес прошел под моим полотном. Я не видел сам, задел он его или нет. Я спросил о том моих детей, которые играли поблизости, но они тоже не видели, как собака проходила под полотном, а заметили ее уже после того, как она прошла. Как мне было разрешить сомнения? Я придумал вот какую штуку. Я стал на четвереньки, так, чтобы быть примерно такой же высоты, как собака, и в этом положении пролез под полотном, и дети мои смотрели, задену я за полотно или нет. Я их и спросил: задеваю или нет? Они сказали - нет. Я было привскочил от радости, но тут мне пришло в голову новое размышление. Собака держала хвост закорючкой, так что он у ней возвышался над всем телом. Значит она сама могла пройти под полотном, а хвостом задеть его и опоганить. Значит, возникло новое сомнение. Что тут было делать? Я придумал привязать себе на спину серп и в таком виде вновь пролез под полотном. И на этот раз мои дети закричали, что я серпом задел за полотно. Тут уж у меня

не осталось никаких сомнений в том, что проклятая собака задела хвостом и опоганила мое полотно. Слепленный отчаянием, я схватил полотно, разодрал его на мелкие клочья, тысячу раз проклял собаку и ее хозяина.

История эта стала известной, и все называли меня безумцем. “Если бы даже собака притронулась к полотну, - говорил мне один, - и этим прикосновением осквернила бы его, то разве ты не мог снова вымыть его и этим снять осквернение?” - “Или, по крайней мере, - прибавлял другой, - роздал бы полотно беднякам; это было бы все же лучше, чем рвать его. А теперь, после такого безумства, кому же придет охота дарить тебе новые одежды?”

И все эти их предсказания оправдались. С тех пор у кого бы я ни попросил себе ткани на одежду, я только и слышу в ответ: “Это зачем? Чтобы опять разодрать ее?” (имеется в виду ткань).

Когда он кончил рассказ, один из присутствовавших сказал ему: “Судя по твоему рассказу, ты, должно быть, мастер ходить на четвереньках”. - “О, сколько угодно, - отвечал он. - Можете сами судить”. И с этими словами он стал на четвереньки и начал бегать по комнате, вызывая во всем собрании хохот до судорог.

- Ну, хорошо, - сказал ему председатель судилища. - То, что ты рассказал и показал нам, конечно, много говорит в твою пользу; но прежде чем постановить решение, послушаем еще, что расскажут другие в доказательство своей глупости. - И в то же время он дал другому брамину знак, чтобы он начал свой рассказ.

Новый конкурент начал свое повествование с самоуверенного заявления, что его история будет еще почище.

- Однажды, - рассказывал он, - я должен был присутствовать на “самарахдане” и мне необходимо было выбрить голову, чтобы предстать на пиршестве в приличном виде. Когда призванный цирюльник обрил меня, я велел жене дать ему за его труд монету. Но глупая баба вместо одной монеты дала ему две. Я, конечно, потребовал сдачи, но он ничего не отдал. Завязался у нас спор и мы уже начали весьма грубо ругаться. Но тут цирюльник предложил мне такого рода вещь,

чтобы поладить дело миром. “Ты просишь назад монету, - сказал он мне, - хорошо, я за эту монету, коли хочешь, обрею голову твоей жене”. - “Вот и чудесно! - вскричал я. - Так мы лучше всего поладим, и ни тому, ни другому не будет обидно”. Жена была тут же, слышала наш разговор и хотела было задать тягу, но я ее схватил, усадил на пол и попридержал, пока цирюльник брил ей голову. После бритья она, изрыгая на меня и цирюльника потоки брани, куда-то убежала и спряталась. Цирюльник тоже поспешил убраться по добру, по здорovu, но по дороге он повстречал мою мать и рассказал ей о том, что произошло. Та сейчас же прибежала к нам, чтобы удостовериться, и когда убедилась в том, что цирюльник сказал правду, то она на несколько минут совсем опешила от изумления и молчала, и прервала это молчание только за тем, чтобы осыпать меня бранью и угрозами.

Цирюльник же тем временем разгласил эту историю, а злые люди не замедлили добавить к его рассказу, что я застал свою жену на месте преступления, в объятиях постороннего мужчины, и в наказание за это обрил ей голову. К нам в дом со всех сторон сбежались люди. Привели даже осла, чтобы на него посадить мою жену и провезти ее по всей деревне, как это обычно у нас делается с женами, утратившими свою честь.

Но этим история не кончилась. Когда о ней узнали родители моей жены, они тотчас же прибежали к нам и осыпали меня целым градом проклятий. И мне оставалось только одно: все это терпеливо выслушивать и переносить. Жену они от меня отобрали, увели к себе и, конечно, постарались сделать это ночью, чтобы никто не видел ее срама.

Конечно, из-за всех этих приключений я прозевал пиршество, на которое собирался, и мне оставалось только облизываться, когда потом рассказывали, какое прекрасное угощение было устроено для браминов, какие вкусные были кушанья и как всего было много.

Спустя некоторое время было назначено новое угощение для браминов. И меня дернула нелегкая явиться на него. А там собралось до пятисот браминов, и все они уже давно знали мою историю. Как только они меня увидели, так тотчас же все накинулись на меня с криками и гиканьем, и сказа-

ли мне, что не выпустят меня до тех пор, пока я не выдам им гнусного сообщника грехопадения моей супруги, для того, чтобы поступить с ним со всей строгостью закона нашей касты.

Я торжественнейшим образом засвидетельствовал о ее невинности и рассказал, как на самом деле произошло дело. Разумеется, своим рассказом я вызвал во всем собрании безграничное изумление. “Где же это видано и где это слышано, - говорили люди между собой, - чтобы замужней женщине обрили голову за что-нибудь иное, кроме любодения? Этот человек либо бесстыдно лжет, либо он величайший из глупцов, когда-нибудь существовавших на свете”.

“И надеюсь, - закончил второй брамин свой рассказ, - что моя выходка не хуже, чем изодранное полотно”. И при этих словах он с насмешливым торжеством взглянул на первого брамина.

Все собрание согласилось, что только-что рассказанная глупость заслуживает внимания и должна быть принята в соображение при конкурсе; но что все-таки, прежде чем решить дело, надо выслушать двух остальных. И потому слово было предоставлено третьему брамину, которого давно уже пожирало нетерпение предъявить свои права на пальму первенства.

- Прежде меня звали Анантайя, а теперь зовут Бетель-Анантайя. Вот я вам и расскажу, откуда пошла такая кличка.

“Прошло не больше месяца с тех пор, как моя жена начала жить со мною. До тех пор она, по причине малолетства, оставалась в доме своих родителей. И вот однажды вечером, перед отходом ко сну, я сказал ей, уж не помню теперь, по какому случаю, что все бабы пустомели, болтуны, тараторки. Она отвечала мне, что и среди мужчин встречаются болтуны, не лучше баб. Я, разумеется, сейчас же понял, что это она намекает на меня. Задетый этим намеком, я возразил ей:

- Хорошо, посмотрим, кто из нас первый заговорит.

- Отлично, - согласилась она. - Но тот, кто первый заговорит, что даст тому, кто выиграет?

- Лист бетеля, - сказал я.

На этом мы и порешили. Пари было заключено и мы

молча улеглись спать. (Индийцы беспрестанно жуют листья арековой пальмы, которая по-туземски называется бетель. Эти листья продаются пачками по 40 штук, и такая пачка стоит 1/4 копейки. Следовательно, пари шло на что-то вроде 1/100 копейки).

На другой день люди обратили внимание на то, что мы долго не встаем. Некоторое время погодили, потом окликнули нас, но мы, конечно, голоса не подавали. Начали кричать погромче, стучали к нам в дверь, - мы молчим. Скоро по всему дому поднялась тревога, что мы внезапно умерли ночью. Позвали плотника, и тот топором взломал дверь. Войдя к нам, все были немало изумлены, видя нас живыми и здоровыми. Мы уже проснулись и оба сидели на постели, только не говорили ни слова ни тот, ни другой.

Это молчание жестоко напугало мою мать, которая начала громко кричать. На ее крики сбежалась вся деревня, и все спрашивали, из-за чего поднялась такая тревога. Люди внимательно рассматривали нас с женою, и каждый старался на свой лад объяснить то, что с нами приключилось. Толковали, толковали и, наконец порешили, что на нас напущена порча какими-нибудь злыми врагами. Чтобы пособить горю и снять порчу, сейчас же побежали за самым знаменитым деревенским колдуном. Тот пришел и прежде всего начал у нас щупать пульс, причем корчил такие рожи, что меня до сих пор при воспоминаниях о них разбирает хохот. Покончив осмотр, он объявил, что наша хворь, без сомнения, приключилась от порчи. Он даже назвал имя дьявола, который был напущен на меня и на жену. Дьявол этот, по его словам, был чрезвычайно жесток и упрям, и от него было не так-то легко отделаться. Для изгнания же его надлежало совершить жертвоприношение, которое должно было обойтись, по крайней мере, в пять серебряных монет.

Но в числе присутствующих бы один знакомый нам брамин, который начал спорить с колдуном, что наша болезнь вовсе не напускная, а натуральная, что он много раз видал хворавших этою болезнью, и что ее можно вылечить простыми средствами, которые не будут стоить ни гроша. Он велел принести небольшой слиток золота и жаровню с пылающими

ми углями, на которых раскалил этот слиток добела. Тогда он взял его щипцами и приложил его мне сначала к ступням, потом под колени, потом в сгибы локтей, потом на желудок и, наконец, на маковку. Я выдержал все эти ужасные истязания, не обнаруживая боли, не издав ни звука. Я твердо решил выдержать какие угодно мучения, даже самую смерть, только бы выиграть пари.

Изжарив меня без всякого успеха, изумленный врачеватель наш, сбитый с толку моим упорством, принялся за жену. Золотой слиток был еще совсем горячий, и как только он был приложен к ее ногам, она тотчас судорожно дернулась и закричала: "Ой, не надо!". И тут же, обращая ко мне, добавила: "Я проиграла. На вот тебе твой бетелевый лист".

- Ага, - крикнул я ей с торжеством. - Видишь теперь сама, что я был прав! Ты первая заговорила и подтвердила то, что я вчера утверждал, т.е. что все бабы болтуни!

Присутствующие, слыша этот странный разговор между нами, в первую минуту ничего не поняли. Но когда я им все рассказал, их изумлению перед моей глупостью не было границ.

- Как! - вскричали они. - Это из-за того, чтобы не проиграть листа бетеля, ты поднял тревогу по всему дому, взбудоражил всю деревню! Из-за такого пустяка ты дал себя всего изжечь с головы до пят!

С этих пор меня и прозвали Бетель-Анантайя".

Судьи согласились, что такая степень глупости, без сомнения, дает ему много шансов на приветствие война, но все же надо выслушать еще четвертого конкурента. Тот сейчас же начал свою повесть.

"Девочка, на которой меня женили, после заключения брака оставалась, по причине малолетства, шесть лет у своих родителей. По прошествии этого времени ее родители уведомили моих, что девушка выросла и может исполнять обязанности супруги. Но моя мать, к несчастью, в это время была нездорова, а родители невесты жили верст за 25 от нас, и поэтому она сама не могла отправиться за моею женой. Она и послала за женою меня самого, давая мне на дорогу тысячу наставлений, как и что говорить, что делать. "Я ведь знаю

тебя, - говорила она мне, - и у меня сердце не на месте". Но я ее успокоил и отправился в путь.

Тесть принял меня прекрасно и по случаю моего приезда сделал пир, на который созвал всех браминов своей деревни. Я пробыл у него три дня, а после того он меня отпустил, а со мной и мою жену. При отходе он нас благословил и пожелал нам долгой, счастливой жизни, многочисленного потомства, а когда мы уезжали, он громко рыдал, словно предчувствуя бедствие, которое скоро должно было случиться.

Дело было в самой середине лета и в день нашего отъезда стояла чрезвычайная жара. Наш путь лежал в одном месте через песчаную пустыню, по которой надо было пройти верст восемь. Раскаленный песок немилосердно жег нежные ноги моей жены, которая до сих пор жила в большой холе в родительском доме и совсем не была привычна к таким жестоким испытаниям. Она начала жаловаться, потом принялась горько плакать, наконец, бросилась на землю и не хотела подниматься, говоря, что она тут и умрет.

Я сел рядом с нею. Я был в безвыходном затруднении и не знал, что делать. Но в это время мимо проезжал караваном какой-то купец. С ним шло полсотни волов, нагруженных разными товарами. Я рассказал ему свое горе и просил его присоветовать, что мне делать, как спасти мою жену. Он отвечал, что в такую жару нежной молодой женщине одинаково опасно и сидеть на месте, и идти, что она, наверное, умрет так или иначе, и что для меня гораздо выгоднее уступить мою жену ему, нежели подвергаться такому страшному горю - видеть, как она умрет на моих глазах, да еще потом навлечь на себя подозрение, что я сам и убил ее. Что же касается до украшений, какие на ней были, то купец их оценил в 20 монет, но охотно предлагал мне за них 30, если я уступлю ему жену.

Его доводы показались мне очень разумными. Я взял деньги и отдал ему жену. Он посадил ее на одного из лучших своих волов и поспешно удалился со всем своим караваном. Я тоже побрел дальше и пришел домой с совершенно изжаренными ногами.

- А где твоя жена? - крикнула мне мать, как только уви-

дела меня издали.

Я, конечно, рассказал ей без утайки все, что произошло со мной после ухода из дому: как меня хорошо приняли у тещи, как на обратном пути нас захватил зной, как моя жена едва от него не задохлась и как я, желая спасти ее от верной смерти, уступил ее мимо проезжавшему купцу; в то же время я ей показал и 30 монет, полученных от купца.

Моя мать пришла в бешенство от этого рассказа.

- Злодей, безумец, презренный! - кричала она мне. - Ты продал свою жену! Ты отдал ее другому! Браминка стала наложницей гнусного судры! Что скажет ее и наша родня, когда узнают о таком безумии, о такой унижительной и позорной глупости!

Конечно, родители жены недолго оставались в неизвестности; они скоро осведомились о печальном приключении их дочери. Они в ярости примчались к нам и, наверное, убили бы меня и мою ни в чем неповинную мать, если бы мы оба не задали тягу. Тогда они пожаловались старшинам нашей касты, и те единогласно приговорили меня к денежной пене в 200 монет за бесчестье, нанесенное тещю. Меня, конечно, с позором выгнали бы из касты, если бы тому не помешало уважение к памяти моего отца, человека, пользовавшегося общим почтением. В то же время оповестили повсюду, чтобы никто никогда не отдавал за меня замуж своей дочери, так что я осужден на пожизненное безбрачие”.

"И я надеюсь, - заключил рассказчик, - что мою глупость вы не поставите ниже глупости моих соперников и не сочтете, что я не имею права участвовать в соискательстве”.

Выслушав все рассказы, судьи приступили к совещанию и постановили приговор: после таких блестящих доказательств глупости каждый из соискателей может считаться победителем.

- А потому, - сказали им судьи, - можете считать, что каждый из вас выиграл тяжбу. Идите с миром, продолжайте спокойно ваш путь.

И соискатели, совершенно довольные этим решением, вышли из судилища, в один голос крича: “Я выиграл, моя взяла!”

Турецкое остроумие.

Источником для ознакомления с турецким народным остроумием нам может послужить весьма известный и популярный в Турции сборник острот, шуток, выходок и проделок Наср-Эддина-ходжи. Наср-Эддин - это, конечно, имя, а ходжа - это прозвище или титул. Ходжа, собственно говоря, значит духовный; но облеченный этим званием может также исполнять должности и судьи, и школьного учителя.

Этот сборник расходуется среди турецкой публики в громадном числе экземпляров, и все грамотные турки знают и читают его с таким же увлечением, как, например, немцы своего "Мюнхгаузена". Чрезвычайная популярность этой книжки давно уже обратила на нее внимание европейских знатоков турецкой литературы, и они не один раз уже делали переводы этого сборника на европейские языки.

Мы пользуемся переводом французского ученого Декурдеманша, изданным в 1876 году.

Заметим здесь, что Наср-Эддин считается лицом историческим, а не вымышленным, жившим будто бы во времена Тамерлана, то есть в конце XIV и в начале XV столетий. Турки же до такой степени освоились с этим именем, что обычно приписывают ему все ходячие народные словца, остроты, выходки, прибаутки и т.д. Следует думать поэтому, что в многочисленных сборниках только часть материала должна быть отнесена к авторству Наср-Эддина, а все остальное только приписано ему. В сборнике, переведенном Декурдеманшем, заключается 126 номеров. Мы не можем их приводить здесь все подряд. Как бы не восхищались ими турки и другие восточные народы, во всяком случае значительная часть этих анекдотов либо отличается нестерпимым неприличием, либо не представляет собой ничего остроумного на европейский вкус.

Однажды Наср-Эддин, в качестве духовного лица, вошел на кафедру в мечети и обратился к присутствующим правоверным с такими словами: "О, мусульмане, знаете ли вы то, о чем я хочу беседовать с вами?" - "Нет, не знаем", - отвечали присутствующие. "Как же я буду говорить с вами о том, чего вы не знаете?" - вскричал ходжа.

В другой раз он тоже с кафедры возгласил: "О, правоверные, знаете ли вы то, о чем я хочу с вами беседовать". - "Знаем!" - вскричали все присутствующие, вспомнив прежнюю выходку ходжи. "А коли знаете, так мне не о чем с вами беседовать", - сказал ходжа, сходя с кафедры.

После того его обычные слушатели сговорились между собой, и когда он на следующей проповеди опять спросил их, знают ли они, о чем он будет с ними беседовать, то одни из них кричали в ответ "знаем", а другие "не знаем".

- Коли так, - порешил ходжа, - то пусть те, кто знает, научит тех, кто не знает.

Однажды ночью ходжа увидел во сне, что кто-то дает ему девять асиров (мелкая монета, около 1/10 копейки). Ходжа заспорил и запросил 10 асиров. Ему их дали; тогда он начал просить 15 асиров, но в это мгновение проснулся и, ничего не видя у себя в руке, воскликнул: "Экая досада, ведь давали 10 асиров, надо было брать".

Случилось, что ходжа шел через пустынное место и увидал, что навстречу ему едут какие-то всадники. Подумав, что это разбойники, и, испугавшись, ходжа быстро разделся и вошел в могильную пещеру, которая как раз тут случилась. Но всадники уже заметили его, подъехали и окликнули: "Что ты делаешь тут, зачем вошел в могилу?". Перепуганный ходжа трепещущим голосом пробормотал им в ответ: "Это моя могила... я мертвый... я только на минутку выходил прогуляться".

Ходжа забрался в чужой огород и без церемонии надер-

гал из гряд моркови, репы и набил этим добром свой мешок. Но едва собрался он уходить, как был застигнут на месте преступления хозяином огорода. “Ты как сюда попал?” - спросил его хозяин. Растерявшийся ходжа сказал, что он шел мимо, и вдруг поднялась буря и его перекинуло сюда, в огород. “А кто же репу-то повыдергал?” - спросил хозяин. “Вот тебе раз! - воскликнул уже овладевший собою ходжа. - Если ветер мог человека перебросить с места на место, то что же стоило ему вырвать репу и морковь?” - “Ну, хорошо, - сказал огородник, - а кто же все это спрятал в мешок-то?” - “Вот об этом-то я все и сам думал, пока ты не пришел!” - воскликнул ходжа.

Во время Рамазана (пост, продолжающийся месяц) ходжа вздумал считать дни. Он взял какую-то посудину и каждый день клал в нее по камешку. Его маленькая дочка, увидя камешки в посудине, набрала целую горсть камешков и бросила их туда же. И вот случилось, что вскоре после того кто-то спросил у ходжи, сколько дней Рамазана прошло и сколько остается. “Сейчас я сосчитаю”, - сказал ходжа и, высыпав камешки из посуды, насчитал их 120. Ходжа сообразил, что если он объявит такую цифру, то его почтут за дурака. “Надо сказать поменьше”, - порешил он и объявил, что сегодня 45-й день Рамазана. “Как 45-й! Что ты говоришь, ходжа! Разве ты не знаешь, что в месяце 30 дней?” - “Скажите спасибо, что всего только 45, - отвечал ходжа, - если бы считать камешками, какие у меня накопились в посудине, то вышло бы 120”.

Кто-то спросил у ходжи, куда деваются старые луны после того, как они пропадают из глаз, перейдя за последнюю четверть. Ходжа ответил, что их разбивают и из осколков делают звезды.

Ходжа сидел на берегу реки. Подошли 10 слепых и уговорились с ним, чтобы он их перевел через реку, обещая ему по денежке за каждого. Но когда переходили через реку, один из слепых утонул. Все другие тотчас же подступили к вожаку с бранью и с угрозами. “Что же вы кричите? - отвечал им ход-

жа. - Я взялся перевести 10, перевел 9; ну, значит, вы мне и заплатите одной денежкой меньше, вот и все”.

Кто-то из друзей Наср-Эддина, держа в сжатой руке яйцо, сказал: “Если ты угадаешь, что я держу в руке, то я тебе эту вещь подарю и ты можешь себе сделать из нее яичницу”. - “Как же я могу угадать, - отвечал ходжа. - Ты мне скажи приметы, тогда я отгадаю”. - “Изволь; эта вещь снаружи белая, а внутри желтая”. - “А, знаю! - вскричал ходжа. - Репа! Середина у ней вырезана и набита рубленой морковью”.

На посев, принадлежавший ходже, зашел чужой вол. Он схватил палку и погнался за ним, но бык убежал. Через несколько дней ходжа снова увидел этого быка в то время, как его хозяин пахал на нем. Ходжа сейчас же схватил палку, подбежал к волу и начал его бить, а хозяину на его вопрос, за что он бьет вола, отвечал: “Это не твое дело. Ты не беспокойся. Он отлично знает, за что я его бью”.

У ходжи был ягненок, которого он заботливо откармливал. Его друзья-приятели заприметили этого ягненка и решили как-нибудь, пользуясь простотою ходжи, выманить у него ягненка и съесть. И вот один из них явился к ходже и сказал ему: “На что тебе этот ягненок? Разве ты не знаешь, что завтра будет светопреставление? Давай лучше съедим его сегодня”. Ходжа не поверил известию о светопреставлении, но в эту минуту пришел другой приятель и подтвердил известие. Тогда ходжа сделал вид, что верит, зарезал ягненка, развел огонь и начал его поджаривать. В то же время, хлопоча около костра, он ради прохлады скинул с себя верхнюю одежду, и вслед за ним и гости его тоже разделись. Как только они скинули одежду, ходжа тотчас же схватил ее и бросил в огонь. “Что ты делаешь?” - закричали на него приятели.

- На что же вам одежды, - отвечал ходжа, - коли завтра светопреставление?

Однажды ночью к ходже в дом забрался вор, наскоро подобрал все, что попало под руку, и понес. Но ходжа видел

всю эту проделку, забрал еще много разных вещей, не захваченных вором, взвалил их себе на плечи и потихоньку шел следом за вором. Вор подошел к своему дому и только в эту минуту заметил, что вслед за ним идет ходжа. “Тебе что тут нужно?” - спросил он у него. “Как, что нужно? - отвечал ходжа. - Ты сюда понес мои вещи, значит, я в этот дом переезжаю. Я захватил все остальное и пошел вслед за тобой”.

Случилось, что ходжа занял у своего соседа большой котел, а когда принес его назад, то в котле хозяин с удивлением увидел маленькую кастрюлечку. На вопрос, откуда взялась эта кастрюлька, ходжа пресерьезно отвечал, что котел, пока был у него, родил маленькую кастрюлечку. Хозяин котла поверил или сделал вид, что поверил, и взял себе кастрюлю. Через несколько времени ходжа снова попросил у него котел, но на этот раз очень долго не возвращал его обратно. Когда же, наконец, сосед пришел за своим котлом, ходжа объявил ему, что котел умер. “Как умер? - удивился простофиля-сосед. - Разве котлы умирают?” - “Ведь ты поверил же, что котел родил кастрюльку; почему же ты не хочешь поверить, что он умер?”

Однажды кто-то пришел к ходже и попросил у него на время его осла. Ходжа отвечал, что осла нет дома. Но как раз в эту минуту осел громко закричал, и сосед с упреком сказал ходже: “Как же ты говоришь, что осла дома нет, а он, слышишь, сам подает голос?” - “Стыдно тебе, сосед, - отвечал ему ходжа. - Я человек старый, почтенный, с седой бородой, и ты мне не веришь, а глупому ослу веришь!”

Однажды ходжа преподнес городскому начальнику блюдо слив. Тому очень понравился этот подарок и он отблагодарил ходжу целой пригоршней мелкой монеты. Спустя несколько времени ходжа снова вздумав сделать подношение начальству, и на этот раз понес ему пучок свеклы. По дороге с ним встретился кто-то из приятелей, спросил его, куда он идет, и посоветовал вместо свеклы поднести начальству винных ягод. Ходжа послушался. На этот раз, однако, начальст-

во было ужасно чем-то раздражено, и когда ходжа предстал пред ним со своим подношением, градоправитель с гневом схватил винные ягоды и начал их одну за другою швырять в голову ходже. Тот при каждом ударе фиги об его голову низко кланялся и благодарил. "За что ты благодаришь меня? - полюбопытствовал начальник. "Я не тебя благодарю, а Аллаха, - отвечал ходжа. - Благодарю я его за то, что он внушил мне послушать доброго совета. Я нес к тебе свеклу, а мне посоветовали поднести тебе фиги. Что бы теперь было со мною, кабы я не послушался? Ты бы мне всю голову расшиб моими же свеклами".

Однажды ходжа приказал зажарить гуся и понес его в подарок Тамерлану; но дорогой его одолел голод. Он оторвал от гуся заднюю лапку и съел ее. При подношении Тамерлан, конечно, заметил, что у гуся нет одной лапки, и спросил, куда она девалась.

- В нашей стороне все гуси с одной ногой, - отвечал ходжа. - Коли не веришь мне, посмотри сам. Вон целое стадо гусей стоит около воды.

И действительно, гуси в эту минуту все стояли на одной ноге. Тамерлан подозвал барабанщика и приказал ему ударить в барабан. Испуганные гуси сейчас же насторожились и выпрямили поджатые лапки.

- Вот видишь, - сказал Тамерлан, - все они в два ноги, а вовсе не с одной.

- Чего же мудреного, - воскликнул ходжа, - это если и тебя начать палками бить, так ты побежишь на четвереньках.

Когда Наср-Эддин исполнял обязанности судьи, к нему однажды пришли двое людей судиться. Один из них жаловался, что другой укусил его за ухо. Другой же возражал, что он вовсе не кусал, а что тот сам себя укусил за ухо. Ходжа задумался: может ли, дескать, человек сам себя укусить за ухо? Для того, чтобы проверить это на опыте, он ~~на время вынул~~ вон тяжущихся и стал пробовать схватить себя зубами за ухо. Делая эти безумные попытки, он так вертелся и метался, что

свалился с ног и расшиб себе голову, ударившись обо что-то. Тогда он вновь позвал тяжущихся и важно объявил им: “Знай-те, что человек не только может укусить себя за ухо, но сверх того может свалиться и расшибить себе голову”.

Случилось раз, что ходжа ехал верхом в большой компании. Он ехал впереди всех и, притом, сидя лицом к хвосту своего осла. Над ним, конечно, все смеялись, спрашивая, зачем он так сел. “Если бы я сидел как следует, то, будучи впереди всех, я должен был бы повернуться ко всем спиною, а это невежливо; а если бы я ехал позади всех, то тогда все другие были бы ко мне спиною. А теперь я еду повернувшись ко всем лицом”.

Однажды ночью в дом ходжи забрался вор. Жена ходжи заметила его и хотела было поднять тревогу, но ходжа остановил ее: “Тише, молчи, не мешай ему. Авось, с Божьей помощью, он что-нибудь найдет у нас; тогда я брошусь на него и отниму добычу”.

Ходжа вместе с женой отправились на речку стирать белье, захватив с собой кусок мыла. И вот вдруг налетел ворон, схватил мыло и улетел с ним. Жена закричала, хотела было швырнуть чем-нибудь в ворона, но ходжа остановил ее, говоря: “Оставь его в покое. Он чернее нашего белья, ему мыло нужнее, нежели нам”.

Случилось, что несколько приятелей ходжи затеяли какое-то судебное дело и позвали ходжу в свидетели, причем он хорошо понимал, что приятели ждут от него ложных показаний в их пользу. Судья сказал, обращаясь к ходже: “У вас спор идет насчет пшеницы?” - “Нет, насчет ячменя”, - отвечал ходжа. “Не ячменя, а пшеницы! - накинулись на него приятели, вызвавшие его в свидетели. “Чудаки вы! - сказал им ходжа. - Коли надо врать, так не все ли равно, о чем врать, о пшенице или об ячмене!”.

Мозаика.

До сих пор мы подбирали в нашем сборнике плоды личного остроумия, приводили острые слова и выходки знаменитых людей всех времен и народов, а затем плоды остроумия отдельных народов. В этом последнем отделе сборника мы подберем всевозможные цветы человеческого остроумия, которые нет возможности отнести ни к какому частному имени. Все эти безыменные подвиги человеческого ума с незапамятных времен перекачывают из одного сборника в другой, со столбцов газетной или журнальной смеси в другие столбцы, причем настоящие авторы и создатели этих перлов остаются в полной неизвестности.

Случилось, что двое чиновников были представлены к орденам, но награжден был только один, потому что его супруга имела какое-то таинственное влияние на то высшее лицо, от которого зависело назначение награды. Обиженный соискатель ядовито заметил, намекая на своего соперника: "Кто желает получить орден, должен подражать улитке - ползать, а главное, выставлять рожки!"

"Что такое цивилизация и что такое варварство? Какая между ними разница?" - спрашивал мальчик у отца. "Цивилизация, - отвечал родитель, - это когда убивают врага пулю за 5 верст, а варварство - когда срубают ему голову саблей".

Какой-то любезник говорил даме, что он во всю свою жизнь знал только двух вполне совершенных женщин. "Кто же другая?" - спросила его собеседница.

Композитор упрашивал какую-то любительницу пения спеть что-нибудь из сочиненной им музыки. Дама очень долго отказывалась, наконец, выбрала арию для исполнения, но прежде чем начать, обратилась к композитору со словами: "О, маэстро, если б вы знали, как мне страшно!" - "А мне-то разве не страшно?" - ответил маэстро. Эту выходку приписывали Россини.

"Человек, дайте зубочистку!" - возглашает посетитель в ресторане. "Занята, сударь", - отвечает лакей.

Какая-то дама с большим одушевлением рассказывала амурную историю и вдруг, заметив, что она в пылу рассказа зашла в подробности несколько дальше, чем первоначально намеревалась, замяла рассказ. "Эге, сударыня, - заметили ей, - вы что-то такое скрываете; верно, такое, чего нельзя показать". - "После этого вы скажете, что я одеваюсь, чтобы скрыть, что нехорошо сложена!" - возразила дама.

Какая-то актриса, гораздо более знаменитая красотой, нежели талантом, написала знакомому банкиру письмо с просьбой о деньгах. Банкир послал деньги при письме, в котором было сказано: "При сем препровождаются 1000 франков и 10000 комплиментов". - "Эх, лучше бы наоборот!" - заметила актриса, прочитав письмо.

В общественном саду молодой человек заметил впереди себя какую-то особу, с которой ему очень хотелось заговорить, но он все не мог придумать, как к этому приступить. Наконец, на его счастье, на спину даме уселось какое-то насекомое. "Сударыня, - осмелился кавалер, - у вас позади поместился какой-то зверь". Барышня с тревожным восклицанием обернулась и сказала: "Ах, Боже мой, я вас и не заметила!"

Про какого-то чрезвычайно злого и ядовитого человека некто рассказывал в кругу знакомых, как свежую новость,

что его укусила змея. “Ну, и что же, он умер?” - раздалась возгласы кругом. “Как он умер? - возразил рассказчик. - Она подохла, змея!”

В доброе старое время две графини разговорились великим постом о своих грехах. “Надо бы о них подумать, - говорила одна из собеседниц, - надо что-нибудь нам предпринять в искупление наших прегрешений”. - “Заставим наших людей поститься!” - предложила другая.

Ребенок во время обеда уронил игрушку, нагнулся, чтоб ее поднять, потом, выпрямляясь, ударился головой о стол и посадил себе шишку. “Ничего, - утешала его мать, - кушай скорее суп, твоя шишка и пройдет”. После обеда уже вполне успокоившийся мальчик предложил матери вопрос: “А если верблюдов кормить супом, у них тоже пройдут шишки на спине?”

Во время первых представлений новой пьесы кто-то из друзей автора указал ему на господина, который аплодировал с решительным ожесточением, заметно возраставшим с каждым новым представлением пьесы. Автор последил за этим неведомым почитателем некоторое время и, наконец, решился подойти к нему и поблагодарить его. Но тот прервал его на первых же словах: “Пожалуйста, не тратьте времени на ваши благодарности! Я просто-напросто держал пари, что пьеса выдержит десять представлений, ну, вот и стараюсь ее поддержать, чтобы не проиграть пари”.

Какой-то молодой человек, собиравшийся жениться, пошел перед свадьбой на исповедь. Патер исповедовал его и отпустил ему грехи, не говоря ни слова. Исповедник, считавший свои грехи весьма тяжкими, удивился этому снисхождению и спросил духовника, не найдет ли он справедливым наложить на него какую-нибудь епитимью. “Бог с тобою, сын мой! - сказал ему добрый патер. - Ведь ты же сказал мне, что собираешься жениться. Будет с тебя и этого!”

Некто является с визитом к знакомой даме и ему говорят, что ее нет дома. Но, уходя, он случайно взглядывает на зеркало, стоящее в другой комнате, и видит в нем отчетливое отражение головы хозяйки дома. Он ушел, но час спустя встретил эту самую даму в другом знакомом доме.

- А я был у вас час назад, - сказал он ей.

- Были у меня? Очень сожалею, что не была дома. Я сегодня все ездила по делам и так ужасно торопилась...

- Так торопились, сударыня, - перебил собеседник, - что даже забыли дома голову: я видел ее в зеркале.

Старый ростовщик умирал. Его жена, очень благочестивая женщина, умоляла, чтобы он возвратил часть награбленного добра хотя бы тем из своих жертв, которые им были уж слишком свирепо обижены, предсказывая ему в противном случае самые ужасные адские муки. Видя, что старый греховодник колеблется, запуганный картиною загробных истязаний, его сын, конечно, заинтересованный в цифре наследства, вскричал:

- Батюшка! Сорок лет вы копили имущество, не зная покоя ни днем, ни ночью. Неужели вы теперь уступите минутной слабости и упустите из рук то, что вами с такими трудами скапливалось? Матушка толкует вам об адских муках... да ведь все это преувеличивается!.. Да и, наконец, Боже милостивый, к чему только человек не привыкает! Ну, положим даже, что вы попадете в ад. И вот, вспомните мое слово, не пройдет и двух недель, как привыкнете там, обтерпитесь и увидите, что вовсе эти муки уж не так страшны!

Один слепой женился на женщине очень хорошенькой, но чрезвычайно сварливой.

- Ваша жена - истая роза! - сказал ему однажды кто-то из знакомых.

- Не знаю, - отвечал слепой, - не могу об этом судить по виду и по цвету, но по шипам она точно напоминает розу.

Муж часто отказывал франтихе-жене в деньгах на туалетные прихоти.

- Послушай, - говорила ему супруга, - ты своими вечными отказами уморишь меня. Так ведь это тебе же будет невыгодно. Мои похороны обойдутся тебе много дороже моего туалета.

- Ну, нет, - отвечал супруг, - то будет расход единовременный, который больше уж не повторится.

Однажды в парижскую академию наук, где, как известно, состоит ровно сорок членов, представился кандидат, научные заслуги которого были совершенно ничтожны.

- Но ведь этот человек - сущий ноль! - говорили про него.

- Чтобы вышла цифра 40, ноль и необходим, - спокойно заметил какой-то остряк.

Некто был должен деньги одной чрезвычайно красивой даме. Однажды при встрече она попеняла ему, что он редко у нее бывает. Не потому ли, дескать, что вы должны мне. "Нет, сударыня, не потому. И притом же вы сами причиной тому, что я все забываю отдать вам свой долг". - "Как это так?". - "А так, что когда я вас вижу, я забываю обо всем... в том числе и о своем долге!"

Гасконцы чрезмерно хвастливы, и их выходки славятся во Франции, составляя особый тип остроумия, называемых по их имени гасконадами (gasconnade). Так, однажды гасконец во время азартной игры повздорил со своим партнером и полез в драку. Его удерживали, а он рвался и кричал: "Пустите меня, он меня оскорбил, вы сами были свидетелями. И знайте, коли вы его друзья, что вам придется подобрать одни ключья от него, дайте только мне до него добраться!"

При другом случае ссоры, приготовляясь драться с противником на шпагах, гасконец отправляет посыльного в церковь заказать там заупокойную обедню. "Зачем же и по ком?" - спрашивают его. "Как по ком? Разве человек, который го-

товится со мною драться, может остаться в живых?"

Офицер-гасконец, участвуя в одной отчаянной схватке, выстрелил в неприятельского офицера и сейчас же начал хватать, как он ловко его убил. Но его товарищи, не видя, чтобы в неприятельских рядах кто-нибудь свалился после выстрела, усомнились, говоря, что убитого не видно.

- Как же вы хотите видеть его после моего выстрела? Я его превратил в прах!

Один гасконец говаривал, что вид у него до того страшный и воинственный, что он, когда смотрится в зеркало, то сам перед собой трепещет. "Шпага гасконца - это ключ, отпирающий дверь на тот свет!" - хвастал другой. Рассказывают, впрочем, про них и обратное. Одному гасконцу перед битвой слуга надевал кирасу. "Одень-ка лучше наоборот, передом на спину, потому чует мое сердце, что я сегодня ударюсь в бегство!"

Входит гасконец к парикмахеру и бреется. Во время бритья он начинает договариваться о том, чтобы ему сделали новый парик. "Но я не имею чести вас знать, - говорит ему хозяин, - и не могу быть уверен, что вы придете за заказанным париком". - "Можете на меня положиться, - успокаивает гасконец. - А чтобы вы были совсем спокойны, я даже не буду вам сегодня платить за бритье, а заплачу за все вместе, когда приду за париком".

Гасконец, остановившийся в гостинице, заказал двум сапожникам по паре сапог и приказал им принести заказы к себе в гостиницу - одному в 9, другому в 10 часов утра. Когда явился первый сапожник, гасконец одобрил левый сапог, а правый велел унести обратно, что-то в нем поправить и принести обратно ровно в 6 часов вечера. Денег, конечно, не отдал. После того явился другой сапожник. У этого он одобрил правый сапог, а левый велел поправить и принести в 6 часов вечера. Деньги тоже "после, когда принесешь другой сапог".

Таким образом, у него составила́сь добрая пара даровых новых сапог, с которой он и поспешил улизнуть из гостиницы, разумеется, задолго до 6 часов вечера.

Один из королевских мушкетеров, родом гасконец, однажды сделал такое порывистое движение, что у него шляпа слетела с головы. Кто-то из товарищей поддел шляпу на шпагу и подал ее, к великому огорчению владельца, который не мог сдерживать свою досаду. "Лучше бы ты проткнул насквозь мое тело, чем мою шляпу!" - укорял он товарища. Король, в присутствии которого произошла эта сцена, спросил у гасконца, почему он предпочитает, чтобы проткнули лучше его самого, чем его шляпу. "Потому, государь, - отвечал гасконец, - что у моего хирурга я еще пользуюсь добрым кредитом, а у шляпника давно уже утратил всякий кредит!"

Какой-то гасконец, надевая перед боем военные доспехи, видимо, весь дрожал и на насмешливые замечания товарищей отвечал: "Что же тут удивительного, если мое тело дрожит заранее, предчувствуя каким опасностям его подвергнет моя безграничная отвага!"

В какой-то компании однажды хвалили двух офицеров за храбрость. "Нечего удивляться! - сурово заметил присутствовавший при этом гасконец. - Один из них гасконец, ну, а другой хоть и не гасконец, а стоит того, чтобы им быть!"

Гасконец, сидя в театре, то и дело вертелся, причем его шпага беспрестанно била по ногам его соседа. Тот, наконец, заметил, что, дескать, ваша шпага причиняет мне беспокойство. "Мало ли она кому и почище вас причиняла беспокойство!" - отвечал гасконец.

Гасконец ехал в наемном экипаже. Навстречу ему попался разодетый в пух и прах молодой офицер. Погода стояла дождливая, была грязь, и молодой франт был весь обдан грязью, брызгавшей из-под колес экипажа. Взбешенный офи-

цер подскочил к извозчику и начал его тузить тростью. Вдруг дверцы кареты отворились, гасконец выглянул оттуда и спросил у офицера: “Вы скоро кончите, милостивый государь?”. Офицер, все еще разгоряченный, свирепо накинулся на гасконца: “Вы принимаете сторону вашего извозчика! - кричал он. - Сделайте одолжение, как вам будет угодно. Потрудитесь выйти из экипажа, я перевожусь и с вами!” - “Не о том речь, - спокойно отвечал гасконец. - А дело в том, что я нанял его по часам, а каждый ваш удар задерживает меня и будет мне стоить десять су”. Этот финансовый довод обезоружил гнев офицера.

Гасконца приговорили к смертной казни. Он сейчас же послал за цирюльником. “Зачем он вам?” - спрашивали его. “Я никогда в жизни не пускал себе крови, - отвечал гасконец, - а говорят, что первое кровопускание спасает от смерти”.

Гасконец, впервые прибывший в Париж, пожелал видеть дворцы - Тюильри, Лувр. Увидя Лувр, он вскричал: “Вот превосходное здание! И как много оно мне напоминает; я точно вижу перед собой заднюю сторону конюшен в замке моего отца!”

За дочью богатейшего банкира-еврея ухаживал какой-то блестящий офицер, но успеха не имел ни малейшего, и барышня даже очень бесцеремонно зевнула, слушая его любезности. Это взорвало офицера и он не удержался, и сказал ей обычную в таких случаях дерзость: боюсь, дескать, что вы меня скушаете, сударыня. “Что вы говорите! - возразила остроумная миллионерша. - Ведь я жидовка, разве мне можно кушать свинину!”

Богатый банкир вел знакомство с представителями высшей аристократии, по преимуществу молодыми людьми, широко живущими. Один из них, посетив его однажды, дружески обратился к нему с просьбой ссудить ему несколько тысяч в долг. “Сию минуту”, - сказал банкир очень спокойно.

Достал какую-то книгу, развернул ее и на последней испи-
санной странице написал: "Такому-то выдано столько-то, та-
кого-то числа и месяца". Потом захлопнул книгу, поставил
ее на место и как ни в чем не бывало продолжал прерванный
разговор. Приятель, несказанно обрадованный таким легким
успехом займа, долгое время оживленно поддерживал бесе-
ду, но, наконец, соскучился и осторожно напомнил о день-
гах.

- Какие деньги? - изумился банкир.

- Как какие? Которые я у тебя просил. Ведь ты сам запи-
сал уже, что выдал их мне.

- Друг мой, - спокойно возразил банкир, - я такими опе-
рациями не занимаюсь, т.е. не даю денег займа первому, кто
на это изъявит желание. А записываю я такие просьбы про-
сто ради любопытства. Мне хотелось знать, много ли я роз-
дал бы денег, если бы давал займы всем, кто попросит; и вот
посмотри, - продолжал он, показывая приятелю эту книгу, -
за текущий год у меня просили займы уже на десять миллио-
нов.

Мальчику рассказывали известную историю освободи-
теля Швейцарии Вильгельма Телля, как он положил на голо-
ву своего маленького сына яблоко и стрелял в него. Мальчик
слушал чрезвычайно внимательно, видимо, поглощенный рас-
сказом. Но когда рассказ был кончен, он продолжал глядеть
в лицо рассказчику с самым возбужденным видом, словно
ожидая, когда же расскажут самое главное. Удивленный этим,
рассказчик сказал, что история вся кончена, больше ничего.
"Как же?.. - недоумевал мальчик. - А яблоко-то кому же отда-
ли, кто его съел?"

Какой-то мужичок на исповеди признался, что украл у
своего соседа сто снопов пшеницы. Исповедник спросил у
него, что, значит, он эту кражу совершал много раз, потому
что трудно сразу утащить сотню снопов. Мужичок разъяс-
нил, что он ходил воровать четыре раза и каждый раз утас-
кивал по 20 снопов. "Но ведь это выходит 80 снопов, а ты
говоришь - 100?". - "А я еще сегодня собирался утащить 20

снопов, так уж заодно и каюсь”.

Солдат был присужден к смертной казни, но помилован. Ему объявили об этом и настаивали, чтобы он сейчас же пошел к генералу, от которого зависела его участь, и поблагодарил его. Но солдат упорно от этого отказывался и говорил: “За что я его стану благодарить? Коли помиловал, так должен был мне прислать деньжонок, чтобы я мог выпить за его здоровье”.

Какой-то господин смотрел долгое время в упор на другого господина. Тот вышел из терпения и спрашивает его, чего он на него уставился. “Нельзя разве на вас смотреть? - возразил первый. - Собака преспокойно смотрит на епископа, и ей это в вину не ставится”. - “Но с чего вы взяли, что я епископ?” - спросил второй.

Английский лорд во время путешествия попал как раз в крушение поезда. Самого его довольно благополучно выкинуло из вагона и он упал в ров, но его слуга попал под поезд и его раздавило. Очнувшись от первого потрясения, лорд сейчас же спросил о своем слуге. “Его перерезало пополам, милорд”, - доложили ему. “Будьте добры, - попросил лорд, - отыщите ту половину, в которой лежат мои ключи, и принесите их сюда!”

Какая-то торговка в Париже присутствовала на оперном представлении, которые во время революции давались для простонародья бесплатно. И вот в то время, как пел хор, она громко вскричала:

- Экие каналы эти актеры! Спектакль бесплатный, для бедных, они и рады, поют все сразу, чтоб только поскорее кончить и отделаться!

Две придворные дамы жестоко поссорились. Об этом происшествии доложили дворцовому чину, которому надлежало о том ведать. “Назвали они одна другую уродами?” -

прежде всего осведомился тот. "Нет", - отвечали ему. "Ну, ничего, можно, значит, еще помирить их!"

В уголовном суде разбиралось в высшей степени скандальное дело, которое, как водится, привлекло в судилище огромную толпу дам. Видя это скопище, председатель обратился к публике с такими словами:

- Милостивые государыни! Вам, без сомнения, неизвестно, что дело, разбор которого здесь предстоит, изобилует такими подробностями, которые порядочным женщинам выслушивать невозможно. Предваряя об этом, я покорнейше прошу всех порядочных женщин немедленно оставить зал заседаний.

И, сказав это, председатель занялся разбором бумаг, делая вид, что он не смотрит и не видит того, что происходит в зале. Между тем, его воззвание осталось совершенно тщетным: ни одна почти дама не тронулась с места. Пропустив с четверть часа, председатель снова возгласил, но на этот раз обращаясь уже к судебному приставу:

- Полагаю, что после сделанного мной предупреждения все порядочные женщины уже оставили зал. А теперь, г-н пристав, поручаю вам удалить остальных.

Одна актриса исполняла мужскую роль, и притом с большим успехом: переодеванье ей удалось. Обрадованная этим успехом, она, выйдя со сцены за кулисы, вскричала: "Я уверена, что половина публики приняла меня за мужчину!" - "Зато другая половина очень хорошо осведомлена о противном", - заметила ей одна из подруг.

Какой-то испанский дворянин, весь насквозь пропитанный обычной гордостью испанских идадьго, однажды ночью постучался в какую-то гостиницу, имея в виду переночевать там. На оклик хозяина: "Кто там?", он отвечал: "Дон Хуан-Педро-Хернандес-Родриго де-Вильянова, граф Малафра, кавалер Сантьяго и Алькантара". - "Где же нам поместить столько народа, у нас и для одного едва найдется место", - проворчал хозяин, отходя от ворот.

Какой-то господин приводит своего приятеля в знакомый дом и, представляя его хозяйке, говорит: "Позвольте представить моего друга, такого-то. Ручаюсь вам, что он совсем не так глуп, как кажется". - "В этом и заключается разница между им и мною", - поспешил заметить приятель.

Молодая дама, в высшей степени порядочной и щепетильной внешности, поместилась в вагоне первого класса, где раньше ее заняли места какие-то молодые люди весьма развязного вида. Один из них курил. При виде вошедшей дамы, он, не бросая своей сигары, обратился к ней с банальным вопросом: "Вас не беспокоит табачный дым?" - "Не знаю, - отвечала дама, - ничего не могу вам сказать, потому что до сих пор в моем присутствии никто еще никогда не курил".

К одной даме явился в гости ученый академик. В жару беседы он, усевшись перед камином, без церемонии положил ноги на решетку камина. А она была позолочена, и хозяйка дома с большим беспокойством смотрела на его ноги, которыми он мог ободрать позолоту, а сделать ему замечание никак не решалась. По счастью, академик завел речь об антифразе, то есть таких оборотах речи, при которых смысл того, что нужно сказать, как бы переворачивается наизнанку. Дама попросила объяснить это слово, и ученый дал подробное объяснение, и даже спросил, поняла ли его собеседница. "О, вполне поняла! - отвечала дама и тут же прибавила: - Я должна вас предостеречь, милостивый государь, вы держите ваши ноги на решетке, а она позолочена, и я боюсь, как бы позолота не испортила ваших сапог".

Какой-то господин, большой охотник до живописи, во что бы то ни стало желавший прославиться, как живописец, на самом же деле только пачкун, вздумал сам расписать потолок в своем доме и сейчас же возвестил об этом всех своих знакомых. "Я сначала побелю потолок, - говорил он, - а потом по белому фону сам собственноручно распишу его". - "Знаете что, - посоветовал ему кто-то из знакомых, - вы луч-

ше сначала распишите потолок, а потом его хорошенько забелите”.

Молодая дама-католичка была на исповеди. Патер, задавши ей несколько вопросов, заинтересовался ею и пожелал завести с нею знакомство. Поэтому он и обратился к ней с вопросом, как ее имя. “Мое имя вовсе не грех, - отвечала дама. - Зачем же я буду вам его сказывать?”

В начале французской революции какой-то гордый аристократ ораторствуя о неимоверных заслугах дворянского сословия, между прочим воскликнул: “Вы только подумайте о всей той крови, которую дворянство пролило на полях битвы!” - “А кровь народа, которая проливалась на тех же полях, разве это была не кровь, а вода?” - заметил его собеседник.

Какая-то старуха гнала по улице ослов. Навстречу ей попались ребятишки, шедшие из школы, и стали ей кричать: “Здравствуй, ослиная маменька!” - “Здравствуйте, мои миленькие деточки”, - отвечала им старуха.

Какой-то лютый враг семейной жизни говорил своему другу: “Я написал завещание. Оставляю все свое имущество жене, но с тем условием, чтобы она непременно вышла замуж, как только истечет законный срок. Таким образом, у меня останется утешение, что будет существовать на свете хоть один человек, который искренне пожалеет о том, что я умер”.

Два вора встречаются в глухом закоулке. “У тебя хорошенькая цепочка”, - говорит один из них. “И часы недурны”, - ответил другой, вытаскивая часы из кармана. “О, в самом деле хороши. Сколько же ты дал за них?”. - “Не знаю... купец спал, когда я их покупал”.

Один крестьянин, защищаясь от напавшей на него собаки, ударил ее топором и убил на месте. Собака была очень

дорогая, и ее хозяин подал на крестьянина жалобу. Судья спросил обвиняемого, зачем он ударил собаку топором, когда как он мог от нее оборониться топоричем. "Если бы собака меня кусала хвостом, а не зубами, тогда и я бы стал защищаться от нее топоричем, а не топором", - отвечал мужичок.

По поводу известного библейского силача Самсона, убившего льва ослиной челюстью, существует несколько анекдотических рассказов. Приводим один из них. Несколько мальтийских рыцарей беседовали между собой о притеснениях христиан турками и о том, что надо идти на неверных войной. В числе собеседников был один рыцарь, по имени Самсон, человек маленького роста и весьма тщедушный на вид. Один из компаньонов, желая над ним пошутить, сказал: "Что нам бояться турок, когда между нами есть Самсон, который один перебьет целое войско!". Эта выходка вызвала дружный смех. Однако, желчный карлик не смутился и тотчас же ответил своему обидчику: "Конечно, перебью, как библейский Самсон, но только для этого мне нужна ваша челюсть".

Некто путешествовал по Испании. В Мадриде на улице к нему протянул руку нищий-испанец, гордо драпировавшийся в свои живописные лохмотья. Путешественник был раздосадован его приставаниями и вместе с тем поражен бодрой и крепкой внешностью. "Как тебе не стыдно кланяться и бездельничать, - сказал он нищему. - Ты такой здоровенный мужчина и мог бы честно зарабатывать свой хлеб". Испанец тотчас принял самый гордый и надменный вид и отвечал: "Милостивый государь, я прошу у вас подаяния, а вовсе не совета".

Один пожилой человек весьма недалекого ума отправился на птичий рынок, отыскал там ворона и стал его торговать. В это время проходил мимо кто-то из его знакомых и спросил его, для чего это он вздумал покупать себе ворона.

“Я слышал, что вороны живут триста лет, - отвечал простак. - Мне не верится, чтоб это было так. Вот я и хочу сам посмотреть, правда ли это”.

Деревенский патер однажды во время проповеди, рассказывая об известном чуде Спасителя, напивавшего пять тысяч народа пятью хлебами, оговорился и сказал наоборот, т.е., что пять человек были налиты пятью тысячами хлебов. “Ну, это еще не велико чудо, это и я могу сделать”, - заметил, грубо рассмеявшись, один из слушателей-мужичков. Добродушный и простоватый патер, заметив свой огрех, замолчал. Но при первом же случае он в своей проповеди снова завел речь об этом чуде и на этот раз расставил цифры как подобало. И вслед за тем, обращаясь к тому же строптивому слушателю, спросил его: “Что, и ты так же можешь сделать?”. Мужичок, нисколько не смущаясь отвечал ему: “Конечно, можно; ведь еще от прошлого раза сколько осталось хлеба-то”.

Какой-то хвастун и враль рассказывал в большой компании о том, что он объехал весь свет и видал всякие чудеса и что он очень удивляется, как это ни один автор не упоминает о капусте, которую он видел где-то в Африке или Америке. Капуста эта, по его словам, была так колоссальна, что под тенью ее листа могли укрываться пятьдесят всадников, построенных в боевом порядке, и даже совершать военные эволюции. Как только он кончил свое повествование, кто-то из собеседников принялся с самым серьезным и невозмутимым видом рассказывать о том, как, бывши в Японии, он видел большой котел, над изготовлением которого работали триста человек. Из них полтора ста были внутри котла и полировали его. “Но к чему же такой огромный котел, что в нем варить?” - насмешливо возразил первый враль. “Как что варить?” - спокойно возразил второй рассказчик. - А ваша капуста, о которой вы сейчас рассказывали, в какой же другой котел она поместилась бы?”

Двое молодых людей должны были вынимать дополнительный жребий по исполнению воинской повинности. Один из них был из богатой семьи, другой бедняк. Отец богатого пошептался с лицами, заведующими жеребьевкой, и пришел с ними к такого рода соглашению. В ящик будут положены два билета, но оба избирательные, такие, по которым надо идти в службу. Заведующий же устроит так, что первым будет вынимать жребий бедняк. Когда он вынет билет, его заставят развернуть бумажку и прочитать ее. Значит, дело на этом и будет решено, и другому не надо будет вынимать билет. Каким путем - неизвестно, но только бедняк проник в это ухищрение, и когда на жеребьевке его заставили вынуть билет, он нимало не протестовал, вынул билет и... немедленно его проглотил. "Что ты делаешь?" - крикнул на него заведующий. "Ничего, - спокойно отвечал бедняк. - Я проглотил свой билет, но ведь остался другой и по нему будет видно, кому идти в службу".

Старая, очень богатая и очень скаредная дама держала в доме множество прислуги, которая самую скаредностью дамы была вынуждена к тому, чтобы ее обворовывать при всяком удобном случае. Когда прислуга поздравляла ее с Новым годом, в чайнии награды, старая скряга обыкновенно говорила: "Дарю вам все то, что вы у меня украли в течение года".

Очень старый и чрезвычайно безобразный высший судебный чин сурово отказал в просьбе, с которой к нему обратилась какая-то старая дама, тоже не блиставшая красотой. Чрезвычайно рассерженная старушка, уходя от него, довольно громко сказала: "У, старая обезьяна!" Между тем судья рассмотрел ее дело, и так как внешнее безобразие вовсе не мешало ему быть справедливым судьей, то он, убедясь в том, что иск дамы был правилен, постановил приговор в ее пользу. Обрадованная старушка прибежала к нему и рассыпалась в самых восторженных любезностях и благодарностях. Но судья спокойно остановил ее и сказал: "Не стоит благодар-

ности, сударыня. Старая обезьяна естественно проникнута желанием сделать удовольствие старой мартышке”.

Два приказчика, оба родом гасконцы, встретились в гостинице за столом и по обыкновению начали врать. “Пове-ришь ли, - говорил один из них, - у нас, в конторе нашего торгового дома, такая громадная корреспонденция, что у нас на одни только чернила выходит 2000 франков в год”. - “Вот невидаль, - с хохотом возразил другой, - 2000 франков на чер-нила! Нет, милый мой, вот у нас так корреспонденция. У нас решили для сбережения чернил не ставить точек над буквою “i”. Так на одном этом получилось ежегодной экономии 5000 франков!”

“Не надо плакать, - говорили одному раскапризничав-шемуся ребенку. - Кто много плачет, когда вырастет, стано-вится некрасивый, страшный”. Ребенок, всмотревшись в того, кто с ним говорил, и видя, что он очень безобразен, сейчас же вывел заключение: “Ты сам, должно быть, когда был малень-ким, все плакал”.

Одна торговка до такой степени мучилась успехами сво-ей соседки, торговавшей рядом с ней и привлекавшей гораз-до больше покупателей, что в конце концов захворала и умер-ла. “Экая дура, - заметил ее муж, в качестве надгробного сло-ва своей супруге, - взяла да умерла. И что же она этим выга-дала? Соседка теперь осталась одна, без конкурентки, и бу-дет торговать еще лучше, чем прежде”.

Один солдат урезал сверхъестественную муху и, проби-раясь в таком виде к себе в казарму, попал в помойную яму, которая была довольно щедро наполнена содержимым. По счастью, друзья-приятели вовремя заметили его несчастье, немедленно его извлекли из ямы и по возможности отчисти-ли, окатив водой из ведер. После того кто-то из приятелей, не бывший очевидцем происшествия, спрашивал его, глубоко ли он ушел в яму. Тот отвечал, что почти по колени. “Неужели

же ты был до того пьян, что не мог сам выбраться, коли говоришь, что увяз только по колени?”. - “Так ведь я попал в яму-то не ногами, а головой вперед”, - разъяснил солдатик.

Трое отъявленных мазуриков однажды проходили по дороге и увидели мужичка, который засеивал поле, прилежавшее к дороге. “Молодец! - похвалили его мазурики. - Старайся, старайся хорошенько. Ты сей, а мы потом пожнем, что ты посеешь”. - “А пожалуй, что так, - согласился мужик. - Я коноплю сею. Вырастет, как раз и пригодится на веревку вам, висельникам”.

Мальчика начали обучать грамоте. Показали ему первую букву азбуки. Потом, когда его спрашивали, указывая на “а”, какая это буква, он упорно молчал. Как с ним ни бились, он не хотел открыть рот. Его бранили, потом оставили без обеда, наконец, высекли. Все было напрасно. Кто-то из друзей или родственников, кого этот мальчуган очень любил, посадил его к себе на колени и потихоньку спрашивал его, почему он так упрямится, отчего не хочет выговорить “а”, когда он очень хорошо знает, как называется буква. “Потому, - отвечал мальчуган, тронутый добрым участием, - потому, что я знаю, что как только я скажу “а”, так меня тотчас же заставят выучить “б”, а там уж и пойдет вся азбука, а я вовсе не хочу учиться”.

Какой-то весьма легкомысленный французский дворянин, весь промотавшийся, услышав о необыкновенном добродушии местного епископа, смело явился к владыке и попросил у него в долг. Епископ, очень хорошо зная, с кем он имеет дело, сначала было отказал, но потом поддался своему врожденному добродушию и дал просимую сумму, причем, однако же, твердо решил, что деньги эти пропали безвозвратно и что он так и должен считать их потерянными. Но к его несказанному изумлению, должник через несколько времени принес и уплатил долг сполна. Прошло несколько месяцев и тот дворянин вновь явился к епископу и вновь попросил взаи-

мы. “Ну, нет, - отвечал ему епископ, - я не из тех, которые дают надуть себя два раза подряд!”

В те времена, когда еще носили парики, какой-то гасконец явился к парикмахеру, только-что недавно открывшему свое заведение, и заказал парик. Гасконец был большой говорун, и парикмахер тоже попался ему под пару. Они разговорились и до такой степени очаровали друг друга разговорным талантом, что парикмахер пригласил своего заказчика к обеду. Пообедали они чрезвычайно весело, все время с увлечением разговаривая. Когда пиршество окончилось, парикмахер хотел снять с гасконца мерку парика, но тот сказал, что это совершенно бесполезно, что он раздумал заказывать парик. “Почему же? - воскликнул чрезвычайно удивленный парикмахер. - Разве вы остались чем-нибудь недовольны? Мы - чем-нибудь вас огорчили, я и моя жена?”.. “Не в том дело, - перебил его гасконец. - Напротив, я вполне доволен вами и вашей супругой и очарован вашим гостеприимством. Поэтому я не хочу вам заказывать парик, за который не намерен платить, и никогда не плачу. Я закажу другому”.

В одной школе детям постоянно давали черствый хлеб. Но вот однажды случилось, что вместо обычного черствого мальчуганам роздали совершенно свежий хлеб. Один из школьников тотчас спрятал свою порцию со словами: “В кои веки попался свежий хлеб. Я сохраню его на завтрашний день: надоело каждый день есть черствый хлеб”.

Один матрос вытягивал из воды канат. Канат был чрезвычайно длинный и тянулся бесконечно. “Фу ты пропасть! - вскричал раздраженный матрос. - Где же другой-то конец?”. - “Какой другой конец? - со смехом сказал ему товарищ. - Разве ты не помнишь, что тот конец сегодня утром обрезали?”

Старый солдат, у которого были отняты обе ноги, жаловался кому-то на сильную головную боль. “Так ведь вы же знаете средство против головной боли, самое лучшее и успеш-

ное, - сказал ему собеседник. - Сделайте себе ножную ванну”.

Какой-то драматург, обладавший весьма скромным талантом, но большими претензиями, однажды сказал своему приятелю: “С тех пор, как я прочитал Вольтера, я бросил писать трагедии, потому что такой трагедии, я чувствую, мне не написать, а плохих трагедий я писать не желаю. Поэтому я начал писать теперь комедии”. - “Значит, ты еще не читал Мольера”, - заметил его остроумный приятель.

Один член палаты депутатов однажды повздорил с другим депутатом и сказал ему: “С тех пор, как вы явились в палату, вы еще ни разу рта не открыли!”. - “Извините-с, - отвечал ему тот, - каждый раз, когда вы говорите в палате, я широко открываю рот - зеваю”.

Один деревенский мэр однажды очутился за столом между двумя юными франтами, которые все время потешались над ним. Он долго молча и терпеливо выслушивал их задирющие выходки и, наконец, сказал им: “Я вижу, господа, что вы надо мной издеваетесь. Но вы ошибаетесь относительно меня, вы составили обо мне совсем неверное мнение. Я вам скажу, что такое я, в сущности, собою представляю. Я вовсе не дурак и не болван, а я посредине между тем и другим”.

Какой-то случайный барин, раскричавшись на своего лакея, между прочим сказал ему, что для всех господ сущее несчастье, что они не могут обходиться без слуг. “А, по-моему, сударь, - ответил ему лакей, - наш брат, слуга, еще несчастнее тем, что не может обойтись без барина”.

Какой-то господин в большом обществе рассказывал о том, что у него была с кем-то ссора и что он получил пощечину. “Пощечину! - вскричал один из присутствующих. - Но ведь я полагаю, что она не могла остаться без всяких последствий?”. “Еще бы! - отвечал пострадавший. - У меня восемь дней болела щека”.

Как известно, во Франции овернцы занимаются самыми грязными ремеслами, вроде, например, чистки дворов, конюшен и т.д. Все это народ в высшей степени неопрятный, грязный и, разумеется, небрезгливый. Один из таких мастеров зашел однажды пообедать в простонародный трактирчик. Ему подали миску какого-то хлеба, и когда он запустил в него ложку, то вынул из него детский башмак. Он позвал хозяйку и, показывая ей свою находку, спокойно сказал ей: "Тетушка, башмак в похлебке занимает слишком много места. Вы подали мне не полную порцию. Вы уж добавьте".

Некто добивался чести попасть во французскую академию. Им была написана какая-то историческая книга, которая и составила то, что французы называют "литературным багажом кандидата". Это произведение, как он надеялся, и должно было открыть перед ним врата святилища науки. Он, конечно, озаботился вручить экземпляр своей книги академикам, на голоса которых рассчитывал при своей баллотировке. Через несколько времени он зашел к одному из этих академиков, чтобы узнать его мнение о своей книге. "Я прочел вашу книгу, - сказал ему академик, - и нашел в ней много верного и много нового. Но только вот в чем беда: все, что в вашей книге есть верного, то не ново, а что в ней нового - то неверно".

Двое мальчиков затеяли спор. Один из них говорил другому: "Я держу пари, что ты не съешь двух яблок натошак". - "Съем", - отвечал другой. "Ну, попробуй!". Пари было заключено, мальчуган взял одно яблоко и съел его. - "Ну вот и проиграл, - сказал другой. - Ведь ты съел яблоко, значит, ты теперь не натошак, и другое яблоко ты уже не можешь съесть натошак".

Двое молодых людей ожесточенно ухаживали за дамою, которая отличалась своею необычайною худобою. Какой-то остряк говорил про них: "Вот две собаки, которые грызутся

Горький пьяница, всю жизнь не употреблявший ни капли воды для утоления жажды, лежа на смертном одре попросил себе стакан воды. "Надо перед смертью помириться со своим злейшим врагом", - говорил он.

Какой-то молодой человек встретил у своей возлюбленной соперника, человека весьма пожилых лет, и, желая его уязвить, спросил у него о его возрасте. "Я не желаю давать вам на этот вопрос точный ответ, - отвечал соперник. - Замечу вам только, что осел в двадцать лет много старше человека шестидесяти лет"

Студент сдавал медицинский экзамен. Профессор спросил его, какими средствами будет он вызывать у больного испарину. Студент назвал несколько потогонных средств. "Ну, а если эти средства не подействуют?" Студент назвал еще несколько средств. Но профессор вновь задал ему тот же вопрос. И эта игра повторилась несколько раз, так что самого экзаменующегося ударило в пот, а профессор все повторяет свой вопрос: "Ну, а если это не подействует, тогда что?" - "Тогда я пошлю больного к вам на экзамен!" - воскликнул в отчаянии студент.

Один гасконец, рассказывая о необычайной быстроте курьерского поезда, на котором он ехал, говорил: "Вы меня знаете, я человек раздражительный, вспыльчивый и быстрый на расправу. Поезд остановился в Лионе. Я стоял на площадке вагона, а около, на платформе, стоял начальник станции. Я ему что-то сказал; он ответил грубостью. Слово за слово, мы повздорили, и я в бешенстве замахнулся, чтобы дать ему пощечину. Но как раз в этот момент поезд тронулся. Я уже размахнулся, не мог удержать руку и... моя плюха досталась начальнику станции в Марселе. Конечно, пришлось извиняться".

Одна молодая дама жесточайше истязала своего несчастного супруга, и так как он оказался человеком безответным, то этим, конечно, еще больше ожесточил свою строптивую половину. Но само собою разумеется, в глазах дамы всегда и во всем "виноват" был муж. Однажды, выведенная из терпения, дамочка с жаром спросила: "Молишься ли ты Богу когда-нибудь?". - "Молюсь, - отвечал он, - и в особенности с тех пор, как женился". - "В особенности с тех, как женился! - злорадно заметила супруга. - О чем же это вы и молитесь Богу с тех пор, как вы женились?". - "О ниспослании мне терпения", - отвечал муж.

Один ростовщик был очень опечален тем, что его доходы день ото дня уменьшаются. Он приписывал это тому, что в городе, где он жил, завелось слишком много ростовщиков, которые отбивали у него хлеб. Он отправился к патеру, который славился, как очень искусный и убедительный проповедник, и усердно просил его произнести слово против ростовщичества. Патер, хорошо знавший его, конечно, подумал, что старый скряга сам прежде других покаялся в своем ремесле и начал его поздравлять и хвалить. Но ростовщик холодно остановил его. "Вы совсем не так меня поняли, - сказал он. - Я прошу вас сказать проповедь потому, что у нас в городе завелось слишком много ростовщиков и это занятие перестало приносить доход. Ко мне, например, почти совсем перестали ходить. Я и думаю, что если вы вашим словом примете хорошенько ростовщиков и они все бросят дело, тогда опять весь народ повалит валом ко мне".

Какой-то враль рассказывал в одном обществе совершенно невероятную историю. Кончив рассказ, он обратился к кому-то из присутствующих с вопросом: "Ну, как вам это понравилось, что вы думаете об этой истории?" - "Я думаю, - отвечал ему спрошенный, - что когда эти ваши приключения кончились, то запел петух, и вы... проснулись".

Четверо проходимцев зашли в гостиницу, потребовали

себе роскошный обед, вина и вообще угостились на славу. Потом они позвали лакея, молодого малого, и спросили счет. Когда счет им был подан, один из них запустил руку в карман, как бы намериваясь вынуть деньги для расплаты. Но другой тотчас остановил его и сказал, что не позволит никому платить, что все уплатит он один. Тогда в свою очередь вступился третий, потом четвертый, и каждый хотел уплатить за все один и не соглашался, чтобы другие платили за него. Поднялся спор, который никак не могли разрешить. Мальчик-лакей стоял тут же и с большим интересом следил за этой борьбой благородства и великодушия. Взглянув на него, один из гостей как бы внезапно осенился веселою мыслью.

- Сделаем вот как, - предложил он своим приятелям, - завяжем малому глаза, и пусть он нас ловит. Кого поймает, тому и платить за всех, а ему за это дадим на чай.

Сказано-сделано. Завязали лакею глаза и началась игра в жмурки. Проходимцы, разумеется, один за другим выскользнули на улицу и скрылись. Тем временем хозяин гостиницы, слыша беготню и веселый смех, из любопытства вошел в тот зал, где сидели гости, и как раз наткнулся на своего лакея, ходившего по комнате с завязанными глазами. Малый тотчас же ухватил его и с торжеством вскричал: "Ага, поймал, вам платить!"

Двое крестьян шли и разговаривали между собою о погоде, урожае и т.д. Один из них сказал между прочим: "Если бы еще прошел такой хороший теплый дождь, как вчера, то так бы все и полезло из земли". - "Ну, это оборони Бог, - заметил другой, - у меня в земле-то две жены зарыты. Этак и они, пожалуй, вылезут".

Перенося с места на место очень дорогую китайскую вазу, лакей уронил ее на пол, и она разбилась. Выбежала хозяйка и, с отчаянием всплеснув руками, воскликнула: "Опять разбил что-то!.." - "На этот раз, сударыня, - отвечал ей с довольной улыбкой лакей, - вышло очень удачно. Посмотрите, ваза разбилась всего на две части". - "По-вашему это удач-

но?” - спросила хозяйка. “А как же, сударыня, всего один раз нагнуться и сразу поднять оба куска. А то иной раз как разобьется вдребезги, сколько времени ползаешь по полу-то, пока все подберешь”.

Служанка, простая деревенская баба, по приказанию барыни, пошла позвать какого-то господина на обед. Она застала его в то время, когда он чистил зубы щеткой. Баба, никогда в жизни не выдавшая этой операции, придала ей очень своеобразное толкование. Когда она вернулась домой и барыня ее спросила, придет ли тот господин, она отвечала: “Придут-с, они уже точат зубы”.

В театре происходила репетиция. Молодая, совсем еще неопытная актриса, которой приходилось изобразить муки ревности и отчаяния покинутой женщины, передавала эту сцену совсем вяло и безжизненно, приводя этим в отчаяние автора драмы, которую репетировали. “Сударыня, - кричал он ей в раздражении, - вы совсем не понимаете этой сцены. Поставьте себя на место героини. Представьте себе, что вас самих покинул бы ваш любовник. Что бы вы стали делать?”. - “Взяла бы другого”, - спокойно отвечала актриса.

Один хитроумный малыш, сидя за обедом с отцом и матерью, обратился к ним с вопросом, сколько цыплят лежит на блюде, которое только-что подано. “Ты сам видишь, что два, зачем же спрашиваешь?” - отвечал ему отец. “Нет не два, а три. Хочешь, я докажу, что три?” - “Докажи”. - “Хорошо. Вот, смотри, это один цыпленок - раз, это другой - два; один да два - сколько будет? - три!”. - “Верно, - согласился отец. - Ну, коли три, так мы, значит, их сейчас поделим. Нас тут трое: ты, я и мама. Ну, вот одного цыпленка возьму я, другого дадим маме, а третьего ты бери себе”.

Какой-то вор предстал перед судилищем. Его обвиняли в краже часов, которую он совершил в присутствии нескольких очевидцев, но которую, тем не менее, решительно и упор-

но отрицал. “К чему послужит вам это запирательство, - убеждал его судья. - Шесть человек видели своими глазами, как вы украли часы”. - “Шесть! - вскричал вор. - У вас только шесть свидетелей, которые видели, как я крал, а я вам, коли хотите, представлю миллион свидетелей, которые скажут, что не видели, как я крал!”

Однажды на большом океанском пароходе, шедшем из Европы в Америку, ехала большая оперная труппа, законтрактованная директором в театр Нового Орлеана. Выдалась тихая погода, певцы, до того времени истязаемые морской болезнью и лежавшие на своих койках, вышли на палубу и от нечего делать стали пробовать голоса. Запел сначала один и оказался тенором. Вслед за ним затянул арию другой - тоже тенор. Потом третий, четвертый, пятый... и все тенора. Вышло, что импрессарио пригласил в одну и ту же труппу пять теноров. Все они тотчас же налетели на него с криками, упреками и угрозами, потому что он каждому из них, при найме гарантировал, что у него не будет соперников на сцене.

- Господа, успокойтесь, пожалуйста, и выслушайте меня, - урезонивал их импрессарио. - Я дал вам обещание и хорошо помню его, будьте спокойны. В первую же неделю по прибытии в Новый Орлеан по меньшей мере двое из вас схватят желтую лихорадку и умрут. Значит из пяти останется уже трое. Затем, пока будут идти репетиции, желтая лихорадка унесет еще двоих; и останется только один. Значит, мои обещания вполне и оправдаются. Поверьте, что я очень хорошо знал, что говорил. Я человек опытный.

На поле битвы, усеянном трупами, усердно работал могильщик, зарывая мертвых. Около него стоял офицер, наблюдавший за работою. И вдруг этот офицер заметил, что могильщик спихнул в яму человека, который еще дышал. Объятый ужасом, офицер остановил усердного могильщика и принялся его бранить за варварское усердие. “Эх, ваше благородие, - со спокойной улыбкой отвечал ему могильщик, - сейчас видно, что вы человек внове. Вы еще их не знаете. Послушать их, так ни одного мертвого не найдется!”

Какой-то гасконец однажды услышал рассказ о том, что содержатель трактира дал пощечину своему посетителю, а тот притянул его к суду, и трактирщика присудили к штрафу в 10 эю. Гасконец старательно расспросил обо всех подробностях дела, вообще удостоверился в полной справедливости рассказа. После того он направился к этому самому трактирщику, поселился у него, жил, ел и пил три дня, и задолжал шесть эю. Затем потребовал счет и, просмотрев его, сказал хозяину: “Ну, сударь мой, я должен вам признаться, что у меня нет ни гроша. Но мы с вами можем рассчитаться вот каким манером. Вы знаете по собственному опыту, что пощечина стоит десять эю. Итак, вы дайте мне пощечину, и затем вычитите те шесть эю, которые я вам должен, а мне пожалуйста четыре эю сдачи”.

В 1854 году, как известно, было полное солнечное затмение, видимое во Франции. Слух о нем заранее распространился по деревням и, как это часто бывало, возбудил чрезвычайные опасения среди народа. В одной деревушке жители порешили, что 31-го июля (день, назначенный для затмения) наступит светопреставление, и все люди погибнут. Поэтому вся деревня от мала до велика кинулась к местному патеру исповедываться. Злополучный священник не знал покоя ни днем, ни ночью и совершенно выбился из сил. И вот, чтобы успокоить своих взволнованных прихожан, он собрал их и сказал им: “Дети мои, не спешите, времени для исповеди всем хватит, потому что затмение отложено не две недели”.

В деревне в доме одного из местных обывателей развелось невероятное количество клопов, которые не давали спать хозяевам. Баба-хозяйка обратилась за советом к доктору, и тот сказал ей, чтобы она купила порошок для истребления клопов. При этом он сказал ей, как называется порошок, где его купить, но по неосторожности не объяснил, как следует его употреблять. Через несколько времени баба в большой тревоге прибежала к нему и звала его к себе, говоря, что

с ее мужем стало очень нехорошо. Доктор пришел к ним и увидел, что муж катается по постели и кричит, очевидно, истязаемый страшными коликами. Доктор, разумеется, спросил, что с ним, и баба отвечала: "Да вот купила того порошка, про который вы говорили, и дала-то ему всего пол-коробочки съесть. И вот, смотрите, что с ним сделалось".

В числе соискателей какой-то должности явился между другими молодой человек. Его спросили, сколько ему лет. Он, скромно потупив глаза, отвечал, что ему двадцать два года. "Как двадцать два? - спросили его. - Вот тут, в вашей метрике, написано, что вы родились в таком-то году, значит вам двадцать три, а не двадцать два года". - "Да, - отвечал скромный молодой человек. - Но, видите ли, я один год провел в тюрьме за кражу, и, разумеется, вынужден исключить этот год из моей жизни".

Некто путешествовал по Испании и попал в такую область страны, где в то время свирепствовали разбойники. Путешественник обратился к местному начальству и просил дать ему охрану. Спустя некоторое время к нему явилось двое жандармов. Но когда путешественник взглянул на их физиономию, его пробрала дрожь. Он сейчас же опять пошел к начальству и сказал ему: "Будьте добры, не можете ли вы прислать ко мне пару добрых воров, разбойников, мошенников или чего-нибудь в этом роде?". - "Зачем же вам?" - спросило удивленное начальство. "Как зачем! - отвечал путешественник. - А кто же будет защищать меня от ваших жандармов?"

Однажды в газетке, издающейся в одном из маленьких провинциальных городков, были напечатаны следующие строки: "Приглашаю бакалейщика, который вчера продал мне десять фунтов сахарного песку, в котором оказался примешанным один фунт алебаstra, немедленно прислать мне в редакцию этой газеты взамен этого алебаstra фунт чистого сахарного песку, в противном случае имя и адрес этого бака-

лейщика будут опубликованы в газете". На другой же день в редакцию доставили не один фунт, а целых двенадцать фунтов превосходного сахарного песку. Все городские бакалейщики в одинаковой мере были испуганы угрозой разоблачения и поспешили задобрить изобличителя.

Один гасконец, прибыв в Париж, прогуливался по городу с каким-то знакомым парижанином. Остановились около собора Богоматери и глазели на него. Вдруг гасконец, подняв руку кверху и указывая на шпиль собора, сказал: "Подивитесь, какое у меня тонкое зрение. Я ясно вижу муху, которая ходит по шпилью". - "Ну, я не похвастаюсь таким острым зрением; но зато у меня слух уж наверно тоньше вашего. Представьте, я отчетливо слышу, как ваша муха на ходу шуршит лапками".

Рассказы о выходках гасконцев бесчисленны и разнообразны. Один из них, описывая свои путешествия, говорил: "Я ехал из такого-то в такой-то город, и вдруг на меня среди дороги напало шестеро разбойников. Я в мгновение ока выхватил шпагу, четырех убил на месте, трех ранил, а остальные - давай Бог ноги!"

Какой-то человек бросился в воду. Другой, случайно проходивший мимо, бросился вслед за ним, вовремя подхватил и вытащил его, затем привел к себе в дом, а сам побежал за женой утопленника. Самоубийца, очевидно, имел свои весьма основательные причины, чтобы покончить с собой, и потому, как только его спаситель ушел и оставил его одного, он тотчас схватил первую попавшуюся веревку и повесился. Между тем, спаситель, человек чрезвычайно добродушный и глуповатый, сбегал за женой утопленника и дорогой все время успокаивал ее, что ее муж жив и здоров, что он не дал ему захлебнуться, что он скоро оправится и просто только вымок в воде; стоит высушить одежду, и больше ничего, этим дело и кончится. Между тем, когда они вошли в дом, им представилось страшное зрелище: утопленник висел на веревке

уже, очевидно, без всяких признаков жизни. “Боже мой, - вскричала женщина, - он умер!” . - “Да нет же, сударыня, - убеждал ее придурковатый спаситель. - Успокойтесь, пожалуйста. Просто-напросто человек весь измок, ну и повесил себя, чтобы поскорее просохнуть”.

Один приятель говорил другому: “Друг мой, если б собрать все то, чего ты не знаешь, то вышла бы добрая книга!” - “А если б собрать все то, - отвечал приятель, - что ты знаешь, то вышла бы прескверная книга”.

Один поэт умеренного таланта, человек тщедушный и трусоватый, в своих стихах задел амбиции какого-то важного барина. Тот обиделся и вызвал стихотворца на дуэль. Поэт отвечал ему на вызов: “Извините, сударь, нам драться невозможно, потому что у нас силы неравные. Вы человек большой, я маленький. Вы храбрый, я трус. Вы чего, собственно говоря, хотите? Вы хотите меня убить? Ну, и прекрасно. Будем считать, что я уже убит.”

Один патер во время проповеди услышал, что среди слушателей начался довольно громкий шепот. Проповедник обиделся и сделал публике замечание. Тогда со стороны женщин поднялась какая-то особа и начала уверять патера, что разговор был не на их стороне, а в стороне мужчин. “Прекрасно, прекрасно, милая моя, - успокоил ее патер. - И тем лучше, что не на вашей стороне, потому что скорее кончится.”

Некто взял займы деньги, но при этом заключил весьма предусмотрительное условие уплаты. Он обязывался уплатить долг, когда ему вздумается. Само собою разумеется, что каждый день, когда займодавец приступал к нему с требованием, он резонно отвечал ему: “Подождите, по условию я обязан уплатить, когда мне вздумается, а мне еще не вздумалось”. Займодавец, выведенный из терпения, подал на него жалобу. На суде должник очень спокойно твердил свое: “Платить мне еще не вздумалось: по условию, когда захочу, тогда

и заплачу". - "Очень хорошо, - порешил судья. - Вы сядете в тюрьму и будете там сидеть до тех пор, пока вам не вздумается уплатить долг".

Мужичок исповедовался у патера. Пришел он на исповедь первый раз в жизни, и когда патер спросил его, какие за ним есть грехи, он начал без всякого порядка рассказывать один за другим разные случаи и приключения в своей жизни. "Мне ничего этого не надо знать, - с нетерпением перебил его патер. - Я говорю тебе, чтобы ты сказал мне свои грехи". - "Почем я знаю, что грех, что не грех, - отвечал крестьянин. - Я человек не ученый. Я вам рассказываю все, а вы уж сами выбирайте, что вам надо".

Некто женился на второй жене и чуть не с первых дней начал горько жалеть свою первую жену. Это чрезвычайно раздражало вторую супругу, и однажды она сказала ему: "Поверь, мой друг, клянусь тебе, что никто больше меня не жалеет о смерти твоей первой жены".

Один жид упал в колодезь. Христианин увидел его в этом положении, сейчас же побежал, принес лестницу и опустил ее в колодезь. "Нет, нет, - закричал жид из недр колодца. - Я не полезу по твоей лестнице. Сегодня нельзя: сегодня шабаш". Доброволец-спаситель спокойно вынул лестницу и ушел. Жид аккуратно просидел в колодце всю субботу, но как только день прошел и настало воскресенье, он тотчас поднял отчаянные крики, на которые прибежал тот же самый человек. "Лестницу, лестницу, подайте лестницу! Теперь шабаш кончился, теперь я могу вылезти". - "Нет, брат, сегодня воскресенье. Сегодня нам работать нельзя", - отвечал ему христианин.

Некая замужняя особа очень красивой внешности и очень легких нравов однажды отправилась на исповедь. Когда она вернулась, муж со смехом спросил ее, в чем она ходила каяться. "Там, - отвечала дамочка, - в разных пустяках.

Патер спросил меня, верна ли я тебе. Я, конечно, отвечала “да”. А вслед за тем я покаялась ему, что грешна во лжи. Вот и все. Он дал мне отпущение грехов”.

Какая-то мамаша, несмотря на отчаянное сопротивление своей молоденькой дочки, просватала ее за старого полуразвалившегося богача. Когда пришли венчаться, священник по обыкновению спросил ее о согласии на вступление в этот брак. “Увы, - отвечала бедная девушка, - я от вас от первого слышу такой вопрос. До сих пор никто другой и не подумал спросить меня об этом”.

Какой-то поставщик-купец явился к своему постоянно-му покупателю, графу или герцогу, и представил счет. “Разве вы еще до сих пор ничего не получали? - с удивлением спросил его герцог. “До сих пор, ваша милость, я получил только пощечину от вашего управляющего, а денег не получал”, - отвечал поставщик.

Какой-то молодой человек, редкостно тупоумный, должен был держать экзамен для поступления в духовное звание. Патер-экзаменатор, вероятно, знавший об его духовном убожестве, быть может, желая позабавиться над ним, задал ему вопрос: “У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Кто был их отец?” Глупый малый был поставлен в тупик и совсем ничего на ответил. Его, конечно, прогнали, и, вернувшись домой, он рассказал отцу о своем приключении. “До чего ты глуп! - воскликнул отец. - Как же ты не мог этого сообразить? Ну, подумай сам. У нашего соседа-мельника три сына: Петр, Иван и Яков. Кто их отец?”. - “Конечно, мельник!” - вскричал сынок. “Ну, понял теперь!” Сын вновь пошел на экзамен, и патер, предчувствуя новую забаву, задал ему тот же самый вопрос: кто был отец сыновей Ноя? “Наш сосед мельник”, - отвечал дурачок с великим апломбом.

Один пьяница пировал со своими приятелями, которых созвал к себе в гости. В это время началось сильное наводне-

ние. Вода прибывала чрезвычайно быстро, и в скором времени-дом пьяницы был окружен со всех сторон. Видя это, хозяин побежал в погреб, выкатил оттуда бочку с вином и крикнул своим гостям: “Друзья мои, давайте выпьем как можно скорее эту бочку, а потом сядем в нее; она и послужит нам ковчегом для спасения от потопа”.

Богатый прелат ехал в карете по большой дороге, а на встречу ему попался воз, чем-то нагруженный, около которого шел молодой, очень плотный на вид деревенский парень. Кучер епископа еще издали кричал ему, чтобы он посторонился, но парень спокойно вел воз, не сворачивая в сторону. Прелат, слыша громкую брань своего кучера, высунулся из кареты и, посмотрев на здоровенного парня, сказал ему: “Друг мой, судя по наружности, ты, кажется, гораздо лучше упитан телесно, нежели духовно”. - “Чего мудреного, владыко, - отвечал ему умный парень. - Ведь телесно мы сами себя кормим, а духовную-то пищу от вас получаем”.

На экзамене в католической семинарии почетный экзаменатор, епископ, пристал к семинаристу с подробными и придирчивыми вопросами о том, как следует крестить детей в экстренных случаях. Изморив бедного семинариста разными казуистическими заковычками, епископ, наконец, спросил его: “Ну, если у тебя под рукою не будет воды, а будет бульон, можешь ли ты им совершить обливание?”. Семинарист, сильно раздраженный всеми этими придирками, отвечал: “Бульон бульону рознь. Таким бульоном, какой вы кушаете, конечно, совершать крещение не годится, а таким, который у нас в семинарии подается - можно”.

Какой-то прелат во время обеда протянул руку к блюду, не приняв в расчет, что блюдо было очень горячее, и, разумеется, сильно обжегся, при этом не мог удержаться и весьма энергически выбранился, употребляя выражения, в высшей степени неподобающие духовному сану. Один из его гостей сейчас же вынул карандаш и бумажку и начал записы-

вать. “Что это вы пишете?” - спросил его прелат. “Я записываю на всякий случай ту молитву против ожогов, которую вы сейчас изволили произнести”.

Некий проходимец, который всюду занимал деньги и никогда не платил долгов, обратился с просьбою об одолжении денег к одному очень богатому и добродушному лицу, охотно оказывавшему помощь всем, кто к нему обращался. Однако, богач, очень хорошо знавший этого господина, был вовсе не расположен помогать ему, зная, что деньги пойдут прахом и что обратно он их не получит, но, обуреваемый своею врожденною добротою, дал ровно половину просимой суммы, сказав при этом: “Так мы оба будем в выигрыше: вы получите половину того, что просите, а я сберегу половину”.

Грек и венецианец спорили о преимуществах и исторических заслугах своих отечеств. Грек, чтобы доказать, что его родина должна быть превознесена над всем человечеством, упомянул о том, что из Греции вышли самые знаменитейшие мудрецы и философы. “Вот, именно, что вышли, - подхватил венецианец. - Поэтому-то теперь у вас и не осталось ни одного мудреца”.

В одном обществе разговаривали о каком-то богаче, который сначала был простым лакеем, а потом, после целого ряда злодейств, которые ему изумительно удачно сошли с рук, стал миллионером и знатным человеком. “Ловкий человек, что и говорить, - заметил один из собеседников. - Раньше стоял на запятках кареты, а потом вскочил внутрь, при этом благополучно миновав колесо”. (Намек на старинную казнь колесованием).

Одного простака и труса много раз обворовывали и грабили на улице. Однажды, когда он на это жаловался, ему сказали, что зачем же он, выходя из дому в ночное время, не берет с собой пистолетов. “Покорно вас благодарю, - отвечал простака. - Мало еще меня грабили, вы хотите, чтобы у меня и

пистолеты отняли. Я и то, выходя из дому, стараюсь брать с собой как можно меньше вещей”.

Какой-то человек, видимо чем-то ужасно подавленный, шел по улице в чрезвычайно меланхолическом настроении. Встретившийся приятель спросил его, отчего он так грустен. “Я задолжал большую сумму; теперь пришел срок уплаты, денег у меня нет, платить нечем, поневоле загрустишь!” - “Не понимаю, извините, - заметил приятель. - То, что вы говорите, без сомнения, грустно для вашего заимодавца, а вам-то о чем тут грустить?”..

Некто, одолеваемый страшным безденежьем, встретился с приятелем, который рассказал ему об одном очень странном случае, происшедшем на дуэли. Пуля попала прямо в грудь одному из стрелявшихся, но угодила как раз в жилетный карман; а в кармане лежала большая серебряная монета, которая и остановила пулю, так что эта монета спасла человеку жизнь. “Экий счастливец, - сказал со вздохом бедняк. - Будь я на его месте, я был бы убит наповал”.

Один человек одолжил деньги займа своему приятелю, и с этих пор тот пропал у него из глаз, перестал к нему ходить и даже, видимо, избегал встречи с ним. Когда же однажды заимодавец встретил этого своего бывшего друга, он остановил его и сказал ему: “Слушай, сделай что-нибудь одно: либо отдай мне мои деньги, либо возврати мне моего друга”.

Какой-то богатый господин, очень гордившийся своими деньгами; имел обыкновение говорить, что он согласен считать порядочным человеком только такого, у которого имеется не менее десяти тысяч годового дохода. Однажды при нем говорили о ком-то, кого он мало знал, и он спросил: “Кто это такой, порядочный ли он человек?” - “Ну, где там, ему далеко до полной порядочности. Ему до этого не хватает тысяч пяти или шести”.

Один придворный шут что-то такое напроказил, т.е. позволил себе чересчур большие вольности в словах и был изгнан из дворца. Некоторое время он пробыл в немилости, а затем ему позволили вернуться. Король сказал ему: "Ну, ты опять по-прежнему будешь рассуждать и обсуждать и указывать мне на мои ошибки?". - "О, нет, ваше величество, с какой стати буду я разговаривать о таких вещах, которые и без меня известны всем и каждому".

Однажды какой-то весьма недалекого ума сановник в одном обществе принялся разглагольствовать о том, какими церемониями сопровождаются совещания о государственных делах у разных диких народов. "Представьте себе, - говорил он, - у одного негритянского племени существует такой обычай: члены совета все собираются в особую постройку, где поставлены огромные посудины с водой. Советники входят в этот зал заседаний совершенно голые, и каждый из них влезает в одну из этих посудин и погружается в воду по самую шею. И вот в такой позе они принимаются рассуждать о государственных делах". Заметив, однако, что его рассказ был принят слушателями с некоторым недоумением, он обратился к одному из них с вопросом, неужели, дескать, вы не находите это забавным. "Я не нахожу этого забавным, - отвечал спрошенный, - потому что я знаю вещь, еще гораздо более забавную. Я знаю, что существует страна, где в зале заседаний ставят одни только посудины с водой, и эти посудины между собою и держат совет".

За столом у одного крупного сановника сидел иезуит, явившийся на обед, как водится, в сопровождении другого иезуита. Этот последний был очень грубый и невоспитанный человек, совсем незнакомый со светскими обычаями. Увлечшись каким-то вкусным блюдом, этот невежа преспокойно ломал хлеб, макал его в аппетитный сок и прямо пальцами отправлял куски в рот. Другой же иезуит, человек полированный, ужасно возмущался такой грубостью и, желая незаметно сделать замечание своему собрату, начал толкать его под столом ногою. К сожалению, он ошибся адресом, и вме-

сто того, чтобы пинать спутника, пинал хозяина дома. Тот, выведенный из терпения толчками, сказал ему жалобным голосом: "Пожалуйста, отче, будьте осторожнее. Я ем как следует и меня незачем толкать".

Какой-то прелат однажды в постный день кушал скоромное блюдо. Едва он проглотил две-три ложки, как служитель почтительно доложил ему: "Сегодня постный день, ваше преподобие". Прелат мгновенно вознаградил его за такое усердие пощечиной со словами: "Дурак, ты выскочил со своим замечанием не вовремя. Надо было либо предупредить меня заранее, когда я еще не начинал есть, либо дать мне доесть. А теперь вышло ни то, ни се".

Портной принес счет своему постоянному заказчику и застал его еще в постели. Осведомившись, зачем он пришел, хозяин сказал ему: "Подойдите, пожалуйста, к моему бюро и откройте ящик, вот этот". Портной начал выдвигать ящики бюро один за другим; хозяин его долгое время останавливал, указывая ему, какой именно ящик надо выдвинуть. Наконец, нужный ящик был найден и выдвинут." Ну, вот, этот самый. Загляните в него, что вы там видите?" - "Вижу кучу каких-то бумажек", - отвечал портной. "А это все разные счета, - пояснил ему хозяин. - Я их все собираю в этот ящик. И вы свой сюда же положите. А затем честь имею кланяться". И хозяин преспокойно повернулся на другой бок.

Адвокат с жаром говорил речь на суде. Но судьи не могли устоять против наркотических свойств его красноречия и понемногу один за другим все заснули. Только один продолжал еще бороться с грехом пополам с дремотою. Адвокат, заметив эффект своей речи, внезапно остановился. "Что же вы замолчали?" - спросил его единственный бодрствующий член суда. "Боюсь разбудить ваших товарищей", - отвечал ему шепотом адвокат.

"Вот видишь, как нехорошо пьянствовать, - убеждали

одного усердного поклонника Бахуса. - Вот ты теперь нали-
зался, идешь и спотыкаешься на каждом шагу". - "Вздор вы
говорите, - отвечал пьяница. - Я вовсе не в том провинился,
что выпил. Это ничего. А вот, что выпивши не следует хо-
дить, потому что спотыкаешься, это действительно так".

В присутствии одного человека, который занимал день-
ги направо и налево, была однажды произнесена обычная
фраза из области житейской премудрости. "Кто платит свои
долги, тот обогащается". - "Эх, - воскликнул господин, обре-
менный долгами, - не верьте вы этому; эту поговорку вы-
думали кредиторы".

У одного господина скончалась супруга. Он пошел в
бюро похоронных процессий и стал заказывать там погребальную церемонию. Договорившись обо всем, он спросил,
сколько это будет стоить. "Три тысячи", - отвечали ему. "Три
тысячи! - воскликнул он, совершенно ошеломленный цифрой.
- Помилуйте, ведь этак вы заставите меня пожалеть о том,
что она умерла!"

Какая-то молодая франтиха сильно ушиблась и, пока-
зывая врачу ушибленное место, находившееся в совершенно
невидимой области тела, обычно скрываемой под одеждой, с
большой тревогой спрашивала у врача: "Скажите, доктор,
ведь это не видно будет?". - "Сударыня, - отвечал удивлен-
ный доктор, - это вполне от вас зависит".

Когда лет тридцать-сорок тому назад повсюду свиреп-
ствовала мода на шиньоны, в одном маленьком приморском
городке Франции, куда съезжалось летом много купающих-
ся, местное начальство поставило на улицах подробное на-
ставление к спасению утопающих, в котором было, между
прочим сказано: "Утопающего следует схватить за волосы,
если это мужчина. Если же тонет женщина, то ее следует схва-
тить за одежду, потому что, если схватить за волосы, то они,
наверное, останутся в руках у спасающего, так как он риску-

ет схватить за шиньон, а не за собственные волосы утопающей”.

Лет пятьдесят тому назад сильно распространилась мода при лечении некоторых болезней заменять ртуть золотом. По этому поводу один французский врач говорил, что при всех прочих равных условиях золото оказывает, несомненно, гораздо лучший эффект, когда его прописывает не врач пациенту, а, наоборот, пациент врачу.

Какой-то человек недалекого ума, жестоко страдавший зубами, пришел к дантисту. Тот осмотрел его зубы и решил, что надо два из них удалить. На вопрос, сколько это будет стоить, дантист отвечал, что за извлечение одного зуба он берет 10 франков, а за последующие, второй, третий и т.д. - по пяти франков. “Так вы вырвите мне сегодня только второй зуб, - порешил пациент. - А потом я приду в другой раз, тогда вы мне вырвите первый”.

Среди суровой зимы кого-то хоронили. Один прохожий на улице, видя похороны, нарочно отвернулся, делая вид, что он не замечает процессии. Другой прохожий остановил его, указал на похороны и напомнил, что надо снять шапку. “Благодарю покорно, - отвечал первый. - И сам-то покойник, быть может, угодил в гроб, тоже из желания соблюсти вежливость перед кем-нибудь на улице вот в такую же погоду, как сегодня”.

Одна замужняя греховодница однажды сделала интересное признание своей приятельнице. “У меня, - говорила она, - за всю мою брачную жизнь было двое любовников. Первый из них был так обольстителен, что заставлял меня забыть свои обязанности, второй же, наоборот, был так отвратителен, что побудил меня вспомнить об этих обязанностях”.

В одном провинциальном суде слушалось какое-то дело, возникшее на почве супружеской неурядицы. Адвокат жены,

распинаясь за свою доверительницу и в этих видах щедро оказывая грязью ее мужа, между прочим, сказал: "Я боюсь наскучить господам судьям перечислением адресов всех тех сомнительной нравственности дам, которых посещал муж моей клиентки". - "Позвольте! - перебил его председатель. - Напротив, потрудитесь сообщить суду все эти сведения, потому что они могут быть для нас существенно полезны".

В одном клубе какой-то барон до такой степени измучил слушателей рассказами о собственных личных приключениях, рассказами тягучими, утомительными и скучными, что один из слушателей не вытерпел и сделал ему замечание. "Позвольте, - спокойно возразил скучный рассказчик, - если я перестану рассказывать вам свои приключения, тогда вы начнете рассказывать мне свои приключения, а такая перспектива мне вовсе не улыбается".

Летом, в страшную жару, какой-то очень простоватый человек, усердно отирая вспотевший лоб, стонал и жаловался: "Чистая смерть! Я весь точно в огне, голова горит, лоб горит!". - "То-то я слышу - паленым пахнет", - заметил собеседник.

Солдат просился в отпуск на неделю. Начальство спросило его о причине такого продолжительного отпуска, и солдат ответил, что он получил известие о смерти своего отца. "Хорошо, можешь отправляться. Но, смотри у меня, чтобы другой раз с тобой этого не случилось".

Некто превозносил необычайный ум своего пса-водолаза и в доказательство смысленности животного рассказывал: "В прошлом году я с покойницей-женой провел лето на берегу моря. Конечно, и водолаз был с нами. Супругу мою вы ведь помните, пренеприятная была женщина покойница. Ну, да не о ней речь. Вот однажды прогуливались мы по берегу моря, жена оступилась и упала в воду. И что же вы думаете? Вы полагаете, конечно, что мой водолаз, как все соба-

ки его породы, сейчас же бросился в воду и вытащил утопленницу? Ничуть не бывало. Он посмотрел сначала на жену, т.е. на то место, куда она упала, потом посмотрел на меня, потом отошел к сторонке и преспокойно улегся. Какое умное и сообразительное животное!”

Двое знакомых шли по улице и беседовали между собой. Один из них был завзятый курильщик, не выпускавший трубки изо рта, другой же вовсе не курил. Курильщик говорил: “Хорошая вещь этот табачок. Скверно только одно, что он стоит денег и что чем больше куришь, тем накладнее для кармана”. - “Это ты верно говоришь, - отвечал некурящий. - В самом деле, подумай-ка, если бы ты не курил и все деньги, которые тратишь на табак, откладывал и копил, так ведь у тебя давно был бы свой дом, а может быть, и целое имение”. - “Так, так, - отвечал курильщик. - Ну-ка, ты, некурящий, много ли ты отложил? Где твой дом, где имение?”

Одна нянька обращалась чрезвычайно скверно с ребенком. Но каждый раз, когда она угощала его колотушкой, он всеми силами сдерживался, чтобы не расплакаться. “Ведь тебе больно”, - говорил ему какой-то жалостливый человек. “Конечно, больно, - отвечал ребенок. - Но кабы нянька это знала, так она бы меня била еще сильнее”.

В дамской компании подняли на зубок какую-то общую знакомую и судачили о ней. “Знаю я ее! - сказала одна из собеседниц. - У нее целая дюжина любовников”. - “Экий у вас злой язык, - заметила ей другая. - Вечно вы преувеличиваете ровно вдвое”.

Некий злополучный муж, внезапно узнав об измене своей жены, как громом пораженный, повалился на кресло, с криком, что он этого не переживет, что он умрет. “Ну, полно, полно, - утешал его приятель. - Мало ли есть мужей, которых жены обманывают. Ведь не умирают же все они. Даже случается наоборот - этим живут”.

Двое детей, мальчик и девочка, повздорили между собою, и мальчуган принялся изо всех сил колотить девчурку. "Молодец! - заметил кто-то из свидетелей этой сцены. - Подают надежды. Вырастет большой, хороший будет муж".

Во время первого свидания с любовником молодая дама с жаром распространялась о добродетелях своего мужа и о том, как она нехорошо поступает, обманывая такого прекраснейшего человека.

- Опять вы о своем муже! - с нетерпением перебил ее кавалер.

- Да, легко вам говорить, а поставьте-ка себя на его место!

- Да я только этого и добиваюсь, - отвечал кавалер.

Муж умирал. Имея кое-какие причины сомневаться в верности своей супруги, он, чувствуя приближение смерти, говорил ей: "Ты видишь, я умираю. Признайся же мне теперь, перед смертью, откровенно, ведь ты мне изменяла?" Супруга на некоторое время призадумалась и, наконец, в нерешительности проговорила: "Да... Хорошо, как умрешь, а если нет?"

Зять должен был сопровождать свою тещу в поездке с дачи в город. Жена, зная легкий нрав своего супруга, провожая его, говорила ему: "Ты, пожалуйста, дорогой не очень развлекайся". - "Развлекаться! - проворчал муж с досадой. - Велико развлечение ехать с тещей!"

Один господин каждый день на одном и том же месте, в один и тот же час встречал одну и ту же нищенку, которая каждый раз просила у него милостыню, неизменно прибавляя при том, что она сегодня ничего не ела. Господин обратил внимание на это ее вечное заявление о том, что сегодня не ела, и однажды спросил ее: "Милая моя, ты каждый день говоришь, что ничего не ела. Выходит, что ты никогда ничего не ешь. Я удивляюсь, как ты после этого остаешься жива?"

“О, мой добрый барин, - отвечала нищая, - я в самом деле ничего не ем до встречи с вами, а ем уж после, по вечерам”.

Молодая вдова скоро после смерти мужа сильно закутила. Одна добрая знакомая дружески выговаривала ей: “Разве можно так вести себя! Ну, завела бы одного любовника, это еще куда ни шло. Но целый десяток!”. - “Что делать, - оправдывалась вдова, - я должна исполнить последнюю волю покойного мужа: он на одре смертном заклинал меня никогда никому не принадлежать, и я обещала ему это”.

Некая особа, носившая имя Магдалины, вела сначала весьма рассеянную жизнь, но потом покаялась, остепенилась, вышла замуж. Но с тех пор доброе расположение покинуло ее навсегда. Она была вечно скучна, грустна, имела вид существа, ничего не ждущего от жизни. Один остряк говорил про нее: “Вот Магдалина, которая, судя по всему, горько раскаивается в том, что раскаялась”.

У одного богатого человека была дочь, до такой степени некрасивая, что надо было сосредоточить в себе всю отеческую нежность к собственному детищу, чтобы любить ее. Но отец, как и подобало, очень ее любил, и, желая ее пристроить замуж, порешил выдать ее не иначе, как за слепого. Женихи, без сомнения, нашлись бы и зрячие, потому что невеста была страшно богата, но любящий отец хотел избавить свою дочку от того неизбежного отвращения, которое питал бы к ней всякий зрячий муж. И вот через несколько времени после свадьбы в ту местность, где жили молодые, заявился какой-то знаменитый окулист, который, по слухам, совершал настоящие чудеса, делал зрячими слепорожденных. Многие начали тогда советовать богачу-тестю, чтобы он обратился к этому целителю и поручил ему своего слепого зятя, авось он его вылечит. “Никогда я этого не сделаю, - отвечал тесть. - С какой стати? Доктор вернет зрение зятю, а зять вернет мне дочку. Нет, пусть лучше все останется так, как есть”.

Один в высшей степени пустой и тщеславный франт явился к знакомой даме и просил руки ее дочери. В самой своей речи он уже давал понять, что нисколько не сомневается в успехе своего ходатайства; закончил же эту речь словами: “Сударыня, я льщу себя надеждой, что предложение такого человека, как я, будет вами принято благосклонно”. - “Да, милостивый государь, - отвечала дама, - вы действительно льстите себе”.

Один мудрец говаривал (приписывается знаменитому Бэкону), что для женитьбы найдутся достаточные резоны во всяком возрасте жизни: для молодого человека женщина является любовницей; для человека в зрелом возрасте - другом; для человека престарелого - кормилицей. Другой же мудрец держался совсем иного взгляда. Как только сын его подрос, он сейчас же начал деятельно хлопотать о том, чтобы его женить. Друзья указывали ему на молодость и незрелость юноши, советовали обождать, дать малому время придти в разум. “Ну, нет, - отвечал им отец. - Дождаться, пока он придет в разум, так это надо все дело бросить. Придет в разум, с какой же стати он женится!”

Один господин привык каждый вечер ходить в гости к какой-то даме и соблюдал эту привычку лет двадцать подряд. После того он овдовел, и все его знакомые, зная его привязанность к этой даме, которую он постоянно посещал, советовали ему на ней жениться. “Нет, - отвечал он. - Это дело не подходящее. В мои годы трудно отстать от укоренившихся привычек. Я двадцать лет подряд хожу к ней и просиживаю у ней вечера. Коли я на ней женюсь, куда же мне ходить, где проводить вечера?”

Некий поэт в одно и то же время писал поэму и вел процесс о наследстве. Дело было сложное и запутанное, а между тем от благополучного решения зависела вся дальнейшая участь этого писателя; поэтому он, разумеется, не столько был занят своей поэмой, сколько своим процессом. Знакомые час-

то упрекали его в этом, говоря ему, что он, поэт, должен был бы всего больше заботиться о своей славе, о том, чтобы обессмертить свое имя в потомстве. "Все это прекрасно, - отвечал он, - но прежде чем думать о бессмертии, надо подумать о жизни и о том, как ее обеспечить".

Преступник, осужденный на виселицу, говорил: "Увы, мне приходится погибать за проступок, который я совершил совершенно против собственной воли". - "Ничего, - отвечали ему. - Тебя и повесят тоже против твоей воли".

Один из знатных сановников по неосторожности попал в очень глубокую яму, наполненную грязью. На его крики о помощи прибежал солдат. Он тотчас узнал сановника и чрезвычайно близко принял к сердцу его несчастье. Он начал метаться во все стороны, отыскивая что-нибудь - лестницу, веревку, чтобы попавший в яму мог быть оттуда извлечен. После долгих поисков ему удалось только добыть какую-то грязную веревку. Подбежав с ней к яме, он почтительно доложил сановнику: "Ваше превосходительство, вот я нашел веревку, да только извините, она грязная, вы изволите запачкать об нее ручки".

Некто спрашивал у сапожника: "Скажи, пожалуйста, на вашей улице много живет мошенников, не считая тебя?" Сапожник обиделся и начал ругаться. "Ну, хорошо, хорошо, успокойся, - урезонивал его другой. - Коли ты не хочешь, чтобы тебя исключали из счета, то я тебя спрошу иначе: "Сколько на вашей улице мошенников, считая вместе с тобой?"

Двое гостей, сидевших на противоположных концах стола, повздорили между собой, и дело у них дошло до самой яростной брани. Один из них кричал другому: "Если бы я мог достать до вашей физиономии, то будьте спокойны, засветил бы вам добрую пощечину. Можете считать, что вы ее получили". - "А если б я был подле вас, - отвечал ему другой, - то давно бы уже проткнул вас насквозь шпагой. Поэтому може-

те считать себя мертвым”.

Некто страдал жесточайшей подагрой. Один из его знакомых послал к нему своего слугу узнать о здоровье. Когда слуга вернулся, то на вопрос своего барина отвечал: “Лежит-с, совсем больны, не могут встать. Ругаются самыми скверными словами на чем свет стоит”. - “Что же делать, - философски рассудил барин, - ведь ему только одно это утешение осталось”.

Очень бедный деревенский патер служил в приходе, расположенном в прелестной местности, отличавшейся своим благоуханным воздухом. Однажды его посетил местный епископ и, между прочим, обратил внимание на чрезвычайную чистоту и мягкость воздуха. “Воздух прекрасный, владыко, - отвечал бедный патер. - Если бы этим воздухом можно было питаться, то мне тут было бы не житье, а рай”.

Какой-то человек в сопровождении своей собаки явился в рыбную лавку и осуществил весьма остроумный способ дарового приобретения товара. У купца в лавке были, между прочим, живые очень крупные морские раки (омары). Посетитель, войдя в лавку, протянул трость и забавлялся тем, что омары хватались за нее, оставляя на ней рубцы от нажима своих крепких клешней. Он удивился этой чрезвычайной силе и, между прочим, заметил, делая искусственно наивный вид, что, вероятно, раки так хватаются только за твердые предметы, а что если подставить что-нибудь мягкое, то рак не тронет.

- Ну вот еще! - воскликнул купец. - Не все ли равно ему, что хватать, мягкое или твердое. Вот, попробуйте-ка, подставьте ему хвост своей собаки. Увидите, что будет!

Посетитель тотчас кликнув своего пса, поставил его около посуды с омарами, схватил хвост собаки и протянул его к омару. Тот, разумеется, сейчас же стиснул хвост своей клешней.

- Ага, вот видите, я вам говорил, - торжествовал купец.

Между тем пес жестоко взвыл и заметался, стараясь вырваться из адских клещей. Но омар держал крепко свою добычу. Тогда хозяин собаки выпустил ее из рук, и бедное животное, разумеется, помчалось со всех ног из лавки, увлекая за собою омара.

- Кликните же вашу собаку, - бесновался купец. - Она разобьет моего омара. Позовите ее!

- Позовите вы вашего омара! - отвечал покупатель. - Неужели вы думаете, что собака послушается меня, когда омар вцепился ей в хвост! Да вы не беспокойтесь, я сейчас ее догоню!..

И сам покупатель, в свою очередь, пустился бежать вдогонку за своей собакой, и, разумеется, был таков.

За границей во многих местах в прежнее время существовали академии и разные другие ученые учреждения, отличавшиеся большой неразборчивостью при выборе своих членов, в число которых, разумеется, за деньги, попадали люди, которым просто из тщеславия было желательно облечь себя академическим титулом. Про такие академии рассказывали много забавных случаев. Так, сохранилось предание об одной из этих академий, находившейся во Франции и принимавшей за 50 франков кого угодно в число своих членов. В эту академию изъявил желание поступить какой-то извозчик. Он внес свои 50 франков и был принят. По наивности ли или желая посмеяться над ученым учреждением, он просил заодно зачислить в академию и свою лошадь, предлагая внести за нее ту же сумму. "Лошадей мы не принимаем, - серьезно отвечал ему председатель академии, - мы принимаем только ослов".

Какой-то господин брился в парикмахерской. Когда брадобрей приступил к делу, приготавливая мыло, правил бритву и т.д., посетитель заметил, что неподалеку от его стула уселась собака, уставилась на него, видимо насторожившись, не спускала с него глаз и при том поминутно облизывалась. Посетитель был заинтересован этим псом и спросил хозяина:

- Что это за собака и почему она так на меня остави-

лась?

- А, она уже тут, - улыбаясь, отвечал парикмахер. - Привыкла, ждет своей добычи.

- Какой добычи?..

- А, знаете, иной раз по неосторожности случается отхватишь бритвой или ножницами что-нибудь - ну, например, хоть кончик уха - разумеется, бросишь на пол. Она и подхватывает.

На суде разбиралось какое-то весьма щекотливое дело, возникшее на почве поправленной седьмой заповеди. Председатель обратился к потерпевшей стороне, престарелому супругу, с вопросом, сколько ему лет. Тот ответил, что пятьдесят. "Пятьдесят семь, - с живостью поправила супруга. - Прошу вас, г-н председатель, обратить внимание на это показание моего обвинителя".

Врач одного из парижских госпиталей прибегнул к весьма остроумному приему для излечения мнимого больного. Этот несчастный человек внушил себе убеждение, что у него во чреве поселился и живет уж. Врач, когда больной явился в госпиталь, с первых же расспросов убедился в том, что имеет перед собой человека, который от природы не отличался бойким разумом, а теперь, под влиянием своей навязчивой мысли насчет ужа, почти окончательно помешался. Спорить с ним, противоречить ему, убеждать его в том, что внутри его нет никакого ужа, было совершенно бесполезно. Опытный и умный врач принял совсем другую систему. Он внимательно выслушал больного, тщательно осмотрел его, ощупал и с важным видом объявил ему, что у него внутри действительно сидит змея, что ее очень легко можно прощупать. Больной был в восторге.

- Я так и знал, я был в этом уверен! - восклицал он. - Несколько времени тому назад мне случилось летом в жару напиться воды из болотца. Вот тут я его и проглотил. Только в то время он был еще совсем маленький; я и не почувствовал его, когда проглатывал; а вот теперь он внутри меня вырос. И я не знаю, что мне делать. Если его там оставить, он меня

всего пожрет.

- О, разумеется, - подтвердил доктор. - Оставлять его там невозможно. Надо его немедленно вырезать.

И вот больного уложили на операционный стол, завязали ему глаза, и доктор для видимости сделал ему на животе неглубокий надрез. Вытекшей кровью нарочно запачкал кучу разного тряпья, чтобы убедить больного, что ему сделали серьезную операцию. Само собою разумеется, что достали и живого ужа. Доктор схватил змею за голову и с торжеством воскликнул:

- Вот он попался!

Услышав это восклицание, больной сорвал с глаз повязку и жадными глазами уставился на паразита, пожиравшего его внутренности. Он был безмерно счастлив. Но это блаженное настроение продолжалось недолго. Доктору доложили, что больной снова впадает в прежнее заблуждение. Он поспешил к своему интересному больному и спросил его, что с ним, отчего он опять загрустил?

- Видите ли, доктор, мне вдруг пришло в голову, а что, если змея, пока она во мне сидела, народила маленьких и они там остались?..

Сообразительный доктор мгновенно оценил положение и, нимало не медля, самым спокойным и уверенным тоном сказал больному:

- Успокойтесь. Мы осмотрели змею, которая в вас сидела: это был самец.

Молодой человек приехал из глухой провинции в столицу, поступил в какое-то учебное заведение и принялся кушать. Посему через каждые две недели аккуратно родитель получал от него пространные послания, неизменно заключающие в себе просьбы о высылке денег. Само собою разумеется, что просьбы эти мотивировались текущими потребностями образования; деньги были нужны на книги, учебные пособия, бумагу, перья и т.д. Однако, родитель очень скоро догадался, а затем и фактически осведомился о том, что сынок тратит отчие деньги вовсе не на карандаши и перья, и потому дальнейшие субсидии на образование резко оборвал. Тогда

от сына было получено отчаянное письмо: "Сижу голодный, с квартиры гонят, удавлюсь, утоплюсь", и т.д. Отец, однако, остался непреклонным. Но материнское сердце не устояло перед рыданиями детища. Мать решила от себя послать сыну небольшую сумму денег. Отец написал ему суровое письмо, в котором с своей стороны упорно и наотрез отказывался тратить деньги на блудное детище. В конце же письма поместил наивную приписку: "При сем прилагаются двадцать франков, которые твоя мать посылает тебе без моего ведома".

Некто, желая сказать любезность известному писателю, засвидетельствовать ему, что ценит его произведения и постоянно их читает, говорил ему: "Не далее как вчера я так и заснул, держа в руках ваш последний роман".

Один богатый человек оставил завещание, в котором, между прочим, было выражено желание, чтобы его труп после смерти был вскрыт. "Ибо, - говорилось в завещании, - я непременно желаю знать причину моей смерти".

Какая-то девица написала одному из своих покровителей письмо с просьбою о деньгах. Но ей во что бы то ни стало желательно было выразить, что она чувствует необычайные угрызения совести, что обращение с просьбою стоило ей невероятной внутренней борьбы. Обуреваемая этими прекрасными чувствами, она в конце письма поместила такую приписку: "Мне было до такой степени совестно просить у вас денег, что когда я уже отправила это письмо с посыльным, я бросилась за ним вдогонку, чтобы отнять у него письмо и уничтожить его. Но, к сожалению, он уже ушел, и я не могла его воротить".

"Откуда приходят к нам трюфели?" - любопытствовал некто. Ему отвечали, что трюфели получают из колониальных стран, и что, в сущности, трюфель не что иное, как картошка, только выросшая под тропиками, в жарком климате. "Да, но почему же они черные?" - допытывался любопытст-

вующий, - человек, на простодушие которого смело можно было положиться. "Очень просто, - отвечали ему. - Они черны потому, что их возделывают негры".

Однажды судили какого-то человека за двоеженство. На суде председатель задал ему вопрос, что побудило его к этому преступлению? "Извините, г-н председатель, - отвечал он, - я считаю, что никакого преступления не совершил, и что у меня вовсе было не две жены, а одна. Ибо, что такое жена? Половина. Так ее все и называют. Говорят: моя дражайшая половина. А мне нужно было не половину, а целую жену. Ну вот, я и составил ее из двух половинок".

Горький пьяница, крепко загулявший, в одну прекрасную ночь явился в парижский морг (так называется в Париже учреждение, где выставляются трупы убитых, утопленников, вообще всех тех, кого правосудию желательно выставить на осмотр публики, чтобы их опознали), и начал изо всех сил стучаться. Сторожа морга окликнули его: кто там и что надо? "Это я, - отвечал пьяница. - Я пришел посмотреть, нет ли меня в морге. Я уж восьмой день не являюсь домой и начинаю беспокоиться, куда я девался".

Какой-то человек из простонародья захворал. Врач прописал ему лекарство в порошке, который он должен был принимать через два часа по кофейной ложке. Но врач был человек очень осторожный и потому распорядился, чтобы жена больного показала ему, какие у ней есть ложки. Осмотрев эти ложки, врач увидал, что они не годятся: одна мала, другая велика, а лекарство надо было принимать в определенной дозе, потому что оно принадлежало к числу сильнодействующих. Поэтому врач распорядился, чтобы больной принимал количество порошка, равное по весу одному дукату - ни больше, ни меньше. Посетив на другой день больного, врач с удивлением и беспокойством заметил, что ему стало гораздо хуже. Он, конечно, тотчас же накинулся на жену и спросил ее, как она больному давала лекарство. "Давала, как вы приказали,

- отвечала женщина. - Отвешивала порошка на дукат". Врач заглянул в коробку, где был порошок. Она была пуста. Между тем, порошка должно было хватить на несколько дней. На вопрос, как она отвешивала порошок, жена показала доктору целую кучу серебряных монет со словами: "Вот, извольте посмотреть сами. Пересчитайте, тут ровно на один дукат серебра. А золотого дуката у нас не было в доме".

Однажды в гостинице встретились англичанин и немец. Оба были страшно голодны, а в гостинице для них нашлась только ножка индюка. Приходилось им эту ножку поделить между собой. Но порция была до такой степени ничтожна, что они решили овладеть ею по жребию. И придумали они такой способ состязания. Каждый из них должен был ухватиться зубами за конец ножки, и кто ее вырвет у другого, тому она и достанется. Когда кость была поставлена в надлежащую позицию, англичанин, по обычаю своей нации, крепко сжав зубы, проговорил: "Are you ready?" (готовы ли вы?). - "Ja! (да!)", - отвечал немец, разевая рот, причем, разумеется, как ворона в басне, выпустил из зубов свою добычу, которая и досталась англичанину.

- Здорово приятель! - с радостью вскричал какой-то господин, встретив на улице своего знакомого. - А я как раз шел к тебе.

- Зачем?

- Мне, брат, до зарезу надо двадцать рублей. Одолжи, сделай милость.

- С удовольствием бы дал, да у меня у самого всего пятнадцать...

- Ничего, давай пятнадцать пока; пять рублей будешь должен.

Одна барыня устроила у себя музыкальный вечер, на который пригласила очень известную певицу. Но у этой особы, наряду с ее превосходным голосом, был большой изъян в физиономии; она обладала уморительным, совсем крошечным носом. У хозяйки же дома был маленький сын, мальчик ша-

ловливый, очень неосторожный и бесцеремонный. Хозяйка опасалась, что мальчуган непременно заметит этот комический нос и скажет о нем какую-нибудь глупость. Поэтому она заранее сделала ему строжайшее внушение, чтобы он не смел ни под каким видом ничего говорить об этом носе. Ее предвидение вполне оправдалось. Мальчуган на самом деле не сводил глаз с лица певицы, и видно было, что у него страшно чесался язык. Но он преодолел себя. В конце вечера он улучил минутку и потихоньку сказал матери: "Мама, я понять не могу, отчего ты мне не велела ничего говорить о носе этой барыни. Ведь у ней совсем нет носа, так о чем же я буду говорить?"

Старый друг дома спрашивал у шестилетней девчурки, кого она больше любит, кошку или куклу. Девочка сказала ему шепотом на ушко: "Я больше люблю кошку, только ты, пожалуйста, не говори этого моей кукле".

Умиравший старик уговаривал свою молодую жену, чтобы она после его смерти выходила замуж за кого ей угодно, только не выходила бы за такого-то, потому, что тот человек причинил ему при жизни много огорчений. "О, будь спокоен, мой друг, - сказала жена, - за него я не пойду, потому что я уже дала слово другому".

У одного глуповатого господина был сын, получивший от родителя весьма поверхностное воспитание и потому сформировавшийся в великого оболтуса и грубияна. Однажды в крутом разговоре с родителем этот сыночек позволил себе назвать его дураком. "Знаешь ли что? - сказал ему огорченный отец. - Если бы я осмелился сказать моим родителям только половину того, что ты говоришь мне, так они задали бы мне звону!" - "Хороши были ваши родители, нечего сказать", - проворчал сын. "Получше твоих, бездельник!" - закричал на него отец.

Купец продавал свое торговое заведение. По объявле-

нию к нему явился покупатель, осмотрел лавочку и остался совершенно доволен. “Мне ваш магазинчик нравится. Он такой маденький, уютный, скромный на вид. Я человек уже пожилой, мне не по возрасту возиться с большим предприятием. Мне надо занятие тихое, спокойное”. - “О, милостивый государь, - утешил его продавец, - ручаюсь вам, что не найдете лавочки спокойнее нашей: к нам иной раз целыми днями никто и не заглянет”.

Какая-то госпожа, в музыке не очень сведущая, пригласила к себе на вечер знаменитого пианиста и созвала гостей, чтобы послушать его игру. Музыкант уселся за рояль и начал играть свое последнее произведение, сплошь состоявшее из хроматических гамм, головокружительных агреггио, каденц и т.д. Публика слушала его с примерным терпением, но в простоте души полагала, что человек не играет, а только так пробует инструмент, чтобы размять пальцы. Поэтому, когда он кончил, хозяйка с любезною улыбкой попросила его: “Ну, а теперь сыграйте же нам что-нибудь”.

Двое вралей заспорили о своих землях и об изобилии в них плодов земных. Один говорил, что у них в реке такая пропасть рыбы, что в полчаса можно наловить ее удочкою целый пуд. “Эка невидаль! - расхохотался другой. - Вот у нас в реке так там и воды-то совсем не видать - сплошь одна рыба”.

У французов есть особый тип, носящий имя Голяр - нечто вроде нашего Иванушки-дурачка. Насчет этого Голяра охотно относят всевозможные подвиги глупости, тупоумия и несообразительности. Так, Голяр-хозяин в один прекрасный день задумывает вычистить свой двор, на котором накопилась бездна всякого мусора. Ему говорят, что такую кучу не свезти со двора своими средствами. Голяр отвечает, что нет надобности куда вывозить мусор, а надобно вырыть яму во дворе и туда его свалить. Его спрашивают куда же деть землю, вырытую из ямы? Он отвечает: “Экие вы дураки, ничего сообразить не можете! Ну, выройте яму побольше, в нее

все войдет: и мусор, и земля”.

Тот же Голяр в компании с каким-то приятелем задумывает ехать на дачу. Времени остается немного, и приятель ему говорит: “Надо спешить: поезд идет в семь часов, а теперь шесть три четверти”. - “Передвиньте стрелку на часах, - говорит Голяр, - вот у нас и будет времени сколько угодно”.

К о н е ц .

Оглавление

Улыбки веков и народов	5
Предисловие	9
Древне-классический мир	15
Средние века и эпоха Возрождения	57
Последние столетия	103
Русские остроумцы	256
Китайское остроумие	294
Народное остроумие индусов	303
Турецкое остроумие	315
Мозаика	323

*

Всемирное остроумие

**Сборник изречений, метких мыслей,
острых слов и анекдотов всех времен
и народов.**

*

Редактор **Дзама В.А.**
Оформление
художника **Куманькова А.В.**
Компьютерная
верстка **Яламов С.В.**

ЛР №063157
от 03.12.1993.

Подписано в печать 19.07.95. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 10000 экз. Объем 20.16 усл. п.л.
Заказ № 366.

ТОО Издательский центр "Феникс",
141980, г.Дубна, М.О., пер.Хлебозаводской, д.24,к. 802

Качество воспроизведения соответствует качеству
представленного оригинал-макета

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Издательский центр "Феникс" готовит к изданию:

- книгу "Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей" - переиздание вышедшей в 1878 году в России книги, являющейся попыткой свода воедино мыслей, наставлений, житейских советов и правил, в свое время высказанных людьми знаменитыми и авторитетными (составлена и переведена по французским источникам Н. Макаровым). Книга содержит более восьми тысяч афоризмов, относящихся ко всему, что составляет обширную область человеческого мышления и чувства, ума и сердца. Настоятельная потребность в такой книге очевидна, так как нет, пожалуй, просвещенного человека, кем бы он ни был - писателем, бизнесменом, врачом, промышленником, коммерсантом, ученым, студентом или депутатом, - которому время от времени не приходилось бы для того, чтобы подкрепить и лучше доказать высказанное, усилить свои доводы или, быть может, утвердиться в правоте своих поступков, - цитировать мысли и суждения, искать совета в разных жизненных ситуациях у великих людей прошлого, слова которых составляют авторитет. Наконец, эта книга просто удобна хотя бы потому, что афоризмы приведены в алфавитном порядке, и нет ничего проще, как найти нужное слово и узнать, что по тому или иному поводу говорили Великие. В отличие от издания 1878 года, где фамилии авторов приведены на французском языке, что не совсем удобно для российского читателя, в настоящем издании приведены их русские соответствия в современной транскрипции, а в конце книги приведен подробный именной указатель. Объем книги ориентировочно 20 печ. листов.

- книгу венгерского писателя Иштвана Рат-Вега (известного у нас по своей "Комедии книги") "История человеческой глупости". Это одна из нескольких, написанных автором книг, в которых он дает своеобразную и весьма забавную интерпретацию истории человечества в курьезах, в данном случае предмет исследования писателя - человеческие заблуждения и поистине безграничная глупость.

- сборник произведений французского писателя XVI века Агриппы д'Обинье. В сборник войдут его мемуары "Моя жизнь моим детям" и знаменитый сатирический роман "Приключения барона Фенеста". Роман написан в форме диалогов между умудренным жизненным опытом пожилым протестантом господином Эне (по гречески это слово означает "быть") и молодым вертопрахом, бароном Фенестом (по-гречески "слыть") - беспринципным и беззастенчивым искателем приключений, напоминающего собою то известных нам Хлестакова или барона Мюнхгаузена, то такого незадачливого простофилю. Придворные обычаи, искусство нравиться женщинам и сильным мира сего, способ выйти в люди и преуспеть при дворе, религиозные распри и войны, дуэли, - да нет, пожалуй, темы, которой не касались бы собеседники в диалогах, пересыпанных анекдотами о реальных личностях, близко знакомых самому Агриппе д'Обинье, который с беспощадным юмором бичевал нравы своей бурной эпохи. Автобиографические мемуары "Моя жизнь моим детям" дают представление о самом авторе, одном из ярких деятелей общественной жизни Франции второй половины XVI века.

В планах издательства также:

Брийя-Саварен А. "Физиология вкуса";
Гиппель Т. "О браке";
Монфокон де Виллар "Граф Габалис";
Лафонтен Жан К "Басни";
Бероальд де Вервиль "Способ выйти в люди";
Бэньян Б. "Путь паломника";
Грасиан Б. "Искусство острого разума";
и другие.

Приглашаем к сотрудничеству переводчиков, издателей, книготорговцев для совместного производства книг, отличающихся оригинальным содержанием, интересных для самой широкой читающей общественности.

**ТОО "Издательский центр <<Феникс>>
Россия, 141980, Московская область, г. Дубна,
пер.Хлебозаводской, д.24, кв.802.
тел (08221) 591-58, 209-02**

СБЕРБАНК России **Сохранность Ваших средств
гарантируется государством.**

Дубненское отделение №7816 Сбербанка России.

- **Привлекает денежные средства частных лиц во вклады в рублях и в валюте.**
- **Размещает сертификаты, векселя Сбербанка России.**
- **Осуществляет:**
 - переводы средств частных лиц;
 - обслуживание рублевых и валютных счетов юридических лиц;
 - переводы в инвалюте из Внешэкономбанка, других банков России и за рубеж.

г. Дубна, Московская обл.
ул. 9^а Мая, д. 3

(095)926-22-29
(09621) 202-57

